

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER LIBRARY

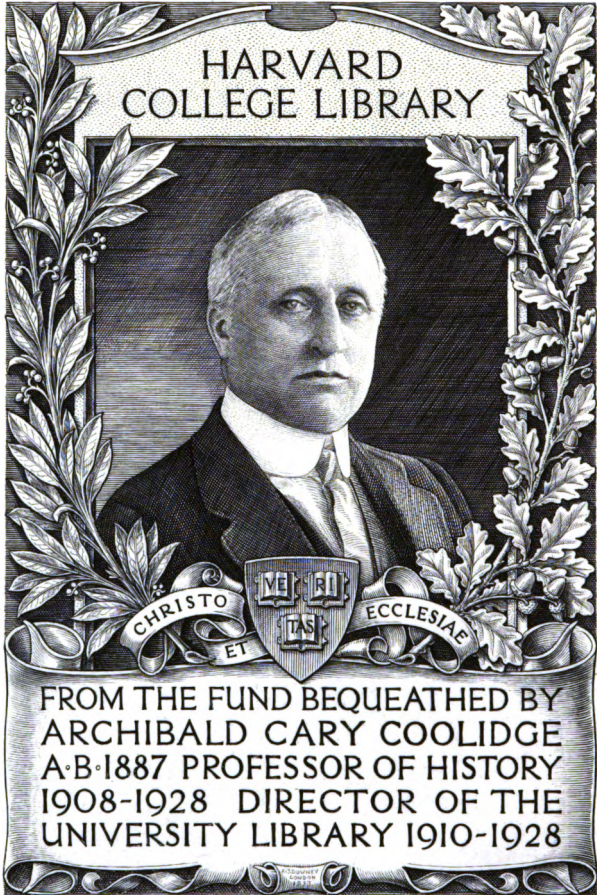

HX 3W2P Q

3 2044 014 108 070

Slav 841.20

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ

XVIII ВѢКА

ПО АРХИВНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ

Александра Барсукова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Товарищества «Общественная Польза»
Б. Подъячская, М 39
1885

Slav 841.20

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
COOLIDGE FUND
April 29, 1938

EE

*1108
45.50
110*

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Иосафъ Ватуриноъ (Эпизодъ изъ исторіи царствованія Елисаветы Петровны)	1
Узникъ Спасо-Евгеніева монастыря	33
Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ	59
Гатчинскія преданія объ Орловѣ	191
Батюшковъ и Опочининъ (Слѣдственное дѣло „о говореніи важныхъ злодѣйственныхъ словъ“)	195
Шеловские авантюристы	243

ЮАСАФЪ БАТУРИНЪ.

(Эпизодъ изъ исторіи царствованія Елисаветы Петровны).

I.

Къ числу бѣдственныхъ годовъ, пережитыхъ многострадальною Москвою, безспорно слѣдуетъ отнести 1748 и 1749 годы Елисаветинскаго царствованія. То была самая суровая пора въ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. Правительство, въ видахъ обезпеченія болѣе правильнаго платежа податей, принуждено было предпринять, около того времени, рядъ мѣръ, очевидно клонившихся къ приерѣвленію податнаго сословія и расширенію предѣловъ господской власти. Такъ, въ 1742 году, повелѣно было произвести новую все-народную перепись ¹⁾. Главная цѣль этой мѣры опредѣлялась слѣдующими словами инструкціи, данной ревизорамъ: „дабы ни одинъ безъ положенія не оставался“. Такимъ образомъ, законъ стиралъ послѣдніе признаки личной свободы. Служилый человѣкъ долженъ былъ записаться въ службу за государствомъ, податной—въ подушный окладъ за всякимъ, кто только приметъ его и обяжется платить за него подушную подать. Люди, слывшіе до того времени вольными и

¹⁾ По счету—вторая. Первая производилась при Петрѣ Великомъ, въ 1719 году.

Разказы изъ Русск. ист.

обязанные теперь непременно прискаать себя господина, могли еще по крайней мѣрѣ выбирать себя этого господина, по своему желанію, и входить съ нимъ въ нѣкоторыя условія закрѣпощенія, но вскорѣ они лишились даже и этой, весьма скромной, льготы. Законъ 14 марта 1746 года, предоставившій право имѣть крѣпостныхъ людей одному лишь малочисленному дворянству ¹⁾, окончательно стѣснилъ свободныхъ бѣдняковъ: они должны были теперь просить уже какъ милостыни, чтобы кто нибудь изъ дворянъ взялъ ихъ къ себѣ въ вѣчное рабство, съ обязательствомъ платить за нихъ подати, а которые не успѣвали въ этомъ, тѣхъ записывало въ кому либо само правительство, по своему усмотрѣнію, или же ссылало для поселенія въ Оренбургъ, а то и въ работу на казенные заводы. Крестьяне протестовали противъ такого неестественнаго порядка вещей своимъ обычнымъ способомъ: они толпами бѣжали отъ тягостей крѣпостнаго состоянія въ Астраханскія и Оренбургскія степи, въ Сибирь, въ Прибалтійскія провинціи, въ Польшу, Пруссію и даже въ басурманскую Турцію. Изъ оставшихся дома, одни покорно записывались въ вѣчную и безусловную крѣпость, другіе бѣжали „для вольныхъ работъ“ на фабрики, заводы, но тамъ попадали въ пушюю неволю къ фабрикантамъ; наконецъ, самые озлобленные—разрывали всѣ связи съ обществомъ и жестоко мстили ему разбоями, достигшими въ ту пору до небывалыхъ размѣровъ. Темные закоулки Москвы и окружающія ее слободы всегда представляли гостепріимный и безопасный пріютъ для всякихъ „вольныхъ, прихожихъ и гулящихъ людей“. Въ описываемое время, бѣгле крестьяне и дворовые люди отовсюду стекались въ Бѣлокаменную и не замедлили дать знать о своемъ присутствіи рядомъ поджоговъ и отертыхъ грабежей, распространявшихъ всеобщую панику. „Всѣ свободные люди, — читаемъ въ частномъ письмѣ

¹⁾ Полн. Собр. Закон. 1746 г № 9267.

изъ Москвы, отъ 26 мая 1748 года, — оставя свои дома, выѣзжаютъ въ деревни, ктожь не имѣетъ деревень, всѣ выѣхали на поле и тамъ живутъ, а бѣдные, кому лошадей нанять нечѣмъ, на себѣ вытаща скарбишки свои, расположились и живутъ по пустырямъ, гдѣ и спасеніе отъ такихъ пожаровъ худое, да куда же дѣться? Копаютъ великія ямы и свои пожитки туда прячутъ, чего, чаю, отъ Польскаго раззоренія не бывало... Притомъ, жары великіе и вихри были, ржи засохли, а яровое не всходитъ“¹⁾. Какъ велики были тогдашнія бѣдствія Москвы, можно видѣть и изъ того, что даже въ Петербургѣ признали необходимымъ разставить гвардейскіе пикеты около дворцовъ, на площадяхъ и на улицахъ ближайшихъ къ Московской дорогѣ, „дабы съ той стороны никакой злодѣй вѣраться и такое же зло учинить не могъ, понеже всѣмъ извѣстно — какъ сказано въ именномъ указѣ — какое въ Москвѣ, отъ огненнаго запаленія, какъ уже явно оказалось, отъ большей части злодѣями чиненнаго, чрезъ частые пожары многое раззореніе воспослѣдовало“²⁾.

Въ такое то тревожное время императрица Елисавета Петровна задумала переѣхать со всѣмъ дворомъ, синодомъ, сенатомъ и коллегіями въ Москву, гдѣ и имѣла пребываніе съ декабря 1748-го по декабрь 1749 года. Если при этомъ предполагалось обезпечить порядокъ въ древней столицѣ, то цѣль эта, кажется, не была достигнута. Не смотря на присутствіе двора и высшихъ правительственныхъ учреждений, проживающіе въ Москвѣ, „господскіе люди не только ночью, но и днемъ проѣзжихъ грабили и убивали“³⁾, а въ Московскомъ уѣздѣ „разбойники жгли обывателей въ ихъ домахъ“. Весьма знаменательно, что при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, императрица, повидимому, болѣе рассчиты-

1) Архивъ князя Воронцова, кн. IV, стр. 9.

2) Полн. собр. Закон. 1748 г. № 9503.

3) Тамъ-же, № 9574.

вала на силу нравственнаго примѣра, нежели на репрессивныя мѣры. Большую часть времени она посвящала молитвѣ и богомольнымъ путешествіямъ за городъ, по примѣру своего благочестиваго дѣда. Камеръ-фурьерскій журналъ печальнаго 1749 года почти исключительно наполненъ записями объ этихъ царскихъ выѣздахъ, между которыми особенно замѣчательнъ, такъ называемый, „Троицкій походъ“. Это богомольное путешествіе въ Троице-Сергіеву лавру, совершенное императрицею, по объѣту, пѣшкомъ, началось 3-го іюня и продолжалось съ перерывами, до самаго Петрова дня. Такое тихое шествіе можетъ быть происходило и оттого, что съ переѣздомъ въ Москву императрица безпрестанно заболѣвала спазмами и коликою, причинявшими ей большія страданія. Пройдя двѣ-три версты „пѣша“, императрица садилась въ карету или останавливалась въ попутномъ селѣ, а иногда возвращалась назадъ; потомъ снова „выступала въ походъ“ и непременно проходила пѣшкомъ то пространство, которое передъ тѣмъ проѣзжала въ каретѣ. Вѣроятно погода благоприятствовала этому путешествію, потому что не только обѣдъ и ужинъ, но даже и ночлегъ приготовлялись подъ открытымъ небомъ, на лугу, въ раскинутыхъ шатрахъ. Такимъ образомъ, императрица дошла до села Братовщины (въ 30-ти верстахъ отъ Москвы) лишь 9-го іюня. Пробывъ здѣсь двѣ ночи, императрица поспѣшно возвратилась въ столицу, оставивъ въ одномъ селѣ караульныхъ лейбъ-гвардіи офицеровъ“¹⁾. Такой неожиданный перерывъ путешествія очевидно былъ вызванъ какимъ нибудь чрезвычайнымъ случаемъ. И дѣйствительно, въ то время, на одной изъ самыхъ значительныхъ Московскихъ суконныхъ фабрикъ произошли беспорядки, имѣвшіе, повидимому, тѣсную связь съ общимъ крестьянскимъ движеніемъ. Рабочіе той фабрики вдругъ оставили

¹⁾ Камеръ-фурьерскій церемональный, банкетный и походный журналъ 1749 года, во время пребыванія Высочайшаго двора въ Москвѣ.

работу и разбрелись по Московскимъ харчевнямъ и фортинамъ, наводя на всѣхъ ужасъ безопадными грабежами и убійствами. Нужно сказать, что положеніе фабричныхъ того времени было отчаянное. Это былъ готовый матеріалъ для всякой смуты, припасенный самимъ правительствомъ. Еще въ царствованіе Анны Ивановны, содержатель Ярославской полотняной фабрики Иванъ Затрапезный, полотняной и парусной фабрики — Аванасій Гончаровъ и друг. фабриканты неоднократно представляли сенату, что „размноженію и сповойному содержанію“ заведенныхъ ими фабрикъ, препятствуетъ недостатокъ въ мастерахъ, подмастерьяхъ, ученикахъ и работныхъ людяхъ. Вслѣдствіе чего, въ 1736 году, состоялся именной указъ, коимъ повелѣно было „оставить вѣчно при фабрикахъ“ всѣхъ тѣхъ, которые обучились на оныхъ какому-нибудь мастерству, а на будущее время, „на тѣхъ фабрикахъ вслѣдимъ мастерствамъ обучать и въ мастера производить изъ дѣтей вышечисанныхъ, отданныхъ имъ вѣчно“. За тѣмъ, „кто изъ тѣхъ вѣчно отданныхъ въ фабрикамъ сбѣжитъ на прежнее жилище или въ иныя мѣста, тамъ нигдѣ не принимать и не держать, а поймавъ, приводить и объявлять въ городахъ воеводамъ, а имъ учиня наказаніе, отсылать на тѣ же фабрики, откуда бѣжали... А кто изъ нихъ явится невоздержные и ни въ какому ученію неприлежные, о тѣхъ самимъ фабрикантамъ, по довольномъ, домашнемъ наказаніи, объявлять въ коммерцъ-коллегію, откуда, по свидѣтельству фабрикантскому, ссылать въ ссылки въ дальніе города или на Камчатку въ работу, чтобъ другимъ былъ страхъ“. Такимъ образомъ, тѣ несчастные, которые имѣли неосторожность научиться мастерству, отдавались съ потомствомъ въ полную собственность фабриканта. Всѣхъ же тѣхъ, которые состояли на фабрикахъ „при черныхъ работахъ, отдать чьи они были, а впредь въ тѣ работы нанимать вольныхъ съ пашпортами“. Тогда же предоставлено было фабрикантамъ „и впредь покупать на свои ману-

фактуры и фабрики людей и крестьянъ токмо безъ земель и не цѣлыми деревнями“¹⁾. Какъ тяжело было жить фабричнымъ рабочимъ, при такихъ широкихъ правахъ фабриканта, краснорѣчивѣ всѣхъ описаній свидѣлствуютъ „происшествія на фабрикахъ“ подобныя тому, которое заставило императрицу Елисавету Петровну прервать свое богомольное шествіе къ Троицѣ.

12 іюня 1749 года, содержатель Московской суконной фабрики Ефимъ Болотинъ съ товарищи, подали въ мануфактуръ-коллегію объявленіе²⁾ о томъ, что „записанные при той фабрицѣ, по силѣ именнаго указа 1736 года, работные люди, невѣдомо съ какимъ умысломъ, суконное дѣло оставили и упрямствомъ своимъ работать не хотятъ, и за такую ихъ остановкою, имъ никакими мѣрами суконъ выставить и фабрики содержать не возможно“³⁾. Фабриканты требовали, чтобы „объявленнымъ работнымъ людямъ, за ихъ своевольство и непослушаніе, когда пойманы будутъ, учинить наказаніе, малолѣтнихъ, вмѣсто кнута, плетьюми, а немалолѣтнихъ—десятаго кнутомъ“. Коллегія вызвала трехъ работни-

¹⁾ Полн. Собр. Закон. 1736 г. № 6858.

²⁾ Полн. Собр. Закон. 1749 г. № 9643.

³⁾ Московская суконная фабрика Болотина, учрежденная въ 1736 году Московскими купцами: Еремѣевымъ, Васильковымъ, Товаровымъ, Носыревымъ, Колобовымъ, Журавлевымъ и Бабкинымъ, находилась въ Замоскворѣчѣ, въ приходѣ Космы и Даміана въ Кадашахъ, на старомъ Денежномъ дворѣ, называемомъ Кадашевскимъ (Описание императ. столиц. города Москвы. собр. въ 1775 г. Рубаномъ. Спб. MDCCCLXXXII, стр. 134) Учредители получили изъ казны, заимообразно, денежную ссуду, въ размѣрѣ 10 т. рублей, безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы сумма эта была возвращена въ 3 года поставкою мундирныхъ суконъ или монетою. Въ высочайшей привилегіи, данной учредителямъ, между прочимъ, выражено: „повелѣваемъ оную фабрику размножить сильною рукою, а не подъ видомъ содержать, чтобы оною отъ служебъ и отъ постоевъ быть свободнымъ и въ дѣланіи мундирныхъ на войска наши суконъ тѣдиться съ усерднымъ радѣніемъ, дабы дѣланы были самага добраго качества и изъ доброй шерсти и добротою бѣ часть отъ часу лучше“ (Полн. Собр. Зак. 1736 г. № 7060). По уплатѣ ссуды, фабриканты обязались, контрактомъ, поставлять на войска по 100 т. аршинъ сукна въ годъ. Соловьевъ въ Исторія Россіи Т. XXIII, М. 1873, стр. 28).

ковъ, изъ 120 человѣкъ оставшихся на фабрикѣ, и спросила ихъ: „чего ради той мануфактуры мастеровые и работные люди многіе, оставя суконное дѣло, съ мануфактуры разошлись?“. Тѣ отвѣчали, что не знаютъ почему „тѣ работные люди собою самовольно болѣе 800 человѣкъ¹⁾ сошли и какого ради вымыслу суконное дѣло оставили и къ работѣ не являются... А они-де, и въ томъ числѣ отлучившіеся съ фабрики, отъ содержателей заработныя деньги получаютъ всё сполна, безъ удержанія и работу фабриканты даютъ непрерывно“. Коллегія дала знать о случившемся происшествіи въ Московскую полиціймейстерскую канцелярію, которая, хотя и была въ то время въ большихъ хлопотахъ по дѣлу извѣстнаго вора-сыщика Ваньки Каина, однако, не замедлила назначить особую команду для поимки бѣглыхъ фабричныхъ. Начальнику этой команды, капитану Ивану Павлову, удалось, наконецъ, розыскать въ разныхъ воровскихъ притонахъ 381 работника, которыхъ онъ и возвратилъ на фабрику 26 іюня, но въ тотъ же день содержатели фабрики донесли мануфактуръ-коллегіи, что рабочіе, возвращенные полиціею, „упрямствомъ своимъ къ работѣ нейдутъ и чинятся имъ противны“. Члены коллегіи отправились всѣмъ собраніемъ на фабрику и „наикрѣпчайше приказывали“ рабочимъ „вступить въ работу“, но тѣ единогласно объявили, что „о чинимыхъ имъ отъ фабрикантовъ обидахъ и непрестанныхъ жестокихъ наказаніяхъ, они подали прошеніе ея

¹⁾ Закономъ было установлено сколько крестьянскихъ душъ могло быть приписано къ каждой фабрикѣ. На суконныхъ фабрикахъ пропорція эта опредѣлялась по числу становъ, полагая на каждый по 42 души; изъ общаго числа работниковъ предписывалось употреблять на дѣйствительную фабричную работу $\frac{1}{3}$ часть, а прочіихъ имѣть у черныхъ работъ, на принадлежащихъ фабрикамъ земляхъ, мельницахъ и т. п. Такимъ образомъ, при суконной фабрикѣ Ефима Болотина, имѣвшей 170 становъ, по штату положено было 7140 рабочихъ, изъ нихъ собственно для фабричнаго производства только 1428 чел. Само собою разумѣется, что на лицо могло состоять гораздо меньше, сообразно съ обстоятельствами и нуждами фабрики.

императорскому величеству и доколѣ на оное ихъ челобитье указъ не воспослѣдуетъ, по то время въ работу не пойдутъ“. Собраніе начало усовѣщевать ослушниковъ и предлагало имъ объяснить свои нужды и неудовольствія непосредственно самой коллегіи, не утруждая императрицы; но фабричные, по исконной народной ненависти къ „приказному люду“, не желали объясняться съ чиновниками и добивались суда царскаго. Тогда члены коллегіи положили наказать „пущихъ заводчиковъ“¹⁾, для страха другихъ, кнutomъ, но предварительно распорядились развести прочихъ фабричныхъ въ палаты, „дабы при томъ наказаніи не учинено было отъ нихъ какого возмущенія“. Рабочіе не хотѣли идти въ палаты, „однакоже въ тѣ палаты и по неволѣ введены“. Но какъ только начали наказывать перваго изъ „заводчиковъ“, — ткача Терентія Аванасьева, „работные люди изъ палатъ великимъ гвалтомъ бросились въ двери и команду отбили знатно, хотя его, Аванасьева, отъ наказанія избавить“. Если бы не капитанъ Павловъ, во время подоспѣвшій съ своею командою, фабричные „уповательно учинили бы немалыя злодѣйства“. Наказаніе зачинщиковъ только раздражило ихъ товарищей. Всѣ они, за исключеніемъ 20 человекъ „объявили, что въ работу не пойдутъ и не пошли и учинились противны“. Къ 30 іюня, дѣла Ефима Болотина нѣсколько улучшились. Въ тотъ день онъ донесъ мануфактуръ-коллегіи, что только 127 человекъ „въ работу упрямствомъ своимъ не вступаютъ“ и что въ бѣгахъ еще осталось 586 человекъ. За тѣмъ, 7 іюля, состоялось сенатское опредѣленіе, по коему десятаго человека изъ 127 упомянутыхъ работниковъ, приказано бить кнutomъ, а послѣ того, вмѣстѣ съ прежде наказанными коллегіею, „заковавъ въ кандалы, сослать въ Рогервикъ въ работу, а остальныхъ ослушниковъ

¹⁾ Т. е. главныхъ зачинщиковъ: Терентія Аванасьева, Федора Васильева, Дмитрія Шубина, Сергѣя Козмина и Дмитрія Перфильева.

наказать плетью „и велѣть вестъ въ палаты и въ работѣ принудить“. По этому опредѣленію, 8 іюля, въ день празднованія Казанской Божіей Матери, на Большомъ сукономъ дворѣ публично наказывали фабричныхъ кнutomъ и плетью, заковывали въ кандалы и снаряжали въ ссылку... Такое явное неуваженіе въ свято-чтимому празднику должно было произвести тяжелое впечатлѣніе на жителей столицы. Можетъ быть оно вызвало даже какіе нибудь новые безпорядки; прямыхъ указаній на это не имѣется, но только извѣстно, что черезъ два дня состоялся именной указъ о томъ, „чтобы впредь съ сего времени въ праздничные и викторіальные дни никакихъ экзекуцій никому не чинить“¹⁾.

Между тѣмъ, еще 21 іюня, въ самый разгаръ буйства фабричныхъ, императрица Елисавета Петровна уѣхала въ село Братовщину, для продолженія прерваннаго путешествія, приказавъ при этомъ вел. кн. Петру Ѳеодоровичу и вел. княгинѣ, остававшимся до того въ Москвѣ, переѣхать, на время Троицкаго похода, въ имѣніе Чоголовыхъ—д. Раево, въ 11 верстахъ отъ Москвы, по Троицкой дорогѣ. Распоряженіе это, безъ сомнѣнія, имѣло нѣкоторую связь съ ходившими въ то время слухами о разстроенномъ здоровьѣ императрицы и о возможности скорой ея кончины, слухами, породившими столько соблазнительныхъ предположеній и догадокъ о дальнѣйшихъ судьбахъ русскаго престола. Повтореніе при этомъ имени Іоанна Антоновича представлялось даже опаснымъ, въ виду того возбужденнаго настроенія, въ которомъ находились жители столицы. Къ тому-же и въ лицѣ вел. кн. Петра Ѳеодоровича всякій видѣлъ единственнаго внука Петра Великаго, а слѣдовательно имѣвшаго больше державныхъ правъ нежели сама Елисавета Петровна... Все это, конечно, раздражало императрицу и дѣлало ее подозрительною даже въ членамъ своей семьи. Отсылая молодой дворъ, на время

¹⁾ Полн. Собр. Закон. 1749 г. № 9646.

своего отсутствія изъ столицы, къ такимъ надежнымъ людямъ, какъ Чоглоковы ¹⁾, она могла спокойно продолжать свое богомольное путешествіе.

Послѣ отъѣзда императрицы, Московскіе беспорядки усилились до такой степени, что правительство принуждено было, наконецъ, прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Именнымъ указомъ 25 іюня повелѣно было „для искорененія злодѣевъ, полицейскую Московскую команду усилить солдатами изъ полевыхъ полковъ“. Въ скоромъ времени, изъ среды этихъ самыхъ войскъ выступилъ на сцену человѣкъ, задумавшій было воспользоваться Московскою неурядицею, для совершенія государственнаго переворота. То былъ Іоасафъ Батуричь, подпоручикъ Ширванскаго пѣхотнаго полка.

II.

Іоасафъ Андреевичъ Батуричь, принадлежа къ старинной дворянской фамиліи, получилъ и соответствующее своему общественному положенію образованіе. Онъ воспитывался въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, въ одно время съ А. П. Сумароковымъ, А. В. Олсуфьевымъ и княземъ Мих. Никит. Волконскимъ, столь извѣстными дѣятелями Екатерининскаго царствованія. Батуричь поступилъ въ корпусъ въ апрѣлѣ 1732 года и въ апрѣлѣ же 1740 г. выпущенъ былъ въ армію прапорщикомъ, съ слѣдующимъ аттестатомъ: „переводить съ Нѣмецкаго на Россійскій языкъ легкихъ авторовъ; рисуетъ красками; геометрію и практику окончалъ; фехтуеть въ контру; Нѣмецкую ореографію начинаетъ“ ²⁾. О поведеніи Батурина умалчивается въ аттестатѣ и очень

¹⁾ Припомнимъ, что Николай Наумовичъ Чоглоковъ былъ женатъ на близкой свойственницѣ государыни — гр. Марѣ Симоновнѣ Гендриковой.

²⁾ Именной списокъ всемъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ Штабъ-Оберъ-Офицерамъ и Кадетамъ. Спб. 1761 ч. I. стр. 27.

можетъ быть потому, что не представлялось возможнымъ сказать что нибудь въ пользу аттестуемаго.

Гораздо позже, Екатерина, въ своихъ Запискахъ, охарактеризовала Батурина весьма непривлекательными чертами. По ея словамъ, это былъ обремененный долгами игрокъ, слышій негодяемъ, но обладавшій весьма рѣшительнымъ нравомъ ¹⁾.

Еще въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, Батуринъ, служа прапорщикомъ въ Луцкомъ драгунскомъ полку, былъ приговоренъ, „по содержанному надъ нимъ фергеру и кригсрехту“, къ смертной казни, „за непристойныя, противныя и неучтивыя слова“ противъ своего полковника фонъ-Экина, а также за ложное сказываніе „слова и дѣла по первому пункту“ за тѣмъ-же полковникомъ и за прапорщикомъ княземъ Козловскимъ. Военная коллегія нѣсколько смягчила этотъ суровый приговоръ: Батуринъ былъ лишень прапорщичьяго чина и патента и посланъ на три года въ Сибирь, въ казенныя работы, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи этого срока, былъ опредѣленъ до выслуги въ солдаты. Изъ Сибири Батуринъ опять объявилъ за полковникомъ фонъ-Экинымъ и княземъ Козловскимъ „слово и дѣло“, вслѣдствіе чего былъ вызванъ въ тайную канцелярію, гдѣ объяснилъ, что однажды, въ присутствіи Экина и князя Козловскаго, онъ сказалъ: „куда-де какъ хорошо выстроенъ въ Курляндіи дворецъ бывшаго герцога Курляндскаго! Ежели-бы-де можно было перенести его въ Москву или въ Петербургъ!“. На это полковникъ Экинъ, въ присутствіи князя Козловскаго, отвѣтилъ, будто-бы: „тотъ-де дворецъ затѣмъ хорошо выстроенъ, что Государыня Анна Иоанновна любила герцога.....“

¹⁾ Записки императрицы Екатерины II. Лондонъ, 1859, стр. 87. Екатерина, писавшая свои Записки уже послѣ 1780 года, конечно забыла настоящее имя Батурина, его чинъ и мѣсто служенія. Она ошибочно называетъ его Яковомъ и капитаномъ Бутырскаго полка. Нужно замѣтить, что Ширванскій и Бутырскій полки всегда состояли въ одной дивизіи.

да не наше то дѣло"! Этотъ оговоръ не удался. Полковникъ Экинъ и князь Козловскій, допрошенные по этому дѣлу въ Сибирской губернской канцеляріи, оказались невиновными. Тогда Батуриный попробовалъ очернить Экина другимъ способомъ. Онъ донесъ „о чинимыхъ, будто-бы, имъ, полковникомъ Экинымъ, непорядкахъ и противныхъ регуламъ поступкахъ“. О доносѣ этомъ было сообщено, по принадлежности, въ военную коллегію, куда отправленъ былъ и доноситель. Въ коллегіи Батуриный „показывалъ о нѣкоторомъ въ Сибирской губерніи и въ Иркутской провинціи немаломъ интересѣ“ и весьма удачно повернулъ дѣло къ какимъ то проектамъ и предложеніямъ, переданнымъ коллегіею на заключеніе сената, который опредѣлилъ „ислѣдовать чрезъ нарочнаго о предложеніи“ Батурина и за тѣмъ, представить таковое на воззрѣніе ея императорскаго величества. Самъ-же Батуриный, до воспослѣдованія высочайшей резолюціи на заявленное имъ „предложеніе“, освобожденъ былъ на поруки. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, въ чемъ заключалось предложеніе Батурина, одобренное, повидимому, и военною коллегіею и сенатомъ. Можно думать, что по достаточномъ разслѣдованіи, оно оказалось незаслуживающимъ высочайшаго воззрѣнія, и вѣроятно было придумано Батуринымъ только для того, чтобы оттянуть время до окончанія срока ссылки, по истеченіи котораго онъ долженъ былъ поступить до выслуги въ солдаты. Какъ бы тамъ ни было, но въ 1749 году Батуриный былъ уже подпоручикомъ и состоялъ въ Ширванскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ въ окрестностяхъ Москвы, недалеко отъ д. Раева, куда въ іюнѣ мѣсяцѣ перѣѣхали, по приказанію императрицы, вел. кн. Петръ Ѳедоровичъ и великая княгиня Екатерина Алексѣевна.

Жизнь молодого двора въ Раевѣ не отличалась разнообразіемъ. По свидѣтельству Екатерины, великій князь съ утра до вечера тѣшилсѣ охотою, которая, благодаря предупредительности Чоголова, была организована весьма тщательно.

Она состояла изъ двухъ своръ: въ одной находились Русскія собаки, за которыми смотрѣли Русскіе же егеря, а въ другой Французскія и Нѣмецкія собаки, за которыми ходили старый берейторъ-Французъ, мальчикъ-Курляндецъ и нѣкій Нѣмецъ. Иностранная свора находилась въ непосредственномъ за-вѣдываніи великаго князя, который входилъ во всѣ малѣйшія подробности псарни и почти не разлучался съ ея приставниками. Батуринъ нашелъ случай сойтись съ великокняжескими егерями-иностранцами и убѣдилъ ихъ сказать, при случаѣ, великому князю, что, вотъ-моль, въ Ширванскомъ полку есть офицеръ Батуринъ, чрезвычайно преданный его высочеству и что весь полкъ раздѣляетъ его чувства. Это понравилось великому князю и онъ разспрашивалъ у егерей о разныхъ подробностяхъ, относящихся къ выхваляемому полку. Послѣ такой подготовки, Батуринъ сталъ добиваться позволенія представиться великому князю во время охоты. Нѣсколько подумавъ, великій князь уступилъ просьбѣ егерей и Батурина указали мѣсто въ лѣсу, гдѣ онъ долженъ былъ дожидаться великаго князя. Едва показался Петръ Ѳедоровичъ, Батуринъ бросился на колѣни и началъ клясться, что кромѣ его, великаго князя, онъ не признаетъ надъ собою другаго государя и готовъ исполнить все, что только онъ ни прикажетъ ему. Петръ Ѳедоровичъ, испуганный этою неожиданною исповѣдью, въ ту-же минуту пришпорилъ лошадь и помчался далѣе, оставя за собою распростертаго Батурина. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ Екатеринѣ объ этомъ странномъ случаѣ, нѣсколько времени спустя, самъ великій князь, увѣряя при этомъ, что онъ не имѣлъ съ Батуринымъ никакихъ другихъ сношеній и что онъ предупреждалъ своихъ егерей остерегаться этого человѣка, чтобы не попасть съ нимъ въ бѣду. Эти увѣренія и смущеніе великаго князя привели Екатерину къ подозрѣнію, что мужъ ея не вполне откровененъ, что въ его разказѣ осталось что-то недоговореннымъ.

Въ скоромъ времени, подозрѣніе Екатерины оправдалось, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что происшествіе въ Раевѣ имѣло гораздо болѣе серьезное значеніе, нежели то, которое придавалъ ему или старался придать великій князь.

Въ началѣ зимы, когда оба двора, большой и малый, возвратились въ Москву, Батуриный былъ арестованъ и отвезенъ въ страшное Преображенское для допросовъ по доносу на него прапорщика Тимофея Ржевскаго и вахмистра Александра Урнежевскаго, а черезъ нѣсколько дней туда-же отвезли и великокняжескихъ егерей. Это обстоятельство чрезвычайно встревожило Петра Федоровича. Екатерина всячески старалась ободрить его, увѣряя, что если у него дѣйствительно не было другихъ сношеній съ Батуринымъ, кромѣ встрѣчи съ нимъ въ лѣсу на охотѣ, то онъ можетъ быть спокоенъ, что вся эта исторія пройдетъ для него благополучно; но великій князь успокоился только тогда, когда узналъ стороною что его имя не посрамлено на допросахъ. Это извѣстіе заставило его даже прыгнуть отъ радости.

Въ Преображенскомъ, въ которомъ существовали еще въ то время ужасные Петровскіе застѣвки, допрашивали, кромѣ Батурина и великокняжескихъ егерей или пикеровъ, какъ они названы въ подлинномъ дѣлѣ, еще суконщика Кенжина и служащихъ въ Воронежскомъ батальонѣ: подпоручика Тыргова, съ двумя гренадерами Худышкинымъ и Кетовымъ.

Слѣдствіемъ обнаружилось слѣдующее: Батуриный просилъ двухъ егерей псовой охоты вел. кн. Петра Федоровича доложить его высочеству, что онъ, Батуриный, можетъ подготовить въ бунту всѣхъ фабричныхъ, Преображенскій батальонъ, находящійся въ Москвѣ, и лейбъ-компанцевъ, участвовавшихъ въ возведеніи на престолъ Елисаветы Петровны, „которые-де въ тому склонны и того давно желаютъ, а имъ-де отъ его высочества дана будетъ знатная сумма денегъ“. Всѣ мы совокупясь,—говорилъ Батуриный великокняжескимъ егерямъ,—заарестуемъ весь дворецъ и Алексѣя Разумовскаго,

а въ комъ не встрѣтимъ себѣ единомышленника, того изрубимъ въ мелкія части. Государыню-же не выпустимъ изъ дворца до тѣхъ поръ, пока его высочеству коронаціи не будетъ, а ежели той коронаціи не захотятъ архіереи, мы всѣхъ ихъ, гдѣ бы они ни были, вытащимъ и принудимъ въ тому силою. За тѣмъ, взявъ великаго князя, привеземъ его въ церковь и велимъ короновать, а какой архіерей не послушается, тому отрубимъ голову. „Ежели-де не бунтомъ идти, то его высочеству коронаціи никогда не бывать, для того, что до той коронаціи Разумовскій не допускаетъ“, а по этому, Батуричь полагалъ собрать „хоть малую партію“, нарядить всѣхъ въ маски, посадить на коней и, улуча Разумовскаго на охотѣ, изрубить его, или другимъ какимъ способомъ искать его смерти. Въ другой разъ Батуричь просилъ егерей доложить великому князю, что у него уже собрано тысячъ съ тридцать людей, да еще можетъ быть приготовлено тысячъ двадцать и что ему помогутъ исполнить задуманное „намѣреніе“ большіе люди: графъ Бестужевъ и генералъ Степанъ Апраксинъ, которые, будто бы, уже стали на его сторону. Батуричь пояснилъ на допросѣ, что онъ и самъ хотѣлъ было однажды ѣхать къ камердинеру великаго князя Ивану Николаеву и просить, чтобы тотъ доложилъ объ его намѣреніи его высочеству, но будучи пьянъ, не поѣхалъ.

Привлеченный къ допросамъ сувонщикъ Кенжинъ, можетъ быть, былъ одинъ изъ тѣхъ бѣглыхъ рабочихъ сувонной фабрики Ефима Болотина, которые лѣтомъ надѣлали столько хлопотъ и своему хозяину, и мануфактуръ-коллегіи. Батуричь, подговаривая Кенжина „склонить къ бунту всѣхъ фабриекъ работныхъ людей, обнадеживалъ его тѣмъ, что великій князь отдастъ сувонщикамъ, удержанныя заработныя деньги и еще наградитъ отъ себя“; Батуричь даже увѣрялъ, что его высочество уже поручилъ ему „взять у одного купца пять тысячъ рублей для раздачи, въ учиненію бунта, фабричнымъ“. Подпоручику же Тыртову Батуричь уже прямо

говорилъ, что у него-де готово фабричныхъ съ тридцать тысячъ, съ которыми намѣренъ „вдругъ ночью нагрянуть на дворецъ и арестовать государыню со всѣмъ дворомъ“; онъ убѣждалъ Тыртова быть вѣрнымъ его высочеству, содѣйствовать его коронаціи и даже объявилъ ему именной указъ его высочества о томъ, чтобы онъ, Тыртовъ убилъ Разумовскаго до смерти, объясняя при этомъ, что во время Троицкаго похода, онъ, Батуринъ, хотѣлъ было однажды на охотѣ самъ выстрѣлить въ Разумовскаго изъ пистолета, но что великій князь удержалъ его отъ того. Ободря подпоручика Тыртова, Батуринъ говорилъ и ему, будто-бы, великій князь приказалъ взять у купца пять тысячъ рублей и, „раздавъ ихъ народу, приводить тотъ народъ къ бунту“. Всѣхъ этихъ подробностей задуманнаго предпріятія Батуринъ, по-видимому, не открывалъ остальнымъ своимъ единомышленникамъ, т. е. гренадерамъ Худышвину и Кетову. Онъ имъ только говорилъ: мы хотимъ короновать великаго князя, приставайте къ намъ и объявите своей братіи, гренадерамъ, что кто изъ нихъ будетъ за насъ, того его высочество пожалуетъ капитанскимъ рангомъ и опредѣлитъ на капитанское жалованіе, „такъ, какъ нынѣ есть Лейбъ-Компанія“. Примѣръ счастливаго жребія лейбъ-компанцевъ находился у всѣхъ на глазахъ, а самый ихъ подвигъ былъ еще на свѣжей памяти, а потому нѣтъ ничего мудренаго, что соблазнительныя обнадеживанія Батурина увлекли гренадеровъ. Они, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Тыртовымъ и вахмистромъ Урнежевскимъ, приложились къ складнямъ ¹⁾ и поклялись предъ ними, что „если кто изъ поименованныхъ куда попадетъ, то бѣ тому о томъ никому не сказывать“. Послѣ этой присяги, Батуринъ отправился съ Урнежевскимъ къ Московскому купцу Ефиму Луvinу и, назвавъ себя „oberъ-кабинетъ-курьеромъ“, объявилъ, что его высочество великій князь приказалъ взять у него,

1) Складныя иконы.

Лукина, денегъ пять тысячъ рублей, Удивленный Лукинъ отвѣтилъ, что онъ недавно прѣхалъ изъ Петербурга и не видѣлъ тамъ великаго князя, „а не выдавъ-де его высочества денегъ ему, Батурину, не дастъ“. Этотъ рѣшительный отвѣтъ не смутилъ Батурина. Онъ потребовалъ бумаги и, написавъ на имя его высочества записку „Латинскими литерами“, просилъ Лукина передать ее великому князю. Въ этой запискѣ Батуринъ писалъ, что „у него готово людей пятьдесятъ тысячъ“. Въ дѣлѣ пояснено, что Батуринъ по этой запискѣ „желалъ получить отъ его высочества отповѣди“ и что ежели бы онъ получилъ отъ Лукина требуемыя деньги, то роздалъ бы ихъ „къ объявленному бунту солдатству и фабричнымъ“. Съ тѣмъ же Урнежевскимъ, Батуринъ ходилъ „къ одному крестьянину о своемъ намѣреніи загадывать“ и тотъ, какъ сказано въ дѣлѣ, „обманывая ихъ, загадывалъ“. Неизвѣстно, какое гаданіе вышло Батурину, но только дни его свободы были уже сочтены и созданный имъ планъ возстанія рушился вслѣдствіе доноса. Какими же, однако, соображеніями руководствовался Батуринъ, въ своемъ „злодѣйственномъ намѣреніи къ бунту“ въ пользу великаго князя Петра Ѳедоровича? На это самъ подсудимый далъ слѣдующій отвѣтъ въ тайной канцеляріи:

„Слова о коронаціи я говорилъ въ тѣхъ разсужденіяхъ, чтобы ея величество была при своей полной власти, какъ она есть и теперь, а его бѣ высочество, съ повелѣнія ея величества, имѣлъ одно только Государственное Правленіе и держалъ бы армію въ лучшемъ порядкѣ, не такъ какъ она имѣется (теперь). Ежелибъ армія была подъ предводительствомъ его высочества, то-бъ всякій солдатъ, видя его высочество при арміи, самъ себѣ храбрости придавалъ и уповая, что его монархъ присутствуетъ при войнѣ, дѣлалъ бы больше храбрыхъ оказій и поступковъ; а въ Государственномъ Правленіи, его высочество могъ бы всякому бѣдному противъ сильныхъ лицъ защищеніе чинить“.

При чтеніи этого показанія, невольно вспоминается сдѣланный М. Ѳ. Каменскимъ, въ 1765 г., въ письмѣ къ великому князю Павлу Петровичу, намекъ на сорокъ лѣтъ терпѣнія, послѣ воихъ Россійское войско удостоено было, наконецъ, видѣть лицо своего государя, т. е. Петра III-го ¹⁾. Очевидно, что мысли высказанныя Батуринымъ на допросѣ, раздѣлялись многими военными людьми того времени.

Екатерина объясняетъ въ своихъ Запискахъ, что она не видѣла и не читала дѣла Батурина, но что ей свазывали за достовѣрное, что послѣдній хотѣлъ лишить жизни императрицу, поджечь дворецъ и, воспользовавшись общимъ смущеніемъ и сумятицею, возвести на престолъ великаго князя Петра Ѳедоровича. Полагаемъ, что это преувеличено, потому что даже послѣ дознанія съ обычнымъ „пристрастіемъ“, не обнаружилось, чтобы планъ Батурина имѣлъ таковой разрушительный характеръ. Трудно утверждать это съ полною увѣренностію, такъ какъ въ имѣющейся у насъ выпискѣ изъ подлиннаго дѣла нѣтъ ни показаній купца Лукина о деньгахъ ²⁾ и о запискѣ Батурина „Латинскими литерами“, ни показаній великовняжескихъ егерей о томъ, докладывали-ли они его высочеству о замыслѣ Батурина. Вышеприведенное свидѣтельство Екатерины о радости Петра Ѳедоровича при извѣстїи, что его имя не посрамлено на допросахъ, конечно даетъ право заключить, что егеря дѣйствительно не докладывали великому князю о Батуринскомъ замыслѣ; но, съ другой стороны, весьма возможно допустить, что егеря не желали выдавать великаго князя; наконецъ, и сами слѣдователи могли обходить этотъ щекотливый вопросъ,

¹⁾ Русск. Архивъ 1873 г. стр. 1555.

²⁾ Замѣчательно, что Екатерина, вскорѣ по вступленіи на престолъ наградила между прочимъ и Лукина. Сохранилась записка ея къ А. В. Олсуфьеву, отъ 2 ноября 1763 г. слѣдующаго содержанія: „Выдать изъ комнатной суммы Московскому купцу Еёму Денисову сыну Лукину двѣ тысячи рублей, которые мы жадуемъ“ (Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общества. т. VII, стр. 174).

чтобы не позорить репутаціи наслѣдника престола. Во всякомъ случаѣ, дѣло это представляется весьма загадочнымъ. Такова была и развязка его: императрица Елисавета Петровна, прочтя представленный ей экстрактъ изъ дѣла, по неизвѣстной причинѣ, не положила никакой конфирмаціи, „а за невослѣдованіемъ конфирмаціи“ (какъ сказано въ дѣлѣ), Батурина посланъ изъ тайной канцеляріи „къ крѣпкому содержанію“ въ Шлюссельбургъ, лишь въ 1753 году, т. е. черезъ четыре года послѣ того какъ былъ арестованъ!

Изъ соучастниковъ Батурина — гренадеры Худышкинъ и Кетовъ посланы въ Рогервикъ, въ работу; подпоручикъ Тыртовъ и суконщикъ Кенжинъ сперва туда-же, а потомъ въ Сибирь „въ острогъ, на житье вѣчно“. Великокняжескіе егера, „кои только объ ономъ намѣреніи слышали и не донесли“, освобождены. Наконецъ, крестьянинъ, „за обманное угадываніе“, посланъ въ Оренбургъ, для опредѣленія на службу, „въ какую способенъ явится“.

III.

Въ январѣ 1767 года, 4-я рота 3-го С.-Петербургскаго пограничнаго батальона вступила въ Шлюссельбургъ для занятія карауловъ. Командиръ роты капитанъ Акиншинъ, тотчасъ-же по прибытіи въ крѣпость, сдѣлалъ надлежащій расчетъ нижнимъ чинамъ и развелъ ихъ по караульнымъ постамъ. Капралу Василію Михайлову, имѣвшему подъ своею непосредственною командою трехъ солдатъ: Ѳедора Сорокина, Алексѣя Пѣтухова и Григорія Евсюкова, указано было занять постъ при казармѣ № 1, въ которой содержался „безъимянный колодникъ“. Смѣнивъ старый карауль, капралъ Михайловъ прочиталъ своей командѣ приказъ коменданта Бередникова, „чтобы о имени и о чинѣ того колодника не спрашивать, разговоровъ съ нимъ никакихъ не имѣть, писемъ писать ему не давать, отъ него писемъ никакихъ не

*

принимать и нигуда не носить, тако-жь никакого хмѣльнаго питья не давать“. Вслѣдствіе этого приказа, между загадочнымъ узникомъ и его приставниками на долгое время установились тѣ суровыя безмолвныя отношенія, которыя такъ противны общительному характеру Русскаго человѣка. Особенно долженъ былъ искушать всѣхъ несносный обѣтъ молчанія. Обѣ стороны скучали и только въ исходѣ шестаго мѣсяца протянули, навонецъ, другъ другу руки. 29-го іюня, въ день тезоименитства великаго князя Павла Петровича, „безъимянному володнику“ вдругъ вздумалось обратиться къ капралу Михайлову съ просьбою, чтобы онъ позволилъ принести къ нему, володнику, вина „для именинника“. Капралъ тотчасъ же самъ вышелъ изъ крѣпости и купилъ кружку вина, „а купивъ того вина, поднесъ володнику, потомъ выпилъ самъ и наконецъ далъ всѣмъ тремъ солдатамъ по чарѣ“. Это обстоятельство на столько осмѣлило караульныхъ, что они рѣшились, наконецъ, спросить у володника: „какъ его зовутъ и какой онъ человѣкъ?“ Тотъ, не обинуясь, отвѣтилъ, что „онъ полковникъ и кабинетскій оберъ-курьеръ Іоасафъ Андреевъ сынъ Батуринъ“.

Четырнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Батуринъ былъ посланъ отъ тайной канцеляріи „къ крѣпкому содержанію въ Шлюшинѣ“. Многое измѣнилось за этотъ длинный періодъ времени, не измѣнилось только положеніе нашего страннаго Московскаго агитатора. Онъ продолжалъ коротать свою несчастную жизнь въ тяжкомъ заключеніи, углубляясь все болѣе и болѣе въ безпредѣльный міръ галлюцинацій. Въ дѣлѣ имѣется весьма отрывочное извѣстіе, что въ царствованіе Петра III Батуринъ былъ за что-то вновь осужденъ сенатомъ на вѣчную ссылку въ Нерчинскъ въ работу, и что докладъ объ этомъ былъ уже утвержденъ государемъ, но, послѣ того, тайный секретарь Д. В. Волковъ въ письмѣ къ генералъ-прокурору Глѣбову, объявилъ высочайшую волю императора Петра Ѳедоровича, „чтобы онаго Ба-

тураина въ Нерчинскъ не посылать, а оставить въ Шлюшинѣ, по прежнему, съ тѣмъ еще, чтобы ему давать и лучшее тамъ пропитаніе“. Это единственное и, къ сожалѣнію, слишкомъ неопредѣленное извѣстіе о Батуринѣ за всѣ четырнадцать лѣтъ его жизни въ крѣпости.

Команда капрала Михайлова, узнавъ имя и рангъ своего колодника, стала обходиться съ нимъ почтительнѣе прежняго. Солдаты за-частую приходили побесѣдовать съ Батуринымъ, „тако-жъ принашивали ему, на данныя отъ него деньги, вино“. Въ откровенной бесѣдѣ, Батуринъ разсказывалъ караульнымъ, что онъ былъ „другомъ и наперсникомъ“ государя Петра Ѳедоровича и былъ у него учителемъ, что, въ настоящее время, онъ терпитъ заключеніе за вѣрную службу ему, „ибо-де-онъ, Батуринъ, съ товарищами своими, хотѣлъ покойную государыню престола лишить и постричь въ монастырь, а государя Петра Ѳедоровича возвести на престолъ“.

— „Еслибъ ты эдакую услугу Петру Ѳедоровичу показалъ“ — возражали солдаты — „такъ для чего-жъ онъ тебя пока живъ былъ отсюда не освободилъ?“

— „Врете вы“ — отвѣчалъ Батуринъ — „Государь не умеръ, а живъ и поѣхалъ гулять, а меня здѣсь оставилъ подъ видомъ“.

— „Нѣтъ — возражалъ капралъ Михайловъ — я самъ видѣлъ государя мертвымъ и какъ его погребали“.

— „Я по планетамъ знаю, что онъ живъ и планету его вижу — увѣрялъ Батуринъ, показывая на небо, — увидите, что онъ года черезъ два въ Россію возвратится“.

— „Да гдѣ-жъ нынѣ государь, знаешь ли ты?“ Спросилъ солдатъ Сорокинъ.

— „Да у меня нѣтъ планетника, такъ я не могу сказать, въ которомъ онъ мѣстѣ находится; а когда бъ былъ планетникъ, такъ бы я сказалъ и мѣсто, гдѣ онъ теперь“¹⁾.

¹⁾ Показаніе солдата Ѳедора Сорокина на допросѣ въ тайной канцеляріи 29 апрѣля 1769 г.

Въ такихъ бесѣдахъ незамѣтно наступалъ срокъ новой смѣны караула Шлюссельбургской крѣпости. Недѣли за двѣ до смѣны, въ томъ-же 1767 году или въ началѣ 1768 года, Батуриный, воспользовавшись тѣмъ, что капралъ вышелъ изъ казармы, а другіе солдаты отправились за дровами, подозвалъ солдата Сорокина и, держа въ рукахъ двѣ бумажки, сказалъ: „Вотъ, Сорокинъ, возьми ты эти двѣ бумажки; маленькую подай государынѣ, на дорогѣ или гдѣ случай допустить, за что получишь отъ нея награду, а эту — по больше, подай Петру Ѳедоровичу, какъ онъ приѣдетъ въ Россію и отъ него ты получишь еще большую награду“.

— „Статочное-ли дѣло, — отвѣтилъ Сорокинъ — братъ мнѣ отъ тебя письма; вѣдь за это я могу пропасть“.

— „Не бойся Сорокинъ — успокоивалъ Батуриный: — за что, братъ, тебѣ пропасть; злодѣи мои всѣ уже померли, а государыня меня знаетъ; вѣдь я и ей служилъ, какъ и Петру Ѳедоровичу“.

Сорокинъ, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ согласился передать бумажки по назначенію, отчасти вслѣдствіе неотвязчивой просьбы Батурина, „а паче польстясь обнадеживаніемъ, что онъ конечно не будетъ оставленъ, если государь возьметъ его (Батурина) къ себѣ“.

Вотъ буквальное содержаніе „бумажки“, приготовленной Батуринымъ для поднесенія государынѣ:

„Въ 749 году, возвратясь отъ Троице, станцію имѣли въ Раевѣ, Ваше Величество ѣхали на охоту. Тогда я предъ Вашимъ лицомъ вскричалъ: дай Богъ Вашего любезнаго супруга видѣть въ Россійскихъ Императорскихъ коронахъ, при чемъ въ почталіонскую трубку затрубилъ Вамъ виватъ. А нынѣ Вашего Величества Оберъ-кабинетъ-курьера оставили съ вѣрностію въ темницѣ, въ оковахъ. При томъ-же отъ сущихъ злодѣевъ нанесено Вамъ, якобы я наперсникъ и научальникъ Государевъ. Я 18 лѣтъ въ тюрьмѣ важно (?) и если она будетъ правда, тетушка всѣхъ привазала осво-

бодить; когда бы не были злодѣи, то съ тѣхъ поръ освободили“.

Другая „бумажка“ заключала въ себѣ письмо Батурина къ несуществовавшему уже императору Петру III, слѣдующаго содержанія:

„Всероссійскій отецъ Великій Государь Императоръ Петръ Ѳеодоровичъ! Одинъ отъ вѣрныхъ и первыхъ рабовъ Вашихъ, который, не пощадя живота своего за Ваше Величество и корону Вашу, по любви преданной отъ младенчества къ Великому Петру, а по немъ къ Вашему Величеству, ревную по истинному наслѣдству Вашему, о чемъ Ваше Величество довольно знать соизволите.

„Донинѣ обрѣтаюсь въ Шлиссельбургѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ, въ несносномъ заключеніи восемнадцать лѣтъ. Такъ, за Ваше Величество и корону Вашу терплю и уповаю ежели-бы мнѣ не помогла моя наука, которая мнѣ въ свѣтлыя ночи великую приносила радость, когда я, смотря на планету Вашу, горесть свою забывалъ и въ животѣ Вашемъ дражайшемъ быть несомнѣнно полагалъ, о чемъ всѣ караульные засвидѣлствовать могутъ. Ужели всѣ смятенія Ваше Величество усмирили! Зачѣмъ бѣднаго забыли? Возьми, возьми, великій Монархъ, меня предъ себя какъ можно скорѣе? Не дай мнѣ пасть въ отчаяніи! Дай мнѣ себя, дражайшій мой великій Монархъ, видѣть и съ воскресеніемъ поздравить! Не дай возрадоваться врагамъ своимъ о мнѣ вѣрномъ рабѣ твоемъ, что безъ голодно въ темницѣ уморили! Возьмите меня скорѣй предъ лице свое, да потребятся враги Ваши рукою моею! Когда-жъ оставите меня — самъ Богъ Васъ оставитъ. Желалъ бы отъ Бога въ семь мѣсяцевъ тишины и благополучія. Ввѣрьте мнѣ свое здоровье опробованному рабу, а не другимъ. Я не отрекся за Васъ умереть и кровь пролить. Уповаю, что Вы при себѣ такого нынѣ не имѣете. Словами всѣ скажутъ, что положить животъ свой за Ваше Величество, а

на дѣлѣ и практикѣ никто себя такъ не окажетъ, какъ я, бѣдный, который оставилъ жену, сына и двухъ дочерей въ младенчествѣ сиротить, уморилъ отъ печали жену свою, навелъ плачь матери и сестрѣ ругательства; терплю съ бѣдными отъ фамилии моей, которые отъ меня отрываются. Колико претерпѣлъ голоду, холоду и все сіе для короны Вашего Величества! Вѣрь, вѣрь, Монархъ мой великій, нѣтъ тебѣ меня вѣрнѣе! Да любить меня столько Богъ, колико я Васъ люблю. Когда Вы оставите меня, Богъ меня за любовь не оставитъ: Иоан. 15, нѣсть любви тоя болѣе да кто за другого положить душу свою.

„Вашего Величества рабъ первый, вѣрный Полковникъ и Оберъ-кабинетъ-курьеръ Гоасафъ Батуриный, милосердія ожидаю“.

1768 февраля „ “ дня

Шлиссельбургъ.

Солдатъ Сорокинъ, по возвращеніи въ Петербургъ, долго скрывалъ отъ всѣхъ полученныя отъ Батурина письма. Онъ тщательно хранилъ ихъ при себѣ и уже начиналъ тяготиться навязанною ему тайною. Понятна радость Сорокина, когда онъ, на святкахъ 1768 года, встрѣтилъ своего стараго сослуживца по Смоленскому пѣхотному полку и „названнаго брата“, солдата Петра Ушакова. Онъ могъ, наконецъ, отвести душу въ бесѣдѣ съ близкимъ человѣкомъ.

Зайдя какъ-то къ Ушакову на квартиру, Сорокинъ, немного посидѣвъ, вынулъ изъ кармана два завѣтныя письма и сказалъ: „Я, братецъ, былъ въ Шлюшинѣ у одного колодника, который называетъ себя полковникомъ и кабинетскимъ оберъ-курьеромъ Гоасафомъ Андреевичемъ Батуринымъ. Однажды, не задолго до смѣны, онъ далъ мнѣ двѣ бумажки и просилъ, чтобы я одну изъ нихъ, маленькую, подалъ государынѣ, а другую, большую, Петру Ѳедоровичу, обнадеживая, что мнѣ будетъ за это великое награжденіе. Вотъ,

братецъ, прочти-ка эти бумажки, такъ увидишь, что въ нихъ написано“. Съ этими словами Сорокинъ передалъ Ушакову оба письма. Тотъ развернулъ сперва большую бумажку и тотчасъ же замѣтилъ: „Что, братъ, это написано въ государю! Вѣдь онъ давно уже умеръ; вѣдь ты, братъ, помнишь еще мы были въ походѣ, такъ тамъ это было уже извѣстно, что онъ подлинно умеръ“.

— „Нѣтъ, братъ, возразилъ Сорокинъ,— Батуринъ знаетъ планеты и онъ, смотря въ окошко изъ казармы на небо, указывалъ государеву планету и сказывалъ, что онъ живъ и теперь гуляетъ, а черезъ годъ или два сюда пріѣдетъ“.

— „Богъ знаетъ, только правда ли это?“ недоумѣвалъ Ушаковъ. „Однакожь объ этомъ покамѣстъ говорить не слѣдуетъ. Надобно улучить время, подать письмо государынѣ“.

— Ну, братецъ, такъ возьми эти бумажки къ себѣ и коли можно будетъ, маленькую-то бумажку подай государынѣ, а большую держи, до времени, при себѣ“.

— „Государынѣ-то подать, развѣ гдѣ на дорогѣ“ говорилъ Ушаковъ, владя обѣ бумажки къ себѣ въ карманъ ¹⁾.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описаннаго интимнаго разговора въ квартирѣ солдата Ушакова, тайна, сдружившая еще тѣснѣ двухъ старыхъ пріятелей, вышла наружу и при самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Въ одну злополучную апрѣльскую ночь 1769 года, Ушаковъ и Сорокинъ пришли „въ пьяномъ образѣ“ къ ефрейтору инвалидной роты 3-го Петербургскаго пограничнаго баталіона Анисиму Голиову и начали, неизвѣстно за что, бить его „безъ милости“. Къ счастью Голиова, явился дежурный капралъ. Сорокинъ успѣлъ убѣжать, а Ушаковъ былъ взятъ подъ караулъ и немедленно наказанъ батогами за буйство. На другой день ефрейторъ Голиовъ, „съ багровыми

¹⁾ Показаніе солдата Петра Ушакова на допросѣ въ тайной канцеляріи 29 апрѣля 1769 г.

знаками на лицѣ и подбитыми глазами“, явился къ батальонному командиру премьеръ-маіору Карлу Неймчу и, донеся ему о ночномъ нападеніи Ушакова и Сорокина, представилъ два извѣстныхъ уже читателямъ письма, оброненныя „во время боя“ солдатомъ Ушаковымъ, а также найденную у него, при обыскѣ на квартирѣ „тетрадку, писанную молитвами въ противность церкви Греческаго исповѣданія“. Премьеръ-маіоръ Неймчъ, въ рапортѣ, отъ 28 апрѣля 1769 года за № 250, донеся о случившемся въ С.-Петербургскую оберъ-комендантскую канцелярію, при чемъ препроводилъ также представленныя Голиковымъ письма и тетрадку. Узнавъ же отъ Ушакова, что письма тѣ онъ получилъ отъ Сорокина, приказалъ немедленно розыскать послѣдняго и „для наилучшаго разсмотрѣнія“ отправилъ обоихъ, съ надлежащимъ карауломъ, въ ту-же комендантскую канцелярію.

Завязалась переписка. Комендантская канцелярія потребовала отъ Неймча свѣдѣній о службѣ и поведеніи обоихъ присланныхъ туда солдатъ. Неймчъ, въ рапортѣ, отъ 29-го того же апрѣля за № 253, донесъ, что солдаты Федоръ Сорокинъ и Петръ Ушаковъ опредѣлены въ 3-й пограничный баталіонъ изъ Смоленскаго пѣхотнаго полка, первый 8 декабря 1766 г., а второй 25 октября 1768 г., что въ присланныхъ изъ полка формулярныхъ спискахъ никакихъ штрафовъ за ними не показано, что Сорокинъ въ 1767 находился въ Петербургѣ, въ 1768 году въ Шлюссельбургской крѣпости на караулѣ, по смѣнѣ же оттуда состоялъ „въ Кабинетскомъ домѣ“; а Ушаковъ, съ опредѣленія въ баталіонъ, нигдѣ въ отлучкахъ не бывалъ. Къ сему Неймчъ присовокупилъ, что „о лучшемъ помянутыхъ солдатъ состояніи и жизни, особливо объ Ушаковѣ, за недавнимъ его опредѣленіемъ, тако-жъ и о Сорокинѣ, за невсегдашнимъ при баталіонѣ бытіемъ, обстоятельно знать не можно“.

За тѣмъ, все дѣло передано было, по обычному порядку, къ генераль-прокурору князю А. А. Вяземскому.

Читатели уже знакомы съ показаніями, данными на допросахъ въ тайной канцеляріи солдатами Сорокинымъ и Ушаковымъ. Остается только прибавить, что и Сорокинъ и Ушаковъ сами приложили руки къ своимъ показаніямъ, слѣдовательно оба были грамотны. Первый изъ нихъ взятъ въ службу „изъ боярскихъ дѣтей“, а Ушаковъ, какъ онъ самъ показалъ на допросѣ, „былъ напередъ сего (т. е. службы), Сибирской губерніи изъ рейтарскихъ дѣтей копистомъ въ шталмейстерской конторѣ, откуда, за маленькую кражу и за пьянство, написанъ въ солдаты“. Ушаковъ во всемъ подтвердилъ показаніе Сорокина и объяснилъ, что онъ взялъ отъ него Батуринаскія письма и никому не объявилъ о нихъ во первыхъ—изъ сожалѣнія въ Сорокину, во вторыхъ, самъ боялся наказанія и въ третьихъ, потому, что по простотѣ своей думалъ, что если одно изъ писемъ подастъ государынѣ, а другое государю, то будетъ награжденъ за это“. Относительно же тетрадки, найденной у него въ квартирѣ, показалъ слѣдующее: „Чья она тетрадка и въмъ писана — не знаетъ и никогда она въ рукахъ у него не бывала, а какъ у хозяина его много стояльцевъ ставало и дьячки и разныхъ чиновъ люди, то развѣ не ихъ-ли? или не хозяйская-ли? Однавоже хозяинъ грамотѣ не умѣетъ“.

Кромѣ Сорокина и Ушакова, былъ допрошенъ также и знакомый намъ капралъ Василій Михайловъ. Онъ также подтвердилъ во всемъ показаніе Сорокина и только прибавилъ, что въ первое время по прибытіи на карауль въ Шлюссельбургъ, онъ не видѣлъ у колодника Батурина, ни чернилъ, ни бумаги, но потомъ, замѣтивъ у него „книгу бумажную, сшитую въ тетрадку, напимѣръ, пальца въ два“, онъ спросилъ Батурина: откуда онъ взялъ эту книжку? На что тотъ отвѣтилъ, что онъ самъ написалъ ее здѣсь въ казармѣ. — Да кто тебѣ далъ чернилъ и бумагу? — „Я-де давно пишу ее, отвѣчалъ Батуринъ, и мнѣ-де еще прежніе караульные позволили писать. Да коли-де хочешь, такъ про-

что, въ ней вѣдь ничего худого не написано“. Михайловъ прочиталъ книгу и нашель, что въ ней „подлинно другого ничего не писано, какъ только поученіе, какъ должно жить христіанину, также и о томъ, какъ помѣщикамъ поступать съ крестьянами“. Книга эта, по словамъ Михайлова, была написана „не очень хорошо“, а потому онъ собственноручно переписалъ изъ нея нѣсколько листовъ и отдалъ Батурину.

Въ заключеніе приведемъ опредѣленіе по настоящему дѣлу генераль-прокурора, на коемъ собственною рукою императрицы Екатерины написано: „Быть по сему“.

„1769 года Мая 17 дня, Генераль-Прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, о содержавшемся въ Шлюссельбургской крѣпости колодниѣ Іоасафѣ Батуринѣ, да о присланныхъ къ нему, Генераль-Прокурору, изъ С.-Петербургской Оберъ-Комendantской Канцеляріи, С.-Петербургскаго пограничнаго третьяго баталіона солдатахъ Ѳедорѣ Сорокинѣ и Петрѣ Ушаковѣ, приказалъ: 1) Означенный Батуринъ за учиненныя имъ при жизни блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны важныя преступленія, какъ бунтовщикъ и возмутитель, по законамъ достоинъ былъ казни, но оной ему не учинено, сколько изъ существа преступленія видно, не инаково какъ оставлено ему было время о томъ содѣянномъ имъ злѣ на покаяніе и, послѣ бывшихъ ему розысковъ, посланъ былъ къ содержанію подъ крѣпкимъ карауломъ, въ Шлюссельбургскую крѣпость. Но оный Батуринъ, какъ склонный ко всякому злу человекъ, и тамо будучи, не только о томъ содѣянномъ злѣ не раскаивался, но еще то свое столь мерзвое и тяжкое преступленіе поставлялъ себѣ въ выслугу и не устранившись установленныхъ государственныхъ законовъ, то свое преступленіе разглашалъ бывшимъ у него на караулѣ капралу и солдатамъ; а сверхъ сего, тѣхъ капрала и солдатъ, какъ малосмысленныхъ, безстрашно и безъ угрызения совѣсти своей,

вымышленно уловляя, увѣрялъ, что яко-бы покойный Государь живъ и гуляетъ, а чрезъ два года сюда возвратится; чему тѣ, по слабости разума своего, нѣкоторымъ образомъ, и повѣрили; что доказывается тѣмъ, что онъ, Батуричь, и письмо какъ прямо къ живому Государю написавъ, солдату Сорокину отдалъ, въ коемъ учиненныя свои преступленія точно изъяснялъ своею выслугою, а при томъ именовалъ себя полковникомъ и Кабинетскимъ оберъ-вурьеромъ, чѣмъ никогда онъ не бывалъ. И тако, по силѣ его нынѣ учиненнымъ злымъ вымысламъ, заслуживаетъ онъ, Батуричь, по законамъ, тяжкое наказаніе; но поелику сіе нынѣ учиненное имъ преступленіе отъ него произошло какъ уже отъ человѣка, доведшаго себя по своимъ преступленіямъ до самаго отчаянія, то кажется теперь никакое тяжкое наказаніе наполненнаго зломъ его нрава поправить не можетъ, и сего ради, а тѣмъ болѣе изъ единого Ея Императорскаго Величества милосердія наказанія ему, Батуричу, не чинить. А дабы отъ него впредь такихъ вредныхъ и ложныхъ разглашеній по близости столицъ Ея Императорскаго Величества не происходило, а чрезъ то-бъ не могли и караульные при немъ солдаты подвергать себя злощастнымъ по своему малодушію жребіямъ (какъ то нынѣ уже и послѣдовало), чтобы онъ, Батуричь, сколько ни есть о содѣянныхъ имъ злодѣяніяхъ хотя при концѣ жизни своей въ раскаяніе пришелъ, послать его въ Большерѣцкоіи острогъ вѣчно. Пропитаніе-жъ ему тамъ имѣть работою своею, а притомъ на-вѣрѣно за нимъ смотрѣть, чтобъ онъ оттуда уйти не могъ; однакоже и тамо никакимъ его доносамъ, а не меньше и разглашеніямъ, никому не вѣрять. 2) Солдаты Сорокинъ за то, что онъ, презря читанный ему о содержаніи онаго Батурина полковника Бередникова приказъ, содержалъ его совсѣмъ въ противность онаго и обходился съ нимъ не такъ какъ съ Государственнымъ преступникомъ поступать было должно и велѣно, но еще паче всего, давалъ ложнымъ такого преступника разглашеніямъ вѣру, а

наконецъ, взявъ отъ него письма, отдалъ солдату Ушакову; при отдачѣ-же тѣхъ писемъ дѣлалъ оному Ушакову презрительныя и вымышленныя (хотя и по словамъ Батурина) свои увѣренія, чего было ему, Сорокину, какъ человѣку обязанному въ вѣрной Ея императорскому Величеству службѣ присягою, чинить не подлежало, а должно ему было, еслибъ паче чаянія и вапралъ сталъ поступать съ тѣмъ Батуринымъ въ противность отдавнаго приказа, то и въ такомъ случаѣ, какъ о семъ, такъ и о ложномъ тѣмъ Батуринымъ, якобы покойный Государь живъ, разглашеніи объявить полковнику Бередникову; но онъ, Сорокинъ, не только сего должнаго ему поступать не сдѣлалъ, но еще, какъ выше сказано, всѣ того Батурина повелѣнія охотно исполнялъ. По установленнымъ законамъ, Сорокинъ достоинъ тяжкому наказанію и вѣчной въ работу ссылки; но поелику изъ обстоятельствъ дѣла видно, что онъ всѣ сіи противу должности своей преступленія учинилъ единственно по обольщенію показаннаго Батурина, изъ одного, кажется, малоразумія, то въ разсужденіе сего, равно что онъ въ семъ своемъ преступленіи безъ всякаго наказанія добровольно признался, отъ наказанія и ссылки его, Сорокина, избавить; а дабы однакожь сіе его преступленіе безъ штрафа оставлено не было и о слышанныхъ имъ отъ Батурина ложныхъ и вымышленныхъ словахъ разглашаемо здѣсь быть не могло, то опредѣлить его, Сорокина, въ Тобольскій гарнизонъ въ солдаты вѣчно; откуда его въ Москву и въ С.-Петербургъ не посылать и не отпускать, такъ и въ отставку его не отставлять. 3) Солдатъ Ушаковъ за то, что получа отъ Сорокина объявленныя по дѣлу письма, писанныя Батуринымъ, и увидя, что они совсѣмъ вымышленныя, да и написаны содержащимся володникомъ, оныхъ не только командиру своему не объявилъ, но еще зная вѣрно, что покойный Государь давно умеръ, пустому и ложному разглашенію и увѣренію солдата Сорокина повѣрилъ и нигдѣ о

томъ на него не объявилъ, а наконецъ и взявъ тѣ письма, искалъ случая одно изъ оныхъ подать Ея Императорскому Величеству, а другое, какъ бы подлинно покойный Государь живъ былъ, подать ему, достоинъ наказанія; но какъ сіе его преступленіе, сколько изъ дѣла видно, произошло также отъ легкомыслія, по обольщеннымъ словамъ Батурина, то сего ради и что онъ, Ушаковъ, въ семъ учиненномъ имъ преступленіи признался безъ всякаго заpiresательства, да и по допросу его того, чтобъ онъ сіи слова кому-либо показывалъ или разглашалъ, не открылось, отъ наказанія его, Ушакова, избавить. Однакожь, чтобъ и отъ него о слышанныхъ имъ отъ Сорокина словахъ разглашаемо здѣсь не было, то опредѣлить его въ Архангелогородскій гарнизонъ, откуда и его, такъ-же какъ и Сорокина, не отлучать.

4) Что же означенный Сорокинъ показалъ, что-де съ Батуринымъ такимъ же образомъ какъ и онъ, въ противность отданнаго приказа, поступали капраль и двое солдатъ, а капраль-де писалъ обще съ Батуринымъ книгу, а по сему хотя бы и надлежало объ ономъ изслѣдовать, но какъ по смѣнѣ ихъ прошло довольное время, а никакого отъ тѣхъ капрала и солдатъ здѣсь разглашенія до сего времени слышно не было, то сего ради объ ономъ нынѣ слѣдствія не производить; однакожь, на будущее время, взять отъ баталіона извѣстіе, какого оные капраль и солдаты поведенія, и не были-ль они прежде того караула, такъ какъ и по смѣнѣ съ онаго, въ какихъ продерзостяхъ и что по тому извѣстію окажется, тогда можно будетъ сдѣлать секретно за ихъ поступками примѣчаніе.

5) Изъ допросовъ оказалось, что Батуринъ въ казармѣ писалъ книгу, а потому чайтельно, что иногда она и нынѣ у него есть, то полковнику Бередицкову отписать, чтобъ онъ Батурина, равно и въ казармѣ, самъ какъ возможно вездѣ обыскалъ, нѣтъ ли у него сверхъ показанной книги, другихъ какихъ писемъ и буде онъ найдетъ, то-бъ, не читая оныхъ, запечатавъ, прислалъ къ

нему, Генераль-Прокурору, немедленно. 6) Что-жь касается до присланной изъ Комендантской Канцеляріи заговорной тетрадишки, которая въ самомъ дѣлѣ наполнена самыми пустыми, сумазбродными словами, какъ она достойна по самому разуму и существу презрѣнія, то объ оной, чья она подлинно доискиваться нужды дальнѣйшей не настоятъ, чего ради болѣе объ оной не слѣдовать, но жечь“.

По этому опредѣленію Батурина, 14 ноября 1769 года, былъ отправленъ изъ Шлюссельбурга, на почтовой подводѣ, за карауломъ унтеръ-офицера и трехъ солдатъ сенатской роты, сперва въ Москву, къ генераль-фельдмаршалу графу Салтыкову, оттуда препровожденъ, при письмѣ князя Вяземскаго на имя Тобольскаго губернатора, въ городъ Тобольскъ, и далѣе въ Охотскъ, откуда только въ іюлѣ 1770 года онъ былъ посланъ въ мѣсту вѣчнаго своего заключенія—въ Камчатскій Большерѣцкій острогъ.

Любопытна дальнѣйшая судьба Батурина. Въ 1771 году, онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ извѣстномъ бунтѣ Бениовскаго и его отважномъ плаваніи по Тихому океану. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года, Батурина былъ убитъ на островѣ Формозѣ, при нападеніи шайки Бениовскаго на одно Китайское селеніе.

УЗНИКЪ СПАСО-ЕВѢИМІЕВА МОНАСТЫРЯ.

Въ 1802 году, Владимірскій губернаторъ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ ¹⁾, объѣзжая свою губернію, посѣтилъ знаменитый Суздальскій Спасо-Евѣиміевъ монастырь. Онъ смотрѣлъ *сумасшедшихъ*, заключенныхъ въ этой „Россійской Бастиліи“, и одинъ изъ несчастныхъ, именно отставной бригадиръ баронъ Ѳедоръ Фридриховичъ Ашъ, остановилъ на себѣ особенное вниманіе губернатора. По окончаніи объѣзда, 15-го марта того же года, князь Долгоруковъ донесъ сенату, что заключенный въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь баронъ Ашъ совершенно здоровъ и можетъ быть выпущенъ на свободу. Представленіе это осталось, однако, безъ послѣдствій. Черезъ нѣсколько времени князь рѣшился повторить свое ходатайство слѣдующимъ письмомъ на имя генераль-прокурора Беклешева ²⁾:

„Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Александръ Андреевичъ! Зная, сколь готово сердце государево благодѣтельствовать несчастнымъ, и сколь пріятно вашему

¹⁾ Нашъ извѣстный писатель кн. Ив. М. Долгоруковъ (1764—1823) былъ губернаторомъ въ Владимірѣ съ 8-го февраля 1802 г. по 23-го марта 1812 г.

²⁾ Александръ Андр. Беклешевъ (1743—1808) былъ генераль-прокуроромъ съ 7-го іюля 1799 г. по 2-е февраля 1800 г. и съ 16 марта 1801 г. по 8-е сентября 1802 г.

находить случай къ исходатайствованію его щедротъ, не боюсь провиниться передъ вашимъ высокопревосходительствомъ слѣдующимъ моимъ покорнѣйшимъ донесеніемъ.

„Въ объѣздѣ моемъ по нѣкоторымъ городамъ Владимірской губерніи былъ я и въ Суздаль, гдѣ поставилъ первую мою обязанностію осмотрѣть содержащихся въ Спасо-Евѣиміевѣ монастырѣ сумасшедшихъ, коихъ по указу правительствующаго сената повелѣно время отъ времени, до совершеннаго ихъ выздоровленія, свидѣтельствовать. Тамъ, между сими несчастными видѣлъ я и бригадира барона Аша, который уже не только совсѣмъ здоровъ, но и по зрѣломъ его испытаніи не предвидится недостойнымъ быть свободы. Я, по первомъ ихъ осмотрѣ, минувшаго марта 15-го дня, имѣлъ честь, представя о состояніи каждаго изъ нихъ вѣдомость, упомянуть правительствующему сенату о выздоровленіи сего поврежденнаго, какъ членомъ врачебной управы, такъ и архимандритомъ того монастыря засвидѣтельствованномъ, но до сихъ поръ не видя перемѣны въ его участи, осмѣлился подвигнуть къ состраданію челоуѣколюбивое сердце ваше. Баронъ Ашъ совершенно здоровъ и уже столько начинаетъ чувствовать вліянія случаевъ внѣшнихъ надъ собою, что продолженіе его заточенія не исправить могло его въ чемъ-либо, но паче было бы токмо способно привести въ гибельное отчаяніе. Почитая долгомъ моимъ соболѣзновать о несчастныхъ и привлекать къ нимъ вниманіе сильныхъ на землѣ, любя сходить въ тѣ жилища скорби, гдѣ скрипятъ еще доселѣ веревы ужаса, и поражаютъ слухъ узы темничныя, не смѣлъ я отречься отъ убѣдительноѣйшей просьбы помянутаго барона Аша о его освобожденіи, не смѣлъ скрыть отъ васъ, что я видѣлъ сего заключеннаго безумца, который и по выздоровленіи своемъ еще всѣ злосчастія убійственнаго заключенія претерпѣваетъ. Если ваше высокопревосходительство найдете меня здѣсь виновнымъ, а можетъ быть и дерзкимъ, потому что за представленіемъ моимъ одинажды правительствующему

сенату, которое осталось безуспѣшно и долженствовало какъ бы послужить мнѣ увѣдомленіемъ, что или рано еще барону Ашу пользоваться свободою, или не въ обязанности моей о томъ ходатайствовать, — осмѣлился обременить васъ симъ новымъ моимъ донесеніемъ; въ такомъ случаѣ воззрите благосклонно на одну чувствительность и добродушіе мое, побудившія меня къ такому поступку, основанному на удостовѣреніи въ благости монаршей и вашего высокопревосходительства къ страждущимъ сердоболіи. Счастливымъ себя почту, когда таковой со стороны моей поступокъ удостоится вашего вниманія и послужитъ вамъ, съ одной стороны, опытомъ неусыпнаго моего о исполненіи должности моей по́печенія, а съ другой, доказательствомъ тѣхъ чувствъ, коими я преисполненъ будучи къ высокопочтеннѣйшей особѣ вашей, за честь вмѣняю до конца жизни моей быть и называться вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга князь Иванъ Долгоруковъ“.

„Іюля 4-го дня 1802 года, Владиміръ“.

Но и послѣ этого письма несчастный протомился въ неволѣ еще шесть лѣтъ....

Отставной бригадиръ баронъ Федоръ Фридриховичъ Ашъ родился въ Петербургѣ 5-го апрѣля 1728 года, и былъ старшимъ сыномъ Петербургскаго почтъ-директора барона Фридриха Юрьевича Аша ¹⁾).

¹⁾ Въ Родословн. книгѣ кн. П. В. Долгорукова, въ статьѣ о баронахъ Ашъ (ч. 3, стр. 303), поименованы только три сына барона Фридриха Аша: Петръ, Егоръ и Иванъ. Теперь оказывается, что онъ имѣлъ еще четвертаго—*Федора*, забытаго всѣми узника Спасо-Евѣиміева монастыря. Изъ письменныхъ документовъ, которые служили матеріалами для этой статьи, видно также, что баронъ Фридрихъ Ашъ имѣлъ еще трехъ дочерей: старшая, Анна, была за генераль-прокуроромъ графомъ П. И. Ягужинскимъ, съ которымъ, какъ извѣстно, была разведена, но *причинъ задумчиваго и страннаго ея нрава*, и заключена въ одинъ изъ Московскихъ дѣвичьихъ монастырей, гдѣ и скончалась; другая дочь—Александра была за Вас. Мих. Ребиндеромъ (1730—18.), и, наконецъ, послѣдняя—за *графомъ Матюшкинымъ* (?).

*

Фамилія Ашъ (Asch) дѣлается у насъ извѣстною только съ прїѣзда изъ Силезіи означеннаго Фридриха Аша. Это случилось въ 1706 году, то есть, черезъ четыре года послѣ того, какъ по всей Европѣ распространился знаменитый манифестъ Петра Великаго о призывѣ иностранцевъ въ Русскую службу¹⁾. Фридрихъ Ашъ былъ опредѣленъ прямо секретаремъ въ штабъ генерала Ренна, кавалерійскій отрядъ котораго входилъ, въ то время, въ составъ отдѣльнаго корпуса, присланнаго Петромъ въ помощь Польскому королю Августу, противъ Карла XII. Ашъ, всюду слѣдовавшій за своимъ храбрымъ начальникомъ, отправился съ нимъ и въ Малороссію, куда были перенесены военныя дѣйствія, вслѣдствіе измѣны Мазепы. Въ славный день Полтавскаго боя, генераль Реннъ, жестоко раненый въ бою, передалъ командованіе старшему полковнику Вейсбаху²⁾. Перемѣна начальника не могла имѣть особеннаго значенія для Аша: онъ уже упрочилъ за собою служебное положеніе по способности быть замѣтнымъ и нужнымъ, какъ въ канцеляріи, такъ и на полѣ битвы, куда безпрестанно являлся за полученіемъ приказаній. Въ 1711 году, во время Прутскаго похода, Ашъ былъ назначенъ секретаремъ же къ генералу Вейде³⁾. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался извѣстнымъ Петру I. Великій монархъ очень скоро обратилъ вниманіе на ловкаго, способнаго Нѣмца и находилъ, что онъ съ успѣхомъ можетъ быть употребленъ и „для другихъ, болѣе тонкихъ матерій“. Послѣ Прутскаго похода Ашъ оставилъ военную службу и въ 1712 году былъ отправленъ въ Митаву, для занятія должности

¹⁾ Манифестъ изданъ 16 апрѣля 1702 г. (Полн. Собр. Зак. Р. И. т. IV. № 1910, с. 192).

²⁾ Иоганнъ-Бернгардъ Вейсбахъ, въ послѣдствіи графъ, родомъ Чехъ; вступилъ въ Русскую службу въ 1707 г., ум. 1735 г.

³⁾ Адамъ Адамовичъ Вейде, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ по участию въ слѣдствіи надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ умеръ въ 1720 году и, хотя былъ не православнаго исповѣданія, похороненъ въ Александрово-Невской лаврѣ.

секретаря при дворѣ вдовствующей герцогини Курляндской Анны Иоанновны. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о пребываніи Аша въ Митавѣ. Только нѣкоторые косвенныя указанія даютъ основаніе предполагать, что въ нѣсколько лѣтъ Ашъ сдѣлался весьма нужнымъ человекомъ и при дворѣ герцогини. Это видно, напримѣръ, изъ того, что въ 1719 году, когда Ашъ, по приказанію Петра, былъ назначенъ секретаремъ къ генералу Вейсбаху, отправляемому съ дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну,—Анна Иоанновна долго не соглашалась отпустить его и уступила, наконецъ, необходимости, единственно въ уваженіе собственноручнаго письма Петра, въ которомъ тотъ обѣщалъ племянницѣ возвратить Аша, по окончаніи возложеннаго на него порученія въ Вѣнѣ.

Генералъ Вейсбахъ, бывшій начальникъ Аша, командовалъ въ то время драгунскою дивизіею, расположенною въ Смоленскѣ. Петръ Великій отправлялъ его въ Вѣну „какъ бы для собственныхъ дѣлъ“, но въ дѣйствительности ему поручалось развѣдать о причинахъ явнаго охлажденія Карла VI къ Россіи и возобновить съ нимъ, по возможности, старинную дружбу. На аудіенціи 1-го января 1720 года императоръ Римскій обошелся съ Вейсбахомъ весьма благоклонно и выражалъ самыя дружественныя чувства къ Петербургскому двору. Этимъ означивалось порученіе Вейсбаха, но отъѣздъ его замедлился новымъ и весьма важнымъ обстоятельствомъ. Въ Вѣну пріѣхалъ посоль герцога Голштинскаго Карла-Фридриха съ жалобой на Датскаго короля, отнявшаго у герцога значительную часть его владѣній. Австрійскіе министры, давъ замѣтить послу, что въ настоящее время императоръ Римскій ничего не можетъ сдѣлать въ пользу герцога, совѣтовали ему, отъ имени императора, обратиться за помощію къ Петру Великому и ручались за успѣхъ, особенно въ томъ случаѣ, если герцогъ предложитъ руку какой-либо изъ принцессъ—его дочерей. Голштинскій

посоль донесъ о томъ своему герцогу, и тотъ послѣшилъ прислать ему свое согласіе и полномочіе переговорить обо всемъ съ Русскимъ посломъ. Петръ нашель, съ своей стороны, выгоднымъ принять подъ свою защиту и породниться съ молодымъ герцогомъ Голштинскимъ, племянникомъ Карла XII и ближайшимъ наслѣдникомъ Шведскаго престола, а потому далъ знать Вейсбаху, что онъ желалъ бы видѣть герцога у себя, въ Петербургѣ. Вслѣдъ затѣмъ, графъ Ягужинскій былъ посланъ смѣнить Вейсбаха, которому приказано возвратиться въ своей дивизіи въ Смоленскъ, а секретарю Ашу—прибыть въ Петербургъ. Можно думать, что вообще честь успѣха дипломатическихъ переговоровъ въ Вѣнѣ и самого сватовства принадлежитъ секретарю Ашу больше, чѣмъ Вейсбаху. Австрійскіе министры и особенно духовникъ императора предлагали Ашу свои ходатайства о возведеніи его въ баронское достоинство; но онъ отказался отъ лестнаго отличія, вѣроятно, не желая возбуждать ревности Вейсбаха. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ашъ представился императору, который обласкалъ его и, подаривъ 1000 рублей, отправилъ назадъ въ Митаву. Въ половинѣ 1724 года Ашъ былъ опять вызванъ въ Петербургъ и назначенъ сперва секретаремъ Петербургской почтовой конторы, а потомъ Петербургскимъ почтъ-директоромъ, на мѣсто старика Краузе. Можетъ быть, Аша ожидала блестящая карьера, потому что онъ пользовался большимъ довѣріемъ императора ¹⁾.

Но Великаго Петра не стало. Закатилось красное солнце, и мрачная эпоха временщиковъ свинцовою тучей повисла надъ Петербургомъ. Въ это тяжелое время челоуѣку, занимавшему сколько-нибудь видное мѣсто, нужно было имѣть

¹⁾ Академикъ Штелинь, собирая, въ послѣдствіи, свѣдѣнія о Петрѣ I, обращался и къ Ашу, какъ очевидцу и свидѣтелю дѣяній великаго преобразователя, и записалъ со словъ его два весьма примѣчательныхъ разсказа (Любопытн. и достопамятн. сказанія о императ. Петрѣ Великомъ. Спб. 1787).

много житейской мудрости, чтобъ обезпечить себя отъ всѣхъ случайностей и перемѣнъ счастья; нужно было много такта, чтобъ успѣшно лавировать между партіями и, не приставаая ни къ одной изъ нихъ, пользоваться постояннымъ общимъ благорасположеніемъ. Почтъ-директоръ Ашъ былъ угоденъ и Меньшикову, и Долгорукимъ, и Бирону, и Миниху. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, Ашъ могъ спокойно устраивать и свои семейныя дѣла. Старшій сынъ его и любимецъ—Федоръ былъ записанъ въ шляхетный кадетскій корпусъ. Другіе двое, Егоръ и Петръ¹⁾, уже въ царствованіе Анны Иоанновны, были посланы учиться на казенный счетъ въ Геттингенъ, и наконецъ, послѣдній—Иванъ былъ опредѣленъ студентомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ²⁾.

Императрица Анна Иоанновна не забывала бывшаго своего секретаря: она жаловала Аша мызами въ Лифляндіи и, кромѣ того, подарила ему такъ называемыя „шватульныя деньги“, которыя были отпускаемы ей со временъ Петра Великаго, къ каждому новому году. Эти деньги Ашъ отправилъ въ Амстердамскій банкъ, и въ девять лѣтъ у него составилаь такимъ образомъ сумма въ сто тридцать шесть тысячъ рублей. Дворцовый переворотъ 1741 года прошелъ для Аша также благополучно, какъ и всѣ предыдущіе. Въ 1744 г. онъ былъ произведенъ въ подполковничій рангъ; а въ 1749 году, ему пожалована въ пожизненное владѣніе мыза Хотиницъ, Ямбургскаго уѣзда. Сынъ Аша, Федоръ, былъ наконецъ выпущенъ въ офицеры, но почему-то весьма скоро затерялся въ армейскихъ полкахъ, и только въ Семилѣтнюю войну дѣятельность его и самое имя становятся нѣсколько извѣстными. Въ 1757 г. онъ былъ командированъ въ Ригу для формироваія запасныхъ баталіоновъ и тутъ впервые обратилъ на себя общее вниманіе весьма, однако, страннымъ

¹⁾ Впослѣдствіи оба получили извѣстность искусныхъ врачей.

²⁾ Былъ потомъ Россійскимъ резидентомъ въ Польшѣ.

обстоятельствомъ: никто не получалъ раньше его извѣстій, и притомъ самыхъ точныхъ, прямо съ театра военныхъ дѣйствій. Извѣстія эти, опережавшія часто даже официальные донесенія, онъ немедленно сообщалъ отцу своему въ Петербургъ. Вѣсть о пораженіи Фридриха Великаго при Гохъирхѣ (14-го октября 1758 г.) прислана Ашемъ въ Петербургъ цѣлыми сутками ранѣе прибытія туда, съ официальнымъ донесеніемъ о томъ же событіи, Австрійскаго курьера графа Кампителли. Въ 1760 году, Федоръ Фридриховичъ Ашъ отправился въ дѣйствующую армію, къ которой и прибылъ осенью, именно въ то время, когда Австрійцамъ удалось, наконецъ, склонить Русскаго главнокомандующаго графа Салтыкова идти на Берлинъ. Австрійцы торопились въ Прусскую столицу, рассчитывая на богатую добычу, и къ величайшей досадѣ не встрѣчали желаемаго сочувствія въ своихъ союзникахъ Русскихъ. Симпатіи Аша были, напротивъ того, на сторонѣ Австрійцевъ, и онъ, вскорѣ по занятіи Берлина, оказалъ имъ важную услугу: Ашъ донесъ по начальству о существованіи тайныхъ сношеній Русскаго генерала графа Тотлебена съ Прусскими генералами ¹⁾. Обнаруженіе этой интриги, парализовавшей дѣйствія союзной арміи, весьма обрадовало Вѣнскаго двора. Императоръ

¹⁾ Тотлебенъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ былъ преданъ военному суду. Дѣло о немъ кончилось уже при Екатеринѣ. Высочайшимъ указомъ, отъ 11-го апрѣля 1763 г., повелѣно: Готлиба Бурга Генриха графа фонъ-Тотлебена, „обличеннаго въ вредительныхъ противу Россійскаго государства намѣреніяхъ“ вывести подъ крѣпкимъ карауломъ на границу имперіи и тамъ, прочитавъ ему настоящій указъ, отнять всѣ чины и кавалеріи и взыть подписку, ни подъ какимъ видомъ, никогда не въѣзжать въ Россію; въ противномъ же случаѣ, всякій, кто увидитъ и узнаетъ его, „имѣетъ право отнять у него живото, какимъ заблагоразсудится образомъ, и тѣмъ не преступить ни правъ гражданскихъ, ни военныхъ, ниже обще-народныхъ, которыя его Тотлебена защищать, яко измѣнника, выгнаннаго изъ Россійскаго государства, болѣе не могутъ“. Полн. Собр. Законовъ Рос. Имп. Т. XVI, стр. 222. Въ 1769 году Тотлебенъ былъ прощенъ и съ отличіемъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ.

Францъ I пожаловалъ отцу Аша и его роду баронское достоинство ¹⁾.

Это было послѣднею радостію Петербургскаго почтъ-директора. Вступленіе на престоль Екатерины какъ-бы внезапно отняло у Аша все его благополучіе и сдвинуло его съ той колеи, по которой онъ шелъ такъ спокойно и ровно болѣе полувѣка. За почтамтомъ открылись большіе денежные недочеты. Въ 1764 году баронъ Фридрихъ Ашъ былъ уволенъ отъ службы, съ обязательствомъ составить отчеты о переходящихъ суммахъ почтамта; не представленные имъ въ продолженіе 17 лѣтъ. Ашъ три года трудился сводить приходъ съ расходомъ, но работа эта не повела ни къ чему: цифры не могли замѣнить исчезнувшихъ рублей. Для приведенія въ ясность счетовъ почтамта была учреждена, по высочайшему повелѣнію, особая счетная экспедиція при иностранной коллегіи, первымъ и единственнымъ, извѣстнымъ намъ, дѣйствіемъ которой было наложеніе запрещенія на имущество барона Аша. Легко себѣ представить, какимъ тяжелымъ бременемъ легли всѣ эти невзгоды на душу маститаго барона. Старшій и любимый его сынъ Ѳеодоръ, извѣстный по Тотлебенскому дѣлу, былъ также уволенъ, въ 1766

¹⁾ Баронскій дипломъ былъ высланъ Ашу только въ 1762 г., по воцареніи Екатерины II. Причина этого промедленія была слѣдующая: сперва наводили подробнѣйшія справки о прежней службѣ Аша, потомъ составлялся проектъ герба, который нѣсколько разъ пересылался изъ Вѣны въ Петербургъ и оттуда съ замѣчаніями и поправками Аша возвращался назадъ. Но больше всего было хлопотъ съ выборомъ девиза. Ашу весьма желательно было имѣть девизъ *Virtute Duce*, и въ концѣ концовъ онъ настоялъ на этомъ. Сохранился переводъ съ Австрійскаго диплома, присланнаго Русскому почтъ-директору. Выпишемъ болѣе характерное мѣсто: „Находящійся нынѣ въ Россійской императорской службѣ статскій совѣтникъ, намъ и имперіи любезно-вѣрный Фридрихъ фонъ-Ашъ... готовъ въ пользу нашу и освященной Римской имперіи, такожь за Аустрійскаго наслѣднаго дома и всего общества, по возможности и силѣ его до конца жизни за-всегда усердствовать, что онъ дѣлать очень можетъ, имѣетъ и долженъ“. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ дипломѣ ни разу не упомянуто о заслугѣ Ѳедора Фридриховича Аша по Тотлебенскому дѣлу.

году, отъ службы съ чиномъ бригадира и пенсіей. Онъ пересѣлился на житье въ Петербургъ къ опальному отцу своему. Оба недовольные новымъ царствованіемъ, новыми порядками, они уединились отъ всѣхъ и никогда не могли помириться съ своимъ положеніемъ. Но и они, подобно другимъ недовольнымъ того времени, подверглись бы одинаковой участи со всѣми—историческому забвенію, если бы черезъ четыре года послѣ смерти бывшаго почтъ-директора Аша ¹⁾, въ тайной экспедиціи не возникло дѣло, которое привело сына его, отставнаго бригадира барона Федора Фридриховича, къ заключенію сперва въ Динамюндскую крѣпость, а потомъ въ Суздальскій Спасо-Евѣиміевъ монастырь. Дѣло это, не столько важное, сколько странное и неожиданное, замѣчательно потому, что исходнымъ пунктомъ его или причиною былъ знаменитый меценатъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

По вступленіи на престолъ Екатерины, Шуваловъ, какъ извѣстно, удалился отъ двора и въ продолженіе 15 лѣтъ проживалъ въ чужихъ краяхъ. 6-го сентября 1777 года, онъ возвратился наконецъ въ Петербургъ. Императрица Екатерина не особенно уважала душевныя качества бывшаго любимца Елисаветы. Нерѣшительность его характера, мнительность и малодушіе она ѣдко описала въ своей сатирѣ о „нерѣшительномъ“, помѣщенной въ первой книгѣ журнала „Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова“ ²⁾. Еще рѣзче

¹⁾ Баронъ Фридрихъ Ашъ скончался 5-го декабря 1773, а не 1771 года, какъ показано во всѣхъ справочныхъ словаряхъ.

²⁾ „Есть у меня сосѣдъ, который въ младенствѣ слылъ умницею, въ юность оказывалъ желаніе умничать, въ совершеннѣйшій каковъ,—увидите изъ слѣдующаго: онъ ходитъ бодро, но когда два шага сдѣлаетъ на право, то одумавшись, поидетъ на лѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои повуждаютъ его идти впередъ, потомъ возвращается вспять. Каковъ же путь его, таковы и мысли.. Когда я гляжу на него, тогда онъ, утупя глаза въ полъ, передо мною важничаетъ, труса однако мнѣ мысленно,“ и т. д. См. Матеріалы для исторіи журнальн. и литературн. дѣятельности Екатерины II. соч. П. Пекарскаго (Прилож. къ III тому Зап. Имп. Академіи Наукъ, № 6, стр. 11).

она отозвалась о немъ въ письмѣ къ Станиславу Понятовскому ¹⁾. Но не смотря на это, Шуваловъ, по возвращеніи изъ-за границы, былъ принятъ весьма благосклонно и даже пожалованъ въ оберъ-камергеры: у Екатерины была своя система относительно временщиковъ прежнихъ царствованій.

Утромъ 20-го октября 1777 года, отставной бригадиръ баронъ Ашъ пришелъ въ домъ оберъ-камергера Шувалова и сказалъ, что имѣетъ крайнюю надобность видѣть хозяина. Прислуга объяснила, что его превосходительство еще почи-ваетъ. Баронъ Ашъ настаивалъ на своемъ и требовалъ доложить о своемъ приходѣ. Приглашенный наконецъ въ спальню Шувалова, баронъ Ашъ вручилъ запечатанный пакетъ, адресованный на его имя. Шуваловъ раскрылъ письмо и съ удивленіемъ увидѣлъ въ концѣ его подпись: *Баронъ Фридрихъ Ашъ. Спб. Марта 4-го дня 1773.* Ашъ объяснилъ, что письмо это, написанное его покойнымъ отцомъ, не могло быть доставлено раньше, за нахожденіемъ Шувалова въ чужихъ краяхъ. Письмо покойнаго заключало въ себѣ слѣдующее:

„Милостивый государь! Глубокая старость моя, каеъ мнѣ уже отъ роду 85 лѣтъ, и здравіе мое, отъ времени до времени ослабѣвающее, отнимаютъ у меня всю надежду дожить до того радостнаго дня, когда ваше императорское высочество, по счастливомъ возвращеніи въ государство ваше, съ помощію Всемогущаго Бога, вступите на всероссійскій императорскій престолъ, въ несказанной радости всѣхъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ.

„Не доживъ до чрезвычайной радости персонально принести вамъ мое усерднѣйшее поздравленіе съ восшествіемъ, я не премину пожелать того симъ письмомъ и принести вамъ, милостивѣйшему государю, мою должную благодарность за всѣ

¹⁾ Прилож. къ III тому Зап. Имп. Академіи Наукъ. № 6, стр. 15.

оказанныя мнѣ милости, за благосклонныя оферты отъ васъ, за довѣренность, а паче за то, что ваше высочество, передъ отъѣздомъ въ чужіе края, удостоили меня, низайшаго слугу, вашимъ милостивымъ посвщеніемъ.

„Удовольствіе большое имѣлъ я въ томъ, что, служа предкамъ вашимъ 58 лѣтъ, служилъ я также въ Божѣ почивающей матушѣ вашей, блаженной и вѣчной славы достойной государынѣ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, еще въ бытность ея въ Митавѣ, — честь, которую имѣли только нѣсколько ея подданныхъ.

„По преемственной линіи въ правленіи Всероссійской имперіи отъ государя и царя Іоанна Алексѣевича, по немѣвнью отъ него наслѣдниковъ, Всевышній Творецъ предназначилъ ваше высочество къ принятію Всероссійской императорской короны, чего искренно желаютъ всѣ ваши вѣрно-подданные, которые только извѣстны о высокой особѣ вашей.

„Для восшествія вашего высочества на императорскій престолъ потребно будетъ освободить дворецъ отъ обрѣтающихся нынѣ въ немъ императрицы и его высочества.

„Къ сей важной и секретнѣйшей экспедиціи вашему высочеству потребно такихъ подданныхъ вашихъ вѣрныхъ и надежныхъ, которые справедливыя причины имѣютъ быть недовольными нынѣшнимъ правленіемъ; въ числѣ такихъ извѣстныхъ мнѣ многихъ персонъ находится и сынъ мой старшій, Ѳедоръ, писатель сего списаннаго моего концепта, и который сіе вашему высочеству въ собственныя руки вручить честь имѣть будетъ. Вудучи два года первымъ полковникомъ по всей регулярной арміи, онъ, въ 1766 году былъ отставленъ отъ воинской службы съ чиномъ бригадира и пенсіею. Въ то время ему было только 39 лѣтъ и при добромъ здравіи онъ былъ еще въ состояніи нести полевыя службы, къ чему по инклинаціи его онъ охоту имѣлъ. Прочее его недовольствіе, по полученному дозволенію, онъ самъ объяснить вашему высочеству.

„Изъ истиннаго къ вашему высочеству усердія осмѣливаюсь вамъ онаго сына моего рекомендовать для восшествія вашего на престолъ исправляющейся важной комиссіи и увѣренъ я, что онъ исправлять будетъ оную съ крайнимъ радѣніемъ; понеже онъ по Тотлебенскому дѣлу уже себя оказалъ, что онъ въ такимъ комиссіямъ способенъ, тѣмъ наиболѣе, что то дѣло онъ самъ собою сдѣлалъ, исполняя тѣмъ свою присягу, наблюдая интересъ своей императрицы и сего государства, отечества его, для охраненія отъ опасности непріятели, понеже въ то время марширующая побѣдами славная армія въ трехъ дивизіяхъ, двумя особливими колоннами, была уже близъ непріятельскаго корпуса въ 20.000 человекъ, подъ командою генераль-поручика барона Гольца, также и отъ легкихъ войскъ подъ командою генераль-поручика Вернера. Какъ скоро вышеобъявленный генераль Гольцъ объ арестованіи генерала графа Тотлебена извѣстіе получилъ, то ему и приключилась смерть параличкою. Сынъ мой могъ при ономъ дѣлѣ потерять свою честь и благополучіе, ежели бы не досталъ довольныхъ доказательствъ о корреспонденціи Тотлебена съ непріятеlemъ.

„Ежели ваше высочество къ исправленію упомянутой комиссіи его удостоить соблагородите, то я ему симъ даю въ сей секретной экспедиціи мое родительское благословеніе. Я приказалъ ему подъ клятвою никому не говорить объ этомъ письмѣ, хотя брату родному. При всемъ томъ я увѣренъ, что всѣ мои сыновья и зять мой, за шталмейстера правящій генераль-маіоръ Ребиндеръ, ваше высочество за настоящаго государя нашего съ истиннымъ глубочайшимъ респектомъ почитаютъ.

„Милостивѣйшій государь, позвольте мнѣ теперь вамъ и мою принужденную просьбу къ стопамъ вашимъ всенижайше представить. Понять я не могу, отъ чего ея величество на меня и на сыновей моихъ, а наипаче на сына Федора, гнѣвна, не имѣвъ къ тому, сколь мнѣ извѣстно, отъ насъ какой причины.

„Въ 1764 г. уволенъ я именованъ указомъ отъ службы моей съ тѣмъ, чтобъ мнѣ сочинить 17-ти лѣтніе почтовые счета, которыхъ во время моей дирекціи при почтамтѣ никоимъ образомъ сочинить не могли, по нижеслѣдующимъ резонамъ: 1) по множеству отправленій почтъ и эстафетъ, къ чему я не имѣлъ столько служителей, сколько при теперешнемъ почтамтѣ находится; 2) по имѣющейся секретной экспедиціи, которая мнѣ одному 38 лѣтъ, за все время, какъ я былъ почтъ-директоромъ, препоручена была, при которой должности я по большей части и здоровья моего лишился, и 3) для сочиненія тѣхъ почтовыхъ счетовъ я не имѣлъ потребнаго числа людей.

„Во исполненіе именнаго указа я сталъ сочинять счета въ моемъ домѣ въ 1765 г. по 1767, а въ 1768 году взяты были отъ меня всѣ начатые счета, приходо-расходныя книги и квитанціи отъ чужестранныхъ почтамтовъ въ полученіи денегъ отъ здѣшняго почтамта, и все это передали въ учрежденную при иностранной коллегіи счетную экспедицію. О концѣ сихъ счетовъ я, въ крайнему моему прискорбію, ничего не слышу, только извѣстенъ, что на домъ мой положенъ севестръ.

„Когда я сдавалъ свою должность и казну ея величества канцеляріи совѣтнику и почтъ-директору Эку, то я объявилъ ему, что надлежитъ уплатить долгъ нѣкоторымъ чужестраннымъ почтамтамъ, но на оное ничего чинено не было. По сей причинѣ тѣ почтамты часто стали писать ко мнѣ о платежѣ тѣхъ долговыхъ денегъ. Дабы честь вашего государства не тронута была, я уплатилъ изъ собственнаго моего имѣнія Варшавскому и Шведскому почтамтамъ около 20,000 рублей и объ этомъ донесъ рапортомъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, дабы, по окончаніи моихъ счетовъ, тѣ деньги мнѣ возвращены были. Прусскій почтамтъ такожь требовалъ платежа почтовыхъ денегъ и за тѣ даже годы, когда Пруссія, во время бывшей войны, состояла подъ

Россійскою державою, къ чему я противился, и тотъ платежъ оному почтамту за тѣмъ резонемъ я не платилъ, а уплачены оныя всѣ изъ казны Ея Величества.

„А какъ вышеупомянутые сѣты мои не окончены, и тѣмъ мнѣ о возвратѣ моихъ денегъ просить не можно, того для всепокорнѣйше прошу ваше высочество, по благополучномъ восшествіи вашемъ на Всероссійскій престолъ, всемилостивѣйше указать выдать вышеобъявленныя деньги наслѣдникамъ моимъ.

„Блаженной и вѣчной памяти достойная императрица Елисавета Петровна пожаловала мнѣ въ 1749 году въ Ингерманландіи, по смерть мою, мызу Хотиницы съ 309 душами. По ея же величества высочайшему рескрипту всемилостивѣйше обѣщано сыну моему Ѳедору, по Тотлебенскому дѣлу, пожаловать деревней, о которой онъ, по окончаніи дѣла того, просилъ, но обѣщаннаго не получилъ, а вмѣсто того высочайшею резолюціею ему назначено было получить при первой вакансіи арендную мызу; но сынъ мой того принять не могъ, ибо милость сія не сходственна высочайшаго рескрипта. Того ради всепокорнѣйше прошу ваше высочество, когда всемогущій Богъ васъ тою милостію наградить, пожаловать ту мызу обиженному сыну моему Ѳедору.

„Препоруча наконецъ себя и всю фамилію мою вашей высокой милости, мнѣ остается теперь, какъ стоящему у края могилы, только молиться Всевышнему о всегдашнемъ здравіи вашего высочества до позднѣйшихъ временъ, о благополучномъ восшествіи вашемъ на прародительскій престолъ, о счастливомъ правленіи вашего государства, о знатныхъ побѣдахъ орудій вашихъ, о благополучномъ бракосочетаніи съ достойною принцессою, и чтобъ тѣмъ никогда не былъ бы недостатокъ въ высочихъ наслѣдникахъ Всероссійскаго императорскаго престола. Пребываю съ глубочайшимъ высочопочитаніемъ по вѣкъ мой, вашего императорскаго высочества, милостивѣйшаго государя, всепокорнѣйшій слуга Баронъ Фридрихъ Ашъ“.

„С.-Петербургъ, марта 4-го дня 1773 г.“

Прочитавъ это странное письмо, конечно, съ величайшимъ смущеніемъ, Шуваловъ поспѣшилъ одѣться и, пригласивъ барона Аша подождать въ спальнѣ, поѣхалъ съ письмомъ прямо во дворецъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вернулся домой и сейчасъ же, вмѣстѣ съ Ашемъ, отправился далѣе, къ генераль-прокурору князю Вяземскому, которому вручилъ, вмѣстѣ съ письмомъ, высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Взявъ Аша къ себѣ въ домъ, спросить кто то письмо писалъ, и буде онъ скажетъ что письмо писано имъ, Ашемъ, то его тотчасъ арестовать и потомъ о написанной въ томъ письмѣ важности допросить, и что покажетъ, намъ донести“.

Генераль-прокуроръ, прочитавъ письмо отъ начала до конца, обратился къ барону Ашу съ вопросомъ: „Кто писалъ это преступническое письмо, и для чего Шуваловъ титулуется императорскимъ высочествомъ, тогда какъ онъ не больше какъ Россійскій дворянинъ?“ „Письмо писано собственною моею рукою“, отвѣчалъ Ашъ, — „а подписано моимъ покойнымъ отцемъ. Шуваловъ же титулуется императорскимъ высочествомъ потому, что онъ есть сынъ покойной императрицы Анны Іоанновны, рожденный отъ Бирона“.

Ашъ былъ тотчасъ же арестованъ, и спустя нѣкоторое время, приведенъ къ допросу. Князь Вяземскій предложилъ ему рассказать обстоятельства и поводы написанія письма.

„Въ мартѣ 1773 года“, началъ Ашъ, „отецъ призывалъ меня въ свой кабинетъ и, подавая написанное собственною его рукою письмо, сказалъ: „Садись здѣсь, Ѳеодоръ, и перепиши эту бумагу“. Привыкнувъ во всемъ быть послушнымъ отцу, я взялъ бумагу и списалъ съ нея копію. Потомъ батюшка подписалъ ее, вложилъ въ пакетъ и велѣлъ при себѣ запечатать его двумя печатами. Когда все было кончено, онъ сказалъ: „Я спрячу этотъ пакетъ до времени у себя, а потомъ когда-нибудь, передамъ его тебѣ“. 30-го ноября того же года батюшка мой тяжко заболѣлъ. Причастившись свя-

тыхъ тайнъ, онъ благословилъ меня и, доставъ затѣмъ пакетъ, сказалъ: „Вотъ то письмо, которое ты переписалъ. Отдай его, когда будетъ возможно, въ собственные руки Ивана Ивановича Шувалова. Будь, Федоръ, вѣренъ ему какъ законному своему государю“. Иванъ Ивановичъ былъ все это время въ чужихъ краяхъ, и я до сихъ поръ не могъ доставить ему этого письма, потому что по бѣдности моей не въ силахъ былъ предпринять далекаго путешествія“.

На слѣдующій вопросъ генераль-прокурора: Зналъ ли онъ, Ашъ, до переписыванія этого письма о такомъ происхожденіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Шувалова,—Ашъ отвѣчалъ, что еще до вступленія ея величества на престолъ, отецъ сказывалъ ему, что у покойной императрицы Анны Іоанновны былъ сынъ, но въ то время не открывалъ его имени; когда же ея величество изволила отправиться въ Москву на коронацію, то отецъ, отправляя письмо къ Шувалову, велѣлъ написать на конвертѣ только *Милостивѣйшему Государю*, и когда онъ, Ашъ, спросилъ отца, почему не прописывается его чина, тотъ въ первый разъ рѣшительно объявилъ, что Иванъ Ивановичъ есть принцъ, рожденный отъ императрицы Анны Іоанновны, а потому законный государь Россіи. „Сначала я усомнился въ этомъ“, продолжалъ Ашъ,—„такъ какъ зналъ, что Анна Іоанновна не имѣла мужа, но принявъ въ соображеніе правдивость моего отца, и что онъ, служа при императрицѣ, когда она жила въ Митавѣ съ своимъ камеръ-юнкеромъ, герцогомъ Курляндскимъ, долженъ знать это дѣло лучше другихъ,—я рѣшительно убѣдился, что Иванъ Ивановичъ Шуваловъ есть сынъ императрицы Анны Іоанновны и Бирона. Мнѣ вспомнилось тогда, то особенное почтеніе, которое отецъ съ давнихъ поръ оказывалъ Шувалову, и что портретъ его онъ постоянно имѣлъ предъ собою“.

„Были ли вы у присяги, при восшествіи на престолъ ея императорскаго величества?“ На этотъ вопросъ генераль-про-

курора Ашъ отвѣчалъ слѣдующее: „Признавая Шувалова за истиннаго государя, я не присягалъ ея величеству до тѣхъ поръ, пока не былъ опубликованъ указъ 1763 года, которымъ предупреждалось, что неприсягнувшіе и послѣ того указа будутъ оштрафованы. Присягу я чинилъ въ кадетскомъ корпусѣ и хотя повторялъ по напечатанному слова присяги, однако въ мысляхъ своихъ и въ сердцѣ давалъ эту клятву на вѣрность не великому князю, а Ивану Ивановичу. Точно также я присягалъ и на чинъ бригадира, данный мнѣ при отставкѣ.

Генераль-прокуроръ предложилъ послѣдній вопросъ: „Какое у васъ было намѣреніе при подачѣ письма Шувалову?“ „Если бы по прочтеніи письма, поданнаго мною Ивану Ивановичу, тотъ приказалъ мнѣ очистить дворецъ, я не задумался бы исполнить это приказаніе, хотя бы то стоило мнѣ жизни! Я поступилъ бы такимъ образомъ: сперва старался бы розыскать всѣхъ служащихъ, которые были обижены въ послѣднюю войну. Такихъ лицъ здѣсь очень много. Напримеръ, генераль Бергъ считаетъ себя обиженнымъ еще по Прусской войнѣ. Я хотѣлъ обратиться прямо къ нему. Мы собрали бы цѣлую военную команду изъ недовольныхъ, пошли бы во дворецъ, арестовали бы тамъ государыню съ великимъ княземъ, а Шувалова возвели бы на престолъ. Но я клянусь честью и вѣчнымъ блаженствомъ, что объ этомъ намѣреніи и о самомъ письмѣ я никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ, но хранилъ это въ глубинѣ моего сердца, возлагая всю надежду на одну только волю Шувалова“.

На этомъ прекратился допросъ. Барону Ашу было предложено дополнить свои показанія. 25-го октября онъ представилъ письменныя дополненія къ показаніямъ, въ которыхъ, какъ и въ изустныхъ отвѣтахъ, не замѣчалось ни малѣйшаго стремленія защитить или оправдать себя; напротивъ того, съ одушевленіемъ фанатика, готоваго претерпѣть

муку за свое вѣрованіе, онъ объяснялъ даже и то, о чемъ совсѣмъ не спрашивали его.

„Къ нынѣшней императрицѣ“, писалъ Ашъ въ своихъ дополненіяхъ,—„я не имѣю ни малѣйшаго усердія. Это она видѣла еще въ 1764 году, въ Ригѣ, во время смотра нашей Лифляндской дивизіи: объѣхавъ тогда фронтъ первой линіи, императрица повернула во вторую; послѣ минутной остановки и разговора съ генераль-маіоромъ принцемъ Карломъ Курляндскимъ, она приблизилась къ вѣренному мнѣ Нижегородскому пѣхотному полку и получила отъ знамени не такую честь, какую отдаютъ государямъ. Всѣ замѣтили, какъ императрица перемѣнилась въ лицѣ. Командующій дивизіею генераль-фельдмаршалъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ и генераль-аншефъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ поспѣшили къ подпрапорщикамъ и приказали наклонить знамена, какъ слѣдуетъ. На другой день гофмаршалъ князь Голицынъ далъ знать генералитету и штабъ-офицерамъ о прибытіи во дворецъ къ обѣденному столу. Мнѣ, какъ первому полковнику дивизіи, пришлось сидѣть рядомъ съ камеръ-юнкеромъ княземъ Несвицкимъ. Императрица безпрестанно кидала на меня весьма гнѣвные взгляды. Послѣ отставки моей, когда я бывалъ во дворцѣ, что случалось только въ первые шесть лѣтъ, и то очень рѣдко, я никогда не подходилъ къ рукѣ императрицы, признавая государемъ не Екатерину Вторую, а Ивана Ивановича, именуемаго Шуваловымъ¹⁾. У цесаревича Павла Петровича я тоже никогда не

¹⁾ Въ одномъ изъ показаній Ашъ объясняетъ, почему Иванъ Ивановичъ названъ Шуваловымъ: „Отецъ сказывалъ мнѣ, что Иванъ Ивановичъ принялъ фамилію отъ нѣкаго Шувалова, которому онъ былъ отданъ Анной Иоанновной на воспитаніе. Но я слышалъ также и другое объясненіе сей дериваціи. Императрица Анна Иоанновна, какъ извѣстно, учредила вноль два гвардейскихъ полка—Измайловскій и Конный. Во время смотровъ въ Конномъ полку, какъ это принято и во всей кавалеріи, передъ полкомъ шли офицерскія заводныя лошади. Анна Иоанновна велѣла присоединить къ нимъ также дворцовыхъ заводныхъ лошадей, и одну изъ нихъ, принадле-

*

дѣловаль руки, потому что и его не признавалъ наслѣдникомъ Россійскаго престола. Когда въ церквахъ возносили молитвы о здравіи ея величества и цесаревича, я молился въ это время о здравіи моего истиннаго государя Ивана Ивановича. Въ торжественные дни, когда, при пушечной пальбѣ, во дворцѣ пили за здравіе ея величества и его высочества, я тоже пилъ, но только мысленно относилъ тостъ Ивану Ивановичу, дабы онъ остался въ здравіи и благополучно принялъ бы Всероссійскій престоль, на обладаніе которымъ онъ, единый нашъ государь, имѣеть надлежащее и неотъемлемое право“.

Вслѣдъ за тѣмъ, дѣло Аша, по высочайшему повелѣнію, было передано на окончательное разсмотрѣніе и разборъ особой комисіи изъ трехъ сенаторовъ. 28-го октября комисія собралась въ домѣ генераль-прокурора и по выслушаніи: 1) письма, поданнаго отставнымъ бригадиромъ барономъ Ашемъ дѣйствительному тайному совѣтнику Шувалову, 2) учиненнаго Ашу въ тайной экспедиціи допроса и 3) написанныхъ Ашемъ въ дополненіе допроса показаній, опредѣлила: „Въ подтвержденіе означеннаго допроса и своеручнаго написанія Аша, въ присутствіи ихъ спросить его, для чего онъ столь дерзостныя и вымышленныя слова въ письмѣ, въ допросѣ и своемъ дополненіи писать и вредныя намѣренія имѣть отважился; такожъ и о томъ, не имѣлъ ли онъ въ семъ его развращенномъ и вредномъ намѣреніи подобныхъ себѣ сотоварищей, и кого же онъ именно чаялъ сыскать людей недовольныхъ, служившихъ въ послѣднюю

жавшую маленькому принцу Ивану Ивановичу, было приказано вести безъ попоны двумъ конюхамъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ передъ первымъ взводомъ перваго эскадрона, на которомъ слѣдовало быть ротмистру перваго эскадрона. Эта то лошадь, ведомая двумя конюхами, и дала фамилію Ивану Ивановичу: *шеваль*—прибавить къ тому *ловъ*—будеть *Шеваловъ*, но такъ какъ подобной фамиліи нѣтъ въ Россіи, то переимѣнили въ первомъ слогѣ *e* на *y* и отдали царственнаго малютку въ фамилію Шуваловыхъ, чтобъ никто не зналъ объ его высококомъ происхожденіи“.

войну, и чрезъ что онъ о неудовольствіи ихъ узнать могъ. (Подписали:) Князь Александръ Голицынъ.—Князь А. Вяземскій.—Иванъ Елагинъ“.

На предложенные вопросы Ашъ отвѣчалъ собранію рѣшительно и рѣзко. Все высказанное имъ на допросѣ и въ письменномъ дополненіи онъ подтверждалъ здѣсь безъ всякихъ измѣненій. Собраніе настаивало объявить имена недовольныхъ въ послѣднюю войну. Ашъ назвалъ только генерала Берга, генерала графа Салтыкова, артиллеріи генераль-маіора Мелисина и генераль-маіора Унгерна. „Ни отъ кого изъ нихъ“, продолжалъ Ашъ,—„я не слышалъ о неудовольствіи, а только самъ дѣлалъ это заключеніе, потому что особы эти, судя по газетамъ, много служили въ прошедшую войну, а награжденія имъ не сдѣлано. Что же касается до простыхъ людей, то я отнюдь не говорилъ съ ними о возведеніи Шувалова, потому что подобное предпріятіе подѣ-стать только людямъ умнымъ и богатымъ“.

Присутствовавшіе обратились, наконецъ, къ Ашу съ увѣщаніемъ и доказывали ему „неоспоримыми и ощутительными резонами“ всю несостоятельность его мнѣнія о происхожденіи Шувалова, но оный Ашъ сперва съ жаромъ, а потомъ и улыбаясь, съ негодованіемъ отвѣчалъ: „Что бы вы мнѣ ни говорили, но не совратить меня съ того мнѣнія, что Шуваловъ есть законный государь. Съ этимъ я умру, готовый принять всякое мученіе и пролить кровь свою за него. Отецъ мой любилъ меня и, предъ смертью благословляя меня, приказывалъ быть вѣрнымъ Шувалову, что я долженъ исполнить и исполняю“.

Коммисія прекратила засѣданіе, приказавъ Ашу, по крайней мѣрѣ, ни съ кѣмъ не говорить объ этомъ „безумномъ враньѣ“. Ашъ увѣрялъ, что ему тѣмъ легче исполнить это приказаніе, что онъ уже достаточно облегчилъ свою душу отъ тяжелаго секрета.

3-го ноября того же 1777 года отставной бригадиръ Ашъ, „какъ впавшій по безумству въ преступленіе“, былъ отправленъ, по высочайшему повелѣнію, въ Динамюндскую крѣпость, съ строгимъ приказаніемъ „не допускать къ нему никого и никакимъ его рѣчамъ не вѣрить“.

Ашъ прожилъ въ Динамюндской крѣпости, подѣ строгимъ надзоромъ и безвыѣздно 19 лѣтъ. Ему не позволяли даже написать что-нибудь. Разсудокъ несчастнаго окончательно помутился, и это было особенно замѣтно въ промежуткахъ времени съ 1782 по 1785 годъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ подбѣгалъ къ окну, отворялъ его и выкрикивалъ зычнымъ голосомъ; „Вивать, великій государь и настоящій императоръ Іоаннъ Іоанновичъ!“

Въ апрѣлѣ 1785 года Ашъ опасно заболѣлъ и уже всеѣмъ приготовился къ смерти, но случайно, болѣзнь приняла счастливый оборотъ, и жалкое существованіе его продолжилось на много лѣтъ. Тяжкая болѣзнь сильно потрясла организмъ Аша и, можетъ быть, отчасти возвратила ему разсудокъ. Эту догадку мы основываемъ на томъ отзывѣ, который далъ объ Ашѣ, въ 1796 году, Рижскій губернаторъ баронъ Мейендорфъ. Нужно сказать, что императоръ Павелъ I, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, приказалъ генераль-прокурору князю Алексію Борисовичу Куракину потребовать отъ Рижскаго губернатора свѣдѣніе „о состояніи и поведеніи содержащагося въ Динамюндской крѣпости отставнаго бригадира барона Аша“. Баронъ Мейендорфъ отвѣчалъ, что „Ашъ находится въ хорошемъ состояніи и ведетъ себя скромно, благопристойно и спокойно“. Князь Куракинъ, донесъ объ этомъ отзывѣ его величеству, прибавилъ отъ себя: „Для лучшаго удостовѣренія объяснился я объ Ашѣ съ генераль-фельдмаршаломъ княземъ Репнинымъ и получилъ отъ него извѣстіе, что по бытности его въ Ди-

намюндѣ, около трехъ лѣтъ тому назадъ, видѣлъ онъ его самъ и хотя нашелъ здоровымъ и спокойнымъ, но въ умѣ не исправившимся“.

На этомъ донесеніи сдѣлана надпись собственною рукою князя Куракина: „Его императорское величество повелѣтъ соизволилъ означеннаго барона Аша сюда привезть для ис-таго освидѣтельствванія, почему и изготовить о семъ отноше-ніе къ начальствующему въ губерніи. Декабря 19-го 1796 г.“.

30-го декабря того же года Ашъ былъ привезенъ въ Петербургъ. Его помѣстили въ нанятомъ для него особен-номъ домѣ, окружили всевозможными удобствами и даже раз-рѣшили выѣздъ, но подъ неусыпнымъ надзоромъ тайной эк-спедиціи. Князь Куракинъ посѣщаль его и уговариваль при-нести присягу императору. Ашъ нѣкоторое время уклонялся отъ этого, объясняя, что онъ не можетъ присягать Павлу Петровичу, когда знаетъ о существованіи настоящаго импе-ратора „Іоанна IV-го“, ¹⁾ Упорство Аша было, наконецъ, сокрушено увѣщаніями генераль-прокурора. 26-го февраля 1797 года, Ашъ присягнулъ великому государю Павлу Пе-тровичу, какъ настоящему „императору“, и вслѣдъ за тѣмъ, по высочайшему повелѣнію, ему была возвращена шпага.

Съ отъѣздомъ тайной экспедиціи, вслѣдъ за императо-ромъ, въ Москву, баронъ Ашъ былъ отданъ подъ присмотръ особенному надзирателю, подполковнику сенатскаго бата-ліона Муханову, которому было предписано еженедѣльно увѣдомлять въ Москву о благополучномъ состояніи Аша; обо всѣхъ же чрезвычайныхъ случаяхъ немедленно доносить съ нарочною эстафетою и по мѣрѣ надобности обращаться за по-собіемъ къ главноуправляющему столицей. Муханову при-шлось только одинъ разъ донести, что все обстоитъ благо-получно. Не далѣе, какъ 25-го марта, въ 10 часовъ вечера, случилось слѣдующее происшествіе: Мимо квартиры барона

¹⁾ И. И. Шуваловъ умеръ два года спустя, въ 1798 году.

Аша проходилъ артиллерійскій взводъ, состоящій изъ 30 человекъ солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ. Ашъ отворилъ форточку и громко закричалъ взводу: „Его императорское величество—не законный государь; престолъ принадлежитъ совсѣмъ не ему!“ Дневальный курьеръ поспѣшилъ запереть форточку и сейчасъ же отрапортовалъ о случившемся подполковнику Муханову. Послѣдній засталъ Аша „въ неспокойномъ духѣ“.

„Я присягнулъ вашему императору“, кричалъ Ашъ, — „въ надеждѣ быть за это освобожденнымъ, и тогда я успѣлъ бы многимъ рассказать о неправильномъ владѣннн престо-ломъ. Но меня опять держатъ подъ надзоромъ, а времени остается такъ мало до коронаціи! Удивительное, право, дѣло: многіе знаютъ эту исторію, однако, до сихъ поръ никакой перемѣны не слышно!“.

Мухановъ замѣтилъ Ашу „о неправильномъ сужденіи его объ императорѣ, который уже оказалъ ему столько милостей...“

„Не нужно мнѣ милостей отъ незаконнаго государя“, отвѣчалъ Ашъ; „возьмите назадъ мою шпагу“. На другой же день, Мухановъ донесъ обо всемъ въ Москву нарочною эстафетою, прямо на высочайшее имя. Донесеніе его оканчивалось такъ: „Хотя не примѣчательно, чтобъ слышалъ кто-нибудь слова г. Аша, потому что разводъ шелъ съ барабаннымъ боемъ, и проѣзжали кареты, однако же я донесъ военному губернатору графу Буксгевдену, который хотѣлъ призвать офицеровъ и спросить, не слышали ли чего, и по тому дать имъ свое привязаніе. Оному барону Ашу выѣздъ отказанъ, и онъ на другой день остался въ скучномъ положеніи, говоря, что онъ сдѣлалъ должное“.

2-го апрѣля 1797 года, генераль-прокуроръ князь Куракинъ далъ знать Петербургскому военному губернатору о слѣдующемъ высочайшемъ повелѣннн: „Баронъ Ашъ, по учиненной его дерзости, нарушенію присяги и измѣнническому предпріятію, въ силу государственныхъ узаконеній, заслу-

живааетъ смертную казнь; но по сродному его императорскому величеству въ роду человѣческому милосердію, отъ оной избавляется; а дабы преградить на будущее время дальнѣйшее покушеніе въ дерзновенію его, и чтобъ возчувствовали онъ тяжесть своего преступленія, то отослать его къ неисходному содержанию въ Суздальскій Спасо-Евѣиміевъ монастырь, съ произвожденіемъ въ день по пятидесяти копѣекъ, предписавъ настоятелю онаго о состояніи его ежемѣсячно генераль-прокурору увѣдомлять; почему къ подполковнику Муханову послать ордеръ, дабы онъ его, Аша, вновь арестовавъ, прислалъ сюда къ генераль-прокурору за крѣпкимъ карауломъ“.

Учрежденная въ царствованіе Александра I-го особая коммисія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ составила списокъ всѣмъ уголовнымъ преступникамъ прежняго царствованія. Въ списокѣ этомъ, высочайше утвержденномъ 15-го декабря 1802 года, противъ фамиліи барона Аша сдѣлана слѣдующая отмѣтка: „Коммисія полагаетъ и впредь его, какъ не исправившагося въ умѣ, оставить въ Спасо-Евѣиміевѣ монастырѣ, съ порученіемъ губернскому начальству, дабы о немъ по временамъ доносило сенату“.

О дальнѣйшей судьбѣ барона Федора Фридриховича Аша предоставимъ рассказать самому князю Долгорукову¹⁾, оставшемуся Владимірскимъ губернаторомъ до 1812 года: „Ашъ возбуждалъ во мнѣ чувство состраданія. Я находилъ въ немъ жалкаго сумазброда, болѣе нежели злостнаго преступника, и старался улучшить жребій его сколько могъ. Ему было уже 80 лѣтъ²⁾. Онъ не могъ долго тяготить собою никого: покойный уголь и чашка кофію составляли все его благоден-

1) *Кн. Г. М. Долгоруковъ*. Капище моего сердца. М. 1874.

2) Слѣдовательно, рассказъ относится къ 1808 году.

ствіе; но въ страшныхъ башняхъ Ефимьева монастыря онъ его имѣть не могъ. Я представлялъ неоднократно Министру объ освобожденіи его, и старанія мои хотя не совершенной получили успѣхъ, но достаточной въ обезпеченію его участи. Мнѣ позволено выпустить его изъ монастыря и, взявъ поведеніе его на собственную мою отвѣтственность, содержать подъ присмотромъ въ губернскомъ городѣ. Такимъ образомъ, Баронъ Ашъ освобожденъ и приведенъ къ присягѣ, противъ которой ужъ онъ въ то время ничего не возражалъ, и началъ жить у меня въ домѣ. Казна производила ему до 30 руб. въ годъ на содержаніе; сверхъ того онъ имѣлъ собственныхъ своихъ денегъ до 4,000 руб., которыя я съ большимъ трудомъ у брата его роднаго вырвалъ, по окончаніи надъ нимъ предохранительной опеки. Деньги сіи отдавались въ процентъ изъ Приказа Обществ. Призрѣнія, и сей бѣдный старецъ, желая мнѣ оказать свою благодарность за мои о немъ попеченія, вздумалъ сдѣлать меня наслѣдникомъ сего капитала, о чемъ писалъ онъ отъ себя и къ Министру, но я отъ подарка сего отказался и по смерти его сіи деньги отданы мною его ближайшему наслѣднику, Барону-же, *Казимиру* Ашу. Недолго онъ пожилъ у меня въ домѣ, и безъ всякой болѣзни, отъ одной старости и разслабленія силъ, весьма тихо скончался. Я его похоронилъ на кладбищѣ. Когда онъ говаривалъ о предметахъ, касающихся до политики временъ Елизаветы Петровны, то разсуждалъ съ здравымъ смысломъ, любилъ читать газеты болѣе всего, и завирался въ отвлеченныхъ соображеніяхъ; впрочемъ, охотнѣе былъ до людей и сообществъ, чванился своимъ Бригадирскимъ чиномъ, и вообще болѣе былъ жалокъ, нежели кому либо опасенъ“.

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ

(1734 — 1783)

...Орель изъ стан той высокой,
Котора въ воздухъ плыла,
Впреди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа пла.

Державинъ.

Великое событіе 28 Іюня 1762 года окончилось, по свидѣтельству иностранца—очевидца, менѣе чѣмъ въ два часа; оно не стоило ни одной капли крови и обошлось безъ всякихъ насилій. Всѣ были такъ спокойны, какъ будто не происходило ничего чрезвычайнаго ¹⁾. А между тѣмъ, въ этотъ приснопамятный день совершился важнѣйшій государственный переворотъ: единственный внучъ Петра Великаго, Петръ Ѳеодоровичъ, уступилъ Всероссійскій престолъ супругѣ своей Еватеринѣ Второй.

Коренной государственный переворотъ, исполненный безъ кровопролитія междоусобнаго!... Изумленный иностранецъ, не находя соотвѣтствующаго названія этому странному явленію, не встрѣчавшемуся въ лѣтописяхъ феодальной Европы,

¹⁾ Денеша Англійскаго посланника въ Спб. Кейта, отъ 8 Іюля 1762 г. (La cour de Russie. Berlin, 1860, стр. 230). О значеніи этого дня, въ столѣтнюю годовщину его, напомнилъ М. Н. Лонгиновъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1862. № 241-й.

обозвалъ его, по привычкѣ, революціей ¹⁾. Другіе прибавляли къ этому чуждому для насъ слову разныя прилагательныя: придворная, солдатская и тѣмъ еще дальше отходили отъ истины. Событіе 28 Іюня ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо революціей, да еще придворною, или солдатскою. Оно совершилось почти внезапно, именно потому, что было вызвано не прихотью какой-либо одной партіи, но требованіемъ всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашней Русской жизни, оскорбленныхъ неуваженіемъ къ отечеству, явнымъ презрѣніемъ къ господствующей церкви и къ обычаямъ страны. Правда, переворотъ совершенъ войсками гвардіи; но вспомнимъ, что въ то время гвардія представляла собою цвѣтъ страны: самые солдаты были изъ дворянскаго сословія, и гвардія была до извѣстной степени настоящею представительницею Россіи. Заря новаго, блестящаго Екатерининскаго царствованія ярко освѣтила цѣлую дружину побѣдниковъ знаменитаго предпріятія, и впереди всѣхъ красовались колоссальныя фігуры братьевъ Орловыхъ, истыхъ Русскихъ богатырей.

Предметомъ настоящаго очерка будетъ только одинъ изъ нихъ, а именно графъ (потомъ князь) Григорій Григорьевичъ Орловъ, скликавшій эту славную дружину патриотовъ и пользовавшійся особливимъ личнымъ расположеніемъ Екаторины въ первые, труднѣйшіе годы ея царствованія. Мы намѣрены сдѣлать по возможности полный сводъ всѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній о Г. Г. Орловѣ, разбросанныхъ по разнымъ книгамъ и доселѣ не соединенныхъ въ сколько нибудь цѣльное жизнеописаніе.

¹⁾ Въ Архивѣ Князя Воронцова сохранилась пріобрѣтенная графомъ Александромъ Романовичемъ изъ Франціи рукопись извѣстнаго сочиненія Рюльера о событіи 28 Іюня, съ собственноручными на поляхъ замѣтками Людовика XVI-го: все совершившееся въ тотъ незабвенный день представлялось Французскому королю какою-то невозможною сказкою (Сообщено П. И. Бартевнымъ).

I.

Орловы принадлежать къ старинной дворянской фамилии Новгородской области, но точныя свѣдѣнія объ ихъ предкахъ начинаются лишь съ стряпчаго Ивана Ивановича Орлова, скончавшагося 10 Іюня 1693 года. Онъ похороненъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, въ погостѣ Бѣжецахъ, близъ самаго сельца Люткина, именуемаго во всѣхъ документахъ „старымъ помѣстьемъ Орловыхъ“. Сынъ его, Григорій Ивановичъ Орловъ, дослужившійся до генераль-маіорскаго чина, управлялъ, впослѣдствіи, съ 1742 года, Новгородскою губерніею „съ общей отъ всѣхъ похвалою“ ¹⁾. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ Петровыхъ войнахъ, и въ воздаяніе его отъважной храбрости императоръ собственноручно возложилъ на него свой портретъ на золотой цѣпи. Свидѣтельницаю его благочестія служить нынѣ полуразрушенная деревянная церковь въ селѣ Лысыхъ Горахъ, Атварскаго уѣзда, Саратовской губерніи, воздвигнутая имъ въ 1745 году вмѣстѣ съ сосѣднимъ помѣщикомъ Бахметевымъ. На 53-мъ году жизни, Григорій Ивановичъ Орловъ сочетался вторымъ бракомъ съ шестнадцатилѣтнею дѣвицею Лукерьей Ивановной Зиновьевой (дочерью царскаго стольника Ивана Никитича Зиновьева и его супруги, рожденной княжны Козловской). Отъ этого брака Григорій Ивановичъ Орловъ имѣлъ девять сыновей ²⁾. Четверо изъ нихъ умерли, вѣроятно, въ раннемъ дѣтствѣ, а пятеро другихъ, именно: Иванъ, Григорій, Алексѣй, Ѳедоръ и Владиміръ, выросли и сложились въ богатырей, которые радовали современниковъ гигантскимъ ростомъ,

¹⁾ Ежемѣсячныя Академическія сочиненія 1764 г. 2-я половина, стр. 238.

²⁾ Russiche Günstlinge. Tübingen, 1809. стр. 261.— Отецъ и мать братьевъ Орловыхъ похоронены въ Москвѣ, близъ Никитской, въ церкви Егорія чюдотворца на Вспольѣ.

красотою, веселонаравіємъ, мягкосердечіємъ и необыкновенною силою (качествами, сохраняющимися и въ позднѣйшемъ поколѣніи, въ лицахъ происшедшихъ отъ крови Орловской).

Домашнее воспитаніе дѣтей Григорья Ивановича Орлова, вѣроятно, было нисколько не хуже и не лучше того, которое обыкновенно получали въ прошломъ вѣкѣ дѣти среднихъ дворянскихъ фамилій. Оно имѣеть, на наши глаза, великіе недостатки; но въ то-же время у него была и великая выгода: дѣти росли вполне сынами земли своей, съ здравымъ смысломъ въ здоровомъ тѣлѣ. Быть можетъ, доброе вліяніе отца, стараго Петровскаго воина, его рассказы о походахъ и битвахъ воспитали въ молодыхъ Орловыхъ безоглядную отвагу и душевную твердость, которыя примѣчались въ нихъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ.

Григорью Григорьевичу Орлову уже исполнилось 15 лѣтъ, когда онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ лучшее тогдашнее учебное заведеніе, Сухопутный Кадетскій Корпусъ. Это случилось въ концѣ 1749 года ¹⁾.

Припомнимъ, что въ Февралѣ 1750 г. главнымъ директоромъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса былъ назначенъ князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, девятилѣтнее управленіе котораго (по свидѣтельству историка военно-учебныхъ заведеній г. Мельницкаго) составляло лучшую пору въ исторіи корпуса. Князь Юсуповъ, другъ канцлера Бестужева, горячо взялся за дѣло развитія и образованія вѣрренныхъ ему юношей, можетъ быть желая тѣмъ угодить императрицѣ, которая именно около этого времени (1750 — 1751) благоволила въ одному изъ кадетъ Н. А. Бекетову и ласкала его товарищей. Еще до назначенія князя Юсупова, между кадетами завелись театральныя представленія и устроилось общество любителей Россійской словесности,

¹⁾ Григорій Григорьевичъ Орловъ родился 6 Октября 1734 г. (слѣд. былъ на пять съ половиною лѣтъ моложе Екатерыны).

гдѣ они читали другъ другу опыты своихъ сочиненій и переводовъ. Нерѣдко являлся къ нимъ и Сумароковъ съ своими стихотвореніями и трагедіями. На святкахъ 1749 г., по возвращеніи Двора изъ Москвы, кадеты сыграли на корпусномъ домашнемъ театрѣ трагедію Сумарокова Хоревъ и исполнили ее такъ удачно, что, съ наступленіемъ новаго года, императрица Елизавета Петровна приказала повторить эту піесу у себя во дворцѣ. Послѣ того кадетскіе спектакли устраивались весьма часто, то во дворцѣ, то въ корпусѣ, то, наконецъ, въ самыхъ внутреннихъ, мало кому доступныхъ, покоехъ дворца. Государыня забавлялась наряжаньемъ актеровъ, заказывала имъ богатѣйшіе костюмы, украшала бриліантами. Придворный случай 18-лѣтняго кадета Бекетова, вѣроятно, производилъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ его товарищей. Можетъ быть, кое-что и заронилось тогда въ душу шестнадцатилѣтняго кадета Орлова.

Къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ данныхъ, чтобы опредѣлить, какое положеніе занималъ Г. Г. Орловъ среди этихъ увеселеній, бывалъ ли онъ во дворцѣ, участвовалъ ли въ спектакляхъ, принадлежалъ ли къ обществу Русской словесности? Мы знаемъ только, что онъ оказывалъ особенные успѣхи въ иностранныхъ языкахъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ ¹⁾, а по окончаніи курса, былъ выпущенъ офицеромъ въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ.

Въ Семилѣтнюю войну, которая имѣла (какъ видно по Запискамъ Болотова) столь сильное образовательное вліяніе на Русскую молодежь, нашъ Орловъ участвовалъ въ разныхъ битвахъ и обнаружилъ необыкновенную удачу во время кровопролитнаго сраженія на Цорндорфскихъ поляхъ ²⁾. Онъ получилъ одну за другою три раны и, не смотря на то,

¹⁾ Russiche Günstlinge, стр. 261.

²⁾ Это была самая страшная битва въ семнадцатомъ столѣтіи: съ обѣихъ сторонъ убито и ранено до 40 тысячъ человѣкъ.

оставался на своемъ мѣстѣ до самаго конца, воодушевляя солдатъ удивительнымъ равнодушіемъ къ ужасамъ кровавой сѣчи.

Цорндорфскимъ сраженіемъ (14 Августа) окончилась лѣтняя кампанія 1758 года. Армія расположилась на вантониръ-квартирахъ и нашла свою Калую въ Кенигсбергѣ. Старинная, важная резиденція герцоговъ Бранденбургскихъ вдругъ наполнилась необычайнымъ шумомъ пировъ и всевозможныхъ празднествъ. Центромъ веселія и утѣхъ былъ мрачный зѣмокъ герцоговъ, въ которомъ водворился съ многочисленной свитой правитель завоеваннаго Прусскаго королевства, Русскій генераль-поручикъ, баронъ Николай Андреевичъ Корфъ. Сильный вельможа, родственникъ императрицы¹⁾, пріѣхалъ въ Кенигсбергъ „съ привеликой помпою„ и зажилъ по царски, расточая свое огромное жалованье и всѣ доходы отъ многочисленныхъ имѣній²⁾.

Послѣ Цорндорфской битвы былъ привезенъ въ Кенигсбергъ, между прочими плѣнными, молодой красивый графъ Шверинъ, любимый флигель-адъютантъ Прусскаго короля. Знатному плѣнному предоставили полную свободу и только для вида назначили въ нему двухъ приставовъ, армейскихъ поручиковъ: Григорья Григорьевича Орлова и его двоюроднаго брата Зиновьева³⁾. Молодые люди скоро сдружи-

¹⁾ Баронъ Н. А. Корфъ (1710—1766) былъ женатъ вторымъ бракомъ на графинѣ Екатеринѣ Карловнѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ императрицы Елисаветы Петровны.

²⁾ По рассказамъ покойнаго А. С. Хомякова, Кенигсбергъ сдѣлался тогда до того Русскимъ городомъ, что императрица Елисавета Петровна нашла даже нужнымъ устроить тамъ монастырь, и для этой цѣли былъ переведенъ въ Кенигсбергъ архимандритъ изъ гор. Данкова. Печатались Славянскія книги въ Кролевцѣ Прусскомъ, и бились талеры съ нашимъ орломъ. Жители (сколько извѣстно по свидѣтельству современниковъ) были довольнѣе Русскимъ, чѣмъ Прусскимъ правленіемъ (Сообщено П. И. Бартевымъ).

³⁾ По всѣмъ вѣроятіямъ, это былъ старшій братъ извѣстнаго Лейпцигскаго сотоварища Радицева, Василья Николаевича Зиновьева (род. 1754 г.)—Александръ Николаевичъ Зиновьевъ, впоследствии камергеръ, женатый на княжнѣ Евдокіѣ Александровнѣ Долгоруковой.

лись между собою и помѣстились на одной квартирѣ, какъ разъ противъ замка. Три эти молодца были лучшими танцорами на балахъ, отличались красотою, щегольствомъ и хорошимъ тономъ. Рѣшительно всѣ полюбили ихъ за ласковое и пріятное обхожденіе. Но первымъ любимцемъ общества и душою веселія былъ нашъ Орловъ. Современникъ очевидецъ А. Т. Болотовъ, служившій въ то время секретаремъ при баронѣ Корфѣ, свидѣтельствуеъ, что Орловъ „имѣлъ во всемъ характеръ своемъ столь много хорошаго и привлекательнаго, что нельзя было его никому не любить“ ¹⁾. Балы обыкновенно открывались стариками, которые, „потанцовавъ нѣсколько минаветовъ и польскихъ“, усаживались за карты, и затѣмъ дальнѣйшую „дирекцію веселостей“ препоручали Орлову. Какъ ни часто давались разные увеселенія, но расточительному, самолюбивому вельможѣ казалось все мало. Осенью, баронъ Корфъ выписалъ изъ Берлина „цѣлую банду комедіантовъ“. Театральная зрѣлица полюбились веселой Кенигсбергской молодежи и, по отъѣздѣ комедіантовъ, они задумали устроить свой любительскій спектакль. Орловъ первый подалъ мысль объ этой новой забавѣ и съ свойственною ему скоростью предложилъ для перваго опыта трагедію Ломоносова „Демофонтъ“ ²⁾, подобралъ дѣйствующихъ лицъ и роздалъ имъ переписанныя роли. По неизвѣстнымъ причинамъ, предпріятію этому не суждено было осуществиться. А. Т. Болотовъ, также привлеченный къ участию въ спектаклѣ, рассказываетъ, что всѣ роли были уже выучены, какъ вдругъ, въ одно утро, прибѣгаетъ къ нему Орловъ и, обнимая его, говоритъ: „Знаешь ли, Болотенко, мой другъ, какое горе! Вѣдь дѣлу-то нашему не бывать, и оно разрушилось!“ Андрей Тимоѣевичъ былъ огорченъ этимъ извѣстіемъ. „Ну, что дѣлать, голубчикъ, продолжалъ Орловъ, я самъ о томъ

¹⁾ Записки А. Т. Болотова. Т. I. стр. 840.

²⁾ Сюжетъ этой трагедіи взятъ изъ Троянской исторіи.

Рассказы изъ Русск. ист.

горю; у меня и у самого было много выучено; но что дѣлать, произошли обстоятельства и обстоятельства такія, что намъ теперь и помышлять о томъ болѣе уже не можно“.

— Ну какія же обстоятельства?

„Ну, какія бы то ни были, мнѣ сказать тебѣ того не можно, а довольно, что дѣло кончилось, и ему не бывать никогда“.

Обстоятельства, погубившія Кенигсбергскій домашній спектакль при самомъ его зачатѣ, такъ и остались неизвѣстными Болотову, не смотря на его упорныя домогательства вывѣдать отъ Орлова эту тайну.

Изъ всѣхъ Кенигсбергскихъ увеселеній наибольшимъ великолѣпіемъ отличались общенародныя маскарады въ роскошныхъ залахъ „опернаго дома“. На первый же маскарадъ собралось нѣсколько сотъ масокъ, и въ этой пестрой толпѣ рѣзко отличались два Араба-невольника, плотно обтянутые чернымъ бархатомъ и скованные другъ съ другомъ жестяными цѣпями. Всѣ присутствовавшіе не могли налюбоваться на эти двѣ стройныя фигуры братьевъ-красавцевъ: Орлова и Зиновьева. Въ другой разъ Орловъ былъ одѣтъ въ костюмъ древняго Римскаго сенатора и былъ такъ хорошъ, что товарищи, любуясь на него, говорили: „Только бы тебѣ, братецъ, быть большимъ бояриномъ и господиномъ“¹⁾.

Замѣчаніе товарищей Орлова оказалось пророческимъ предсказаніемъ.

Въ 1759 году Орлова уже не было въ Кенигсбергѣ. Онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ графомъ Шверинимъ, въ качествѣ его пристава. Графъ Шверинъ, вызванный въ Петербургъ самою императрицею, былъ помѣщенъ въ роскошныхъ палатахъ графа Строганова, у Полицейскаго моста, а Григорій Григорьевичъ Орловъ занялъ небольшой домикъ придворнаго банкира Кнутсена, на углу Большой

¹⁾ Записки Болотова.

Морской и Невскаго проспекта. Такимъ образомъ, Кенигсбергскихъ пріятелей раздѣлялъ только императорскій зимній дворець, занимавшій въ то время все пространство на Невскомъ проспектѣ между Полицейскимъ мостомъ и Большою Морскою улицею.

Командировка въ Петербургъ не могла быть непріятна Орлову. Послѣ долгой разлуки, онъ увидѣлся, наконецъ, съ своими братьями, изъ которыхъ одни уже служили въ гвардейскихъ полкахъ, а другіе учились еще въ корпусѣ. Кромѣ того, въ Петербургѣ проживали весьма близкіе его родственники, черезъ посредство которыхъ онъ могъ свободно войти въ лучшее Петербургское общество и даже воспользоваться нѣкоторыми преимуществами по службѣ. Двоюродная сестра Орловыхъ, Анисья Никитишна Протасова ¹⁾, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и едва-ли не была вхожа во дворець. Вѣроятно не безъ ея содѣйствія устроился самый переводъ Григорья Григорьевича Орлова въ одинъ изъ мѣстныхъ артиллерійскихъ полковъ.

Водворившись въ Петербургѣ, герой нашъ весело отдался всѣмъ удовольствіямъ столичной жизни. Нужно замѣтить, что именно въ это самое время братья Орловы продали незначительное имѣніе, доставшееся имъ послѣ смерти отца, и дружно принялись проживать вырученный капиталъ. Безпрестанно появляясь на великосвѣтскихъ балахъ, они въ то же время были непремѣнными участниками во всѣхъ крупныхъ кутежахъ и ежедневно напоминали о себѣ различными забавами и шалостями. Заводчикомъ всему былъ Григорій Григорьевичъ. Сильная натура его постоянно требовала сильныхъ же ощущеній. Если ему не удавалось попасть на балъ

¹⁾ Анисья Никитишна (1721—1775), дочь роднаго дяди Орловыхъ, Никиты Ивановича Орлова, была замужемъ за сенаторомъ Степаномъ Федоровичемъ Протасовымъ. Ея дочь Анна Степановна (1745—1826), впоследствии графиня Протасова, была довѣренною фрейлиной Екатерины II-й.

или на кутежъ, онъ отъправлялся охотиться на медвѣдя, стараясь встрѣтиться съ нимъ одинъ-на-одинъ. По отзывамъ современниковъ, онъ умѣлъ мастерски расправляться съ страшнымъ звѣремъ. Всѣ Орловы слыли въ народѣ за силачей, и никто въ Петербургѣ не осмѣливался мѣряться съ ними. По преданію, нашелся наконецъ соперникъ и Орловымъ, такой же повѣса и силачъ, какъ и они—лейбъ-компанецъ Шванвичъ. Онъ могъ сладить съ каждымъ изъ нихъ порознь, но двое Орловыхъ брали надъ нимъ верхъ. Кому не извѣстенъ анекдотъ о заключенномъ между ними условіи и о дракахъ въ трактирѣ? ¹⁾ Благодаря этому удалству и молодечеству, которыя и въ настоящее время такъ нравятся простому народу, братья Орловы приобрѣли большую извѣстность въ Петербургѣ и въ короткое время стали любимцами всей гвардіи и народа.

На первыхъ же порахъ своей артиллерійской службы, Г. Г. Орловъ былъ отличенъ виднымъ назначеніемъ: ему была поручена должность личнаго адъютанта при генераль-фельдцейгмейстерѣ графѣ Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, чловѣкъ, имѣвшемъ тогда великое значеніе, благодаря двоюродному брату своему Ивану Ивановичу. Вслѣдъ за этимъ назначеніемъ, съ Г. Г. Орловымъ случилось приключеніе, само по себѣ незначительное и по тогдашнему времени весьма обыкновенное, но имѣвшее важное вліяніе на всю послѣдующую его жизнь. Въ особѣ гр. П. И. Шувалова, по свидѣтельству кн. М. М. Щербатова, „сластолюбіе оказало свою побѣду надъ добрыми нравами“. Молодой адъютантъ жестоко уязвилъ Ахиллесову пятю своего начальника. Дѣло въ томъ, что Орловъ сошелся весьма близко съ возлюбленною Шувалова—извѣстною красавицею княгинею Еленою Степановною Курякиной ²⁾. Такъ какъ приключеніе это было сопряжено съ

¹⁾ См. Приложенія къ сочиненіямъ Пушкина. Спб. 1860, стр. 156.

²⁾ Дочь фельдмаршала Апраксина.

какими-то романическими препятствіями, для устраненія которыхъ потребовалось отъ героя много изобрѣтательности и смѣлости, то слухъ о немъ быстро разнесся по всѣмъ Петербургскимъ салонамъ и проникъ даже во дворецъ, въ покои великой княгини Екатерины Алексѣевны, которая изъявила желаніе посмотрѣть на Петербургскаго Донъ-Жуана. Орловъ предсталъ предъ свѣтлыя очи...

Шуваловъ, въ порывѣ гнѣва, пожелалъ было погубить соперника, но заступничество великой княгини спасло Орлова отъ неминуемой бѣды.

II.

Въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны, дворъ ея уже утратилъ прежнюю веселость. Напротивъ, скука и стѣсненіе царствовали при большомъ Петербургскомъ дворѣ.

Императрица, изнуряемая нервическими припадками, переходившими обыкновенно въ летаргическое состояніе, слабѣла съ каждымъ годомъ. Разстроенные нервы предрасполагали ее къ мнительности, тяжело ложившейся на всѣхъ окружающихъ. Ей постоянно грезилась первая ночь царствованія, и ужасъ охватывалъ страдальицу при одной мысли, что будетъ съ Россіей послѣ нея. Правда, наслѣдникъ престола былъ на лицо и во всеоружіи державныхъ правъ, но „рожденный въ Нѣмцахъ“, воспитанный въ Лютеранскомъ законѣ, онъ не только не былъ природнымъ Россіяниномъ, но даже выказывалъ явное нерасположеніе ко всему Русскому.

Еще въ 1741 году, на другой же мѣсяцъ по воцареніи Елисаветы Петровны, былъ привезенъ изъ Киля въ Петербургъ ея родной племянникъ, владѣтельный герцогъ Голштинскій Карль-Петръ-Ульрихъ. Тринадцатилѣтній герцогъ, по матери единственный внучъ Петра Великаго, а по отцу внучатный племянникъ и законный наслѣдникъ Карла XII-го, имѣлъ больше правъ на Русскій престолъ, нежели сама Елисавета.

Это обстоятельство указывало на необходимость имѣть его постоянно на глазахъ.

Блѣдный, слабосильный Нѣмецкій герцогъ съ перваго-же раза не полюбился Русскимъ людямъ, посмѣшавшимъ взглянуть на внука царя-исполина. Сама Елисавета Петровна, при всей нетребовательности въ дѣлѣ книжнаго образованія, была нерѣдко поражаема явнымъ малознаніемъ Голштинскаго герцога, съ равнаго дѣтства упражнявшагося въ своемъ убогомъ Килѣ только маршировкой, да игрою въ солдатики. Несчастный молодой человекъ не зналъ своей умной и достойной матери, скончавшейся вслѣдъ за его рожденіемъ, и выросъ подъ вліяніемъ отца, стараго вдовца, малоспособнаго и въ добавокъ нетрезваго. Окружавшіе малолѣтняго герцога Шведы, зная, что онъ наслѣдуетъ престолъ Шведскій (на Русскій, при Аннѣ Иоанновнѣ, надежды было мало) воспитывали его въ ненависти къ Россіи.

Но для Елисаветы другаго исхода въ рѣшеніи династическаго вопроса не представлялось, и торжественнымъ объявленіемъ герцога Карла-Петра-Ульриха великимъ княземъ наслѣдникомъ Всероссійскаго престола и приобщеніемъ его къ православной церкви, съ переименованіемъ въ Петра Ѳеодоровича, былъ сдѣланъ первый шагъ къ обезпеченію престолонаслѣдія.

Оставалось прискаты супругу великому князю. Фридрихъ Великій, въ то время еще находившійся въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ нашимъ дворомъ, рекомендовалъ Елисаветѣ Петровнѣ дочь своего фельдмаршала князя Христіана-Августа Ангальтъ-Цербстскаго — принцессу Софію-Августу, слухи о которой могли доходить до дворца еще раньше черезъ домъ Трубецкихъ, а также черезъ И. И. Бецкаго, бывшаго резидентомъ въ Гамбургѣ и близко знакомаго съ матерью принцессы. Фридрихъ Великій преслѣдовалъ здѣсь лишь свои цѣли, и конечно не имѣлъ въ виду благо Россіи; а между тѣмъ Провидѣнію угодно было, чтобы, 21 Августа 1745 г., день бракосочетанія 16-тилѣтней прин-

пессы съ великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, стало великимъ событіемъ въ исторіи Россіи, благодѣтельнымъ уже потому одному, что съ Екатериною навсегда прекратились династическія недоразумѣнія.

Небольшая царская семья, состоявшая всего изъ трехъ лицъ, была на виду у всѣхъ. Даже непосвященнымъ въ домашнюю жизнь двора было весьма удобно присматриваться къ каждому отдѣльному лицу и оцѣнивать его по достоинству. Сравненіе великаго князя съ великой княгиней ни въ какомъ отношеніи не могло быть выгоднымъ для перваго. Высокій, острый умъ Екатерины, ея обходительность и веселонравіе, ея любовь къ новому отечеству, очень скоро привлекли къ ней вниманіе всѣхъ Русскихъ людей. Сочувствіе къ Екатеринѣ быстро распространялось въ народѣ и росло по мѣрѣ того, какъ личное положеніе ея въ царской семьѣ становилось тяжеле. Это положеніе главнымъ образомъ обусловливалось крайне натянутыми отношеніями ея къ супругу. Голштинецъ Брокдорфъ, говоря съ Петромъ Ѳеодоровичемъ объ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, осмѣливался употреблять выраженіе: *надо раздавить змѣю!* ¹⁾.

Лѣтомъ 1754 года, Петръ Ѳеодоровичъ получилъ дозволеніе выписать изъ Голштиніи въ Ораніенбаумъ роту Голштинскихъ солдатъ и нѣсколько офицеровъ, пріятелей своего дѣтства ²⁾. Съ этого времени Петръ III пошелъ по роковому пути, котораго не оставлялъ до самой кончины. Съ пріѣздомъ Голштинцевъ онъ всецѣло предался солдатчинѣ.

Когда академикъ Штелинь, наставникъ великаго князя, въ первый разъ увидѣвъ его расположившимся на лугу въ кругу Голштинскихъ офицеровъ, съ трубкой въ зубахъ и за бутылкой пива, выразилъ удивленіе по поводу такого стран-

¹⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, бумаги императрицы Екатерины II-й. Т. VII, стр. 96.

²⁾ Солдаты Ингерманландскаго полка, охранявшіе дворецъ въ Ораніенбаумѣ, глядя на Голштинцевъ, говорили: „Эти проклятые Нѣмцы всѣ проданы Прусскому королю; вотъ навезли въ Россію измѣнниковъ!“ (Записки императрицы Екатерины. Лондонъ. 1859. стр. 170).

наго и для наслѣдника Всероссійскаго престола несвойственнаго образа жизни, то получилъ отъ державнаго ученика слѣдующій отвѣтъ: „Чему ты удивляешься, глупецъ? Неужели ты видѣлъ гдѣ честнаго, храбраго офицера, который, напримеръ, не вурилъ бы трубки“? ¹⁾ Этотъ анекдотъ, изъ тысячи ему подобныхъ, достаточно оправдываетъ безпокойство добрыхъ Русскихъ гражданъ за будущія судьбы Отечества.

Всѣмъ извѣстная попытка канцлера Бестужева устранить Петра Ѳедоровича отъ престола въ пользу Екатерины, окончившаяся такъ неудачно, крайне раздражила императрицу. Весь планъ стараго дипломата основывался на томъ предположеніи, что императрица не осилитъ своего недуга и что дни ея уже сочтены. Предположеніе это не сбылось. Замыселъ былъ обнаружень, и виновникъ его высланъ на житье въ подмосковное село Горетово.

Это случилось въ 1758 г., а въ слѣдующемъ году, когда положеніе великой княгини было уже невыносимо тягостно, пріѣхалъ въ Петербургъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Мы уже видѣли, какъ устроилась Петербургская жизнь Орлова. Его неистощимая веселость и удалой разгулъ получили своего рода извѣстность, которая даже доставила ему случай быть представленнымъ великой княгинѣ...

Орлова не могла не поразить грустная обстановка Екатерины. Отчужденная отъ всѣхъ, она горько провѣлинала свою судьбу и была даже вынуждена проситься назадъ въ Германію. Грубыя выходки оскорбили бы и менѣе самолюбивую женщину. Съ кончиной матери Екатерины, послѣдовавшей въ Маѣ 1760 г., порвалась ея послѣдняя связь съ Германіей. Тамъ оставался у нея братъ, но онъ былъ человѣкъ жалкій, самъ нуждавшійся во всяческой поддержкѣ. Судьба Екатерины на вѣки соединилась съ Россіей...

¹⁾ Записки Штелина въ Чтеніяхъ Императорск. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Читатели припомнятъ, что въ то время, болѣе чѣмъ когда либо, всѣ нравственныя силы страны, вся политическая ея жизнь, сосредоточивались въ войскахъ. Русскіе офицеры не могли не знать, что Петръ Ѳедоровичъ явно держитъ сторону того, противъ кого они проливали кровь свою. Съ наступленіемъ мира, съ возвращеніемъ на родину, имъ предстояли не награды за труды и подвиги, а оскорбительная переименовка на Прусскій образецъ. Негодованію не было предѣловъ. Гр. Орловъ явился лишь выразителемъ того, что думала вся гвардія. Очарованный высокими качествами великой княгини, одушевленный желаніемъ спасти Отечество отъ вторичной Бироновщины, и разумѣется не чуждый мысли о собственномъ благополучіи, онъ задумалъ осуществить то, что не удалось опытному въ переворотахъ Бестужеву. Екатерина представляла собою цвѣтъ Европейской образованности, Орловъ былъ прекраснымъ образцомъ Русской силы и молодечества. Они подали другъ другу руки...

Дружба офицеровъ и преданность солдатъ обнадеживали Орлова. Квартира его была центромъ, въ которому собиралась блестящая гвардейская молодежь. Тамъ обдумывалось высокопатріотическое дѣло, предпринятое гвардейцами съ особеннымъ сочувствіемъ уже потому, что они хорошо знали, какъ ихъ ненавидѣлъ великій князь, какъ онъ называлъ ихъ янычарами и находилъ, что „они только блокируютъ резиденцію, неспособны ни въ какому труду, ни къ военнымъ эзерциціямъ, и всегда опасны для правительства“¹⁾. Такимъ образомъ, число сторонниковъ Екатерины въ гвардейскихъ полкахъ росло съ необычайною быстротою. Все это не было извѣстно одному только Петру Ѳедоровичу, который былъ невоздержанъ на языкъ, и тотъ, кто вздумалъ бы, изъ вѣрности, предостеречь его, конечно сдѣлался бы жертвою его нескромности²⁾.

¹⁾ Записки Штелина, стр. 106.

²⁾ Свидѣтельство Екатерины, см. Русскій Архивъ. 1863, стр. 384.

Императрица Елисавета Петровна скончалась въ самый день Рождества Христова 1761 года, такъ и не разрѣшивъ мучившаго ее вопроса о престолонаслѣдіи.

По собственноручному свидѣтельству Екатерины II-й, „послѣднихъ мыслей имп. Елисаветы Петровны о наслѣдствѣ точно сказать не можно, ибо твердыхъ не было. То несумнительно, что она не любила Петра III-го, что она его почитала за неспособнаго къ правленію, что она знала, что онъ Русскихъ не любилъ, что она съ трепетомъ смотрѣла на смертный часъ и на то, что послѣ нея происходить можетъ“.—И. И. Шуваловъ, „бывъ окруженъ великимъ числомъ молодыхъ людей, отчасти не любя же (Петра III-го) отъ сердца, а еще болѣе отъ легкомыслія ему свойственнаго, бывъ убѣжденъ воплемъ множества людей, кои не любили и опасались Петра III-го, мыслилъ и вѣдалъ на мѣрѣ перемѣнить наслѣдство, въ чемъ адресовался къ Н. И. Панину, спрашивая, что онъ о томъ думаетъ и какъ бы то дѣлать, говоря, что иные влочятся, отказавъ и высылая изъ Россіи великаго князя съ супругою, сдѣлать правленіе именемъ царевича (Павла Петровича); что другіе хотятъ лишь выслать отца и оставить мать съ сыномъ и что *все въ томъ единодушно думаютъ, что Вел. Кн. Петръ Федоровичъ не способенъ и что кромѣ бѣдства, покоряясь ему, Россія не имѣетъ ожидать*“¹⁾).

Панинъ находилъ опаснымъ мѣнять то, что въ продолженіи двадцати лѣтъ было утверждено общею клятвою. „Никита Ивановичъ (продолжаетъ Екатерина) о семъ мнѣ тотчасъ далъ знать, сказавъ мнѣ при томъ, что больной Императрицѣ, еслибъ представили, чтобы мать съ сыномъ оста-

¹⁾ Замѣчательно, что и самъ великій князь высказывалъ, что ни онъ негоденъ для Русскихъ, ни Русскіе для него, и что ему непременно придется погибнуть въ Россіи (Записки императрицы Екатерины II. Лондонъ. 1859 г. стр. 195).

вить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что оно на то склониться можетъ. Но къ сему, благодаря Бога, фавориты не приступили; но, оборота всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III-го, въ коемъ отчасти и предупѣли¹⁾.

III.

Весь Январь мѣсяць 1762 года, въ траурной залѣ дворца освѣщенной тысячами свѣчей, на парадномъ одрѣ, лежало тѣло усопшей императрицы. Жители столицы безпрепятственно допускались къ праху любимой государыни. Всѣ эти трогательно-торжественные дни, новый императоръ „проводилъ въ пиршествахъ... въ сообществѣ Итальянскихъ театральныхъ пѣвицъ и актрисъ, вкупѣ съ ихъ толмачами“²⁾. Изрѣдка и онъ появлялся у параднаго ложа почившей тетки, но только для того, чтобы посмѣяться съ дежурными фрейлинами, да передразнить церковнослужителей. Въ противоположность Петру III-му, Екатерина являлась на всѣ панихиды съ торжественно-печальнымъ лицомъ, въ глубокомъ траурномъ одѣянн³⁾ и показывала самое строгое уваженіе ко всѣмъ подробностямъ православнаго обряда.

Первые три мѣсяца царствованія Петра III-го хотя и ознаменовались нѣсколькими дѣйствительно благодѣтельными реформами и милостями, но онѣ имѣли характеръ случайныхъ внушеній, капризнаго презрѣнія къ прошедшему и теряли свою силу вслѣдствіе общаго хода дѣлъ, крайне соблазнительнаго, безавтнаго. Съ каждымъ днемъ Русскіе люди все

¹⁾ Собственнооручная замѣтка Екатерины. Рус. Архивъ. 1863, стр. 384.

²⁾ Записки Болотова, т. II, стр. 170.

³⁾ Тогдашній портретъ Екатерины въ этомъ траурномъ одѣянн, приложенъ къ Русскому Архиву за 1866 г.

больше убѣждались, что новый государь не любитъ своего народа, не чтитъ его обычаевъ, презираетъ православную вѣру. Страшное убѣжденіе, которое невозможно было зау- пить никакими милостями! Взоры невольно устремлялись на Екатерину. Солдаты почти обожали ее. Современникъ-очевидецъ Рюльеръ, котораго отнюдь нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Екатеринѣ, рассказываетъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ. Однажды вечеромъ, когда Екатерина проходила по темной галереѣ Петергофскаго дворца и часовой отдалъ ей честь, она спросила его, какъ онъ узналъ ее?— *Матушка!* отвѣчалъ солдатъ, *кто бы тебя не узналъ? Ты во всякомъ углу свѣтишь*“.

Въ Январѣ 1762 года, скончался графъ П. И. Шуваловъ, а въ Февралѣ, вслѣдъ за назначеніемъ новаго фельдцейгмейстера Александра Никитича Вильбоа, открылась ваканція на должность цальмейстера въ артиллерійскомъ штатѣ, съ которою соединялось завѣдываніе большими денежными суммами. Екатерина черезъ третьи руки, рекомендовала на эту должность Григорья Григорьевича Орлова. Генераль Пурпуръ¹⁾, бывший въ то время ближайшимъ начальникомъ Орлова, сначала отозвался, что по его мнѣнію, неудобно довѣрять такую должность, съ которою сопряжено очень много отвѣтственности, столь молодому субалтернъ-офицеру, каковымъ есть поручикъ Орловъ²⁾; но, узнавши потомъ, откуда идетъ его рекомендація, замолчалъ. Орловъ не только сдѣлался назначаемъ всего артиллерійскаго вѣдомства, но еще былъ произведенъ въ капитаны. Здѣсь встаетъ будетъ привести любопытный рассказъ А. Т. Болотова о встрѣчѣ его въ Петербургѣ съ Орловымъ, случившейся именно въ описываемое время³⁾.

1) Генераль-поручикъ артиллеріи Андрей Яковлевичъ Пурпуръ былъ потомъ генераль-директоромъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, а именно съ Февраля 1773 г. по Июнь 1784 г.

2) Орлову было тогда 27 лѣтъ.

3) Тогда баронъ Корфъ, знакомый намъ по Кенигсбергу, былъ назначенъ Петербургскимъ полиціймейстеромъ, а Болотовъ оставался, по прежнему, въ его штатѣ, въ качествѣ личнаго адъютанта.

Орловъ „вошелъ вдругъ въ залу (барона Корфа), гдѣ я съ прочими находился, и какъ онъ былъ все еще таковъ же хорошъ, молодъ и статенъ, какъ былъ прежде, то нельзя мнѣ было тотчасъ не узнать его, и какъ я объ немъ съ того самаго времени, какъ онъ отъ насъ тогда съ Шверинимъ поѣхалъ, ничего не слыхалъ и не зналъ—не вѣдалъ, гдѣ онъ и находится, то, обрадовавшись невѣдомо какъ сему нечаянному свиданію, не успѣлъ его завидѣть, какъ съ распростертыми для объятія руками, побѣжалъ къ нему, закричавъ:— „Ба! ба! ба! Григорій Григорьевичъ“!...

А онъ, въ ту же минуту узнавъ меня также, съ прежнеею ласкою ко мнѣ воскликнулъ: „Ахъ! Болотенько! другъ мой! откуда ты это взялся? какимъ образомъ очутился здѣсь? Ужъ не въ штатѣ-ли у Николая Андреевича?“

— Точно такъ! отвѣчалъ я ему, обнимающему и цѣлющему меня дружески. — „Ко мнѣ, ко мнѣ, братецъ, пожалуй! сказалъ онъ: я живу вотъ здѣсь близехонько, подлѣ дворца самаго, на Мойкѣ!“

— Но скажи-жъ ты мнѣ! подхватилъ я: гдѣ-жъ ты нынѣ находишься и при чемъ такомъ? Вотъ ужъ не въ полевомъ прежнемъ, а въ артиллерійскомъ мундирѣ; уже не сдѣлался ли ты, врагъ, артиллеристомъ?— „Здѣсь, здѣсь! братецъ, отвѣчалъ онъ, захохотавши: точно артиллеристомъ и господиномъ еще цальмейстеромъ при артиллеріи!“

— Ну, поздравляю-жъ, поздравляю тебя, Григорій Григорьевичъ, получивъ чинъ сей! Дай Богъ тебѣ и выше и выше. Еще ты лучше и пригоже въ этомъ мундирѣ! Ей, ей, красавецъ! Суцій врагъ!“

Вслѣдъ за тѣмъ въ залу вышелъ баронъ Корфъ, который, увидя Орлова, также воскликнулъ:— „А, Григорій Григорьевичъ! Здравствуй, мой другъ!“ и за тѣмъ, поцѣловавъ его, взялъ за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ. А. Т. Болотовъ говоритъ далѣе, что въ то время онъ и не воображалъ, что Орловъ „былъ тогда уже очень и очень коротко знакомъ

государынѣ императрицѣ и, будучи къ ней въ особливости приверженъ, замышлялъ уже играть свою ролю и набиралъ для нея и для производства замышляемаго великаго дѣла и послѣдовавшаго потомъ славнаго переворота, изъ всѣхъ друзей и знакомцевъ свою партію и которыхъ всѣхъ онъ потомъ ошастливилъ, вывелъ въ люди, подѣлалъ знатными боярами, богачами и на вѣкъ счастливыми“.

По догадкамъ Болотова, Орловъ пробовалъ завербовать и его въ свою партію, какъ адъютанта барона Корфа, пользовавшагося благосклонностью императора. Попытка эта, однако, не удалась. Осторожный Болотовъ всячески уклонялся посѣтить Орлова, не смотря на его многократныя приглашенія и накопецъ увѣренія о необходимости поговорить съ нимъ о чемъ-то наединѣ. Сперва онъ подозрительно недоумѣвалъ, не по масонскимъ ли то дѣламъ ¹⁾, а впоследствии, узнавши о дѣйствительныхъ замыслахъ Орлова, разсуждалъ такъ: „Предпріятіе г. Орлова такого рода, котораго счастливый и отмѣнно удачный успѣхъ не можетъ еще быть нивагъ предвидимъ и считается достовѣрнымъ; но напротивъ того, все сіе отважное предпріятіе сопряжено съ явною и наивеличайшею опасностію, и всякому воспринимающему въ заговорѣ томъ соучастіе, надлежало властно (собственно) какъ на карту становить не только все свое благоденствіе, но и жизнь самую“.

Понятно, что Орлову не было надобности въ такихъ нерѣшительныхъ пособникахъ, и онъ, вскорѣ, оставилъ Болотова въ покоѣ. И безъ того число единомышленниковъ его росло съ каждымъ днемъ. Безпечность Петра III-го подавала большую надежду на успѣхъ. Онъ не замѣчалъ, что въ короткое время успѣлъ нажить себѣ слишкомъ много враговъ. Солдаты злоствовали на новые Прусскіе порядки и глубоко оскорблялись явнымъ предпочтеніемъ, которое было оказы-

¹⁾ Болотовъ разсказываетъ, что Орловъ во время пребыванія въ Кенигсбергѣ принадлежалъ къ масонскому ордену.

ваемо Голштинскимъ проходимцамъ. Духовенство было крайне раздражено отобраніемъ въ казну монастырскихъ имѣній и негодовало на императора за явное презрѣніе къ православной вѣрѣ. Дѣйствительно, дѣло доходило уже до того, что Петръ III призывалъ въ себѣ однажды Новгородскаго архіепископа Димитрія и поручалъ ему распорядиться чтобъ въ церквахъ были оставлены только иконы Спасителя и Богородицы, а прочія предать уничтоженію. Кромѣ того, предполагалось отмѣнить посты, уничтожить монашество, закрыть всѣ домовныя церкви (разрѣшенныя еще Петромъ I-мъ указомъ 1723 года), обрить бороды у священниковъ и одѣть ихъ въ мантии Нѣмецкихъ пасторовъ! ¹⁾

Стоустая народная молва передавала странные слухи о намѣреніи императора *обвѣнчаться въ киркѣ* съ Елисаветой Воронцовой, а императрицу Екатерину заточить въ монастырь. Поговаривали о принадлежности его въ франкъ-масонству, въ которое будто бы совратилъ его нечестивый Прусскій король и т. под. Особенно раздражило всѣхъ черезъ чуръ великолѣпное празднованіе обиднаго для Россіи мира съ Пруссіей. Говорили, будто бы Петръ III увлекся до такой степени, что сталъ даже на колѣни предъ портретомъ Прусскаго короля и называлъ его своимъ *государемъ*!

Приготовленія къ войнѣ съ Данією въ отмщеніе за обиды нанесенныя ею когда-то Голштиніи, окончательно раздражили всѣхъ. Мѣра Русскаго терпѣнія переполнилась. Электричество, собиравшееся со всѣхъ сторонъ, уже готово было разразиться страшнымъ ударомъ.

11-го Іюня, Петръ III переѣхалъ, со всѣми своими при-

¹⁾ Исторія Русской церкви Филарета Черниговскаго. М. 1848. стр. 80.— Записки Болотова, т. II, стр. 172.— Существуетъ письмо И. И. Неплюева къ Екатеринѣ, писанное 29 Іюня 1762 года и посланное къ ней на дорогу къ Петергофу, съ просьбою о скорѣйшемъ распоряженіи относительно внесенія св. иконъ въ церкви. Въ ревности къ лютеранству Петръ III-й былъ въ отца своего (Сообщено П. И. Бартевымъ).

ближенными, въ лѣтнюю резиденцію Ораніенбаумъ, а императрицѣ приказалъ остаться въ Петергофѣ. Онъ упорно отказывался вѣрить въ возможность какой-либо опасности для себя и сердился, когда его уговаривали принять какія нибудь мѣры предосторожности. Одно, на чтò онъ согласился, при отъздѣ изъ Петербурга, это усилить пикеты въ Петергофѣ и поручить надежнымъ людямъ наблюдать въ столицѣ за нѣкоторыми подозрительными людьми. Такъ, между прочимъ, за Орловыми поручено было присматривать адъютанту императора Перфильеву ¹⁾. Но соглядатай оказался весьма податливымъ и легкомысленнымъ. Онъ сдружился съ Орловыми, постоянно пиравалъ съ ними и рѣшительно увѣрился, что не затѣвается ничего важнаго ²⁾. На самомъ же дѣлѣ, все было уже готово. Ждали только отплытія императора въ Данію, съ которою онъ вздумалъ воевать невѣсть изъ-за-чего. Фридрихъ Великій дружески удерживалъ Петра III-го отъ этого похода, намекая, что его отсутствіемъ могутъ воспользоваться для совершенія какого-нибудь преступнаго дѣйствія „въ пользу принцевъ Брауншвейгскихъ“. Петръ III отвѣчалъ, что принцъ Иванъ сидитъ у него подъ крѣпкой стражей, что если бы Русскіе хотѣли ему зла, то давно бы могли его сдѣлать и т. п. ³⁾.

Но Датской экспедиціи не суждено было осуществиться.

Въ ночь съ 27-го на 28-е Іюня, въ то время какъ въ Ораніенбаумскомъ замкѣ Петръ III, „веселился на вечеринкѣ“, „игралъ на скрипичѣ своей какой-то канцертъ“, сержантъ гвардіи Алексѣй Григорьевичъ Орловъ летѣлъ стремглавъ въ

¹⁾ Степ. Васильев. Перфильевъ въ 1765 году былъ генералъ-маіоромъ и оставался въ дружбѣ съ Орловыми (Записки Хвостова, Р. Арх., 1870, стр. 553) Онъ былъ также пріятелемъ Державина и занималъ, впослѣдствіи, одну изъ высшихъ должностей въ Петербургской масонской ложѣ („Новикъ и Московскіе мартинисты“ М. Н. Лонгинова. М. 1867, стр. 95).

²⁾ Русскій Архивъ, 1870, стр. 966.

³⁾ Переписка Фридриха II съ Петромъ III въ 1762 году. Рус. Старина, 1871, стр. 302—304.

Петергофъ извѣститъ императрицу, что одинъ изъ ея пособниковъ, капитанъ Пассекъ, арестованъ „за подозрительныя рѣчи“ и что необходимо сейчасъ же приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. А между тѣмъ, Григорій Григорьевичъ Орловъ остался въ Петербургѣ и, вѣжета, держалъ при себѣ Перфильева до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что бдительность его была уже достаточно убаюкана обильными возліаніями ¹⁾; тогда онъ поспѣшно объѣхалъ всѣ казармы и приготовилъ все какъ слѣдуетъ для приличной встрѣчи Екатерины.

Ранымъ-рано, по Петергофской дорогѣ къ Петербургу, неслась уже во весь опоръ карета императрицы. На козлахъ сидѣлъ Алексѣй Орловъ, а съ боку ѣхалъ верхомъ Василій Ильичъ Бибииковъ. Версть за пять до Петербургской заставы къ поѣзду присоединились Григорій Орловъ и кн. Ѳеодоръ Сергѣевичъ Борятинскій, выѣхавшіе съ извѣстіемъ, что „все готово“.

Около 8 часовъ великолѣпнаго утра, 28 Іюня, Екатерина пріѣхала въ Измайловскій полкъ, расположенный у заставы. Восторженный крикъ: „Да здравствуетъ матушка наша Екатерина!“ встрѣтилъ императрицу и неумолкаемо сопровождалъ ее до самаго храма Казанской Божіей Матери. По свидѣтельству Гельбига, Алексѣй Орловъ обогналъ поѣздъ Екатерины и, когда она приближалась къ Казанской церкви, первый рѣшительно провозгласилъ ее царствующею императрицею ²⁾. Архіепископъ Димитрій, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и синелитомъ, встрѣтилъ Екатерину, и послѣ благодарственнаго молебна, она провозглашена *самодержавной императрицей*, а великій князь Павелъ Петровичъ — наслѣд-

¹⁾ Гельбихъ рассказываетъ, что Орловъ поилъ всю эту ночь Перфильева и проигралъ ему нѣсколько тысячъ рублей, чтобъ занять его и отвлечь отъ наблюденія (Rus. Günstl. стр. 266).

²⁾ Russische Günstlinge, стр. 291.

ниомъ престола. Изъ собора Екатерина, окруженная ликующимъ народомъ и войскомъ, торжественно направилась въ новый нынѣшній Зимній дворецъ, гдѣ приняла присягу отъ снуда и сената. Архіепископъ Димитрій обошелъ ряды войска съ крестомъ въ рукахъ и подносилъ его каждому солдату для цѣлованія¹⁾. Тогда же былъ изготовленъ манифестъ о вступленіи Екатерины на престоль и разосланъ съ курьерами во всѣ концы Россіи и за границу. Въ немъ прямо говорилось, что „законъ нашъ Православный Греческій перво всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша Греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности переменною древняго въ Россіи Православія и принятіемъ иновѣрнаго закона“²⁾.

Но дѣло было все-таки еще не кончено: никому не было извѣстно, какъ отнесется къ совершившемуся факту Петръ III. Онъ могъ еще воспользоваться бывшими у него подъ рукою войсками. Екатерина рѣшилась предупредить его намѣренія. Она въ тотъ-же день выступила къ Петергофу во главѣ всей гвардіи и артиллеріи, объявивъ сенату указомъ, что она идетъ „утвердить и обнадежить престоль“.

Утромъ 29 Іюня марширующія войска прибыли въ Петергофъ. Почти въ то же самое время возвратился и Петръ III въ Ораніенбаумъ изъ своей неудачной поѣздки въ Кронштадтъ. Узнавъ о прибытіи Екатерины съ войскомъ въ Петергофъ, онъ отправилъ къ ней письмо, въ которомъ грозилъ уставить весь путь отъ Петербурга до Ораніенбаума висѣлицами, если она не оставитъ своего намѣренія. Екатерина отвѣчала угрозой-же, что если онъ добровольно не отдастъ

¹⁾ Записки Державина, М. 1860, стр. 21. Наше общество познакомило наглядно съ этимъ событіемъ по современнымъ картинамъ на портретной выставкѣ 1870 года.

²⁾ Полн. Собр. Законовъ Рос. Имп. т. XVI, № 11582

себя подъ арестъ, то полкамъ и артиллеріи повелѣно будетъ дѣйствовать по военному ¹⁾. Петръ III повелѣлъ было собирать Голштинцевъ, но фельдмаршалъ Минихъ уговорилъ его оставить безумное намѣреніе, выставляя на видъ, что бесполезное сопротивленіе только раздражитъ Россіянъ и что „всѣ находящіеся въ Петербургѣ иностранцы могутъ быть изрублены“ ²⁾. Въ эти минуты Петръ III рѣшился на послѣднюю по его мнѣнію крайность: онъ снялъ съ себя Прусскій мундиръ и ленту и надѣлъ орденъ Россійской имперіи ³⁾. Но уже было поздно... Григорій Григорьевичъ Орловъ и генераль-маіоръ Измайловъ, прибывшіе въ Ораніенбаумъ по порученію Екатерины, предложили Петру Ѳедоровичу ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Петергофъ ⁴⁾, куда онъ прибылъ въ 1-мъ часу дня и покорно подписалъ актъ отреченія отъ престола, составленный и писанный Тепловымъ.

Въ 5-мъ часу по-полудни Петергофскія войска увидѣли большую четырехмѣстную карету съ опущенными сторами; на возлахъ, на запяткахъ и подножкахъ помѣщались вооруженные гренадеры. Карета эта, сопровождаемая коннымъ отрядомъ, впереди котораго нельзя было не замѣтить атлетической фигуры Алексѣя Орлова, отвезла въ Ропшу отрекшагося императора.

Такъ палъ этотъ человекъ, имѣющій въ исторіи значеніе отрицательное: онъ памятенъ лишь тѣмъ, что по поводу его воцарилась и возвеличила Россію Екатерина; и за тѣмъ онъ является съ значеніемъ уже только тѣни, въ лицѣ цѣлаго ряда самозванцевъ и скопца-искупителя Андрея Иванова...

¹⁾ Осмнадцат. Вѣкъ, кн. I, стр. 67 и 68.

²⁾ Записки Болотова, т. II, стр. 278. Придворный ювелиръ Позье самъ слышалъ, какъ солдаты говорили между собою, „что всѣхъ иноземцевъ надо перерѣзать“ (Русск. Старина, 1870, стр. 217).

³⁾ Рюльеръ.

⁴⁾ Записка Штелина. См. Сочиненія Державина, изд. академикомъ Гротомъ, т. VI, стр. 865.

IV.

Въ то время, какъ Екатерина отдыхала въ Петергофскомъ дворцѣ, княгиня Дашкова, воображавшая себя главною виновницею всего происшедшаго, проходя на половину государыни, черезъ длинный рядъ комнатъ, съ удивленіемъ замѣтила въ одной изъ нихъ, ближайшей къ покоямъ императрицы, Григорья Григорьевича Орлова, спокойно лежавшаго на диванѣ и распечатывавшаго большой пакетъ, очевидно, съ государственными бумагами. Нужно замѣтить, что незадолго передъ тѣмъ онъ зашибъ себѣ ногу. Черезъ нѣсколько времени, къ дивану, на которомъ лежалъ Орловъ, былъ придвинутъ столъ, накрытый на три прибора, и императрица, вмѣстѣ съ княгиней Дашковой, присѣли къ нему обѣдать.—Только съ этого времени княгиня убѣдилась, что между императрицей и Орловымъ существовали весьма дружественныя отношенія ¹⁾, о которыхъ зналъ хорошо, можетъ быть, одинъ лишь гардеробмейстеръ Шкуринъ, посвященный въ тайну 18 Апрѣля 1762 г. ²⁾.

Послѣ обѣда императрица возвратилась въ Петербургъ. Отслушавъ молебствіе въ новой Адмиралтейской церкви, она отправилась, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, въ Лѣтній дворецъ ³⁾ и принимала тамъ поздравленія со вступленіемъ на престолъ. Орловъ, вѣроятно, стоялъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ другими; но потомъ, изнуренный болью ноги, сѣлъ не по-далеку отъ императрицы, извиняясь предъ сановниками ⁴⁾. Легко себѣ представить, съ какимъ недоумѣніемъ смотрѣли иные на молодого капитана.

¹⁾ Записки Дашковой, въ Русскомъ переводѣ, 1859 г.

²⁾ Russische Günstlinge, стр. 281.

³⁾ На мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго замка

⁴⁾ Russische Günstlinge, стр. 267.

Щедрыя награды и милости, излитыя на Григорья Орлова и на его братьевъ, въ первые же мѣсяцы новаго царствованія, разрѣшили всѣ недоумѣнія.

22 Сентября, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, Екатерина помазалась на царство. Григорій Орловъ, уже произведенный въ генераль-маіоры, въ дѣйствительные камергеры и пожалованный орденомъ Александра Невскаго, былъ главнымъ распорядителемъ въ обрядѣ коронованія. Княгиня же Дашкова, будучи оскорблена слишкомъ скромнымъ мѣстомъ, отведеннымъ ей въ соборѣ (не какъ кавалеру ордена св. Екатерины, но какъ женѣ простаго полковника), злобно замѣчаетъ въ своихъ Запискахъ, что Орловъ примѣнилъ къ церемоніалу Нѣмецкій этикетъ, по которому военнымъ чинамъ отдается предпочтеніе предъ придворными.

Торжество коронованія было ознаменовано обычнымъ народнымъ пиромъ на Красной площади и новою милостію къ Орловымъ: всѣ они были возведены въ графское достоинство, а Григорій Григорьевичъ, сверхъ того, былъ назначенъ генераль-адъютантомъ. Въ высочайшей грамотѣ на графское достоинство, выданной каждому брату отдѣльно, было сказано, между прочимъ, что „они (т. е. Орловы) были первые изъ „тѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россійскихъ, которые сію Имперію „отъ страннаго и несноснаго ига и Православную Греческаго „исповѣданія церковь отъ раззоренія и приближавшагося ей „всеконечнаго паденія возведеніемъ насъ (т. е. Екатерины) „на Всероссійскій Императорскій престоль свободили, которое „преславное дѣло и подлинно ихъ прозорливостію, разумомъ, „смѣлостію и мудростію къ пользѣ и благополучію Отечества „и къ радости и удовольствію натуральныхъ союзниковъ сея „Имперіи, къ безсмертной ихъ славѣ, дѣйствительно и благо- „получно къ совершенству приведено“¹⁾.

¹⁾ Приведенная грамота на графское достоинство Владиміра Григорьевича Орлова сообщена въ спискѣ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ.

Примѣчательнѣ также гербъ, данный при этомъ случаѣ Орловымъ. Военный, прямостоящій щитъ, раздѣленный на четыре части, накрытъ въ срединѣ маленькимъ щиткомъ съ изображеніемъ родоваго герба дворянъ Орловыхъ, т. е. краснаго двуглаваго орла съ золотыми лапами и клювомъ. Въ первой и послѣдней четвертяхъ, на золотомъ фонѣ, изображены по одному черному двуглавному орлу, увѣнчанному двумя золотыми коронами, а на верху тѣхъ полей, въ голубой вершинѣ, Русская императорская корона; во второмъ и третьемъ красныхъ поляхъ изображены „бодрые и въ сраженію готовые львы, горностаеваго вида“, носящіе на груди голубой щитокъ съ золотымъ „лапчатымъ“ крестомъ. Сверхъ всего щита наложена обыкновенная графская корона, на которой поставлены три турнирные шлема, изъ которыхъ средній серебряный „и по достоинству коронованный шлемъ“, держитъ на себѣ чернаго двуглаваго орла съ двумя золотыми коронами; правый шлемъ, украшенный золотою короною, держитъ два сомкнутыхъ орлиныхъ крыла краснаго цвѣта; и наконецъ лѣвый шлемъ, украшенный дворянскимъ буреле-томъ¹⁾ изъ краснаго и бѣлаго цвѣтовъ, держитъ льва съ крестомъ на груди. По сторонамъ щита стоятъ два вооруженные воина въ стальныхъ латахъ, въ шлемахъ и съ знаменами въ рукахъ: на одномъ изъ нихъ изображенъ родовой гербъ Орловыхъ, а на другомъ левъ съ крестомъ. Къ нижней части щита прикрѣплена лента съ надписью: *Fortitudine et constantia*, т. е. храбростію и постоянствомъ¹⁾.

¹⁾ *Бурелетъ* есть жгутъ изъ ткани, набитый шерстью.

²⁾ Общій Гербовникъ, I отд. 1-й части. Впослѣдствіи Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ, возведенный въ графское достоинство имп. Николаемъ Павловичемъ (25 Декабря 1825 г.) получилъ такой-же гербъ съ нѣкоторыми измѣненіями, напримѣръ: вмѣсто львовъ „готовыхъ въ сраженію“, тамъ изображены львы, раздирающіе гидру—намекъ на участіе въ событіи 14 Декабря 1825 года, напоминающій собою графскій знакъ Д. Н. Блудова,—распущенное крыло съ надписью. *Non in aves, sed in angues* (не на птицъ, а на змѣй).

Языкомъ геральдики весьма опредѣлительно выражены заслуги Орловыхъ; но и безъ того уже всѣ взоры были устремлены на взысканныхъ судьбою братьевъ, незадолго передъ тѣмъ отличавшихся лишь подвигами личного молодечества.

Быстрый ходъ происшествій не давалъ времени опомниться и сообразиться. Значеніе Орловыхъ почти внезапно выросло передъ всѣми и встревожило даже самыхъ безкорыстныхъ соучастниковъ Юньскаго событія.

Въ маѣ 1763 года начали распространяться по Москвѣ слухи о намѣреніи Екатерины вступить въ бракъ съ Григорьемъ Орловымъ. Гельбигъ утверждаетъ даже, что эти слухи были пущены не безъ вѣдома самой императрицы, любопытствовавшей знать, какое впечатлѣніе они произведутъ въ народъ ¹⁾. Отъѣздъ Екатерины съ Орловымъ въ Воскресенскій монастырь еще больше усилилъ толки. Старый канцлеръ Бестужевъ ²⁾ составилъ даже прошеніе къ императрицѣ отъ имени всего народа, чтобы она довершила благодѣянія избраніемъ себѣ достойнаго супруга между подданными; подъ этимъ прошеніемъ уже подписались многіе сановники, какъ свѣтскіе, такъ и духовные ³⁾. Камеръ-юнкеръ Федоръ Хитрово,

¹⁾ Russische Günstlinge, стр. 268.

²⁾ Возвращенный изъ ссылки въ первый же мѣсяцъ новаго царствованія.

³⁾ Не касаясь только тогдашнихъ шептуновъ, будто бы самая поѣздка императрицы въ Воскресенскій монастырь имѣла цѣлью предоставить Бестужеву большую свободу къ собиранію подписей на прошеніе, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что Екатерина тогда же повелѣла выдать монастырю изъ собственнаго кабинета 42 000 руб. на устройство иконостаса въ Голгоеской церкви и пожаловала, кромѣ того, богатую ризницу, утварь и книги, подписанныя собственною ея рукою. И долго не забывала Екатерина Воскресенскаго монастыря, памятнаго ей съ молодыхъ лѣтъ, когда она жила тамъ при Елисаветѣ Петровнѣ и когда государыня и ея вѣдомжи устраивали въ честь своихъ святыхъ цѣлый рядъ внутреннихъ церквей великолѣпнаго храма. Съ 1765 по 1769 г. Екатерина пожертвовала новому Иерусалиму 24,000 руб. Последній ея вкладъ (8,168 руб.) былъ присланъ въ 1777 году. См. *Путешествіе въ Новый Иерусалимъ и проч.* М. Дмитревскаго. М. 1808.

лично оскорбленный Орловыми, почти открыто говорилъ, будто-бы Никита Панинъ спрашивалъ императрицу, съ ея-ли позволенія написано Бестужевымъ „прошеніе о замужествѣ и точно за Григорья Орлова?“ и въ отвѣтъ получилъ, что *нѣтъ*; но, замѣтивъ будто-бы по ея лицу неискренность этого отвѣта, тотчасъ пригласилъ къ себѣ гетмана Разумовскаго, Захара Чернышева и друг., и „согласились межъ собою оное уничтожить, разсуждая, что это дѣло нехорошее и что отечеству вредно, и всякой патріотъ долженъ вступиться, искоренить и опровергнуть, сказывая причину, что Орловы стараются похитить (?). И этого ничего не было бѣ для того, что Григорій глупъ, а больше все дѣлаетъ (его братъ) Алексѣй, и что онъ великой плутъ и всему дѣлу причиною“ ¹⁾. Хитрово энергически возбуждалъ неудовольствіе противъ Орловыхъ и уже собралъ значительную партію, рѣшившуюся противодѣйствовать Бестужеву. Положено было, на тотъ случай, если императрица приметъ отъ Бестужева проэктъ бракосочетанія, собраться къ ней и представить „худобу онаго дѣла“; если же ихъ представленія будутъ отвергнуты, то убить всѣхъ Орловыхъ ²⁾.

Хитрово былъ арестованъ и подвергнутъ допросу. Екатерина, находившаяся въ то время въ Ростовѣ, видимо желала (какъ и всегда впослѣдствіи въ подобныхъ случаяхъ) покончить съ этимъ дѣломъ безъ всякой огласки. В. И. Суворовъ ³⁾, которому было поручено допросить Хитрово, отзывался „поступать весьма осторожно, не тревожа ни городъ, и сколь можно никого; однакожъ такимъ образомъ, чтобъ досконально узнать самую истину“ ⁴⁾.

¹⁾ Бумаги императрицы Екатерины II, изданныя по высочайшему повелѣнію въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, т. VII, академикомъ Певарскимъ. Спб 1871. См. также Записку, писанную Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ, по дѣлу Хитрово, стр. 290.

²⁾ Тамъ-же: Собственноручная записка Екатерины, стр. 293.

³⁾ Отецъ фельдмаршала.

⁴⁾ Бумаги императрицы Екатерины II, изд. акад. Певарскимъ, стр. 289.

По прочтении первых показаний Хитрово, императрица поручила спросить его, между прочимъ: „Состояло-ли, или что „противъ меня еще особо предпріять хотѣли, понеже онъ „(Хитрово) говорилъ, что я обѣщаніе свое не исполнила, „которое я будто дала Панину быть правительницею, и отъ „кого онъ то обѣщаніе слышалъ? Кто ему, Хитрову, сказывалъ, что я съ Панинымъ говорила о замужествѣ и мои „отвѣты?“....

Въ слѣдующемъ письмѣ, по прочтении дополнительныхъ допросовъ, императрица опять писала къ Суворову, чтобъ онъ спросилъ Хитрово: „чего они намѣрены были дѣлать противъ меня, естли бъ я не принимала бы ихъ представленій?“¹⁾

Какъ извѣстно, слѣдствіемъ не было обнаружено существованіе какого-нибудь замысла лично противъ Екатерины, что подтверждается и лордомъ Букингамомъ, въ его донесеніи, отъ 25 августа 1763 года²⁾. Опасность угрожала однимъ только Орловымъ. Одинъ изъ заговорщиковъ, нѣкто Гетрофъ, съ гордостью объявилъ на допросѣ, что онъ скорѣе вонзилъ бы ножъ въ сердце Григорья Орлова и послѣ того самъ бы умеръ, нежели согласился бы признать его своимъ монархомъ и быть свидѣтелемъ бѣдствій страны, только что освобожденной отъ тираніи³⁾.

Хитрово, со всѣми сообщниками, былъ высланъ изъ столицы съ обязательствомъ хранить всѣ обстоятельства въ глубочайшей тайнѣ.

Послѣ этого случая Орловы окончательно утвердились на той высотѣ, на которую поставила ихъ счастливая судьба.

„ Я знаю (говорила въ то время Екатерина Французскому послу Бретелю), что Орловы недостаточно образованы, но я имъ обязана тѣмъ, что я есмь. Они исполнены честно-

1) Бумаги имп. Екатерины II, изд. акад. Пекарскмъ, стр. 292 и 293.

2) La Cour de Russie, стр. 230.

3) Записки Дашковой, 1859, стр. 86.

сти и отваги, и я увѣрена, что они не продадутъ меня“ ¹⁾. Слова эти конечно, больше всего относились къ Григорью Григорьевичу Орлову, котораго Екатерина называла даже „героемъ, подобнымъ древнимъ Римлянамъ, времянъ цвѣтущаго состоянія республики, и имѣющимъ одинаковую съ ними храбрость и великодушіе“ ²⁾.

У иностранцевъ вошло какъ бы въ обычай заподозрѣвать искренность отзывовъ Екатерины о своемъ первомъ открытомъ любимцѣ; имъ все кажется, что она преувеличивала его достоинства, для того-де, чтобъ оправдать свой выборъ ³⁾. Мы не можемъ раздѣлять этого взгляда и полагаемъ, что Екатеринѣ не было нужды прибѣгать къ такимъ напраслинамъ. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ, пользовавшійся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ дружбой такой женщины, какъ Екатерина, не могъ быть дюжиннымъ человѣкомъ.

Орловъ былъ не только другомъ великой государыни, но даже постояннымъ совѣтникомъ ея въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, и въ этомъ случаѣ онъ не имѣлъ себѣ равныхъ, отличаясь здравымъ смысломъ прямого Русскаго человѣка. Не даромъ Екатерина называла его „единственнымъ и истинно-великимъ человѣкомъ, такъ мало оцѣненнымъ современниками“ ⁴⁾. Безъ сомнѣнія, еслибы Орловъ рѣшился оставить свое исключительное положеніе при дворѣ и выступилъ бы на широкое поле государственной дѣятельности, то былъ бы надлежащимъ образомъ оцѣненъ современниками и занялъ бы болѣе видное мѣсто въ исторіи.

Но и въ тѣсномъ кругѣ придворной жизни, добрая душа

¹⁾ La Cour de Russie, стр. 228.

²⁾ Переписка Екатерины съ Вольтеромъ, въ Русскомъ переводѣ И. Фабіана. М. 1803, ч. 1-я, стр. 33.

³⁾ Castèra (Hist. de Catherine II, t. 2, стр. 26; La Cour de Russie (стр. 288) и проч.

⁴⁾ Переписка Екатерины съ Циммерманомъ, въ Русскомъ переводѣ. Спб. 1803, стр. 18.

Орлова постоянно радѣла о благѣ Отчества и постоянно устремлялась на помощь ближнему. Память о добрыхъ дѣлахъ Орлова трогательно выражена въ слѣдующихъ немудреныхъ стихахъ, написанныхъ неизвѣстнымъ авторомъ-современникомъ, по поводу кончины его:

Не гордость пышная имъ въ счастья обладала,
Но сердца чистота одна въ немъ обитала.
Моленій плачущихъ Орловъ не презиралъ;
Но, сострадая имъ, ихъ слезы отиралъ ¹⁾.

Добродушная простота, уживчивый характеръ, веселое нравіе, обходительность, доброжелательность и общедоступность, вотъ тѣ качества, которыя отличали Орлова отъ всѣхъ случайныхъ людей, какъ предыдущаго, такъ и послѣдующаго времени. Англійскій посланникъ лордъ Катквартъ доносилъ своему двору, что онъ утвердительно можетъ сказать, что Орловъ — порядочный человекъ (*galant homme*), чистосердечный, правдивый, исполненный высокихъ чувствъ и обладающій замѣчательнымъ природнымъ умомъ, но безъ малѣйшей охоты выказывать его ²⁾. И дѣйствительно, Орловъ, при необычайной силѣ, храбрости и рѣшимости, былъ до нѣжности кротокъ въ обращеніи. По словамъ Екатерины, онъ былъ нѣженъ какъ барашекъ, *doux comme un mouton* ³⁾.

Крѣпкая дружба соединяла всѣхъ братьевъ Орловыхъ. По преданію, въ ихъ семьѣ всегда поддерживалась старинная Русская почтительность въ отношеніяхъ къ старшему брату. Покойный князь А. С. Меншиковъ рассказывалъ со словъ людей старыхъ, что Григорій Григорьевичъ, будучи уже графомъ, не позволялъ себѣ садиться въ присутствіи своего старшаго брата Ивана Григорьевича, пока тотъ не прикажетъ.

¹⁾ Московскія Вѣдомости 1783 г. № 82.

²⁾ *La Cour de Russie*, стр. 241.

³⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова, стр. 82, письмо Екатерины къ Циммерману.

V.

Случай Орлова совпадаетъ съ тою эпохою царствованія Екатерины, когда новыя понятія, смѣло провозглашенныя Французскими энциклопедистами, широкой струей проникали въ Петербургскій дворецъ и оттуда свободно вѣяли надъ вершинами нашего общества. То была пора чистыхъ мечтаній о благѣ челоуѣчества и неутомимой жажды просвѣщенія, успѣхи котораго въ Россіи были цѣлью особенной заботливости Екатерины. Человѣкъ, пользовавшійся въ то время такимъ ея расположеніемъ, какъ Орловъ, не могъ не сочувствовать ея высокимъ идеямъ. Въ то время какъ Екатерина явно покровительствовала знаменитымъ философамъ Франціи, коихъ преслѣдовали Парижскій парламентъ и католическое духовенство, Орловъ, съ своей стороны, добродушно предлагалъ одному изъ нихъ, а именно Ж. Ж. Руссо, обезпеченное помѣщеніе въ его деревнѣ подъ Петербургомъ.

„Милостивый государь (писалъ Орловъ къ Руссо въ 1766 году), вы не удивитесь, что я пишу къ вамъ, зная, что люди наклонны къ странностямъ. У васъ есть свои, у меня мои: это въ порядкѣ вещей; пусть одною изъ такихъ странностей будетъ и причина, побудившая меня писать къ вамъ. Я вижу васъ давно странствующимъ изъ одного мѣста въ другое. Чрезъ газеты я знаю и о причинахъ этого... Мнѣ вздумалось связать вамъ, что въ 60 верстахъ отъ Петербурга у меня есть помѣстье, гдѣ воздухъ здоровъ, вода удивительна, пригорки, окружающіе озера, образуютъ уголки пріятные для прогулокъ и возбуждающіе къ мечтательности. Мѣстные жители не понимаютъ ни поанглійски, ни пофранцузски, еще менѣе погречески и латыни. Священникъ не знаетъ ни диспутировать, ни проповѣдывать, а паства, сдѣлавъ крестное знаменіе, добродушно думаетъ, что сдѣлано все. И такъ, милостивый государь, если такой уголокъ вамъ

по вкусу — отъ васъ зависитъ поселиться въ немъ. Все нужное будетъ къ вашимъ услугамъ, если вы пожелаете. Если нѣтъ, располагайте охотою и рыбною ловлею. Коль скоро вы захотите общества, чтобы разсѣять скуку, и оно будетъ. Но вообще и прежде всего, вы ни въ чемъ не будете имѣть ни малѣйшаго стѣсненія, не будете ничѣмъ никому обязаны. Сверхъ того, по желанію вашему, не произойдетъ никакой огласки о вашемъ пребываніи. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ не дурно было бы, по моему мнѣнію, совершить переѣздъ моремъ, если вы въ состояніи вынести его; тѣмъ болѣе, что и отъ любопытныхъ вамъ будетъ больше покоя.

„Вотъ, милостивый государь, что я счелъ себя въ правѣ предложить вамъ *изъ признательности за почерпнутое мною въ вашихъ книгахъ*, хотя онѣ были писаны и не для меня. Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ“ и проч. ¹⁾).

Автобіографическое показаніе, заключающееся въ послѣднихъ строкахъ приведеннаго письма, имѣетъ для насъ существенную важность. Постоянное общеніе съ женщиной, для которой чтеніе и письмо были ежедневною потребностью, не могло не отразиться на Орловѣ. Проведя свою первую молодость въ свѣтскихъ развлеченіяхъ и въ шумныхъ пирахъ, онъ при первой же встрѣчѣ съ Екатериною, вѣроятно, почувствовалъ недостаточность своего образованія и, можетъ быть, тогда же усердно принялся дополнять его чтеніемъ книгъ. Можно даже думать, что самый выборъ книгъ для прочтенія принадлежалъ Екатеринѣ ²⁾). Знаменитая Энциклопедія, хорошо извѣстная Екатеринѣ еще въ бытность ея великой княгиней, едва-ли не была первою книгою, раскрытою ею передъ умнымъ, даровитымъ любимцемъ счастья. Поло-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, стр. 582.

²⁾ По Запискамъ Порошина видно, что въ загородныхъ прогулкахъ, сидя въ каретѣ съ Орловымъ, Екатерина читала съ нимъ книги. Она же писывала за него письма въ чужіе края (Сборн. Р. Ист. Общ. VII, 331), и можетъ быть письмо къ Руссо писано ею-же.

жительно извѣстно, что Орловъ страстно привязался къ физикѣ и вообще къ естественнымъ наукамъ. Можетъ быть, эта страсть сблизила его съ Ломоносовымъ, который даже подарилъ ему „метеорологическій инструментъ“¹⁾ и по всѣмъ вѣроятіямъ руководствовалъ его въ ученыхъ занятіяхъ. Пылкій умъ Орлова не довольствовался данными, выработанными уже наукою, но стремился къ изслѣдованію неизвѣстныхъ явленій. Прозорливость и находчивость Орлова были дѣйствительно изумительны. Однажды маленькой великій князь Павелъ Петровичъ забавлялся съ своихъ комнатахъ игрою съ креслами; накрывая ихъ сукномъ и представляя себѣ, что это сани съ полостью, онъ нѣсколько разъ сдергивалъ сукно и замѣтилъ при этомъ, что изъ дерева, на которомъ была позолота, выскакивали искры. Явленіе это, поставившее въ недоумѣніе самого Эпинуса, учителя физики, было объяснено Орловымъ. „Вечеру оныя креслы и сукно носили къ Государынѣ. У Ея Величества въ покоехъ дѣлали опыты. Графъ Григорій Григорьевичъ (Орловъ), *будучи особливо до такихъ вещей охотникъ*, нашель, что когда муфтой или простой рукой по шелковымъ обоямъ тереть станешь, то электризація производится и сыплются искры“²⁾. Это было въ 1766 году, когда законы электричества были мало извѣстны. Нѣсколько позже, Орловъ сдѣлалъ весьма любопытный опытъ замѣненія свай льдомъ при постройкѣ каменныхъ воротъ у своего дома: на мѣстѣ, назначенномъ для воротъ, онъ велѣлъ осенью вырыть рвы, а зимою наполнилъ ихъ водою. Когда вода достаточно обмерзла, рвы были тщательно укрыты отъ солнечныхъ лучей, а слѣдующею весною на нихъ воздвигли огромные каменные ворота со сводами³⁾. Въ другой разъ Орловъ про-

¹⁾ Архивъ Князя Воронцова, кн. IV, стр. 498.

²⁾ Записки Семена Порошина. Изд. М. И. Семеваго. Спб. 1881, стр. 570.

³⁾ Переписка Екатерины съ Вольтеромъ, въ Русскомъ переводѣ Фабіана. М. 1803, стр. 111.

изводиль, въ присутствіи императрицы, опыты надъ бомбою, наполненною водою и выставленною на морозъ: меньше чѣмъ чрезъ часъ бомбу разрывало съ большимъ трескомъ ¹⁾.

Научные предметы были постоянно любимою темою разговоровъ Орлова въ обществѣ. Для примѣра выпишемъ два три числа изъ любопытнаго дневника Порошина за 1765 годъ:

„11 Марта... Графъ Григорій Григорьичъ заговориль, по обыкновенію своему, о физикѣ и упомянулъ о гремящемъ золотѣ, аугиш fulminans... Его Высочество (в. кн. Павелъ Петровичъ) присталь къ рѣчи и спориль противъ Григорья Григорьича“.

„16 Марта..., пришли графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ и Григорій Николаичъ Тепловъ... разговаривали о физикѣ, о химіи, о ботаникѣ и о анатоміи“...

„31 Декабря... Обѣдали у насъ (т. е. въ покоехъ наслѣдника) Его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Василій Ильичъ Бибииковъ. Долго споръ былъ о параболической фигурѣ ²⁾“.

Астрономическія наблюденія, производимыя Орловымъ съ обсерваторіи, устроенной имъ надъ своими покоями въ Лѣтнемъ дворцѣ, представляли во всякомъ случаѣ примѣчательное зрѣлище, рѣдко повторяющееся въ лѣтописяхъ современныхъ ему Европейскихъ дворовъ.

При всемъ томъ, Орловъ никогда не напускалъ на себя ученаго вида; напротивъ того, онъ любилъ давать полную волю своему живому нраву и въ этомъ случаѣ нисколько не стѣснялся, ни лѣтами, ни своимъ высокимъ положеніемъ. Мы его видимъ то прыгающимъ черезъ стулья въ ложѣ манежа, то скачущимъ въ саду черезъ канаве, то одѣвающимся въ

¹⁾ Переписка Еватерини съ Вольтеромъ. М. 1803. стр. 112.

²⁾ Записки Порошина, изд. М. И. Семевскимъ. Стр. 282, 285, 564.

женское платье ¹⁾, то устраивающимъ серенады дѣвицамъ Смольнаго монастыря ²⁾ и т. под.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что Орловъ не могъ относиться равнодушно съ своему славному современнику, достойному представителю Русской мысли, Ломоносову. Орловъ смотрѣлъ даже на него, по словамъ Шлецера, *какъ на полубога* ³⁾. Благодаря внушенію Орлова, государыня удостоивала Ломоносова своею бесѣдою и даже посѣтила его ученую келію ⁴⁾. Общая страсть къ естественнымъ наукамъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, была исходной точкой дружескихъ сношеній между этими двумя замѣчательными людьми. Уже на второй мѣсяцъ по воцареніи Екатерины, Ломоносовъ довѣрчиво обратился къ Орлову съ мольбой о содѣйствіи къ осуществленію любимой своей мечты: возстановить мысль Петра Великаго объ открытіи университета въ Петербургѣ. Дѣло это было далеко не новое. Ломоносовъ началъ его еще въ 1742 году. Не смотря на продолжительное, упорное противодѣйствіе Нѣмецкой партіи въ Академіи, ему удалось наконецъ провести въ конференціи составленный имъ университетскій уставъ, и даже была уже заготовлена грамота объ открытіи университета. Но Елисавета Петровна не успѣла начертать своего имени на грамотѣ. Ея кончина надолго отсрочила учрежденіе университета въ Петербургѣ. По вступленіи на престолъ Екатерины, Ломоносовъ, съ своею ственною ему настойчивостью, опять принялся за свое дѣло. Въ письмѣ къ Григорью Григорьевичу Орлову, отъ 27 Іюля 1762 года, онъ горячо проситъ содѣйствія къ открытію университета въ Петербургѣ, объясняя ему, что „этимъ благода-“

¹⁾ Русск. Архивъ, 1869. Стр. 20, 60. — Дворъ и замѣчательн. люди въ Россіи, Вейдемейера. Спб. 1846 ч. I, стр 47.

²⁾ Русск. Архивъ, 1870, стр. 538

³⁾ Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ, статья В. И. Ламанскаго, стр. 145 (Въ Читеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.)

⁴⁾ Архивъ Кн. Воронцова, IV, 495.

ніемъ, всѣ истинные сыны Отечества отъ уныніа возставлены, или лучше сказать воскрешены будутъ. Напротивъ того, злые недоброхоты Россійскіе, въ коварныхъ своихъ проискахъ ослабаясь, не такъ стануть посягать на насъ дерзостно. Нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить и отъ презрѣнія избавить возлюбленный Россійскій родъ! Не увосни, милостивый государь, въ отчаяніи и дряхлости сѣтующее, учащееся здѣсь юношество оживить отрадою, и показать что ваше превосходительство Богъ возвысилъ истиннымъ сыномъ Отечества, на защищеніе вѣрныхъ природныхъ подданныхъ Ея Величества“¹⁾.

Трудно сказать, почему Екатерина, не смотря даже на усердное ходатайство самого Орлова, не согласилась утвердить предложенія Ломоносова. Можетъ быть, здѣсь дѣйствовало вліяніе Теплова, давняго врага Ломоносова. Послѣ этой новой неудачи, Ломоносову пришлось вытерпѣть много оскорбленій отъ своихъ мстительныхъ враговъ, Нѣмецкихъ академиковъ. Дѣло, наконецъ, дошло до того; что въ маѣ 1763 г. онъ получилъ высочайшій указъ объ увольненіи отъ Академіи. Благодаря заступничеству Орлова, указъ этотъ былъ уничтоженъ. Не долго жилъ послѣ того Ломоносовъ: онъ скончался 4 апрѣля 1765 года, терзаемый грустью, что „не успѣлъ довершить что началъ для пользы Отечества, для славы наукъ и для чести академіи“²⁾. Всѣ оставшія послѣ Ломоносова бумаги перешли въ руки его поклонника: Григорій Григорьевичъ Орловъ пріобрѣлъ ихъ у вдовы покойника, поручилъ привести въ порядокъ секретарю своему Г. В. Козицкому и съ благоговѣніемъ хранилъ ихъ въ особомъ повоѣ своего дома³⁾.

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, академика Биларскаго. Спб. 1865, стр. 567.

²⁾ Предсмертное письмо Ломоносова въ Штелину.

³⁾ Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова, Спб., 1803, ч. I, стр. XVIII.

Рассказы изъ Русск. ист.

За годъ до кончины, Ломоносовъ съ особенною силою охарактеризовалъ намъ Орлова въ посланіи къ нему, по случаю возвращенія его, съ императрицей, изъ путешествія въ Остзейскій край:

Любитель чистыхъ Музъ, защитникъ ихъ трудовъ,
О взоромъ, бодростью и мужествомъ Орловъ.
Позволь простерть имъ гласъ изъ мѣстъ уединенныхъ ¹⁾
На встрѣчу, гдѣ отъ странъ Богиня оживленныхъ,
Всѣхъ щедря и любя, спѣшитъ къ Невы струямъ,
Отрады обновить, покой умножить намъ;
Гдѣ ты усердіе и вѣрность къ ней являешь
И, сродно съ именемъ, раченемъ возлетаешь...
А ты, о храбрыхъ дѣлѣ отеческихъ наслѣдникъ,
Что знаешь съ мужествомъ пріятность сопрягать,
Блести Величество и подданныхъ спасать,
Великія дѣла соединять къ отрадѣ,
И Марсу слѣдовать и угождать Палладѣ,
Блаженъ родитель твой, такихъ намъ давъ сыновъ,
Не именемъ однимъ, но свойствами орловъ.
Онъ храбростью Петру усердствовалъ на брани,
Ты, вѣрныя Отечеству распростирая длани,
Екатерины рокъ и общій отгратилъ,
Покой и вѣкъ златой наукамъ обновилъ,
Ликуютъ сѣверны страны въ премудрой волѣ,
Что правда съ кротостью сіяетъ на престолѣ.
О коль прекрасны дни! О коль любезна власть!
Герой, мы должны въ томъ тебѣ велику часть ²⁾.

Первую строфу этого посланія отнюдь нельзя отнести къ обычнымъ риторическимъ украшеніямъ. Укажемъ для примѣра на то значеніе, какое имѣлъ Орловъ въ жизни Фонъ-Визина. Даровитый авторъ *Бригадира*, еще мало извѣстный юноша, привезя въ Петербургъ свою комедію, прочитывалъ ее нѣкоторымъ вельможамъ, а въ томъ числѣ и Григорью

¹⁾ Посланіе прислано изъ Рудицкихъ заводовъ.

²⁾ Посланіе это было напечатано въ *Ежемесячныхъ Академическихъ Сочиненіяхъ* 1765 г., во 2-й половинѣ, стр. 235.

Григорьевичу Орлову, который тотчас-же оцѣнилъ ее по достоинству. Онъ не преминулъ доложить о своемъ впечатлѣннн императрицѣ и въ скоромъ времени предложилъ Фонъ-Визину прїѣхать на балъ во дворецъ, захвативъ съ собою и *Бриадира*. Во время бала Орловъ подошелъ къ Фонъ-Визину и сказалъ ему: „Ея Величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ“¹⁾).

Въ присутствіи императрицы и ея избраннаго общества, Фонъ-Визинъ прочиталъ *Бриадира* и привелъ въ восхищеніе слушателей. Понятно, какъ этотъ случай долженъ былъ ободрить юнаго автора, но онъ имѣлъ не одно только личное значеніе. Русскій авторъ на балѣ во дворцѣ, и потомъ приглашенный императрицей въ ея близкое общество, читающій тамъ свою комедію и приводящій въ восторгъ своихъ державныхъ и высокихъ слушателей,—это есть дѣйствительно событіе, которое, по справедливому замѣчанію князя П. А. Вяземскаго, „авторское поколѣніе можетъ внести въ лѣтопись своихъ блестящихъ воспоминаній“²⁾).

VI.

Общественная дѣятельность Орлова сложилась въ своеобразную форму, которая рѣшительно не укладывается въ рамку обычнаго біографическаго описанія. Орловъ былъ постоянно при Еватеринѣ, ежедневно соучаствовалъ въ ея великихъ дѣлахъ и своимъ живымъ сочувствіемъ поддерживалъ въ ней то бодрое, благовольтельное настроеніе, которымъ запечатлѣны первые годы ея царственнаго поприща. Почти не вы-

1) *Чистосердечное признаніе* Фонъ-Визина. См. Сочиненія Фонъ-Визина, Спб. 1866, стр. 544.

2) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Т. V стр. 32.

ходя изъ круга придворной жизни, онъ всегда имѣлъ доброе вліяніе на общій ходъ государственныхъ дѣлъ. По свидѣтельству даже князя М. М. Щербатова, этого строгаго суди нравовъ прошлаго вѣка, „во время случая Орлова дѣла шли довольно порядочно, и государыня, подражая простотѣ своего любимца, снисходила къ своимъ подданнымъ. Не было многихъ раздаяній, но было исполненіе должностей, и пріятство государево вмѣсто награжденій служило. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбіе государево истинами любимца укрощаемо часто было... Орловъ никогда не входилъ въ управленіе непринadleжавшаго ему мѣста, никогда не льстил своей государынѣ, къ которой неложное усердіе имѣлъ и говорилъ ей съ нѣкоторою грубостію всѣ истины, но всегда на милосердіе подвигалъ ея сердце; старался и любилъ выискивать людей достойныхъ, поелику понятіе его могло постигать... Ближнихъ своихъ любимцевъ не любилъ иначе производить, какъ по мѣрѣ ихъ заслугъ, и *первый знакъ его благоволенія былъ заставлятъ съ усердіемъ служить Отечеству*“ ¹⁾.

Въ этихъ словахъ выражена существенная заслуга Орлова предъ Отечествомъ. Занимаемая имъ должности генераль-фельцейгмейстера, генераль-директора инженеровъ, президента канцеляріи опекунства иностранныхъ, шефа кавалергардскаго корпуса и проч. составляли нѣчто второстепенное въ его общественномъ положеніи. Онъ какъ бы терялся безслѣдно въ его главнѣйшей исторической роли, — роли долголѣтняго друга Великой Екатерины, ея пособника и совѣтника по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ.

Имя Орлова тѣсно связано со всѣми наилучшими начинаніями Екатерины въ первые годы ея царствованія. Всякая добрая мѣра была встрѣчаема съ его стороны горячимъ сочувствіемъ и готовностью содѣйствовать къ ея осуществленію.

¹⁾ Записки князя Щербатова.

Едва, напримѣръ, заговорили при дворѣ о необходимости „распространенія въ народѣ полезныхъ и нужныхъ къ земледѣлію и домостроительству знаній“, Орловъ былъ уже впереди всѣхъ. Въ короткое время онъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ домоводомъ гр. Р. И. Воронцовымъ и бібліотекаремъ императрицы И. И. Таубертомъ, собралъ для этой цѣли общество, названное сначала *Патріотическимъ*, потомъ *Экономическимъ* и наконецъ *Вольно-Экономическимъ*. Мало того, онъ даже предложилъ къ услугамъ членовъ-учредителей свой домъ ¹⁾, въ которомъ и происходило 15 іюня 1765 года первое засѣданіе старѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ ученыхъ обществъ ²⁾.

По уставу, общество должно было постоянно имѣть во главѣ управленія президента „черезъ каждые четыре мѣсяца баллотированіемъ избираемаго“. На первую-же треть былъ выбранъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, „какъ поощритель и любитель всякихъ полезныхъ знаній“ ³⁾. Орловъ дѣйствительно заслуживалъ этой чести, потому что исключительно его ходатайствамъ общество было обязано тѣмъ, что на первыхъ же порахъ императрица взяла его подъ свое покровительство, поставила „независимо ни отъ какаго правительства“, предоставила печатать труды общества на изживеніе Кабинета и пожаловала единовременно 6000 рублей на покупку дома.

Орловъ отказался, однако, отъ президентства, „по множеству занятій“; но въ слѣдующую очередь, т. е. на январскую треть 1766 года, онъ охотно принялъ вновь предложенное ему почетное званіе и велъ дѣла общества такъ успѣшно, что получилъ предложеніе оставить за собою зва-

¹⁾ Домъ этотъ, принадлежащій нынѣ Воспитательному Дому, находится на Мойкѣ, ближе къ Красному мосту. Онъ назывался въ то же время *Штегельмановымъ*, по имени прежняго владѣльца, банкира Штегельмана, отъ котораго былъ купленъ Екатериной за 40.000 руб. и подаренъ Орлову.

²⁾ Исторія Имп. Вольно-Эконом. Общества, Ходнева, Спб. 1865.

³⁾ Тамъ-же.

ніе президента и на слѣдующую, майскую, треть. Объ этомъ были извѣщены всѣ интересовавшіеся дѣлами общества слѣдующимъ объявленіемъ, напечатаннымъ въ третьей книжкѣ Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества за 1766 годъ: „Хотя въ уставѣ вольнаго экономическаго общества и положено, чтобъ чрезъ каждые четыре мѣсяца избирать другаго президента, однако, по прошествіи генварской трети, общество наше просило его сіятельство графа Григорія Григорьевича Орлова, чтобъ онъ и сію вторую треть благоволилъ продолжать свое президентство, на что его сіятельство и согласился“.

Кромѣ двукратнаго президентства, Орловъ оставилъ по себѣ память весьма ревностнымъ соучастіемъ въ трудахъ общества по разработкѣ разныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Онъ нерѣдко приносилъ съ собою, для прочтенія собранію, сочиненія по деревенскому хозяйству за подписью: *Надворнаго Советника Федота Владиміровича Удалова, волнаго экономическаго общества члена и села Сарскаго управителя* ¹⁾.

Орловъ же, владѣлецъ многихъ вотчинъ, предложилъ обществу программу ученаго изслѣдованія: полезно-ли даровать собственность крестьянамъ? Каковы-бы ни были результаты этого предложенія, было ли оно прямо внушено самою императрицею, или же явилось какъ естественное слѣдствіе бесѣды съ нею, во всякомъ случаѣ для насъ важно то, что никто другой, а именно Орловъ первый во всеуслышаніе

¹⁾ Въ трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества за 1769 г. (ч. XI), за 1770 г. (ч. XV), 1771 г. (ч. XVII), 1772 г. (ч. XX) и 1773 г. были помѣщены слѣдующія сочиненія за подписью Удалова: 1) *Наставленіе прикащикамъ, определеннымъ въ господскихъ мызахъ и деревняхъ около Петербурга* (въ одной книжкѣ); 2) *собраніе экономическихъ правилъ* (въ трехъ книжкахъ) и 3) *Показаніе о сельскомъ домостроительствѣ и земледѣліи, сообщенное къ сельдѣию определеннымъ въ казенныхъ волостяхъ правителямъ* (въ одной книжкѣ). За второе сочиненіе Удаловъ былъ награжденъ серебряною медалью.

заговорилъ о томъ великомъ вопросѣ, который разрѣшенъ лишь въ наши дни ¹⁾.

Какъ относился Орловъ къ мысли Екатерины призвать депутатовъ отъ всѣхъ сословій государства, для обсуждения проекта Новаго Уложенія — можно судить уже по тому обстоятельству, что когда Екатерина, окончивъ нѣсколько статей знаменитаго Наказа, сочиняемаго ею для руководства предполагаемой Коммисіи депутатовъ, прочла ихъ Орлову „то онъ, цѣны не ставилъ ея работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать“. Графъ Н. И. Панинъ уже иначе посматрѣлъ на трудъ челоуѣволюбивой законодательницы. Выслушавъ тѣ же самыя статьи, которыя были прочитаны Орлову, онъ отозвался, что „такими правилами можно разрушить зданіе (*ce sont les axiomes à renverser des murailles*) ²⁾. Екатерина не утратилась паденія стѣнъ, мѣшавшихъ дальнѣйшему развитію гражданской жизни любезнаго ей Русскаго народа. 14 декабря 1866 года былъ оповѣщенъ достопамятный манифестъ, призывавшій въ Москву депутатовъ отъ всѣхъ сословій. Самодержавная государыня предоставляла имъ быть участниками сочиненія проекта новаго уложенія, съ правомъ не только слушать вновь издаваемые законы, но и находить въ нихъ недостатки, давать свои мнѣнія и замѣчанія, а также „заявлять о нуждахъ и недостаткахъ каждаго мѣста“. Чутко отозвалось все земство на довѣрчивый призывъ Екатерины и съ небывалымъ одушевленіемъ приступило къ выбору депутатовъ. Всѣ братья Орловы были избраны депутатами отъ разныхъ уѣздовъ, въ которыхъ находились ихъ вотчины. Григорій Григорьевичъ удостоился этой чести отъ дворянъ Копорскаго уѣзда, Петербургской губерніи.

¹⁾ По свидѣтельству графа Блудова, въ бумагахъ Екатерины сохранилось начертаніе объ отиѣнѣ крѣпостнаго права. См. Оснадцатый Вѣкъ, изд. П. И. Бартевымъ, кн. IV, стр. 96.

²⁾ Разсказъ Екатерины II. См. Русск. Архивъ. 1865, стр. 479.

Въ то время какъ во всѣхъ городахъ происходили торжественные выборы депутатовъ, Екатерина плыла по Волгѣ. Въ пловучемъ дворцѣ законодательница Сѣвера переводила, вмѣстѣ съ своими вельможами, на Русскій языкъ Мармонтелева Велитарія... Пятая глава этого философскаго сочиненія, переводилась Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ ¹⁾.

— „Ваше Величество, писалъ тогда Вольтеръ въ Екатеринѣ, вы не можете повѣрить, до какой степени преданъ вамъ педаггъ республиканскій, не смотря на то, что вы самодержавствуете“ ²⁾.

Утромъ 30 іюля, въ день назначенный для открытія коммисіи, изъ Головинскаго дворца направлялся въ Кремль церемоніальный поѣздъ въ шестнадцать парадныхъ экипажей. Екатерина, въ императорской мантии съ малой короной, сидѣла въ каретѣ, запряженной восемью лошадьми. За ея каретой слѣдовалъ взводъ кавалергардовъ, подъ командой ихъ шефа графа Григорья Григорьевича Орлова; за кавалергардами ѣхалъ въ каретѣ великій князь Павелъ Петровичъ и т. д. По прибытіи поѣзда въ Кремль, депутаты, по два въ рядъ, вышли изъ Чудова монастыря и послѣдовали за императрицей въ Успенскій соборъ. Послѣ молебствія депутаты принесли присягу „въ усердіи къ любезному Отечеству, въ любви къ согражданамъ“ и затѣмъ представлялись императрицѣ. „Вы имѣете случай прославить себя и вашу вѣкъ, и приобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ... Идите къ сему съ миромъ“ ³⁾. При послѣднихъ словахъ, генераль-про-

¹⁾ По всѣмъ вѣроятіямъ, сама Екатерина распредѣляла главы для перевода. Глава, переведенная Орловымъ, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, рассказъ о горестномъ состояніи Антонины, холодный приемъ сдѣланный ей императрицею, ссылку въ уединенный замокъ и болѣзнь ея.— „Я стыжусь, восхликала Антонина, больше прежняго моего счастья, нежели нынѣшнихъ бѣдствій моихъ“. Далѣе рассказывается, какъ народъ требуетъ освобожденія Велитарія изъ тюрьмы и проч.

²⁾ Переписка Екатерины съ Вольтеромъ, Спб. 1803, Ч. 1-я стр. 29.

³⁾ Рѣчь императрицы къ депутатамъ, произнесенная вице-канцлеромъ

курору князю А. А. Вяземскому былъ врученъ знаменитый *Навазь*.

На другой день депутаты собрались въ Грановитой Палатѣ для выбора закрытою баллотировкою маршала комиссіи. Императрица незамѣтно присутствовала на этомъ первомъ засѣданіи, наблюдая за происходившимъ въ залѣ сверху, изъ „стариннаго тайника“.

Съ ударомъ жезла генерала-прокурора, возвѣстившимъ о началѣ баллотировки, въ обширной палатѣ съ 420-ю депутатами водворилась торжественная тишина. „Не можно было довольно надивиться, писалъ очевидецъ, съ какою тишиною и благоговѣніемъ все въ семъ толь многочисленномъ собраніи происходило“ ¹⁾. Всякій дѣлалъ свое дѣло, изрѣдка обращаясь другъ къ другу съ замѣчаніями, „только съ крайнею скромностію“. Григорій Григорьевичъ Орловъ, какъ Копорскій депутатъ, сидѣлъ вмѣстѣ съ другими. Онъ тихо разсуждалъ съ своимъ сосѣдомъ депутатомъ Вотской пятины, Николоемъ Ерофѣевичемъ Муравьевымъ, о *внутренней архитектурѣ Грановитой Палаты* ²⁾. При выборѣ маршала депутаты не были стѣснены никакими соображеніями. „Разногласія выражались безъ досадѣ и негодованія. Лицепріятія не было. Каждый избиралъ кого хотѣлъ“.

По окончаніи баллотированія, генераль-прокуроръ объявилъ собранію, что большинство голосовъ пало на графа Григорья Григорьевича Орлова. Орловъ, вставъ съ мѣста, отвѣчалъ генераль-прокурору, что онъ, „считая за честь оказанную ему довѣренность, не можетъ принять сего избранія за множествомъ дѣлъ, возложенныхъ на него ея императорскимъ величествомъ“. Званіе маршала комиссіи, въ концѣ концовъ, было предложено Костромскому депутату А. И. Бибикову.

вн. Голицынымъ. См. Сборникъ Русск. Историческ. Общества Т. IV, откуда заимствованы всѣ подробности, относящіяся до Екатерининской Комиссіи.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 54.

²⁾ Тамъ-же, стр. 53.

На второмъ засѣданіи комиссіи, Г. Г. Орловъ, И. П. Елагинъ и Д. В. Волковъ, вѣроятно какъ лучшіе чтецы, приняли на себя чтеніе Наказа. „Надлежитъ отдать справедливость, — говорится въ дневной запискѣ ¹⁾ — всему почтенному господу депутатовъ собранію, что оно оказало себя достойнымъ получить данный ему Наказъ: прилежаніе, восхищеніе и, если смѣю сказать, жадность, съ которыми слушано было сіе сочиненіе, довольно сіе доказываютъ“.

Нѣсколько слѣдующихъ засѣданій прошли въ разсужденіяхъ о поднесеніи императрицѣ приличествующаго титула. Послѣ долгихъ разногласій, собраніе одобрило форму титула, предложенную графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ: *Екатерина Великая, Премудрая, Мать Отечества*. Какъ извѣстно, императрица отказалась отъ поднесеннаго ей титула и вообще была недовольна, что депутаты такъ долго останавливались на этомъ предметѣ. „Я имъ велѣла сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, писала она къ А. И. Бибикову, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“.

Только съ восьмага засѣданія, происходившаго 20 августа, когда было приступлено, наконецъ, къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ депутатскихъ наказовъ, занятія комиссіи вошли въ кругъ настоящей ея дѣятельности. Вниманію собранія прежде всего былъ предложенъ наказъ отъ черносошныхъ крестьянъ, Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, заключавшій въ себѣ изясненіе нуждъ и недостатковъ Каргопольскихъ крестьянъ и ихъ ходатайства о сбавкѣ подушнаго платежа, о дозволеніи переселиться на мѣста болѣе удобныя для хлѣбопашества и т. п. Орловъ не только поддерживалъ крестьянскія ходатайства, но даже выступилъ горячимъ защитникомъ самихъ крестьянъ, поносимыхъ Верейскимъ депутатомъ Степановымъ. Во время чтенія письменныхъ возраженій депутатовъ на

¹⁾ За составленіемъ дневныхъ записокъ наблюдалъ графъ А. П. Шуваловъ.

просьбы Каргопольскихъ крестьянъ, когда очередь дошла до записки депутата Степанова, въ которой было, между прочимъ, сказано, что крестьяне Каргопольскаго уѣзда *лѣнивы и отягощены, утороплены и упорны*, Григорій Григорьевичъ Орловъ прервалъ на этомъ мѣстѣ чтеніе и попросилъ слова. По окончаніи чтенія всѣхъ мнѣній и замѣчаній, Орловъ, вызванный для объясненія маршаломъ комиссіи, заявилъ, что по его мнѣнію, „Верейскій депутатъ въ возраженіи своемъ сдѣлалъ два противорѣчія: во первыхъ назвалъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда лѣнивыми и отягощенными, чего вмѣстѣ быть не можетъ, и во вторыхъ уторопленными и упорными, каковыя свойства также одно съ другимъ не согласуются; что подобныя названія, относящіяся ко всѣмъ вообще крестьянамъ, не должны быть употребляемы при обсужденіи дѣла и онъ полагаетъ, что выраженія сіи, обращенныя въ порицаніе всѣхъ крестьянъ, были помѣщены по ошибкѣ писца, а не по мнѣнію депутата. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сказать, что только нѣкоторая часть крестьянъ имѣютъ означенные недостатки, ибо между всякаго рода людьми есть хорошіе и дурные“. Въ заключеніе, Орловъ сообщилъ маршалу, не признаетъ ли онъ нужнымъ спросить у Верейскаго депутата, „справедливо ли высказанное имъ предположеніе, что въ мнѣніе сего депутата верались ошибки писца, какъ ему это кажется“. Собраніе изъявило на это свое согласіе, и Степановъ, по призывѣ его, отвѣчалъ, что требуемое отъ него объясненіе онъ сообщитъ письменно ¹⁾.

Въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ комиссіи защитникъ народа уже не участвовалъ. По крайней мѣрѣ въ сохранившихся дневныхъ запискахъ комиссіи не встрѣчается болѣе имени Орлова.

14 декабря 1767 года было послѣднее засѣданіе комиссіи

¹⁾ Въ примѣчаніи къ 79 стр. IV-го тома Сборника Русск. Ист. Общества хотя и говорится, что объясненіе Степанова представлено въ засѣданіе 3 сентября, но изъ дневной записки этого не видно.

депутатовъ въ Москвѣ. Маршалъ Бибииковъ объявилъ волю государыни, чтобъ засѣданія комиссіи были вновь открыты уже въ Петербургѣ съ 18 февраля слѣдующаго года. Оспенная эпидемія и приготовленія къ войнѣ съ Турціей прервали великое земское дѣло.

1768-й годъ остался памятнымъ повсемѣстной оспой, уродовавшей и губившей тысячи людей. Тогда уже было извѣстно во всей Европѣ средство противъ этой страшной эпидеміи, а именно: прививаніе оспенной лимфы къ здоровому тѣлу. Но это спасительное средство было всюду встрѣчаемо съ большимъ недоувѣріемъ. Во Франціи напримѣръ, по свидѣтельству Вольтера, дѣло доходило до того, что оспу прививали по парламентскому приговору ¹⁾. У насъ даже теперь, столѣтіе спустя, бѣлая часть простолюдиновъ называетъ втихомолку процессъ оспопрививанія наложеніемъ „антихристовой печати“.

Екатерина рѣшилась собственнымъ примѣромъ доказать полезность оспопрививанія. Изъ Лондона былъ приглашенъ извѣстный докторъ Димсдаль, который съ большимъ успѣхомъ привилъ оспу сначала самой императрицѣ, а потомъ великому князю Павлу Петровичу. Для бѣлагого ободренія окружавшихъ, императрица нарочно не ложилась въ постель и каждадневно принимала пріѣзжавшихъ къ двору.

Орловъ не отставалъ отъ Екатерины. „Не зная вѣрно, была ли на немъ оспа, онъ отдался также въ руки Димсдаля и на другой день послѣ операціи поѣхалъ на охоту при самой большой вьюгѣ. Нѣкоторые придворные послѣдовали его примѣру ²⁾. Послѣ того оспопрививаніе быстро распространилось въ Петербургѣ и вошло даже въ моду, такъ что тѣ, которые имѣли природную оспу, „жалѣли, что не могутъ быть по модѣ“ ³⁾.

За оспой слѣдовало другое несчастіе—война.

¹⁾ Переписка Екатерины съ Вольтеромъ, Ч. 1-я стр. 39.

²⁾ Тамъ-же, стр. 33.

³⁾ Русскій Архивъ, 1871, стр. 1320.

УІІ.

Сказочныя побѣды нашихъ войскъ въ первую Евкаторининскую войну съ Турціей — это цѣлая эпопея, озаглавленная славными именами Румянцова и графа Орлова-Чесменскаго. Но въ длинномъ спискѣ тогдашнихъ героевъ мы не встрѣтимъ имени Григорья Григорьевича Орлова. Оставаясь, по прежнему, безотлучно при особѣ императрицы, Орловъ, хотя и не принималъ непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, за то имѣлъ большое вліяніе на весь ходъ кампаніи до тѣхъ поръ, пока кредитъ его не былъ подорванъ соединенными усиліями нѣсколькихъ вельможъ, вовсе не раздѣлявшихъ политическихъ взглядовъ царскаго любимца.

Орловъ имѣлъ весьма опредѣленную, самостоятельную идею о нашей политикѣ на Востоцѣ и по широтѣ замысловъ былъ достойнымъ предшественникомъ великолѣпнаго князя Тавриды. Еще задолго до войны, нѣкто Папа-Огли (онъ-же Папазоли), Фессалійскій Грекъ, служившій капитаномъ въ нашей артиллеріи, привлечь къ себѣ особенное вниманіе своего главнаго начальника. Заманчивые рассказы Грека о своей родинѣ, о положеніи христіанъ на Востоцѣ, заняли Орлова и оживили въ немъ мысль объ освобожденіи христіанъ отъ ига мусульманскаго. Возстановленіе независимости едицовой Греціи представлялось Орлову наилучшимъ средствомъ къ исполненію этого великаго дѣла. Не смотря на то, что графъ Никита Панинъ не раздѣлялъ надеждъ относительно возможности отдѣленія Греціи отъ Турціи, да и сама императрица предпочитала сближеніе съ Венеціанскою республикою, какъ съ естественнымъ врагомъ Порты, Папа-Огли былъ отпращиваемъ Орловымъ въ Грецію на три года, какъ будто для поправленія здоровья, но на самомъ дѣлѣ ему было поручено развѣдать о настроеніи умовъ Греческаго населенія, а также Славянъ, подвластныхъ Турціи, и завязать съ ними сношенія.

Вскорѣ по отъѣздѣ Папа-Огли, въ Мальту были присланы шесть Русскихъ офицеровъ съ секретнымъ порученіемъ *ознакомиться съ плаваніемъ по Средиземному морю и Архипелагу* и также привлечь въ Русскую службу матросовъ, знакомыхъ съ навигаціей въ тѣхъ моряхъ. Потомъ были присланы въ Тоскану два Русскихъ судна, тоже „для вѣщаго ознакомленія съ плаваніемъ“ и для развитія сношеній съ нашими восточными единовѣрцами. Суда, по прибытіи на мѣсто, были проданы, а вырученныя деньги переданы Папа-Оглѣ, проживавшему въ то время въ Италіи. Полученную сумму онъ употребилъ на покупку церковной утвари для Греческихъ церквей и на подарки отъ имени императрицы. Неутомимый Грекъ сошелся со многими земляками и Славянами, жившими въ Триестѣ и Венеціи; посредствомъ своихъ агентовъ онъ сносился также съ Греческими переселенцами въ Рагузѣ и т. д. Но особенное вниманіе Папа-Огли было обращено на Грецію, куда онъ самъ ѣздилъ въ началѣ 1766 года ¹⁾. Григорій Григорьевичъ Орловъ не терялъ его изъ виду, хотя съ нѣкотораго времени, по видимому, остерегался отвѣчать на всѣ его письма. Почти наканунѣ Турецкой войны, младшій братъ Григорья Григорьевича, графъ Алексѣй, путешествовавшій по Италіи „для лѣченія болѣзни“, писалъ изъ Венеціи въ Петербургъ, между прочимъ, слѣдующее: „Объ офицерѣ же ты, Григорій, пишешь своемъ Палазоли (т. е. Папа-Огли). Я его не видѣлъ, для того, что я чрезъ то мѣсто (т. е. Триестъ) не ѣхалъ, а пошлю съ нимъ поговорить, потому что мнѣ самому уѣхать будетъ туда подозрительно; и этому курьеру велѣлъ захватить въ Триестѣ и взять отъ него письма къ тебѣ. Сюда же ему пріѣхать опасно по нѣкоторымъ на него здѣсь подозрѣніямъ, взятымъ отъ здѣшняго мѣста. А про него сказываютъ, что онъ еще и по сіе

¹⁾ Война Россіи съ Турціей съ 1769 по 1774 г.: А. Петрова. Сиб. 1866. Т. I, стр. 95 и 96.

время тамъ живетъ, жалуясь при томъ на тебя, что онъ оставленъ и не имѣетъ отвѣта на свои письма“¹⁾.

Это письмо графа Алексѣя Григорьевича Орлова написано, по всѣмъ вѣроятіямъ, уже въ то время, когда нашъ посоль въ Константинополь А. М. Обрѣзковъ былъ брошенъ въ подземелье Семибашеннаго замка²⁾ и когда въ залѣ визирскаго дворца былъ уже выставленъ, по Турецкому обычаю, конскій хвостъ (конахъ-туй), означавшій неизбежность войны.

„Я здѣсь нашелъ много людей одновѣрныхъ (писалъ тогда же будущій Чесменскій герой), которые желаютъ быть подъ командою нашею и *служить въ теперешнемъ случаѣ противъ Турковъ*. Да извѣстія есть многія, что вся Гора Черная, такъ же и оволо лежація мѣста, которыя принадлежатъ Отоманскому владѣнію нашего закона, за оружіе принимаются; о чемъ я увѣдомляю и если я что могу въ ономъ случаѣ сдѣлать, и это будетъ надобно. А по моему мнѣнію, это другаго сдѣлать бы не могло, чтобы внутри зажечь столь сильный огонь и помѣшательства дѣлать какъ въ привозѣ провіанта, такъ и армию раздѣлить. И если ѣхать, такъ ужъ ѣхать до Константинополя и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ, какъ въ грамотѣ государь Петръ Первый сказалъ: „а ихъ невѣрныхъ магометанъ согнать въ поля и степи пустыя и песчанья, на прежнія ихъ жилища. А тутъ опять заведется благочестіе, и скажемъ слава Богу нашему и всемогущему“. Трудъ же для меня, повидимому, какъ мнѣ кажется, очень мало стоитъ будетъ привести этотъ народъ противъ Турчанъ и чтобъ они у меня въ послушаніи были... Вы ступайте съ одного конца, а я бы съ дру-

¹⁾ Памятники новой Русской Исторіи. Сборникъ, издаваемый В. Кашпировымъ. Т. I, Спб. 1871, стр. 143.

²⁾ Это случилось 6 октября 1768 года.

гаго зачалъ.....Признаюсъ вамъ, мы всѣ въ великомъ теперь огнѣ, я хоть бы теперь драться радъ и надѣюсь, что при помощи Божіей и счастиемъ нашея самодержицы, осмѣлюсь сказать, прислалъ бы я къ вамъ для всей нашей арміи стельки подъ сапоги изъ Турецкихъ стеганыхъ чалмъ“¹⁾.

18 ноября 1768 года, состоялся высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціей.

Незадолго передъ тѣмъ, при дворѣ былъ учрежденъ особый Совѣтъ для соображенія всѣхъ подробностей плана военныхъ дѣйствій. Въ члены Совѣта, этого первообраза нынѣшняго Государственнаго Совѣта, былъ назначенъ между прочими и Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Въ первомъ же засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, Орловъ предложилъ Собранію: „не можно ли послать, подъ видомъ вояжа, въ Средиземное море нѣсколько судовъ и оттуда учинить диверсію непріятелю, но чтобъ сіе сдѣлано было съ согласія Англійскаго двора“²⁾. Императрица одобрила это предложеніе, разрѣшивъ учредить морскую экспедицію и составить планъ ея дѣйствій. Орловъ въ слѣдующемъ засѣданіи представилъ „свое мнѣніе объ экспедиціи въ Средиземное море“³⁾, при чемъ вѣроятно изъяснялъ и свои соображенія по вопросу объ освобожденіи восточныхъ христіанъ отъ Турецкаго ига, потому что вслѣдъ за нимъ вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ предложилъ записку, въ которой были означены разные народы, „желающіе, по единовѣрью, подъ Россійскій скипетръ“; а графъ З. Г. Чернышевъ подалъ даже мнѣніе объ учрежденіи Греческаго легіона. Послѣдняя мысль понравилась императрицѣ, и она приказала развить ее въ особомъ докладѣ, вслѣдствіе чего графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ,

¹⁾ Памятники новой русской исторіи. Сборн. изд. В. Кашпиревымъ. Т. I. Спб. 1871. стр. 142 и 145.

²⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. I. ч. 1-я, стр. 5.

³⁾ Тамъ-же, стр. 10.

въ засѣданіи Совѣта 27 ноября, заявилъ, что „онъ имѣетъ нѣкоторую идею, которую онъ письменно представитъ, о нѣ-которомъ учрежденіи *освобожденія Греческаго закона народовъ*, употребля на произведеніе сего въ дѣйство съ вкладкою капитала, раздѣля на двѣ части, назвавъ оныя Егорьевскою и Николаевскою, и сіе поручить людямъ такимъ, которые бы имѣли къ себѣ довѣренность тамошнихъ народовъ, и ежели сіе желаемый успѣхъ получить можетъ, то въ то время, взявъ сіи народы подъ протекцію Россіи, сдѣлать разныхъ владѣльцевъ, оставя имъ въ выборѣ на волю“ ¹⁾. Въ томъ же засѣданіи Орловъ заявлялъ свое предложеніе „*объ освобожденіи отъ Турецкаго иа народовъ Греческаго закона*“ ²⁾.

Какъ ни отрывочны приведенныя свѣдѣнія изъ протоколовъ Совѣта за 1768 г., но въ связи съ рассказомъ о похиженіяхъ Грека Папа-Огли, они даютъ довольно полное представленіе о политическихъ взглядахъ Орлова. Онъ такъ настойчиво проводилъ свою мысль объ освобожденіи христіанъ Востока, что возбудилъ даже подозрѣнія въ преслѣдованіи какихъ-то личныхъ цѣлей. Злобствующіе враги не останавливались и предъ клеветой. Они рассказывали, что Орловъ мечтаетъ украсить свое чело короной, что сперва онъ составилъ будто бы проектъ учрежденія особаго королевства на берегахъ Каспійскаго моря, а потомъ задумалъ пересоздать въ свою пользу Грецію и для того-де обратилъ на Турцію всѣ усилія Русской политики ³⁾. Таковъ былъ шопоть завистниковъ. Но этотъ шопоть еще оставался только шопотомъ, и Орловъ продолжалъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ императрицы.

16 марта 1769 года верховный визирь, поднявъ священное знамя Магомета, торжественно выступилъ изъ воротъ

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. I, ч. 1-я, стр. 357.

²⁾ Тамъ-же, стр. 13.

³⁾ *Histoire intime de la Russie*, Bruxelles. 1847, tome III, стр. 219.
Рассказы изъ Русск. ист.

Серая. Благочестивые мусульмане грустно провожали правдолюбивое воинство, выступавшее въ походъ въ самое неблагополучное по звѣздамъ время, когда планета, подъ которою родился царствовавшій султанъ, начинала вступать въ созвѣздіе Рака... Зловѣщая примѣта сбывалась: два ужасные врага слѣдовали за стотысячной арміей верховнаго визиря отъ самыхъ воротъ Стамбула — это голодъ и чума. Но мы опустимъ завѣсу на всѣ бѣдствія войны и возвратимся въ Петербургъ къ своему герою.

Съ наступленіемъ новаго года, Совѣту былъ данъ видъ постояннаго государственнаго учрежденія. Ему предоставлено разсуждать не только о военныхъ дѣлахъ, но и о всѣхъ важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ правительства, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Не смотря на такое значительное расширеніе дѣятельности Совѣта, все вниманіе Орлова было сосредоточено на предложеніяхъ, сдѣланныхъ имъ въ прошлогоднихъ засѣданіяхъ. Онъ настаивалъ на скорѣйшемъ снаряженіи и отправкѣ въ Средиземное море двухъ эскадръ, которыя должны были поддерживать возстаніе Греціи и Черной Горы, угрожая вмѣстѣ съ тѣмъ Турціи со стороны Адриатическаго моря и Архипелага. Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, все еще остававшемуся въ Италіи, было отправлено уже оффиціальное полномочіе входить въ соглашенія отъ имени самой императрицы „со всѣми благочестивыми Греческими и Славянскими народами, снабждать ихъ, по мѣрѣ усматриваемыхъ недостатковъ, ружьемъ, боевыми припасами“ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ полномочіемъ послался открытый листъ къ иностраннымъ дворамъ на случай надобности въ ихъ содѣйствіи, а также высочайшій рескриптъ, въ которомъ, между прочимъ, изъяснялось слѣдующее: „Имѣя достовѣрныя извѣстія, что многіе благочестивые Греческіе и Славянскіе народы на твердой землѣ и на Архипелагскихъ островахъ, бою отчасти непосредственно стенаютъ подъ несноснымъ игомъ магометанскаго нечестія.... восхотѣли мы распространить

сильную имперіи нашей онымъ защиту и помощь, дабы ихъ исторгнуть изъ челюстей тяжелой неволи“¹⁾).

Февральскія засѣданія Совѣта прошли въ сужденіяхъ „о проектѣ путешествія эскадры въ Средиземное море“. Орловъ объявилъ собранію, что жертвуетъ на вооруженіе эскадры собственныя пушки разныхъ калибровъ, числомъ до тридцати²⁾. Въ іюлѣ были кончены приготовленія, и въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца снялась, наконецъ, съ якоря первая эскадра, подъ предводительствомъ адмирала Спиридова. Вслѣдъ за нею, въ октябрѣ, была спущена вторая эскадра, подъ командою контръ-адмирала Елфинстона, а весною слѣдующаго года—третья, подъ командою адмирала Арфа. Всѣ три эскадры ввѣрены главному начальству графа Алексѣя Григорьевича Орлова, который былъ наименованъ генераль-адмираломъ всего Русскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Вожделѣнная мечта Григорья Григорьевича, повидимому, осуществлялась.

Огромные денежныя займы, въ Корфѣ, въ Голландіи, въ Ливурнѣ, Генуѣ и Лувѣ, сдѣланы правительствомъ исключительно въ пользу колоссальнаго предпріятія, извѣстнаго подъ именемъ *Греческаго проекта*. Казалось, настала часъ „возстать Палеологу, поверженному Луной“.... И онъ дѣйствительно возсталъ, но Провидѣніе не благословило его подвига. Не смотря ни на побѣды Румянцова, ни на подвиги Чесменскаго героя, Греки, а за ними и всѣ остальные христіане Востока, еще ярѣче затанули на своихъ шеяхъ несносное ярмо.

Греческій проектъ, который многіе называютъ химерою, безъ сомнѣнія имѣлъ существенное значеніе и не былъ измышленіемъ кабинетнымъ, или дворцовымъ. Онъ коренился во всей прежней Русской исторіи и былъ не чуждъ даже

¹⁾ Война Россіи съ Турціей, А. Петрова. Т. I, стр. 118.

²⁾ Архивъ Государст. Совѣта. Т. I, стр. 359.

простымъ Русскимъ людямъ, чему доказательствомъ можетъ служить извѣстное прошеніе Тульскихъ купцовъ (1763) о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ ¹⁾.

Если Орлову не довелось разсѣчь Гордіевъ узелъ, какимъ и въ наши дни затануть злополучный *восточный вопросъ*, за то онъ прославилъ свое имя въ другомъ событіи, ужаснушемъ тогдашнюю Европу.

Въ концѣ 1770 г. Москву посѣтила страшная моровая язва. Она долго слѣдила за воюющими арміями, жадно захватывая въ свои объятія все, что было пощажено мечемъ и, какъ бы пресытившись военными жертвами, она потянулась на сѣверъ, всюду оставляя за собою слѣды ужаса и скорби и наконецъ водворилась въ многолюдной Москвѣ. Казалось, сама Турція не оказывала ей больше гостепріимства. •

Съ открытіемъ весны (1771 г.) зараза стала распространяться съ ужасающею силою. Трупы оставались на улицахъ неподобными; грабители бросались на нихъ и, сдирая одежды, сами заражались и тутъ-же падали мертвыми. Безумное отчаяніе овладѣло всѣми. Извѣстный безстрашіемъ на поляхъ битвы, маститый главнокомандующій Москвы, фельдмаршалъ гр. П. С. Салтыковъ, лишился обычной твердости духа и укрылся отъ народнаго бѣдствія въ своемъ подмосковномъ селѣ Марѣинѣ ²⁾ Вслѣдъ за главнокомандующимъ, выѣхало изъ столицы все дворянство и чиновничество. Даже медики опустили руки, утверждая, что, до наступленія стужи, невозможно избавиться отъ чумы ³⁾.

Народъ, предоставленный самому себѣ, сначала по цѣлымъ суткамъ толпился у Варварскихъ воротъ и предъ иконой Богоматери взывалъ о милосердіи; но когда архіепископъ

¹⁾ Рус. Архивъ, 1870, стр. 541.

²⁾ Императрица Екатерина съ искреннимъ сожалѣніемъ писала о Салтыковѣ: „онъ, бѣдный, пережилъ свою славу“ (Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общества. XIII, стр. 186).

³⁾ Русск. Архивъ, 1866, стр. 336.

Амвросій приказаль перенести икону въ другое мѣсто, чтобъ устранить скопленіе народа на тѣсномъ пространствѣ, вся Москва, недовольная своимъ архипастыремъ (Молдаваниномъ по происхожденію), мгновенно огласилась звуками набата. Разъяренный народъ съ крикомъ: „грабятъ Боголюбскую Богородицу!“ бросился въ Донскому монастырю и тамъ звѣрски умертвилъ архипастыря. Частный человекъ, Еропкинъ, съ 130 солдатами и нѣсколькими пушками отважился выйти противъ разсвирѣпѣвшей черни, грозившей страшными бѣдами всей столицѣ и „потрясеніемъ разорительнымъ государству“¹⁾. Нѣсколько залповъ картечью положили на мѣстѣ до тысячи мятежниковъ, а остальные въ ужасѣ рассыпались въ стороны. Такъ окончился памятный Софѣинъ день 1771 года.

До Петербурга еще не долетѣла печальная вѣсть о послѣднихъ Московскихъ происшествіяхъ, когда въ Совѣтѣ императрицы была уже объявлена высочайшая воля послать въ Москву такую „довѣренную особу, коя бы, имѣя полную власть, въ состояніи была избавить тотъ городъ отъ совершенной погибели“²⁾. Совѣтъ тотчасъ же приступилъ къ разсужденію „объ изысканіи сей особы“. Хотя изъ протокола и не видно, чѣмъ окончились эти разсужденія, однако въ слѣдующемъ засѣданіи, происходившемъ 21 сентября, Совѣтъ уже слушалъ и одобрилъ „заготовленную для дачи *посылаемому въ Москву* генераль-фельдцейгмейстеру (т. е. Орлову) полную мочь въ дѣланіи тамъ всего, чтò за нужное найдеть къ избавленію оной отъ заразы“³⁾. Такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ, была ли предложена Орлову поѣздка въ Москву, или же онъ самъ вызвался на нее. Но то, чтò не договорено въ официальномъ документѣ, раскры-

¹⁾ Рус. Архивъ, стр. 414

²⁾ Русск. Архивъ, 1863, стр. 496.

³⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I. Ч. 1-я, стр. 412 (Протоколъ засѣданія 19 сентября 1771 г.)

вается важнымъ указаніемъ самой императрицы, въ ея письмѣ къ Вольтеру, въ которомъ читаемъ: „*Графъ Орловъ просилъ меня позволить ему отправиться въ Москву, дабы разсмотрѣть на мѣстѣ, какія можно пристойнѣйшія мѣры взять къ прекращенію сего зла (т. е. чумы). Я согласилась на сіе, сколько доброе, столько-жъ ревностное съ его стороны дѣло, и надобно сказать, не безъ ощущенія сильной юрести, въ разсужденіи той опасности, которой онъ подвергался*“¹⁾. О степени этой опасности можно судить изъ того, что по послѣднимъ извѣстіямъ, отъ 12 сентября, въ Москвѣ умирало уже болѣе 800 человекъ въ сутки!²⁾

Можно думать, что въ протоколѣ Совѣта завѣдомо умолчали о добровольномъ вызовѣ Орлова. Въ то время при дворѣ уже образовался цѣлый кружокъ, враждебный Орлову, всячески старавшійся остудить отношенія къ нему императрицы. Этотъ кружокъ собрался около Никиты Ивановича Панина, давнишняго недоброжелателя Орловыхъ. Помимо личной неприязни, Панинъ, какъ горячій сторонникъ мирныхъ отношеній къ Турціи, считалъ завоевательные планы Орлова гибельными для Россіи и всѣми силами старался не допустить къ осуществленію его „сумазбрѣдныхъ мыслей“³⁾. Но кромѣ того, долготѣнее временничество Орлова, имѣвшее вліяніе на всѣ дѣла внѣшней и внутренней политики государства, крайне стѣсняло Панина, отнимая у него значительную долю самостоятельности.

Опасная поѣздка Орлова въ чумной городъ конечно радовала его враговъ, подавая имъ, можетъ быть, нѣкоторую надежду уже не увидѣть болѣе ненавистнаго временщика.

Какъ бы то ни было, но современники оцѣнили истинно гражданскій подвигъ Орлова. Достаточно привести здѣсь на-

¹⁾ Переписка Екатерины съ Вольтеромъ. ч. 2-я, стр. 39.

²⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I, ч. 1-я, стр. 142.

³⁾ Сочиненія Фонъ-Визина, изд. Ефремова, Спб. 1866. (Переписка съ гр. Петромъ Ивановичемъ Панинымъ).

путственное посланіе къ нему любимаго тогда поэта-Москвича В. И. Майкова:

Не тѣмъ ты есть великъ, что ты вельможа первый—
Достойно сямъ почтенъ отъ Росской ты Минервы
За множество твоихъ къ Отечеству заслугъ,—
Но тѣмъ, что обществу всегда ты вѣрный другъ:
Не самую ль къ нему ты дружбу тѣмъ являешь,
Когда ты спастъ Москву отъ бѣдствія желаешь?
Москва въ опасности
Она исполнена рыданія и стона,
Но ты летишь ее отъ бѣдствія спасти,
Пресѣчь въ ней смертный страхъ, спокойство принести,
Народъ отъ страшнаго унынія избавить,
Чудовище сразить и вѣкъ златый возставить.
Дерзай, прехрабрый мужъ, дерзай на подвигъ сей,
Возстанови покой межъ страждущихъ людей!
...Когда жъ потщишься ты Москву отъ бѣдъ избавить
Ей должно образъ твой среди себя поставить,
И вырѣзать сія на камени слова:
«Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва» ¹⁾).

Орловъ пріѣхалъ въ Москву 26 сентября. При немъ былъ искусный хирургъ Годте (Godte), нѣсколько расторопныхъ гвардейскихъ офицеровъ (въ томъ числѣ знаменитый впоследствіи Архаровъ) и многочисленная свита ²⁾.

Пріѣздъ въ столицу перваго любимца императрицы въ такое время, когда она была повинута почти всѣми начальствующими лицами, безъ сомнѣнія, тронулъ многихъ Москвичей.

Пожаръ Головинскаго дворца, мѣстопребыванія графа Орлова, случившійся на первыхъ же дняхъ по прибытіи его въ Москву и имѣвшій всѣ признаки поджога, не устрашилъ и не озлобилъ героя.

¹⁾ Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Спб. 1867, стр. 104.

²⁾ Гельбигъ, 270.

Орловъ немедленно приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія. Вслѣдъ за объявленіемъ манифеста о своей полной мочи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до учрежденія надлежащаго порядка, онъ собралъ двѣ комиссіи: противочумную и слѣдственную объ умерщвленіи архіепископа Амвросія. Первой было предложено обратить особенное вниманіе на устраненіе главнѣйшей причины распространенія заразы, т. е. народнаго отвращенія къ больницамъ и карантинамъ. Отвращеніе это проистекало отъ крайней небросовѣстности и должностныхъ лицъ и врачей.

Подобно тому, какъ шестьдесятъ лѣтъ спустя императоръ Николай Павловичъ, геройскимъ духомъ побѣдивъ въ себѣ чувство самосохраненія, оживлялъ Москву своимъ присутствіемъ, Орловъ ободрялъ Москвичей дѣятельною неустрашимостью: онъ самъ обходилъ больницы, строго наблюдалъ за пищей и лекарствами и заставлялъ при себѣ сожигать платье, бѣлье и постели умершихъ отъ чумы ¹⁾. Онъ смѣло является среди зачумленныхъ, бодрымъ видомъ и ласкою утѣшая несчастныхъ....

Кто жизнь свою
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ
Чтобъ ободрить угасшій взоръ...
Тотъ будетъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой.

Орловъ имѣлъ великое нравственное вліяніе и на все остальное населеніе роднаго ему города, пощаженное заразой. Оно ежедневно видѣло его среди себя, всегда веселаго, привѣтливаго, щедро разсыпающаго пособія. Въ короткое время обнаружались послѣдствія „безпрестанныхъ попеченій“ Орлова. Народъ охотно шелъ въ больницы и довѣрчиво подчи-

¹⁾ Словарь достопамятн. людей Бантиша-Каменскаго, М. 1836, ч. 4-я, стр. 50.

нялся мѣрамъ предосторожности. „Графъ Орловъ — пишетъ императрица Екатерина къ г-жѣ Біельке—ловко забираетъ тамошній народъ въ свои руки; онъ не только запретилъ хоронить въ городѣ, но даже не иначе позволяетъ народу слушать литургію, какъ оставаясь внѣ церкви во время богослуженія“ ¹⁾. Довольно сказать, что черезъ мѣсяць по прибытіи Орлова въ Москву, умирало тамъ среднимъ числомъ только 353 человекъ ²⁾, такъ что въ засѣданіи Совѣта 31 октября, императрица нашла уже возможнымъ объявить, что такъ какъ Орловъ „уже сдѣлалъ все, что должно было истинному сыну Отечества“, то она признаетъ нужнымъ вызвать его назадъ ³⁾.

Около 16-го ноября Орловъ выѣхалъ изъ Москвы. Архипастырское благословеніе Платона ⁴⁾ шло на встрѣчу героя. Будущій митрополитъ Московскій въ письмѣ своемъ, отъ 14 ноября, къ Калязинскому архимандриту и ректору Тверской семинаріи Арсенію, дѣлалъ, между прочимъ, слѣдующія распоряженія: „Думаю, что скоро поѣдетъ черезъ Тверь его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Стѣздите вы къ нему съ Отрочевскимъ архимандритомъ и экономомъ на поклонъ, принесши отъ меня въ благословеніе образъ и хлѣбъ, на мой коштъ. Если графъ нѣсколько времени побудетъ въ Твери, позовите его посѣтить Тресвятское и въ своихъ веліяхъ попотчивайте, сколько возможно лучше, употребивъ деньги мои у эконома надлежащее число“ ⁵⁾.

Не сохранилось никакихъ свѣдѣній о пребываніи Орлова

¹⁾ Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества. XIII, стр. 186.

²⁾ Архивъ Госуд. Совѣта. Т. I, ч 1-я, стр. 423.

³⁾ Тамъ-же, стр. 421.

⁴⁾ Платонъ управлялъ въ то время своею Тверскою паствою изъ Петербурга, гдѣ былъ оставленъ для присутствованія въ синодѣ и для преподаванія Закона Божія наследнику престола.

⁵⁾ Русск. Архивъ, 1864, стр. 1176.

въ Твери; но такъ какъ онъ не спѣшилъ ѣздою, подчиняясь всѣмъ карантиннымъ правиламъ, то по всѣмъ вѣроятіямъ прожилъ въ томъ городѣ нѣсколько дней и воспользовался гостепріимствомъ Тверскихъ иноковъ въ Тресвятскомъ.

Въ Торжкѣ Орлову предстояло выдержать установленный шестинедѣльный карантинъ¹⁾, но онъ былъ освобожденъ отъ него слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ императрицы, отъ 3 декабря, присланнымъ къ нему съ шталмейстеромъ В. М. Ребиндеромъ:

„Графъ Григорій Григорьевичъ! Заблагоразсудила я, видя необходимую нужду съ вами изъясниться по теперешнимъ обстоятельствамъ и не находя никакой опасности въ томъ, чтобы вы возвратились сюда, ибо съ вами нѣтъ ничего того, чтò съ вами было въ Москвѣ, а вы сами и вся свита ваша, слава Богу, въ совершенномъ здравіи, и для того посылаю я къ вамъ съ симъ письмомъ г. Ребиндера съ моими экипажами, дабы вы ѣхали сюда, не мѣшкая долѣе, изъ вашего карантина. Впрочемъ, остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина“²⁾.

Вѣздъ Орлова въ Петербургъ по торжественности своей уподоблялся вѣзду полководца послѣ блистательнѣйшихъ побѣдъ надъ непріателемъ. Въ подобныхъ случаяхъ зависть недоброжелателей какъ бы замираетъ отъ взрыва энтузіазма всего населенія. Гельбигъ повѣствуетъ, что Орловъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ съ притворною радостью³⁾. Конечно, здѣсь разумѣются враги Орлова, которые дѣйствительно не могли искренно ликовать, торжествуя при встрѣчѣ избавителя первопрестольной столицы; но они не могли показывать этого, такъ какъ сознавали силу временщика.

Въ Царскомъ Селѣ, на дорогѣ въ Гатчину, до сихъ поръ

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I, ч. 1-я, стр. 418.

²⁾ Сборникъ Русск. Истор. Общ. Т. II, стр. 288.

³⁾ Russische Günstlinge, стр. 270.

существуетъ памятникъ, свидѣтельствующій о подвигѣ Орлова. Это триумфальные ворота изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, построенные по рисунку Ринальди ¹⁾, въ память пріѣзда Орлова изъ зачумленной Москвы. На воротахъ, со стороны Царскосельскаго парка, читаемъ слѣдующую надпись: „Когда въ 1771 году на Москвѣ былъ моръ на людей и народное неустройство, генераль-фельдцейгмейстеръ Григорій Орловъ, по его просьбѣ, получилъ повелѣніе, туда поѣхалъ, установилъ порядокъ и послушаніе, сирымъ и неимущимъ доставилъ пропитаніе и исцѣлѣніе и свирѣпство язвы пресѣлъ добрыми своими учрежденіями“.

Со стороны Гатчины, на воротахъ красуется стихъ В. И. Майкова:

„Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва“.

Кромѣ триумфальныхъ воротъ, въ честь Орлова была выбита золотая медаль, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ его портретъ, а на другой—Курцій, бросающійся въ пропасть, съ надписью: „И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ“. По поводу этой прекрасной надписи, извѣстный собиратель древностей, П. О. Карabanовъ, передаетъ слѣдующій анекдотъ, ярко характеризующій душевное благородство Орлова. Первоначально медаль была отчеканена съ надписью: „Таковаго сына Россія имѣетъ“. Когда Императрица вручила изготовленные медали Орлову, для раздачи, тотъ не принялъ ихъ и, ставъ на колѣни, сказалъ: „Я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для другихъ сыновъ Отечества“. Медали были вновь перечеканены и появились уже съ исправленною надписью ²⁾.

5 декабря Орловъ представилъ Совѣту отчетъ о своей дѣятельности въ Москвѣ. Онъ объяснялъ, что нашелъ сто-

¹⁾ Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей Соч П. Свинына, ч. II, Спб. 1817, стр. 160 и 162.

²⁾ Русск. Старина, 1872 г. Т. V, стр. 132

лицу въ отчаянномъ состояніи, не смотря на то, что къ истребленію заразы приняты были тамошними начальниками достаточныя мѣры; что попущенія частныхъ смотрителей и грабежъ ихъ въ зараженныхъ домахъ были главною причиною распространенія той смертной болѣзни, народнаго отвращенія къ карантинамъ и послѣдовавшаго смятенія; что вольность и небреженіе, а потомъ и отчаяніе самихъ жителей умножили оную болѣе; что изданныя имъ наставленія и словесныя народа увѣщанія хотя много подѣйствовали къ истребленію зла, но въ случаѣ возобновленія язвы и онѣ останутся тщетными, пока всѣ жители прямо не почувствуютъ нужды исполненія предписанныхъ осторожностей; что умерло тамъ сначала язвы по ноябрь мѣсяць 50.000 человекъ; что теперь большая часть зараженныхъ выздоравливаетъ; что въ больницахъ и карантинахъ всегда хорошо содержаны они были; что по учрежденіи имъ магазиновъ и весь тотъ городъ не будетъ имѣть недостатка въ пропитаніи и проч. ¹⁾).

VIII.

Орловъ, по возвращеніи изъ Москвы, нашелъ большую перемену во взглядѣ самой императрицы на Турецкія дѣла. Она желала мира, во что бы то ни стало.

Пруссія и Англія, встревоженные блистательными успѣхами нашего оружія на Востокѣ, настойчиво предлагали намъ свое посредничество къ примиренію съ Оттоманскою Портою. Пруссія была вдвойнѣ заинтересована прекращеніемъ войны съ Турціей, потому что, по трактату 11 апрѣля 1764 года, она обязывалась платить намъ вспомогательныя деньги, во все время военныхъ дѣйствій.

Въ засѣданіи Совѣта 15 декабря 1771 года, была прочитана депеша изъ Берлина, въ которой объяснялось, что

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I, ч. 1, стр. 425.

Прусскому посланнику въ Константинополѣ удалось склонить Турецкихъ министровъ послать своихъ полномочныхъ на мирный конгрессъ, но что они желали бы быть обнадеженными, что Россія возвратитъ Турціи завоеванныя у ней земли: Молдавію и Валахію. По выслушаніи депеши, императрица спросила: „подлинно-ли Турки желаютъ послать полномочныхъ на конгрессъ?“ Графъ Панинъ, не смотря на письмо за два дня предъ тѣмъ полученное отъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, которымъ извѣщалось, что „Порта въ нему (Орлову) о мирѣ не отзывалась“, — поспѣшилъ отвѣчать на вопросъ императрицы утвердительно и совѣтовалъ поскорѣ увѣдомить Турецкій диванъ, чрезъ Пруссаго посланника, что ея величество, склонная къ возстановленію мира, согласна прислать и своихъ полномочныхъ на конгрессъ для соглашенія о перемиріи и о возвращеніи земель, завоеванныхъ нашимъ оружіемъ ¹⁾. Императрица одобрила предположеніе Панина

Орловъ хорошо видѣлъ, въ чьи руки попалъ безъ него политическій камертонъ и потому уже не вмѣшивался въ совѣщанія, сдѣлавъ только незначительное замѣчаніе о мѣстѣ для предполагаемаго конгресса.

Нѣсколько времени спустя, всѣ друзья мира были огорчены вѣроломнымъ поведеніемъ Австріи. Она затормозила дѣло примиренія секретнымъ трактатомъ съ Турціей, по коему обязывалась выставить за хорошія деньги свои войска на Польскихъ границахъ. Демонстрація эта принудила бы насъ, или къ заключенію безвыгоднаго мира, или же къ продолженію военныхъ дѣйствій въ одно и то же время и въ Турціи, и въ Польшѣ. Австрія заранѣе выторговала себѣ довольно вѣское вознагражденіе въ томъ случаѣ, если ея войскамъ придется принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: Турція обѣщала уступить ей или Сербію, или Бѣлградъ съ его округомъ ²⁾.

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I, ч. 1-я, стр. 133

²⁾ Тамъ-же, стр. 141.

Извѣстіе объ этой неблагоприятной сдѣлкѣ принято въ Петербургѣ съ полнымъ негодованіемъ, и рѣшено было добиться мира у воротъ Царьграда.

Легко себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ Орловъ объявилъ Совѣту, въ засѣданіи 23 января 1772 года, желаніе императрицы „рѣшительно положить, полезна-ли въ полученію мира намѣряемая въ семь году экспедиція на Константинополь, также удобна ли она въ своемъ исполненіи, и распоряженіе ея генераль-ли-фельдмаршалу графу Румянцову поручено, или же здѣсь учинено быть имѣть?“ Въ слѣдующемъ засѣданіи, происходившемъ въ присутствіи императрицы, члены Совѣта почти единогласно отозвались, что посылка къ Константинополю корпуса можетъ много способствовать въ заключенію мира, но что распоряженіе корпусомъ должно быть непременно поручено Румянцову. Орловъ предлагалъ воспользоваться также и Запорожскими казаками. Онъ совѣтовалъ снабдить ихъ наградою, если они постараются пройти на своихъ судахъ изъ Сѣчи въ Черное море и будутъ содѣйствовать „намѣряемой на Константинополь экспедиціи“. Совѣтъ хотя принялъ предложеніе Орлова и положилъ отписать о томъ въ кошевому Запорожцевъ, но при этомъ было выражено сомнѣніе, чтобъ Запорожцы могли найти потребное число судовъ ¹⁾).

Среди этихъ совѣщаній и приготовленій, вдругъ получено извѣстіе о перемѣнѣ намѣреній Вѣнскаго двора. Онъ какъ бы впервые только узналъ о готовности съ нашей стороны возвратить Турціи Молдавію и Валахію, выражалъ удовольствіе по поводу этой уступки и поручалъ своему посланнику въ Константинополь склонять Порту къ скорѣйшему отправленію полномочныхъ на конгрессъ. Не будемъ распространяться о причинахъ этой внезапной перемѣны. Здѣсь не мѣсто раскрывать тайные пути Австрійской дипломатіи.

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I, ч. 1-я, стр. 141—145.

Вслѣдъ за Австріей и Турція сдѣлалась сговорчивѣе относительно перемирія и послыли своихъ полномочныхъ на конгрессъ для заключенія мира. Высокій диванъ тревожился только твердостію намѣренія нашего двора относительно предоставленія независимости Крымскимъ Татарамъ, но потомъ какъ бы мирился и съ этимъ обстоятельствомъ, въ надеждѣ выговорить нѣкоторыя уступки, напримѣръ, чтобъ оставлено было въ Татарскихъ мечетяхъ отправленіе молитвъ за Турокъ, чтобъ на монетахъ Татарскихъ по прежнему изображалось имя султана и т. под.

Екатерина находила болѣе удобнымъ трактовать объ этихъ подробностяхъ на конгрессѣ, а потому оставила ихъ покажѣсть безъ вниманія и приступила къ снаряженію посольства.

Первымъ полномочнымъ посломъ былъ назначенъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, вторымъ—Алексѣй Михайловичъ Обрѣзковъ, бывшій узникъ Семибашеннаго замка.

Новое назначеніе Орлова тѣмъ болѣе удивительно, что мирные переговоры съ Турками слишкомъ рѣзко противорѣчили его воинственнымъ порывамъ къ Константинополю. Гельбигъ, не безъ основанія, смотритъ на это назначеніе, какъ на новую, рѣшительную попытку навсегда удалить Орлова отъ двора ¹⁾. Но мы не будемъ задерживать разсказа преждевременнымъ раскрытіемъ тонкой придворной интриги. Въ засѣданіи Совѣта 30 марта было прочитано извѣстіе, что и Турецкій диванъ уже назначилъ полномочныхъ на конгрессъ: Османъ-Эфенди и Измаиль-Бея, изъ которыхъ первый прислалъ даже письмо къ нашимъ полномочнымъ съ просьбою собрать конгрессъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, только не въ Измаилѣ, какъ было назначено. Онъ объяснялъ, что Измаиль отличается сыростью и великимъ множествомъ комаровъ. Члены Совѣта догадались, что Османъ-Эфенди

¹⁾ Russische Günstlinge, стр. 271.

имѣлъ въ виду другую причину, весьма щекотливую для религіознаго чувства мусульманъ, такъ какъ въ Измаилѣ, по случаю войны, всѣ мечети были заняты подъ наши церкви и магазины, а потому признали просьбу о перемѣнѣ мѣста для конгресса уважительною. Маленькому городку Фокшанамъ, на границѣ Молдавіи и Валахіи, выпалъ жребій стать пунктомъ мирныхъ переговоровъ между воюющими державами.

Во избѣжаніе затрудненій въ церемоніалѣ, было рѣшено, чтобъ наши полномочные, какъ хозяева, отправились въ Фокшаны раньше Турецкихъ и приняли бы ихъ, какъ гостей ¹⁾).

Сборы къ отъѣзду графа Орлова изумили всѣхъ великолѣпіемъ: ему было пожаловано множество драгоценныхъ платьевъ, изъ которыхъ одно, осыпанное брилліантами, стоило миллионъ рублей! ²⁾). Назначенная къ нему свита составляла цѣлый дворъ: тутъ были и маршалы, и камергеры, и пажи; однихъ придворныхъ лакеевъ, разодѣтыхъ въ парадныя ливреи, насчитывали до 24 человекъ. Обозъ посла долженъ былъ состоять изъ роскошно-сформированной кухни, погребовъ, великолѣпныхъ придворныхъ экипажей и проч. Однимъ словомъ, по замѣчанію Гельбига, сборы къ путешествію могущественнѣйшаго государя не могли бы обойтись дороже этой командировки временщика ³⁾).

Блескъ торжественныхъ проводовъ ослѣпилъ Орлова и помѣшалъ ему увидѣть разставленные для него сѣти. Казалось, будто бы не замѣчала ихъ и сама императрица Екатерина.

25 апрѣля, пышное посольство выѣхало изъ Царскаго Села, а 28 числа императрица, въ письмѣ къ г-жѣ Біельке, говоря о своей страсти къ садоводству, писала: „Никого моя плантоманія такъ не смѣшитъ, какъ графа Ор-

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I, ч. 1-я, стр. 160.

²⁾ Словарь Бант-Каменскаго, ч. 4-я, стр. 51.

³⁾ Russische Cünstlinge, стр. 271.

лова; онъ за мною слѣдить, онъ мнѣ подражаетъ, онъ надо мной смѣется, онъ меня критикуетъ; но, уѣзжая, онъ таки поручилъ мнѣ свой садъ на это лѣто, и я сама этотъ годъ буду тамъ проказить по своему; его имѣніе близко отсюда; я очень горжусь, что онъ призналъ мое садовническое искусство ¹⁾).

15 мая графъ П. А. Румянцовъ уже доносилъ императрицѣ изъ Яссъ, что 14 мая онъ имѣлъ удовольствіе принимать графа Г. Г. Орлова и „видѣть его въ добромъ здоровьи, послѣ понесенныхъ трудностей и невзгодъ въ далекомъ пути“ ²⁾).

Окончился однако май мѣсяцъ, шла вторая половина юня, но Турецкіе послы все еще не выѣзжали изъ Константинополя, и Орловъ продолжалъ сидѣть въ Яссахъ. Распространялись неблагопріятные слухи о новыхъ каверзахъ Австрійскаго двора, будто бы подстрекавшаго Порту не соглашаться на признаніе независимости Крымскихъ Татаръ. Слухи эти какъ бы подтверждались официальнымъ извѣстіемъ о назначеніи со стороны Турціи вторымъ посломъ, вмѣсто Измаиль-Бея (шейха Софійской мечети) Язенджи-задѣ, представителя сословія улемовъ, смотрѣвшихъ на отторженіе какой-нибудь области отъ Оттоманской имперіи, какъ на разрушеніе религіозно-политическаго единства священной всеисламской державы.

По случаю опасной болѣзни, свирѣпствовавшей въ Яссахъ, Орловъ переѣхалъ 28 юня въ Фокшаны, и только спустя мѣсяцъ послѣ того, именно 24 юля, прибыли туда наконецъ Турецкіе полномочные, вмѣстѣ съ представителями Австріи и Пруссіи. Послѣ обычныхъ привѣтствій, обѣ стороны раскинули другъ противу друга шатры.

¹⁾ Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества XIII, стр. 238.

²⁾ Архивъ Военно-Походн. Канцеляріи гр. П. А. Румянцова, ч. II, стр. 170. (*Чтенія*: Имп. Об. Ист. и Древ. Рос. 1865, кн. 2).

Разказы изъ Русск. ист.

Прежде чѣмъ открыть переговоры, Орловъ объяснилъ представителямъ Австріи и Пруссіи, что Россія не имѣетъ надобности въ ихъ дальнѣйшемъ посредничествѣ и желала бы рѣшить свое дѣло съ Портою безъ посторонняго вмѣшательства. Такимъ образомъ, переговоры начались между Орловымъ и Обрѣзковымъ съ одной стороны и Османомъ-Эфендіемъ и Язенджи-Задѣ—съ другой. Наши полномочные прямо и рѣшительно предупредили Турецкихъ сановниковъ, что главнымъ основаніемъ всѣхъ разсужденій о мирѣ должно быть признаніе независимости Крымскихъ Татаръ и что до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшена эта статья, не состоится никакой трактатъ.

— „Какъ вамъ не стыдно держать такія рѣчи!“ возразилъ Османъ-Эфенди. „Независимость Татаръ, по нашему закону, вещь непозволительная. Мы имѣемъ приказаніе кончить этотъ вопросъ деньгами“¹⁾.

Орловъ горячился и, отвергая съ презрѣніемъ всякую сдѣлку, продолжалъ настаивать на своемъ. Тогда Османъ-Эфенди началъ пробовать утомить „знатнаго гаура“ восточнымъ краснорѣчіемъ съ разными прибаутками и безпрестанными повтореніями одного и того-же: „Денегъ не беретъ?.. дѣло не пойдетъ!“ Когда и это не помогло, хитрый Турокъ разразился грозною рѣчью:— „Да они тяжбу политическую превращаютъ въ религіозную! Да за Аллаховъ завѣтъ вся Анатолія поднимется!... Вселенная будетъ вывернута вверхъ ногами!..“²⁾

Послѣ двухъ такихъ конференцій, Орловъ потерялъ всякую надежду удовлетворительно исполнить возложенное на него порученіе и 6 августа отписалъ о томъ въ Петербургъ³⁾.

¹⁾ Со съ достопримѣчательнаго, сочиненіе Ресми-Ахмедъ-Эфенди (Перев. съ Турецкаго). См. Сочиненія Сенковскаго. Т. VI, стр. 289.

²⁾ Тамъ-же, стр. 290.

³⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I, ч. 1-я стр. 193.

Въ засѣданіи Совѣта 27-го августа, Панинъ прочиталъ изготовленное имъ отвѣтное письмо къ Орлову, въ которомъ совѣтовалъ ему не останавливаться такъ долго на одномъ пунктѣ о Татарахъ и приступить къ соглашенію по остальнымъ статьямъ. Но письмо это привезено въ Фокшаны уже тогда, когда Орловъ, окончательно выведенный изъ терпѣнія упорствомъ и дерзостью Турецкихъ полномочныхъ, прервалъ съ ними дальнѣйшіе переговоры и уѣхалъ въ Яссы. Онъ тотчасъ же донесъ о томъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ депешкою отъ 18 августа (прочитанною въ Совѣтѣ 1 сентября), присовокупляя въ тоже время, что онъ выѣзжаетъ въ главную квартиру арміи, т. е. въ Яссы, и тамъ *будетъ ждать дальнѣйшихъ приказаній*.

Орлову было отвѣтствовано рескриптомъ, отъ 3 сентября, за подписью императрицы и всѣхъ членовъ Совѣта, въ которомъ было, между прочимъ, сказано, что ея величество *одобряетъ рѣшеніе Орлова* ¹⁾ и оставляетъ на его волю, „если онъ еще въ арміи находится, продолжить ввѣренную ему негодіацію по ея возобновленію и употребить себя, между тѣмъ, по его званію въ арміи подъ предводительствомъ генераль-фельдмаршала Румянцова“ ²⁾.

Между тѣмъ, уже задолго до перерыва конгресса въ въ Фокшанахъ, въ Петербургѣ совершилась весьма важная перемена при дворѣ, поразившая всѣхъ своею неожиданностію.

• 3 августа, 1772 г., Прусскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Сольмсъ отправилъ къ своему королю депешу слѣдующаго содержанія:

.... „Не могу болѣе воздержаться и не сообщить вашему величеству объ интересномъ событіи, которое *только что*

¹⁾ Депеша Прусскаго посланника въ Петербургѣ графа Сольмса, отъ 11/22 сентября 1772 г. за № 830.

²⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I, ч. 1-я стр. 199.

случилось при этомъ дворѣ и которое, конечно, привлечетъ вниманіе какъ Россіи, такъ и другихъ государствъ. Отсутствіе графа Орлова обнаружило весьма естественное, но тѣмъ не менѣе неожиданное, обстоятельство: ея величество нашла возможнымъ обойтись безъ него, измѣнить свои чувства къ нему и перенести свое расположеніе на другой предметъ. Конногвардейскій поручикъ Васильчиковъ, случайно отправленный въ Царское Село для командованія небольшимъ отрядомъ, содержащимъ караулы во время пребыванія тамъ двора, привлекъ вниманіе своей государыни. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Васильчиковъ не имѣетъ ни представительной наружности ¹⁾, ни охоты быть на виду и вообще мало извѣстенъ. При переѣздѣ двора изъ Царскаго Села въ Петергофъ, ея величество въ первый разъ показала ему знакъ своего расположенія, подаривъ золотую табакерку „за исправное содержаніе карауловъ“. Этому случаю не придали никакого значенія и смотрѣли на него какъ на примѣръ обычной щедрости императрицы.

„Однако частыя посѣщенія Васильчиковымъ Петергофа, заботливость, съ которою она спѣшила отличить его отъ другихъ, болѣе спокойное и веселое расположеніе ея духа со времени удаленія Орлова, неудовольствіе родныхъ и друзей послѣдняго, наконецъ тысячи другихъ мелкихъ обстоятельствъ уже открыли глаза царедворцамъ. Хотя до сихъ поръ все держится въ тайнѣ, но никто изъ приближенныхъ не сомнѣвается, что Васильчиковъ находится уже въ полной милости у императрицы; въ этомъ убѣдились особенно съ того дня, когда онъ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ. Надо сказать правду, императрица, желая смягчить неожиданность такого необыкновеннаго возвышенія человѣка, не

¹⁾ Гельбигъ говоритъ напротивъ, что Васильчиковъ былъ красивый мужчина съ умными и многообщающими чертами лица. (Russ. Günstl. стр. 383).

имѣвшаго никакихъ связей при дворѣ, въ одно время съ Васильчиковымъ пожаловала въ камеръ-юнкеры еще четверыхъ, въ томъ числѣ и двухъ сыновей графа Румянцова ¹⁾). Но это никого не обмануло. Ясно было видно, что эти четыре производства служили какъ бы ширмою для возвышенія Васильчикова. *Охлажденіе къ Орлову началось мало по малу со времени отъѣзда его на конгрессъ.*

„Нѣкоторая холодность Орлова къ императрицѣ за послѣдніе годы, поспѣшность, съ которою онъ въ послѣдній разъ уѣхалъ отъ нея, не только оскорбившая ее лично, но и долженствовавшая имѣть вліяніе на политику, подавая Туркамъ поводъ усматривать важность для Россіи предстоящаго мира, наконецъ, обнаруженіе многихъ измѣнъ,—все это вмѣстѣ взятое привело императрицу къ тому, чтобъ смотрѣть на Орлова, какъ на недостойнаго ея милостей. Графъ Панинъ, которому императрица, можетъ быть, повѣрила свои мысли и чувства, не счелъ нужнымъ разувѣрять ее, и это дѣло уладилось само собою, безъ всякаго съ чьей либо стороны приготовленія. На сколько можно судить объ этомъ дѣлѣ, по настоящему его положенію, я не думаю, чтобъ ваше величество были въ ущербъ отъ этой перемѣны, потому что хотя графъ Орловъ въ послѣднее время и заявилъ большое сочувствіе къ Прусской политикѣ, но его легкомысліе и равнодушіе къ предметамъ важнымъ содѣлываютъ дружбу его ненадежною. Наиболѣе выигрываетъ отъ этой перемѣны графъ Панинъ. Онъ избавляется отъ опаснаго соперника, хотя, впрочемъ, и при Орловѣ онъ пользовался очень большимъ значеніемъ, но теперь онъ приобретаетъ большую свободу дѣйствія, какъ въ дѣлахъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Удаленіе Орлова уже произвело хорошее дѣйствіе въ томъ отношеніи, что императрица сдѣлалась ласковѣе къ великому князю. Всѣ замѣтили, что эти августѣйшія особы живутъ теперь гораздо

¹⁾ Графовъ Николая и Сергія Петровичей.

согласнѣе, чѣмъ прежде, когда привязанность императрицы къ любимцу брала верхъ надъ чувствами матери. Впрочемъ, что-то будетъ дальше и какъ отнесется ко всему этому родня Орлова? Есть и недовольные этою переменною, напримѣръ оба Чернышевы. Они очень привержены къ Орлову, за то слишкомъ осторожны, чтобъ открыто взять его сторону. Самъ Орловъ извѣщенъ обо всемъ происходящемъ, и трудно рѣшить, какое вліяніе будетъ имѣть это извѣстіе на успѣхъ его порученія. Продлить ли онъ свое отсутствіе, или же поторопится возвратиться сюда? Въ концѣ концовъ, дѣло это столь ново, что нѣтъ возможности вывести сколько нибудь основательныя заключенія о дальнѣйшемъ, да и вообще говорить о немъ не безопасно“.

Отселѣ мы будемъ преимущественно пользоваться депешами графа Сольмса, Прусскаго посланника въ Петербургѣ¹⁾, обнимающими періодъ времени отъ 3-го августа 1772 года по 1-е апрѣля 1774-го, именно то самое время, къ которому подошелъ нашъ рассказъ. Событія, происходившія въ означенный промежутокъ времени, справедливо причисляются къ самымъ запутаннымъ изъ всей анекдотической исторіи Екаторининскаго царствованія. То была пора всевозможныхъ колебаній кредита Орлова и появленія новыхъ любимцевъ счастья. Донесенія Прусскаго посланника наполнены мельчайшими подробностями о тогдашнихъ придворныхъ интригахъ. Видно, что Сольмсъ внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Екатерины въ сторону того, или другаго временщика и считалъ своею непремѣнною обязанностью немедленно и подробно увѣдомлять своего короля обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Угождая, такимъ образомъ, вкусу Фридриха Великаго, какъ извѣстно, большаго любителя до

¹⁾ Сольмсъ смѣнилъ Гольца еще въ 1764 году, такъ что знаменитый трактатъ нашъ съ Пруссіей 11 апрѣля 1764 года былъ заключенъ уже Сольмсомъ. (См. Исторію восемнадцатаго столѣтію Шлоссера, въ Русскомъ переводѣ, Спб. 1868 г., Т. III, стр. 136.)

всякихъ интригъ, графъ Сольмсъ впадалъ въ большія погрѣшности и преувеличенія относительно вліянія на государственныя дѣла сердечныхъ колебаній императрицы; онъ зачастую видѣлъ опасность тамъ, гдѣ все улаживалось безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій для чести, истинныхъ нуждъ и потребностей Россіи. При всемъ томъ, депеши Сольмса имѣютъ большой интересъ и занимательность, отчасти какъ живые отголоски толковъ и пересудовъ задней половины дворца, отчасти потому, что въ нихъ проглядываетъ вліяніе графа Никиты Панина, всячески старавшагося выставить Орловыхъ какимъ-то пугаломъ, грозящимъ страшными бѣдами Отечеству. Къ сожалѣнію, представитель Фридриха II-го дурно владѣлъ любимымъ языкомъ своего короля. Его депеши отличаются тяжелымъ слогомъ, безконечно длинными періодами, невѣрными и неточными выраженіями и оборотами; все это крайне затрудняетъ переводъ ихъ на Русскій языкъ, а потому только самыя значительныя изъ нихъ будутъ предложены въ полномъ переводѣ ¹⁾.

И такъ, весь дворъ былъ въ смущеніи и недоумѣваль, какъ разрѣшится мучительный вопросъ о перемѣнѣ вліятельнаго лица.

Графъ Сольмсъ выжидалъ, пока не выяснятся всѣ обстоятельства дѣла, и только 4 сентября, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ первой депеши, снова писалъ къ королю.

„Недавно я видѣлъ этого Васильчикова и вспомнилъ, что встрѣчалъ его прежде довольно часто при дворѣ, но не иначе какъ въ толпѣ другихъ. Онъ средняго роста, имѣетъ на видъ лѣтъ двадцать восемь ²⁾, смугль и вообще довольно пріятной наружности. Онъ былъ всегда очень вѣжливъ со

¹⁾ Списокъ съ Французскихъ рукописныхъ подлинниковъ этихъ депешъ былъ сообщенъ П. И. Бартенеу изъ чужихъ краевъ А. А. Васильчиковымъ.

²⁾ Александръ Семеновичъ Васильчиковъ потомства не оставилъ; намъ неизвѣстно время его рожденія и кончины.

всѣми, имѣлъ чрезвычайно кроткій видъ, и при этомъ отличался застѣнчивостью, оставшеюся при немъ и до сихъ поръ. Повидимому, Васильчикова стѣсняетъ теперешняя роль, и онъ еще не освоился съ своимъ новымъ положеніемъ. Сперва дѣло было ведено такъ осторожно и таинственно, что даже самъ графъ Иванъ Орловъ, старшій изъ братьевъ, остававшійся здѣсь въ Петербургѣ, не могъ ничего заподозрить. Думали, однако, что императрица будетъ скромнѣе и не обнаружитъ дѣла, по крайней мѣрѣ такъ скоро, предъ всей публикой: но третьяго дня Васильчиковъ произведенъ уже въ камергеры ¹⁾. Въ настоящее время уже открыто говорятъ объ этой перемѣнѣ, но вообще при дворѣ не одобряютъ ея. Она встревожила не однихъ только царедворцевъ и друзей Орлова, но также придворныхъ лакеевъ и горничныхъ. Последнія даже приуныли, задумались и очевидно недовольны: они давно знали Орлова, обращались съ нимъ просто и пользовались его благосклонностью и покровительствомъ. Васильчиковъ-же совсѣмъ неизвѣстенъ. Будетъ ли онъ еще пользоваться такимъ расположеніемъ, какъ Орловъ, и въ чью пользу употребитъ свое значеніе? Слишкомъ скорымъ переходомъ на сторону новаго любимца, царедворцы боятся навлечь на себя мщеніе Орлова, въ томъ случаѣ, если обстоятельства снова измѣнятся въ его пользу. Съ другой стороны, страшно было бы запоздать изъясненіемъ почтенія и предъ Васильчиковымъ. Хорошо еще, что онъ не имѣетъ никакихъ претензій и тѣмъ даетъ средство каждому спокойно выбрать то или другое рѣшеніе. Онъ вѣжливъ со всѣми, даже предупредителенъ и руководствуется совѣтами одного только камергера князя Ѳедора Борятинскаго ²⁾, прежде дру-

¹⁾ Значитъ, на другой день послѣ того, какъ въ (свѣтъ) было прочтено донесеніе Григорья Григорьевича Орлова о перерывѣ конгресса.

²⁾ Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Борятинскій (1742—1814), въ послѣдствіи оберъ-гофмаршалъ. Принималъ дѣятельное участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины.

гихъ посвященнаго въ придворную игру и усердно помогавшаго императрицѣ устроить все это дѣло... Императрица въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, постоянно весела, довольна и вполне отдается удовольствіямъ и празднествамъ. Отсутствіе Орлова сблизило ее съ великимъ княземъ. Она видалась съ нимъ чаще прежняго, короче узнала его и полюбила окружающее его общество. Великій князь, съ своей стороны, менѣе прежняго стѣсняется въ присутствіи своей матери. Онъ очень тронутъ ея ласками и, въ настоящее время, между этими августѣйшими особами установилась беззагнѣная непринужденность и взаимное довѣріе, что приводитъ всѣхъ въ восторгъ. Боюсь утверждать, чтобъ со стороны императрицы не было тутъ нѣкотораго притворства. Какова бы ни была ея цѣль, но эта переменна отношеній къ сыну должна повредить Орлову, потому что при немъ императрица вела себя иначе. Безъ сомнѣнія, графъ Панинъ воспользуется всѣми этими обстоятельствами, чтобъ довершить гибель своего соперника, постоянно удалять его отъ императрицы и всецѣло завладѣть ея довѣріемъ. Непослѣдовательное и странное поведеніе Орлова дастъ довольно случаевъ, чтобъ сдѣлать его ненавистнымъ и презрѣннымъ въ глазахъ просвѣщенной и самолюбивой государыни. Если дѣла останутся въ томъ же положеніи, какъ теперь, то можно думать, что милость къ Орлову исчезнетъ навсегда. Въ настоящее время дѣло идетъ только о томъ, въ состояніи ли будетъ личное присутствіе Орлова возвратить ему прежнее расположеніе императрицы, и если нѣтъ, то останется ли онъ спокойнымъ, или же вздумаетъ мстить? Мнѣ кажется, что самъ Орловъ болѣе склоненъ къ первому; но трудно поручиться за его братьевъ, которымъ будетъ слишкомъ тяжело разстаться съ теперешнимъ вліяніемъ на дѣла“.

Въ то время какъ писалась эта депеша, Орловъ уже былъ на пути изъ Яссы въ Петербургъ. Онъ скакалъ день и ночь, въ простой курьерской кибиткѣ, запряженной парой

лошадей ¹⁾. Ему уже недалеко оставалось до Петербурга, а мы тѣмъ временемъ возвратимся нѣсколько назадъ.

По заведенному обычаю, рассказъ о конгрессѣ въ Фокшанахъ оканчивается обыкновенно слѣдующимъ образомъ: „Графъ Орловъ, узнавъ объ устроившихся противъ него козняхъ при дворѣ, внезапно прервалъ важныя совѣщанія съ Турецкими послами и стремглавъ помчался въ Петербургъ“.

Но читатель уже видѣлъ, по какимъ именно причинамъ былъ прерванъ конгрессъ въ Фокшанахъ, знаетъ также, что императрица одобрила это вынужденное рѣшеніе и что Орловъ выѣхалъ изъ Фокшанъ не въ Петербургъ, а въ Яссы, изъ которыхъ и прислалъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ вышеупомянутое донесеніе, отъ 18 августа. Самовольный выѣздъ Орлова изъ Яссъ, вызванный конечно извѣстіями о перемѣнахъ при дворѣ, несомнѣнно состоялся уже послѣ 21-го августа, потому что въ этотъ день онъ еще получилъ письмо отъ графа Румянцова, въ которомъ тотъ весьма почтительно просилъ его „благосклоннаго совѣта, нужно ли ознаменить наши мѣры (по случаю перерыва конгресса) движеніемъ войскъ къ Дунаю?“ ²⁾.

Внезапное появленіе Орлова было, какъ извѣстно, предумотрѣнно въ Петербургѣ. За нѣсколько сотъ верстъ отъ столицы онъ былъ встрѣченъ курьеромъ, вручившимъ ему письмо отъ императрицы, приблизительно слѣдующаго содержанія: „Вамъ нужно выдержать карантинъ, и я предлагаю вамъ избрать, для временнаго пребыванія, вашъ замокъ Гатчину“ ³⁾.

Орловъ, возлагавшій всю свою надежду на немедленное личное объясненіе съ императрицей, очутился въ отчаянномъ положеніи. Онъ тотчасъ же понялъ настоящее значеніе присланнаго письма и, не находя другаго выхода, какъ

¹⁾ Russische Günstlinge, стр. 272.

²⁾ Архивъ Военно-Поход. канцеляріи графа П. А. Румянцова Задунайскаго, ч. II, стр. 188.

³⁾ Russische Günstlinge, стр. 272.

только исполнить волю государыни, прямо отправился въ свое помѣстье, куда и мы послѣдуемъ за нимъ, чтобъ взглянуть на знаменитый Гатчинскій дворецъ, созданный не для ссылки, а для широкаго житья сильному временщику.

IX.

Помѣстье Гатчина, принадлежавшее Петру III-му, было подарено Екатериной Орлову въ первый же годъ по ея воцареніи.

Свѣтлыя воды рѣки Ижоры, протекающей черезъ помѣстье, здоровый воздухъ, уютныя пригорки, окружающіе озеро, вѣять какою-то успокоительною благодатью и располагаютъ къ мечтательности ¹⁾. Орловъ облюбилъ Гатчину и въ нѣсколько лѣтъ обстроился въ ней дѣйствительно поцарски. Усадьба *Гатчинскаго помѣщика* ²⁾, оконченная еще въ 1770 году, по всей справедливости занимаетъ до сихъ поръ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду роскошныхъ окрестностей Петербурга.

Гатчинскій дворецъ Орлова былъ построенъ по начертанію извѣстнаго Итальянскаго архитектора Ринальди. Главному корпусу этого обширнаго зданія, сооруженнаго изъ желтоватыхъ известковыхъ и песчаныхъ ничѣмъ не окрашенныхъ плитъ, придавали особенную величавость четыре башенки по угламъ и бельведеръ по срединѣ, съ громоотводомъ, который былъ устроенъ знаменитымъ Эйлеромъ. Дворецъ соединялся съ боковыми флигелями и службами стройною колонадою изъ Финляндскаго мрамора, оставляя, такимъ образомъ, предъ собою обширную площадь, за которою возвышался красивыми группами лѣсъ, съ широкой просѣвкой по срединѣ. Къ заднему фасаду примыкалъ Англійскій садъ, для

¹⁾ См. выше письмо Орлова къ Руссо.

²⁾ Такъ Екатерина называла Орлова. См. Р. Арх., 1871, стр. 1317, 1327.

устройства котораго выписывались лучшіе садовники изъ Англіи. Большія деньги платили этимъ мастерамъ своего дѣла; но и было за что! Нельзя достаточно налюбоваться, съ какимъ искусствомъ воспользовались они безчисленными заливами и рукавами Ижоры, омывающими множество лѣсныхъ островковъ. Нѣкоторые изъ этихъ островковъ соединены другъ съ другомъ разнообразными мостиками, а въ другіимъ подвозили изящныя гондолы, яхты и ботики, весело сновавшія по извилинамъ бойкой рѣчки. Въ этомъ роскошномъ саду былъ и *Островъ Любви* съ высокимъ павильономъ, и *Храмъ Любви*, стрегомый массивными мраморными столбами, и драгоценный обелискъ, воздвигнутый Орловымъ въ память побѣды своего брата, славнаго Чесменскаго героя. Въ другомъ мѣстѣ возвышалась огромная деревянная палатка—это лѣтняя столовая, обставленная кругомъ качелями, фортунками, вежлами, пестами для игры въ кольцо и пр. и пр.

Внутренность дворца поражала не столько великолѣпіемъ, сколько изящностью. Библіотека, множество старинныхъ бюстовъ, барельефовъ, картинная галлерей, въ которой нельзя было не остановиться противу трехъ большихъ картинъ живописца Гекерта, изображавшихъ Чесменское сраженіе ¹⁾,—все это тотчасъ-же давало понятіе о вкусахъ владѣльца, за которымъ мы послѣдовали, увлекаемые любопытствомъ взглянуть на помѣстье знаменитаго любимца Еватеріны.

Въ Петербургѣ, кажется, не надѣялись, чтобъ Орловъ такъ поворно подчинился приказанію не вѣзжать въ столицу. Каждую минуту ждали, что онъ покинетъ Гатчину и внезапно появится во дворцѣ императрицы. Если вѣрится наблюдателю Саксонцу-Гельбигу, самую императрицу овладѣло въ то время такое безпокойство, что она приказала сдѣлать желѣзный засовъ въ дверямъ своей спальни, а ка-

¹⁾ Описаніе столичнаго города Санктпетербурга, Георги-Безака. Спб. 1794, стр. 701.

мердинера Захарова, вооруженнаго пистолетами, приставила стеречь ихъ ¹⁾. Французскій агентъ Сабатье де Кабръ тоже писалъ тогда въ своему двору, что „по прибытіи Орлова съ конгресса, императрица выказала опасливость, приказала удвоить караулы во дворцѣ и перемѣнить замки. Въ продолженіи нѣсколькихъ ночей рѣшительно всѣ были на ногахъ“ ²⁾.

Если и дѣйствительно были приняты всѣ эти предосторожности (о которыхъ, впрочемъ, ни слова не сказано въ донесеніяхъ графа Сольмса), то во всякомъ случаѣ онѣ оказались излишними.

11 сентября графъ Сольмсъ доносилъ своему королю, между прочимъ, слѣдующее:

...„Уже пять или шесть дней, какъ Орловъ живетъ въ Гатчинѣ. Онъ ни въ чемъ не терпитъ нужды. Ему, по прежнему, посылаютъ провизію изъ дворца и прислуживаютъ придворные лакеи. Когда онъ далъ знать о своей болѣзни, то императрица отправила къ нему перваго придворнаго доктора Крузе.

„Это обстоятельство установило уже между нимъ что-то въ родѣ переговоровъ, въ которыхъ служить посредникомъ графъ Иванъ Орловъ. Поважѣсть, трудно дознаться, въ чемъ именно состоятъ эти переговоры. Предполагаютъ, что устраивается мировая, что Григорья Григорьевича склоняютъ добровольно отказаться отъ правъ, сопряженныхъ съ его положеніемъ при дворѣ и при особѣ императрицы, какъ то: права входа во внутренніе покои государыни, проживанія во дворцѣ, начальства надъ конногвардейцами, кавалергардами и надъ артиллерійскимъ корпусомъ. Не знаю навѣрно, но мнѣ кажется, что Орловъ наводитъ смущеніе своею сдержанностью и напукною задумчивостью и что онъ ста-

¹⁾ Russische Günstlinge, стр. 272.

²⁾ La cour de Russie, стр. 268.

вить въ затрудненіе, на что рѣшиться въ томъ случаѣ, если онъ будетъ продолжать упорствовать“.

18 сентября графъ Сольмсъ опять доносилъ королю, что „дѣло Орлова еще не кончено. Съ нимъ продолжаютъ вести переговоры не какъ съ подданнымъ, но какъ съ лицомъ равнымъ. Отъ него добиваются, чтобъ онъ просилъ отставки и поселился бы вдали отъ двора съ пенсіономъ въ 150.000 рублей. Однако Орловъ держитъ себя надменно, отвергаетъ всѣ предложенія и настаиваетъ на одномъ, чтобъ ему дозволили лично объясниться съ императрицей.

„Ни императрица, ни Панинъ отнюдь не соглашаются на это и находятся въ большомъ затрудненіи, какъ образумить этого человѣка, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ.

„Орловъ пользуется полной свободой. Говорятъ, что онъ ѣстъ и пьетъ какъ нельзя лучше и проводитъ время въ удовольствіяхъ. Генераль Бауеръ ¹⁾, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ арміи, и многія другія его креатуры составляютъ постоянную его компанію. Кромѣ того, въ Гатчину стѣзжаются, отъ времени до времени, близкіе люди Орлова. Все это внушаетъ Сольмсу „опасеніе, чтобъ Орловъ не задался мыслію отомстить своимъ врагамъ, которыхъ онъ можетъ быть представляеть себѣ болѣе слабыми и неосмотрительными, нежели они есть на самомъ дѣлѣ“.

Попытка Орлова, по мнѣнію Сольмса, не увѣнчается успѣхомъ, но она можетъ быть причиной многихъ безпорядковъ.

Въ слѣдующихъ двухъ депешахъ Сольмсъ не сообщаетъ ничего новаго, повторяя одно и то же объ упорствѣ Орлова ²⁾

¹⁾ Фёдоръ Вилимовичъ Бауеръ (1731—1783), искусный инженеръ, принятый въ нашу службу въ 1769 году, съ чиномъ генераль-маіора.

²⁾ Гельбигъ рассказываетъ, что императрица послала въ Гатчину нѣкоторыхъ своихъ приближенныхъ, съ порученіемъ склонить Орлова къ соглашенію, и между прочимъ его „давняго друга“ Бецаго, но все было напрасно. А. В. Олсуфьевъ былъ присланъ, чтобъ вручить Орлову миллионъ рублей, но тотъ отказался отъ этого подарка, находя, что онъ будетъ „тяжелъ государству“ (Russische Günstlinge, стр. 273).

и только 28 сентября увѣдомилъ короля, что дѣло графа Орлова улажено, по крайней мѣрѣ на время:

Онъ получилъ отпускъ на одинъ годъ съ дозволеніемъ жить гдѣ ему заблагоразсудится и даже за границей. Въ такихъ выраженіяхъ изъяснена воля императрицы въ указѣ сенату, сообщенномъ всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ. Опала эта смягчена пожалованіемъ Орлову ежегодной пенсіи въ 150.000 рублей, единовременнаго пособія на обзаведеніе дома 100.000 рублей, десяти тысячъ крестьянъ, по выбору самого графа, великолѣпнаго серебрянаго сервиза, выписаннаго только въ нынѣшнемъ году изъ Парижа и не разу не бывшаго еще въ употребленіи. Остается неизвѣстнымъ, сдѣлано ли какое нибудь ограниченіе въ дозволеніи Орлову жить гдѣ ему заблагоразсудится. Можетъ ли онъ жить и въ Петербургѣ, или же въѣздъ въ столицу запрещенъ ему навсегда? Вообще, переговоры ведутся съ такою таинственностью, что невозможно опредѣлить съ точностью всѣхъ условій“.

Сохранился весьма важный документъ—это собственно-ручная записка Екатерины (безъ означенія года и числа), въ которой обстоятельно изложены условія, извѣстныя Сольмсу только по наслышкѣ. Записка эта, писанная по всѣмъ вѣроятіямъ, къ графу Ивану Григорьевичу Орлову, была слѣдующаго содержанія:

„Видя вашу ко мнѣ довѣренность и что вы сами меня просите, чтобъ и вамъ сказала свои мысли, я сему соотвѣтствую со всякой искренностью и для того написала, какъ я вамъ обѣщала, нижеслѣдующее:

„Когда люди, кои имѣютъ духа бодрого, въ трудномъ положеніи, тогда ищутъ они онаго облегчить; я чистосердечно скажу, что ничего для меня труднѣе нѣту, какъ видѣть людей, кои страждутъ отъ печали. Я повадилась входить въ состояніе людей; наипаче я за долгъ почитаю входить въ состояніе таковыхъ людей, коимъ много имѣю бла-

годарности. И для того со всею искренностію я здѣсь скажу, что я думаю, дабы вывести по состоянію дѣло обоюдныхъ участвующихъ изъ душевнаго безпокойства и возвратить имъ состояніе сноснѣйшее. И для того предлагаю я нижеписанные способы, въ коихъ искала я сохранить все въ разсужденіи особъ и публики, что только сохранить могла.

1) Все прошедшее предать совершенному забвенію.

2) Неуспѣхъ конгресса я отнюдь не приписываю ничему иному, какъ Турецкаго двора повелѣнію разорвать онаго.

3) Графъ Захаръ Чернышевъ мнѣ свазываль, что графа Григорья Григорьевича Орлова желанье и просьба есть, чтобъ экспликаціи избѣгнуть, и вы мнѣ оное подтвердили. Я на сіе совершенно соглашаюсь.

4) И къ сему присовокупляю, что я почитаю смотрѣть на настоящія обстоятельства за трудное и за излишнее; ибо за движеніями, происходящими отъ непріятныхъ обстоятельствъ, окружающихъ человека дома, ежечасно, ручаться нельзя, и для того способъ предлагаю:

5) Какъ графъ Гр. Гр. Орловъ нынѣ боленъ, чтобъ онъ подѣ симъ видомъ назадъ взялъ чрезъ письмо увольненіе ѣхать или къ Москвѣ, или къ деревнямъ своимъ или куда онъ самъ изберетъ за сходственное съ его состояніемъ.

6) Полтораста тысячъ, кои я ему жаловала ежегодно, я ему впредь оныхъ въ ежегодной пенсіи производить велю изъ кабинета.

7) На заведеніе дома я ему жалую однажды нынѣ сто тысячъ рублей.

8) Всѣ дворцы около Москвы или индѣ, гдѣ они есть, я ему позволяю въ оныхъ жить, пока своего дома имѣть не будетъ.

9) Людей моихъ и экипажи, какъ онъ ихъ нынѣ имѣеть, при немъ останутся, пока онъ своихъ заведетъ; когда же онъ оныхъ отпуститъ за благо разсудитъ, тогда общаю ихъ наградить по мѣрѣ ему сдѣланныхъ отъ нихъ услугъ.

10) Я къ тѣмъ четыремъ тысячамъ душамъ, кои еще графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ за Чесменскую баталию не взялъ, присовокупляю еще шесть тысячъ душъ для графа Григорья Григорьевича Орлова съ тѣмъ, чтобъ онъ оныхъ выбралъ или изъ моихъ Псковскихъ или же изъ тѣхъ, кои у меня на Волгѣ или въ которыхъ уѣздахъ самъ за благо разсудитъ, всего десять тысячъ душъ.

11) Сервизъ серебрянной Французской выписной, которой въ кабинетѣ хранится, ему же графу Гр. Гр. жалую совокупно съ тѣмъ, которой купленъ для ежедневнаго употребленія у Датскаго посланника.

12) Какъ домъ у Троицкой пристани готовъ будетъ, то убравъ его, какъ я намѣрена была, ему же графу Гр. Гр. Орлову отдамъ вѣчно и потомственно ¹⁾.

13) Всѣ тѣ вещи, кои хранятся въ каморѣ цалмейстерской и у камердинеровъ подъ именованіемъ его графскихъ и о коихъ самъ графъ Гр. Гр. Орловъ о многихъ не знаетъ, ему же велю отпустить.

14) По прошествіи перваго года, лучше самъ графъ Гр. Гр. Орловъ въ состояніи найдется располагать какъ за благо разсудитъ и сходственнѣе съ его къ Отечеству и къ службѣ моей всегдашнему усердію; съ моей же стороны я никогда не позабуду, сколько я всему роду вашему обязана и качества тѣ, коими вы украшены и поелику Отечеству полезны быть могутъ; и я надѣюсь, что сіе не есть послѣдній знакъ той честности, кою и вы во мнѣ почитаете. Я же въ семъ иного не ищу, какъ обоюдное спокойствіе, кое я совершенно сохранить намѣрена ²⁾.

¹⁾ Здѣсь говорится о нынѣшнемъ Мраморномъ дворцѣ. Онъ былъ построенъ Екатериною „въ знакъ для потомства памятованія великихъ заслугъ, оказанныхъ (Орловымъ) ей Великой Государынѣ и Отечеству Всероссийскому спасеніемъ обоихъ отъ предстоящей имъ въ 1762 году гибели“ (Русск. Архивъ, 1866, стр. 67). Дворецъ былъ уже оконченъ послѣ смерти Орлова и ему не было суждено прочесть драгоценную надпись на дворцѣ: „Зданіе благодарности“.

²⁾ Русск. Архивъ 1866. Стр. 65.

Какъ ни была велика цѣна, положенная Екатериною для возстановленія обоюднаго спокойствія, но Орловъ, по выраженію графа Сольмса, „все еще продолжалъ чваниться“. Въ депешѣ Сольмса, отъ 9 октября 1772 года, разсказана довольно любопытная исторія пожалованія Орлову княжескаго достоинства ¹⁾

...„Бывшій любимецъ сдѣлалъ новую сцену, объявивъ себя княземъ Римской имперіи. Вашему величеству благоугодно будетъ припомнить, что Вѣнскій дворъ, въ первый же годъ царствованія Екатерины, выслалъ Орлову, по ея просьбѣ, грамоту на княжеское достоинство ²⁾ и что въ то время императрицу убѣдили не разрѣшать Орлову этого титула на томъ основаніи, что было бы несогласно съ достоинствомъ Имперіи предоставлять иностранному двору жаловать Русскаго подданнаго княжескимъ титуломъ, который могъ быть дарованъ ему и своимъ монархомъ. Императрицѣ объясняли, что если ей непремѣнно угодно, чтобъ Орловъ носилъ княжескій титулъ, то лучше было бы сперва возвести его въ княжеское достоинство Россійской имперіи, а потомъ уже дозволить ему принять званіе князя Нѣмецкаго. На томъ и кончилось это дѣло, остававшееся, повидимому, въ полномъ забвеніи до настоящей минуты, когда Орлову вздумалось просить позволенія принять княжескій титулъ, на что и получилъ онъ разрѣшеніе ея величества. Эта выходка, конечно, не могла понравиться Императрицѣ, хотя она и не показываетъ этого. Противники Орлова полагаютъ, что подобными поступками онъ еще больше охладить къ себѣ императрицу и наконецъ заградить всѣ пути къ возвращенію прежней ея благосклонности“. Далѣе Сольмсъ пишетъ, что „Орловъ намѣренъ съ первымъ саннымъ путемъ отправиться въ Москву,

¹⁾ Высочайшій рескриптъ объ утвержденіи Григорья Григорьевича Орлова въ княжескомъ достоинствѣ послѣдовалъ 4 октября 1772 года.

²⁾ Эта грамота, за подписью императора Франца, была дана въ Вѣнѣ 21 іюля 1763 года.

а лѣтомъ побывать въ Спа. По возвращеніи оттуда, когда кончится срокъ его отпуска, опредѣлится наконецъ, будетъ ли ему позволено явиться снова ко двору. На нынѣшній же годъ Орловъ уже покорился запрещенію вѣзжать въ то мѣсто, гдѣ пребываетъ государыня“.

Все это, однако, не могло успокоить придворный людъ. Отношенія Еватерины къ Орлову казались большинству весьма загадочными. По этому поводу графъ Сольмсъ писалъ, въ депешѣ, отъ 23 октября, слѣдующее:

„Всѣ люди благоразумные и преданные Отечеству желали бы скорѣйшаго разъясненія всего этого дѣла. Большинство того мнѣнія, что удалить только на время человѣка, пользовавшагося обширною властью и значеніемъ, не отнимая у него послѣдней надежды снова стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, значить совершить дѣло только на половину. Хуже всего то, что бывшій любимецъ терпимъ въ таковой близости отъ столицы, что по прежнему пользуется содержаніемъ отъ двора, не лишень возможности безпрестанно тревожить императрицу и поддерживать въ ней постоянную нерѣшительность то своими письмами, то подсылками своихъ братьевъ, изъ которыхъ младшій, графъ Федоръ, тоже вернулся къ нему изъ арміи. Говорятъ, что все это волнуетъ императрицу, а иногда доводитъ ее даже до слезъ. Но она никакъ не можетъ рѣшиться приказать Орлову уѣхать куда нибудь подальше. Очевидно, что человѣкъ этотъ имѣетъ на нее великое вліяніе, и она никакъ не можетъ освободиться отъ него. Осмѣлюсь отнести это къ ея слабости и малохарактерности. Графъ Панинъ, хотя и пользуется довѣріемъ императрицы, однако никакъ не можетъ добиться отъ нея твердаго рѣшенія. Полагаютъ даже, что она скрываетъ отъ него большую часть переписки своей съ Орловымъ. Между тѣмъ, Васильчиковъ продолжаетъ пользоваться благосклонностью ея величества и не отходитъ отъ нея ни на минуту, такъ что пока онъ будетъ вести себя такимъ образомъ, трудно предполагать,

*

чтобъ старому любимцу были возвращены прежнія его права. Къ тому же самое полное согласіе продолжаетъ существовать между императрицей и великимъ княземъ, и нѣтъ повода думать, чтобъ она пожелала лишиться этого утѣшенія и снова питать подозрѣніе относительно своего сына. Однимъ словомъ, все это дѣло представляетъ непроницаемый хаосъ, и въ образѣ дѣйствія императрицы усматривается какая-то двойственность, которую трудно понять. Всего вѣроятнѣе предположить, что хотя императрица и убѣждена, что Орловъ держалъ ее въ непристойномъ подчиненіи, употреблялъ во зло ея довѣріе, внушая фальшивыя понятія о великомъ князѣ, что онъ отдалялъ отъ нея всѣхъ тѣхъ, кто не былъ его родственникомъ или креатурою, что онъ достигъ такимъ образомъ до крайней степени могущества, невозможнаго для подданнаго и что поэтому представлялась крайняя необходимость, для собственнаго своего спокойствія, для блага государства и для безопасности великаго князя, положить предѣлъ честолюбію временщика и скинуть съ себя наложенное имъ ярмо. Но ложное чувство монаршаго великодушія не позволяетъ ей даже показать видъ неуваженія къ человѣку, который, по ея понятію, оказалъ ей важныя услуги и тѣмъ приобрѣлъ себѣ право на благодарность. Каковы бы ни были неудобства отъ этой нерѣшительности, но я думаю, нечего ожидать особенно дурныхъ послѣдствій отъ всего этого дѣла, въ которое не вступается открыто никто изъ высокопоставленныхъ лицъ. Нѣкоторые сѣтуютъ на удаленіе Орлова, потому что имѣли въ немъ своего покровителя; но никто не согласился бы затѣять что-либо рѣшительное въ его пользу. Если допустить, что этотъ человѣкъ дойдетъ до такого ослѣпленія, что въ мщеніи своемъ отважится на государственныя перевороты, то я убѣжденъ, что онъ ни въ комъ не найдетъ поддержки. Лица, всего болѣе огорченныя паденіемъ Орлова, не могутъ не сознаться, что съ нимъ случилось именно то, чего онъ заслужилъ; но всѣ они, избалованные слиш-

зомъ кроткимъ правленіемъ, видя, что и такой человекъ какъ Орловъ, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за свои дѣйствія, боятся, чтобъ очередь не дошла и до нихъ, а потому всячески стараются отвести отъ себя глаза. Графъ Панинъ былъ весьма тронутъ милостивымъ вниманіемъ вашего величества. Онъ питаетъ надежду, что переменна, совершившаяся при здѣшнемъ дворѣ, дастъ ему больше возможности содѣйствовать къ поддержанію полнаго согласія между Россіей и Пруссіей, ибо съ удаленіемъ Орлова ему уже не придется опасаться противорѣчій и противодѣйствій. Вотъ все что онъ могъ сказать мнѣ на этотъ разъ о предметѣ, относительно коего онъ соблюдаетъ большую осторожность въ разговорахъ. Онъ весьма склоненъ думать, что Дюрану ¹⁾ было предписано въ инструкціяхъ убѣждать Орлова уговорить императрицу обратиться къ посредничеству Франціи въ дѣлѣ заключенія мира съ Турціею“.

Вскорѣ послѣ того, графъ Сольмсъ имѣлъ опять объясненіе съ графомъ Панинымъ, о чемъ и поспѣшилъ увѣдомить короля депешою, отъ 26 октября 1772 года:

....„Графъ Панинъ льститъ себя надеждой, что возвращеніе Орлова уже не повредитъ ему. Онъ убѣжденъ, что ея величество твердо рѣшилась не видаться съ прежнимъ любимцемъ по крайней мѣрѣ до истеченія года, въ продолженіи котораго ему предписано находиться вдали отъ двора. Такъ какъ съ первымъ саннымъ путемъ Орловъ долженъ будетъ отправиться въ Москву, то Панинъ думаетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ продолжить срокъ его изгнанія, или, по крайней мѣрѣ, такъ настроить императрицу, чтобъ прибытіе его въ столицу было встрѣчено съ равнодушіемъ. Панинъ сознаетъ самъ, что по отношенію къ Орлову соблюдается чрезвычайная умѣренность; но какъ го-

¹⁾ Дюранъ былъ Французскимъ агентомъ въ Петербургѣ послѣ Сабатье де-Кабра.

сударыня, по своему нраву, склонна къ великодушію и чужда всякой суровости, то онъ и самъ-де избѣгалъ понуждать ее къ какимъ-либо рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ увѣряетъ, однако, что за поведеніемъ Орлова учрежденъ строгій надзоръ и что приняты всѣ мѣры предосторожности на тотъ случай, еслибъ онъ затѣялъ что нибудь противъ спокойствія государства“.

Графъ Сольмсъ все болѣе и болѣе запутывался въ своихъ предложеніяхъ и выводахъ. Онъ никакъ не могъ понять, почему Орлову позволяютъ жить такъ близко отъ столицы и въ то же время запрещаютъ пріѣздъ въ оную, не смотря на убѣдительнѣйшія просьбы его пріѣхать въ городъ, хотя бы только на два дня. По слухамъ, полученнымъ Сольмсомъ изъ дворца, императрица была очень благосклонна къ Васильчикову; но въ то же самое время она озабочена приборкою всевозможнаго бѣлья, и носильнаго, и столоваго, для своего прежняго любимца, и ведетъ съ нимъ дѣятельную переписку, содержаніе которой неизвѣстно даже графу Панину. Графъ Сольмсъ какъ бы стыдится сообщать такія подробности и сознается, что на нихъ слѣдовало бы смотрѣть какъ на домашнее дѣло, еслибъ не замѣчалось уже вредныхъ послѣдствій всей этой путаницы: „Императрица, до сихъ поръ трудолюбивая, дѣятельная, становится лѣнливою и небрежною къ дѣламъ. Она, повидимому, постоянно терзается упреками совѣсти въ непостоянствѣ своихъ привязанностей. На сколько терпятъ отъ того дѣла, можно судить по тому, что императрица по три и по четыре раза отказываетъ министрамъ, являющимся къ ней съ докладами“. Сольмсъ выражаетъ даѣе опасеніе, что подобный образъ жизни императрицы можетъ поколебать сложившееся мнѣніе объ ея высокихъ качествахъ и сдѣлать ея правленіе столь же лѣнливымъ, какъ было Елисаветинское ¹⁾.

¹⁾ Сольмсъ, депеша отъ 14 декабря.

Эти напрасныя раздумья и опасенія графа Сольмса были неожиданно прерваны извѣстіемъ о приѣздѣ Григорья Григорьевича Орлова въ Петербургъ.

Х.

23 декабря, вечеромъ, Орловъ приѣхалъ въ Петербургъ и остановился у своего брата, графа Ивана. По какому поводу онъ приѣхалъ, было ли на то разрѣшеніе императрицы, мы не знаемъ. Изъ депеши Сольмса, отъ 25 декабря, видно только, что Орловъ, на другой же день послѣ приѣзда, былъ принятъ императрицей, въ присутствіи двухъ довѣренныхъ особъ: Елагина и Бецкаго. Отъ императрицы онъ прошелъ, вмѣстѣ съ Панинымъ, въ кабинетъ великаго князя Павла Петровича и оставался съ нимъ нѣкоторое время одинъ на одинъ. Отобѣдавъ, за тѣмъ у брата, князь Орловъ возвратился во дворецъ и присутствовалъ у всенощной, по случаю наступавшаго праздника. Тутъ придворные убѣдились своими глазами, что предметъ общихъ толковъ находится на лицо. Послѣ всенощной, Орловъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ въ городъ, а вечеромъ приѣхалъ опять во дворецъ и участвовалъ въ играхъ императрицы.

Въ самый день праздника Рождества Христова, графъ Сольмсъ видѣлся съ Орловымъ во дворцѣ и тотчасъ-же отправилъ въ Берлинъ донесеніе, въ которомъ сообщалъ, что Орловъ обошелся съ нимъ, „какъ и всегда, съ откровенностью и дружелюбіемъ“, что онъ былъ за-просто со всѣми придворными вообще и что нисколько не было замѣтно, чтобъ между нимъ и дворомъ произошла какая нибудь размолвка. Разница была только въ томъ, что императрица „какъ будто бы старалась не замѣчать его“ ¹⁾.

Черезъ три дня послѣ того, графъ Сольмсъ писалъ, что

¹⁾ Деша, отъ 25 декабря 1772 года

Орловъ до сихъ поръ не имѣлъ еще свиданія наединѣ, ни съ императрицей, ни съ Панинымъ и что онъ проживаетъ въ Петербургѣ, какъ и всякій другой пріѣзжій дворянинъ: бываетъ во дворцѣ и утромъ, и вечеромъ, но только въ такіе часы, когда императрица принимаетъ всякаго. Графъ Сольмсъ былъ даже свидѣтелемъ разговора императрицы съ Орловымъ. „Они говорили больше о картинахъ“. На лицѣ императрицы не замѣчалось, при этомъ, нивакого смущенія, Орловъ же казался болѣе почтительнымъ къ своей высокой собесѣдницѣ, нежели бывалъ прежде. Относительно другихъ Орловъ остался все тѣмъ-же: по прежнему всѣхъ смѣшилъ, разговаривалъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, съ Васильчиковымъ и его пріятелями, разѣзжалъ по городу съ визитами и проч. Онъ даже самъ подшучивалъ надъ теперешнимъ своимъ положеніемъ и конфузиль тѣхъ, къ которымъ обращался съ подобными шутками.

Сольмсу казалось, что Орловъ именно для того только и добивался позволенія побывать въ Петербургѣ, чтобъ хоть на минуту восторжествовать надъ своими врагами, потѣшиться ихъ замѣпательствомъ и для того, наконецъ, чтобъ показаться обществу, которое безъ того могло бы думать, что онъ дѣйствительно провинился въ чемъ нибудь.

Иностранные послы сдѣлали, на всякій случай, визиты Орлову, который посмѣшилъ отвѣчать имъ въ тотъ день ¹⁾.

Въ первыхъ числахъ января мѣсяца 1773 года, Орловъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Ревель ²⁾, гдѣ и рассчитывалъ провести всю зиму.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Орлова, графъ Сольмсъ сообщилъ своему королю, отъ 8 января 1773 года:

....„Князь Орловъ открыто любезничалъ со всѣми город-

¹⁾ Дешешу Сольмса, отъ 28 декабря 1772 и 1 января 1773 г.

²⁾ Орлову было разрѣшено помѣститься въ Екатерининскомъ дворцѣ (Гельб., стр. 277).

скими красавицами, даже во время спектакля и въ глазахъ императрицы и всего общества. Ея величество не выказывала съ своей стороны никакого желанія сблизиться съ нимъ. Не подлежитъ сомнѣнiю, что она не сходилась съ нимъ наединѣ и не оказывала ему знаковъ вниманiя, которые могли бы подать поводъ къ пересудамъ. Табъ напримѣръ, онъ былъ рѣдко приглашаемъ къ ея обѣденному столу, не былъ снабженъ ни придворнымъ экипажемъ, каковымъ онъ всегда пользовался за городомъ, ни почетнымъ карауломъ, на который имѣлъ право по званiю начальника артиллерiи, потому что онъ все еще состоялъ въ этомъ званiи и былъ уволенъ отъ дѣлъ только на одинъ годъ. На прощанiи, императрица ни слова не сказала ему о возвращенiи. Она обошлась съ нимъ очень милостиво, пожелала ему добраго пути и всякихъ благъ. Не смотря, однако, на все это, нѣкоторые думаютъ, что поведенiе обоихъ притворно; но трудно угадать, въ чемъ именно это притворство и къ чему оно можетъ влечься. Императрица все болѣе и болѣе привязывается къ Васильчикову; но, не смотря на это, отъѣздъ прежняго любимца опечалилъ ее, разстроилъ, и она цѣлыхъ три дня не занималась дѣлами. По всѣмъ вѣроятiямъ она все еще сохранила большую дружбу къ Орлову и навѣрно ведетъ съ нимъ тайную переписку. Всеобщее мнѣнiе таково, что Орлову стѣдуетъ только пожелать, и желанiе это исполнится. Доказательствомъ тому можетъ служить назначенiе придворною фрейлиною дѣвицы Бемъ ¹⁾, падчерицы генерала Бауера, его наперсника и друга, но человѣка, неизвѣстнаго въ обществѣ ²⁾. Такое назначенiе не могло состояться иначе какъ по рекомендаціи Орлова, желавшаго возвысить этимъ ге-

¹⁾ Софія Андреевны

²⁾ Бауеръ, отличившійся въ Турецкую войну, одинъ изъ первыхъ получившій Георгіевскую звѣзду, не могъ быть неизвѣстнымъ въ обществѣ; это значить только, что на него мало обращали вниманiя.

нерала Бауера, сдѣлавшагося предметомъ общественной зависти. Въ то же время ея величество опредѣлила ко двору другую дѣвицу, также въ угоду Орлову. Но поразительнѣе всего было то, что императрица позавчера пожаловала генералу прокурору князю Вяземскому голубую ленту, подѣ предложеномъ вознагражденія за устроенный имъ новый порядокъ финансоваго управленія. Всѣ убѣждены, что это дѣло Орлова. Вяземскій—креатура Орлова, не имѣетъ ни способности, ни честности, требуемыхъ занимаемою имъ должностью, одною изъ важнѣйшихъ въ Имперіи, а послѣднимъ отличіемъ онъ предпочтенъ графу Ивану Чернышеву, вице-канцлеру Голицыну, графу Миниху и другимъ, которые долго добивались этого ордена. Это обстоятельство возбудило неудовольствие и въ особенности Чернышевыхъ, полагавшихъ, что императрица благоволитъ къ нимъ болѣе, чѣмъ къ другимъ, и вѣрившихъ въ дружеское расположеніе къ себѣ князя Орлова, который во время своего изгнанія выражалъ имъ признательность за выказанное къ нему сочувствіе. Ваше величество простите меня, что я коснулся этихъ подробностей, но онѣ нѣкоторымъ образомъ имѣютъ вліяніе на дѣла, которыя говоря откровенно, *не идутъ по прежнему, когда былъ извѣстенъ одинъ лишь любимецъ*. Тогда было менѣе неудовольствія противу двора, менѣе недовѣрія и зависти между частными лицами“.

22 января графъ Сольмсъ сообщаетъ, что по городу опять ходятъ темные слухи о скоромъ возстановленіи Орлова во всѣхъ правахъ. Слухи эти какъ будто бы подтверждались „нѣкоторыми опасеніями, кои по этому поводу высказалъ Васильчиковъ одному изъ друзей“. Но Сольмсъ постоянно повѣрялъ степень справедливости подобныхъ слуховъ наблюденіями за отношеніями императрицы къ великому князю; такъ онъ поступилъ и въ этомъ случаѣ, и изъ депеши его, отъ 29 января, видно, что императрица „продолжала ежедневно обѣдать съ сыномъ, удерживала его большую часть

дня около себя и никогда не выѣзжала безъ него изъ дворца“.

Въ началѣ марта Орловъ опять удивилъ всѣхъ неожиданнымъ появленіемъ въ Петербургѣ¹⁾. Въ депешѣ Сольмса, отъ 5 марта, читаемъ слѣдующее:

„Въ прошлое воскресенье князь Орловъ возвратился изъ Ревеля и совершенно неожиданно появился при дворѣ. Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что появленіе это совершилось не безъ вѣдома и дозволенія императрицы, но дѣло это велось такъ секретно, что пріѣздъ Орлова дѣйствительно поразилъ многихъ. Правда, уже за нѣсколько дней поговаривали объ его прибытіи, но подобнымъ толкамъ и слухамъ перестали наконецъ придавать какое либо значеніе. До сихъ поръ неизвѣстно, пробудетъ-ли Орловъ здѣсь нѣсколько дней, или уѣдетъ куда нибудь и какая именно причина его пріѣзда. Нѣкоторые полагаютъ, будто ему хотятъ поручить командованіе главной арміей, чему, кажется, самъ Румянцовъ подалъ предлогъ жалобами на разстройство здоровья. Хотя князь Орловъ и представлялся уже императрицѣ еще до оффиціального появленія при дворѣ, тѣмъ не менѣе на вечерѣ она много спрашивала его о пребываніи въ Ревелѣ, но въ тоже время безпрестанно обращалась въ Васильчикову“.

Сольмсъ удивляется при этомъ безопасности Орлова: „онъ только и думалъ объ удовольствіяхъ и посѣщалъ всѣ собранія въ городѣ.“ Но чтò особенно поражало Прусскаго посланника, это то, что Орловъ вовсе не принимался мстить своимъ врагамъ и въ особенности графу Панину, который настойчивѣе другихъ хлопоталъ объ удаленіи его отъ двора.

¹⁾ И такъ показаніе Гельбига о томъ, что Орловъ отправился будто бы изъ Ревеля путешествовать во Францію, оказывается несправедливымъ (Russische Günstl. стр. 277). Вообще рассказъ Гельбига объ Орловѣ, хотя и богатъ нѣкоторыми любопытнѣйшими подробностями, но хронологически во многихъ случаяхъ перепутанъ.

„Орловъ самъ высказался, что хотя онъ имѣеть причины жаловаться на нѣкоторыя несправедливости со стороны Панина, но что онъ никогда бы не рѣшился мстить ему, будучи обязанъ уважать въ немъ его безукоризненную честность и патриотизмъ.

„Когда одинъ изъ друзей Орлова передалъ ему слухъ, что его прочать будто бы въ главнокомандующіе арміей, то онъ разсердился и сказалъ, что можно было бы и не отказывать ему въ здоровомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ не считать его способнымъ вторично рисковать сломать себѣ шею и что онъ никогда не согласился бы командовать арміей только по имени“¹⁾.

21 апрѣля императрица переѣхала въ Царское Село, за нею послѣдовали туда же великій князь Павелъ Петровичъ съ графомъ Панинымъ. Сольмсъ донесъ въ тотъ-же день, что „князь Орловъ не состоитъ въ свитѣ государыни и отправляется въ свою Гатчину, изъ которой, впрочемъ, ему можно будетъ прїѣзжать въ Царское хотъ каждый день.

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, это сосѣдство сильно встревожило бы многихъ, по теперъ смотрять на все это дѣло крайне равнодушно. Орловъ, повидимому, ничего не ищетъ, ничего не домогается, не помышляетъ мстить тѣмъ лицамъ, которыя были причиною его удаленія и довольствуется тѣмъ, что теперъ онъ опять можетъ свободно бывать во дворцѣ, гдѣ онъ держитъ себя, по прежнему, съ полною непринужденностью. Онъ кажется вполне счастливъ своею самостоятельностью, почетомъ, оказываемымъ ему всюду, куда онъ ни появится и двумястами тысячами рублей годового дохода. Однимъ словомъ, съ нимъ какъ будто бы ничего и не было; никогда нельзя было бы повѣрить, чтобъ удаленіе и возвращеніе любимца могло бы имѣть такъ мало послѣдствій“.

¹⁾ Сольмсъ, депеши отъ 12 и 22 марта 1772 г.

Сольмсъ, оставался увѣреннымъ, что Орловъ будетъ возвращень въ своимъ должностямъ не раньше какъ въ концѣ года, когда истечетъ срокъ его отпуска; между тѣмъ 21 мая 1773 года появился слѣдующій высочайшій указъ, на имя Орлова:

„Князь Григорій Григорьевичъ! Къ удовольствію нашему видя, что состояніе вашего здоровья поправилось и желая всегда къ пользѣ Имперіи употребить ваши природныя, отъѣнныя дарованія, ревность и усердіе къ намъ и Отечеству, и для того черезъ сіе объявляемъ мы вамъ, что наше желаніе есть, чтобъ вы нынѣ вступили паки въ отправленіе дѣлъ нашихъ, вамъ порученныхъ; въ прочемъ остаюсь, какъ всегда, къ вамъ доброжелательная

Екатерина.“ ¹⁾

Въ то время въ Петербургѣ изо дня въ день ожидали пріѣзда ландграфини Гессенъ-Дармштадтской съ тремя дочерьми, принцессами: Амалией, Вильгельминой и Луизой, изъ которыхъ средней было суждено сдѣлаться супругой великаго князя Павла Петровича. 18 іюня графъ Сольмсъ донесъ своему королю:

„15 іюня ландграфиня Дармштадтская наконецъ пріѣхала въ Царское Село и была принята, вмѣстѣ съ своими дочерьми-принцессами, весьма ласково и нѣжно. Первое свиданіе ихъ съ императрицей происходило въ помѣстьѣ Гатчинѣ, принадлежащемъ князю Орлову. Тамъ онѣ обѣдали и затѣмъ отправились въ Царское Село. На дорогѣ онѣ были встрѣчены великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, выѣхавшимъ изъ Царскаго въ открытомъ шестимѣстномъ экипажѣ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій всѣ пересѣли въ экипажъ великаго князя и такимъ образомъ прибыли въ Царскосельскій дворецъ“.

¹⁾ Сборникъ Русск. Ист. Общ. Т. II, стр. 294.

Вслѣдъ за этимъ краткимъ извѣщеніемъ графъ Сольмсъ отправилъ къ королю секретнѣйшее письмо, писанное шифромъ, которое приводимъ въ полномъ переводѣ:

„Мнѣ поручено довести до вашего свѣдѣнія одну весьма важную тайну, отъ которой зависитъ благополучіе Россіи. Графъ Панинъ, зорко слѣдящій за всѣми дѣйствіями Орловыхъ, имѣетъ серьезныя основанія подозрѣвать, что князь Орловъ простираетъ такъ далеко свои честолюбивые замыслы, что даже намѣревается жениться на одной изъ принцессъ Дармштатскихъ. Утонченная предупредительность Орлова къ ландграфинѣ, впрочемъ, согласная съ его обычными приемами, его свободныя отношенія къ принцессамъ, въ особенности къ младшей, за которою онъ почти открыто ухаживаетъ, усиливаютъ эти подозрѣнія графа Панина и внушаютъ ему опасенія за послѣдствія. Живость характера принцессы Луизы можетъ способствовать Орлову завладѣть ея разсудкомъ, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ довести свои планы до такого пункта, на которомъ трудно уже будетъ помѣшать ему безъ большой огласки. Хотя возвышенныя чувства ландграфини и должны были бы ручаться за то, что она пойметъ всю неловкость породниться съ простымъ подданнымъ и поставить его на ряду съ принцемъ Прусскимъ и великимъ княземъ Россійскимъ, однако сильное впечатлѣніе, произведенное Орловымъ на ея дочь, необходимость постоянно быть самой на сторожѣ противъ его настойчивыхъ ухищреній, поставятъ ландграфиню въ весьма затруднительное и опасное положеніе. Она уже окружена клеветами Орлова, которые толпятся кругомъ ея и которыхъ тѣмъ труднѣе отстранить, что именно они-то и пользуются расположеніемъ императрицы, а потому дѣйствуютъ съ большою самонадѣянностью.

„Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что весьма трудно рассчитывать въ этомъ дѣлѣ на неодобреніе самой императрицы. Напротивъ того, можно даже опасаться, что ея благоволе-

ніе къ князю Орлову, вслѣдствіе-ли глубоко вкоренившейся милости къ нему, или же изъ боязни его мщенія, поможетъ, въ данномъ случаѣ, осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ и тѣмъ окончательно собьетъ съ толку ландграфиню, въ особенности если ей посулятъ значительное богатство.

„Несомнѣнно, что великій князь Павелъ Петровичъ не останется равнодушнымъ къ этому дѣлу. И безъ того уже тая непріязнь къ Орлову, за то что тотъ намѣревался когда-то сѣсть на престоль его отца, онъ не допуститъ, чтобъ этотъ честолюбецъ сталъ рядомъ съ нимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ландграфиня обратится къ великому князю съ просьбою отклонить искательство Орлова, и тогда можно быть увѣреннымъ, что его высочество употребитъ всѣ старанія для противодѣйствія этому браку. Но въ этомъ случаѣ мщеніе людей, увидѣвшихъ свои планы разстроившимися, обратится на обружающихъ великаго князя и на тѣхъ, которыхъ онъ удостоиваетъ своимъ довѣріемъ.

„Таковъ фонъ картины, которую графъ Панинъ умоляетъ стереть, пока она еще только набросана. Ваше величество можете это сдѣлать, написавъ письмо къ ландграфинѣ. Предложите ей быть осмотрительнѣе и осторожнѣе въ странѣ, переполненной интриганами и честолюбцами. Уговорите ее, чтобы она не соглашалась, если ей предложить оставить вторую дочь въ Россіи съ цѣлью выдать ее за какого нибудь вельможу и черезъ этотъ бракъ создать толпу претендентовъ на Россійскій престоль. Вотъ главныя основанія, которыя графъ Панинъ осмѣливается просить ваше величество изложить въ письмѣ къ ландграфинѣ. Онъ вполне надѣется на благоразуміе ландграфини и на довѣріе, которое она ему оказывала, а потому остается увѣреннымъ, что только къ нему она и обратится за разъясненіями, въ томъ случаѣ, если не пойметъ чего либо изъ письма вашего величества. Графъ Панинъ не преминетъ тогда предложить ей свои со- вѣты какъ обойти разставленныя сѣти. Я считаю совершенно

излишнимъ упоминать здѣсь о тѣхъ предосторожностяхъ, на которыя указывалъ графъ Панинъ для сохраненія настоящаго дѣла въ глубочайшей тайнѣ, дабы кто либо не развѣдалъ объ учиненныхъ имъ представленіяхъ и не сдѣлалъ бы его жертвою патриотизма и безграничной привязанности къ своему августѣйшему воспитаннику.

„Для большей безопасности я самъ шифровалъ эту депешу, самъ же и расшифрую отвѣтъ вашего величества. Согласно настойчивымъ просьбамъ графа Панина, осмѣливаюсь просить ваше величество адресовать письмо къ ландграфинѣ на мое имя, а курьера, съ которымъ оно будетъ послано, снабдить какими-нибудь другими депешами, которыя дали бы мнѣ возможность вступить въ переговоры съ графомъ Панинымъ, не возбуждая ничьихъ подозрѣній относительно настоящей причины прибытія курьера“.

Самъ Сольмсъ убѣдился въ неосновательности опасеній Панина и въ депешѣ, отъ 2 іюля, доносилъ своему королю, что онъ „начинаетъ даже думать, что источникъ тревоги графа Панина заключается въ постоянной недовѣрчивости ко всѣмъ дѣйствіямъ князя Орлова, отъ чего онъ придаетъ имъ такое значеніе, котораго они въ сущности не имѣютъ“.

Въ депешѣ отъ 23 іюля говорится объ этомъ еще рѣзче: „Графъ Панинъ, опасаясь постоянно козней со стороны князя Орлова, видитъ зачастую вещи не въ настоящемъ ихъ видѣ; вражда къ старому любимцу создаетъ въ его воображеніи такіе планы, которыхъ у Орлова никогда и не бывало“.

Покончивъ такимъ образомъ съ курьезной выдумкой графа Панина, Пруссій посланникъ отправляетъ къ своему королю пространную депешу, написанную имъ тотчасъ-же послѣ новаго объясненія съ канцлеромъ:

...„Панинъ, по дружбѣ ко мнѣ, счелъ долгомъ предупредить меня, что его хотятъ удалить во что бы то ни стало и что отставка его уже рѣшена. Когда я выразилъ увѣренность, что императрица никогда не согласится передать

дѣла въ другія руки, онъ отвѣчалъ, что догадывается въ чемъ дѣло: вѣроятно-де враги его, чтобъ скрыть свои заднія мысли, наговорили мнѣ, что его хотятъ устранить только отъ великаго князя, такъ какъ занятія съ нимъ будто-бы мѣшаютъ ему управлять дѣлами, зная очень хорошо, что, лишившись такимъ образомъ своей единственной поддержки, онъ самъ-де отстранится отъ всѣхъ дѣлъ. Панинъ замѣтилъ, что императрица до такой степени охладѣла къ нему, что совершенно перестала говорить съ нимъ и что если онъ продолжаетъ являться къ ней по дѣламъ, то лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда невозможно обойтись безъ личныхъ объясненій. Когда я его спросилъ, не думаетъ-ли онъ, что князь Орловъ имѣетъ кого нибудь въ виду на его мѣсто, то онъ отвѣчалъ, что не замѣтилъ этого и не подозрѣваетъ участія князя Орлова въ этой интригѣ. Изъ людей наиболѣе преданныхъ Орловымъ онъ назвалъ графа Захара Чернышева и Сальдерна. Первый, будучи безпредѣльно честолюбивъ, нуждается въ поддержкѣ Орлова и похушаетъ его благосклонность всевозможными низостями и безпрекословнымъ исполненіемъ его приказаній. Сальдернъ же примкнулъ къ этой партіи изъ чувства мести къ нему, Панину. Вражда его къ Панину началась со времени его посольства въ Польшу ¹⁾. Сальдернъ, въ высшей степени честолюбивый и пустой педантъ, не могъ простить того, что Панинъ измѣнилъ всю его систему управленія Польшей и порицалъ его жестокия мѣры, способныя взволновать страну. Онъ возвратился оттуда недовольный Панинымъ и съ скрытой злобой къ императрицѣ, которая, казалось, насмѣхалась надъ нимъ во время его посольства. Намѣреваясь отомстить императрицѣ во что бы то ни стало, Сальдернъ обратился къ графу Панину съ такими предложеніями, которые привели его въ ужасъ ²⁾. Не встрѣта

¹⁾ Сальдернъ занималъ постъ нашего посла въ Варшавѣ съ 14 февраля 1771 года по сентябрь 1772 г.

²⁾ Въ чемъ заключались эти предложенія, мы не знаемъ.

Разсказы изъ Русси. ист.

сочувствія въ Панинѣ, онъ обратился къ великому князю Павлу Петровичу и съ своею обычною поспѣшностью и рѣзкостью отзывался такъ непристойно объ его матери, что поставилъ его въ недоумѣніе. Съ того времени великій князь сталъ боязливъ и недовѣрчивъ ко всѣмъ окружающимъ, въ томъ числѣ и къ графу Панину. Благодаря, однако, доброму сердцу Павла Петровича, дѣло это скоро объяснилось. Великій князь, узнавъ злой характеръ Сальдерна, прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Послѣ того, Сальдернъ присталъ къ Орловымъ и Чернышевымъ, не смотря на то, что прежде былъ ихъ открытымъ врагомъ. Онъ хлопоталъ о возвращеніи князя Орлова, на что и не трудно было склонить императрицу, потому что она сама желала этого, и такимъ образомъ онъ приобрѣлъ себѣ ея довѣріе, которымъ пользуется во вредъ Панину, всячески способствуя его паденію. Ему не трудно добиться этого, потому что императрица никогда не проститъ Панину его отзывовъ о князѣ Орловѣ. Панинъ считаетъ интригу, направленную противъ него, тѣмъ болѣе опасною, что она основана на вѣрныхъ расчетахъ. Она вытекаетъ, по мнѣнію Панина, не столько изъ личной ненависти къ нему Орловыхъ, сколько изъ необходимости, хорошо понятой Орловыми и Чернышевыми, удалить челоуѣка, порицающаго ихъ образъ дѣйствій и мѣшающаго имъ завладѣть всѣми дѣлами. Имъ мало того, что они распоряжаются волей императрицы, они хотятъ еще завладѣть великимъ княземъ, по возможности развратить его, какъ покойнаго отца, а потомъ вертѣтъ всѣмъ государствомъ по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, Панинъ думаетъ, что великій князь на столько уменъ, что не поддастся обольщеніямъ. Онъ увѣренъ даже, что Орловы съ Чернышевыми обманутся въ своихъ расчетахъ и что императрицѣ придется раскаиваться вмѣстѣ съ своими любимцами. Панинъ подозреваетъ, что, со времени возвращенія князя Орлова, въ императрицѣ успѣли поселить недовѣріе и къ нему, и къ великому князю, увѣривъ ее, что

для полного обезпеченія за собою престола, ей непременно нужно держаться Орловыхъ, которые-де пользуются любовью народа и гвардіи. Императрица, кажется, поддалась этимъ внушеніямъ, отчасти изъ страха, отчасти изъ привычки смотрѣть на Орловыхъ какъ на своихъ ангеловъ-хранителей.. Я долженъ вѣрить Панину, потому что ему ближе извѣстны дѣла. Я самъ замѣтилъ, что императрица уже не такъ внимательна къ Панину, какъ было прежде, но мнѣ казалось, что эта перемѣна отношеній возникла вслѣдствіе излишней зависимости, въ которой онъ держитъ великаго князя. Императрица боится, что Орловы въ послѣдствіи не будутъ имѣть того значенія, какимъ пользовались при ней и что новый дворъ будетъ руководствоваться совѣтами Панина. Я все думалъ, что обстоятельства перемѣнятся и что императрица, по прежнему, будетъ довѣрчива къ своему министру, но графъ Панинъ считаетъ уже это невозможнымъ и даже думаетъ, что императрица никогда не была расположена къ нему. И дѣйствительно, обозрѣвая нѣкоторыя черты царствованія ея величества, нельзя не замѣтить, что Панинъ хлопоталъ болѣе объ интересахъ государства, чѣмъ объ ея особѣ, а потому она никогда не могла питать къ нему особой симпатіи. Она заняла престоль противъ желанія Панина; его же противодѣйствію она обязана тѣмъ, что не вышла замужъ въ 1763 году“...

Донесеніе оканчивается предсказаніемъ, что весь этотъ хаосъ породитъ большія неурядицы, грозяція важными послѣдствіями. Сольмсъ обѣщаетъ неусыпно слѣдить за ходомъ дѣлъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе, но, къ сожалѣнію, въ нашихъ рукахъ далеко не всѣ депеши Сольмса: такъ, до конца 1773 года мы имѣемъ только одну его депешу, отъ 26 ноября, которая и приводится здѣсь въ полномъ переводѣ:

„Третьяго дня въ Царскомъ Селѣ праздновали тезоименитство императрицы. По этому случаю, ея величеству угод-

*

но было сдѣлать большое производство по арміи и флоту, а придворнымъ чинамъ раздать награды. Знаменитый, огромный алмазъ, вывезенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Персіи ¹⁾, хранившійся долгое время въ Амстердамскомъ банкѣ и затѣмъ доставленный къ здѣшнему двору, былъ также выставленъ въ этотъ день. Князь Орловъ купилъ эту драгоценность у Армянскаго купца Лазарева за 400.000 руб. и поднесъ императрицѣ вмѣсто букета, по случаю дня ея ангела, и она соблаговолила милостиво принять подарокъ.“

Этотъ необыкновенный по величинѣ алмазъ, считающійся однимъ изъ чудесъ минеральнаго царства, украшаетъ нынѣ Россійскій императорскій скипетръ и навсегда останется памятникомъ придворнаго случая Орлова.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть и о другомъ подаркѣ, сдѣланномъ Орловымъ Отечеству еще въ 1770 году. Мы говоримъ о величественномъ зданіи арсенала, въ которомъ помѣщается нынѣ С.-Петербургскій оружейный судъ. По справедливому замѣчанію П. П. Свинына, одна Англія могла похвалиться подобными дарами частныхъ лицъ для пользы общественной ²⁾.

ХІ.

29 сентября 1773 г. въ Петербургѣ торжественно праздновалось совершеннолѣтіе наследника престола Павла Петровича и его бракосочетаніе съ принцессой Гессенъ-Дарм-

¹⁾ Онъ хранился между сокровищами славнаго Шаха-Надира и неизвѣстно какими путями попалъ въ руки Армянскихъ купцовъ (Гельбигъ, стр. 277). Въ Русскомъ Архивѣ 1866 г., на стр. 644, напечатана записка о *большомъ императорскомъ алмазѣ*, доставленная изъ дома Лазаревыхъ; но изъ нея все-таки не выясняется темная исторія первоначальнаго приобрѣтенія алмаза

²⁾ Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. Соч. Павла Свинына, ч. II, Спб. 1817, стр. 186.

штадтской, нареченной великою княгинею Наталіею Алексѣвною. По странному стеченію обстоятельствъ, въ этотъ же день по дворцу разнесся первый слухъ о появленіи въ Оренбургскихъ степяхъ ужаснаго Пугачева ¹⁾. Предъ очами царедворцевъ, свидѣтелей и участниковъ переворота 1762 г., всталъ призракъ Петра III-го... Чтò долженъ былъ почувствовать великій князь Павелъ Петровичъ?...

Люди того времени не отличались утонченностью нравственныхъ ощущеній; однако Державинъ замѣтилъ эту странную случайность и занесъ ее въ свои Записки.

Яицкій казакъ Пугачевъ всюду разглашалъ, что императоръ Петръ III еще живъ ²⁾, скоро появится среди храбраго Яицкаго войска и потребуетъ, чтобъ оно споспѣшествовало ему домогаться утраченнаго престола, отъ котораго онъ, впрочемъ, откажется въ пользу своего возлюбленнаго сына Павла Петровича. Замѣтивъ благопріятное впечатлѣніе, производимое этимъ разсказомъ во многихъ казацкихъ станицахъ, преимущественно въ раскольничьихъ, Пугачевъ всенародно объявилъ, что онъ тотъ самый Петръ III, о которомъ ходятъ слухи.

Народъ довѣрчиво бросился на призывъ отчаяннаго самозванца, влявшагося искоренить всѣхъ дворянъ и приказныхъ. Полчища Пугачева умножались неимоვნно. Въ началѣ октября онъ имѣлъ уже до 3000 пѣхоты и конницы, болѣе 20 пушекъ и семь крѣпостей ³⁾. Разные чужеземцы-проходимцы, въ особенности ссыльные Поляки, ревностно принялись помогать пьяному мужику, и за щедрое жалованье служили ему инженерами и артиллеристами. Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали мятежу, быстро охва-

¹⁾ Сочиненія Державина, Изд. акад. Грота. Т. VI. Спб. 1871. стр. 462.

²⁾ Даже и въ высшемъ сословіи существовало тогда мнѣніе, что Петръ III живъ и находится въ заключеніи (Памятники Новой Русской Исторіи, изд. В. Кашпиревымъ. Спб. 1871, т. I, стр. 404).

³⁾ Сочиненія Пушкина, Спб. 1859, т. VI, стр. 26.

тившему весь край отъ Еватеринбурга и Уфы до Астрахани и Камышина. Всѣ войска были въ Турціи и Польшѣ, и „страшная гидра, почти безпрепятственно, быстрымъ полетомъ несла ужасъ и истребленіе къ средоточію государства и опасеніе къ столицамъ“ ¹⁾ .

29 ноября Екатерина назначила А. И. Бибикова главнокомандующимъ войскъ, отправляемыхъ противъ Пугачева, а наканунѣ этого дня въ Совѣтѣ императрицы читали проектъ манифеста о самозванцѣ, изготовляемого для прочтенія въ церквахъ. Въ немъ Пугачевъ сравнивался съ Гришкой Отрепьевымъ. Интересъ минуты, до того сосредоточенный на отношеніяхъ государыни къ совершеннолѣтнему сыну и невѣсткѣ, поневолѣ приковался къ грозившей бѣдѣ; но въ томъ-то и заключается достоинство душесильныхъ (по выраженію Радищева) людей XVIII вѣка, что они бодро глядѣли на всякую опасность. Григорій Григорьевичъ Орловъ и Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ замѣтили въ Совѣтѣ, что „имъ кажется много, чтобъ сіе возмущеніе уподоблено было древнему нашему междоусобию и Пугачевъ — Гришкѣ-растригѣ, потому что тогда все государство было въ смятеніи, а нынѣ одна только чернь, да и то въ одномъ мѣстѣ и что такое сравненіе можетъ привести на память столь неприятное происшествіе и возгордить также мятежниковъ“ ²⁾. Императрица отвѣчала, что „ей пришло на мысль велѣть сдѣлать такое уподобленіе, дабы болѣе возбудить омерзеніе къ возмутителю, но что она изволить еще просмотрѣть тотъ манифестъ“ ³⁾.

9 декабря, въ день выѣзда изъ Петербурга А. И. Бибикова, Совѣту была предложена къ разсужденію мѣра, придуманная къ удержанію разбойничьихъ шаекъ отъ входа въ

¹⁾ Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова. Спб. 1817, стр. 273.

²⁾ Архивъ Госуд. Совѣта. Т. I, ч. 1-я, стр. 443.

³⁾ Но и послѣ обѣщаннаго просмотра манифеста, то мѣсто, въ которомъ Пугачевъ сравнивался съ Отрепьевымъ, осталось неизмѣненнымъ. См. Записки о жизни Бибикова, стр. VII.

сосѣднія съ Оренбургскою провинціи. Полагалось устроить во всѣхъ деревняхъ рогатки и заставы, на которыхъ задерживались бы всѣ прохожіе и проѣзжіе, показывающіеся почему-либо подозрительными. Григорій Григорьевичъ Орловъ, „признавъ сіе учрежденіе благоразумнымъ, изъснялъ, что слѣдствія онаго, такъ какъ и многихъ другихъ, равно же полезныхъ, будутъ вредны отъ могущихъ быть по деревнямъ прицѣповъ и остановокъ проѣзжимъ; что симъ, вмѣсто ожидаемаго сохраненія тишины, духи раздражены и скорѣе къ соединенію съ возмутителями расположены будутъ; что впрочемъ всякое узаконеніе тщетно, когда исполнительною властію не будетъ поддерживано; что мы, не имѣя нынѣ довольно числа войскъ, не можемъ надѣяться, чтобъ сіе учрежденіе порядочно исполняемо было; а потому лучше не дѣлать никакого, нежели дать случай къ новымъ неустройствамъ и что надобно по крайней мѣрѣ, если оное сдѣлать разсуждено будетъ, положить ему предѣлъ исполненіемъ въ самыхъ только ближнихъ къ Оренбургу мѣстахъ“ ¹⁾. Замѣчаніе Орлова было принято къ свѣдѣнію; по крайней мѣрѣ, въ 7-мъ пунктѣ сенатскаго указа, отъ 13 декабря 1773 г., о *предосторожно тягъ противу разбойнической шайки Пугачева*, именно было сказано, чтобъ „проѣзжающимъ чрезъ селенія дворянамъ, купцамъ, идущимъ обозамъ и крестьянамъ, ѣдущимъ съ запасомъ или за собственными нуждами изъ одного мѣста въ другое, при учрежденныхъ въ селеніяхъ караулахъ *никакой остановки не дѣлать, но свободно пропускать* и давать ночлеги всѣмъ порядочнымъ людямъ; невпускъ же въ селенія касается единственно до скитающихся бродягъ и тунеядцевъ изъ воровскихъ и разбойническихъ шаекъ“ ²⁾.

Въ самый разгаръ мятежа, именно 4 марта 1774 года, когда Пугачевъ находился уже во главѣ отборнаго десяти-

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта. Т. I, ч. 1-я, стр. 445.

²⁾ Сочиненія Пушкина. Спб. 1859, т. VI, стр. 199.

тысячнаго войска ¹⁾), графъ Сольмсъ писалъ изъ Петербурга въ Берлинъ, что „при дворѣ начинается новая сцена интригъ и заговоровъ. Императрица назначила генерала Потемкина, недавно вернувшагося изъ арміи, своимъ генераль-адъютантомъ ²⁾), а это необыкновенное отличіе служить вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ величайшей благосклонности, которую онъ долженъ наследовать отъ Орлова и Васильчикова. Потемкинъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, но имѣетъ непріятную наружность, такъ какъ сильно косить. Онъ извѣстенъ за человѣка хитраго и злого и потому новый выборъ императрицы не можетъ встрѣтить одобренія. Многіе убѣждены, что Потемкинъ, по пріѣздѣ изъ арміи, далъ императрицѣ неблагопріятные отзывы о графѣ Румянцовѣ и о другихъ генералахъ первой арміи; но и про него самого говорятъ, что онъ велъ себя тамъ очень дурно и выказывалъ трусливость ³⁾). Ея величество всегда была расположена къ Потемкину, такъ какъ онъ былъ изъ числа тѣхъ конногвардейцевъ, которые способствовали ея восшествію на престоль, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ замѣтили даже въ ней склонность приблизить его къ себѣ; но, какъ говорятъ, Орловъ поспѣшилъ въ то время удалить его изъ Петербурга. Хотя теперь Орловъ и не рассчитываетъ уже на прежнюю благосклонность къ нему императрицы, однако нѣтъ основаній предполагать, чтобъ онъ желалъ разстаться съ своимъ первенствующимъ значеніемъ, и такъ какъ новый любимецъ, по видимому, на столько же честолюбивъ, на сколько и тще славенъ, то надо думать, что эти два соперника согласятся

¹⁾ Сочиненія Пушкина Спб. 1859. Т. VI. стр. 63.

²⁾ Г. А. Потемкинъ (1739—1791) пріѣхалъ въ Петербургъ изъ дѣйствующей арміи въ январѣ 1774 года, а въ концѣ февраля былъ назначенъ генераль-адъютантомъ.

³⁾ Это несправедливо. Подчиненные и товарищи Потемкина, какъ видно изъ ихъ писемъ, уважали въ немъ „смѣлость, рѣшительность и веселую отвагу, съ которою онъ напрашивался на всѣ опасности.“ (См брошюру г. Лебедева: *Графы Никита и Петръ Панины*. Спб. 1863, стр. 110).

раздѣлить между собою вліяніе на дѣла. Теперь дѣло это еще слишкомъ ново, чтобъ приходить къ какимъ-либо выводамъ; но, признаюсь, я побаиваюсь, чтобъ оно не причинило раздора. Можно-ли при такомъ положеніи дѣлъ (восклицаетъ Сольмсъ) ожидать обдуманности и дѣльныхъ рѣшеній отъ такого двора, въ которомъ только и помышляютъ объ однихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ и гдѣ такъ легко плодятся партіи и интриги!“

Представитель Фридриха Великаго писалъ подъ впечатлѣніемъ минуты, а потому не могъ обнимать всѣхъ причинъ, вызвавшихъ то или другое событіе. Возвышеніе Потемкина вовсе не было результатомъ дворскихъ интригъ, или каприза императрицы. Оно имѣло болѣе глубокое значеніе.

Екатерина съ свойственною ей прозорливостью угадала въ Потемкинѣ именно того человѣка, который ей былъ нуженъ въ тѣ трудныя минуты, когда власти ея угрожала наибольшая опасность. Она знала неукротимый нравъ Потемкина, его твердую волю, способность къ государственнымъ дѣламъ, отчѣнно-близкое знакомство съ народомъ и его неограниченную преданность къ ея особѣ, а потому рѣшилась нѣкоторымъ образомъ ввѣрить ему свою судьбу. „Только одно прошу не дѣлать (писала Екатерина въ одной изъ первыхъ своихъ записокъ къ Потемкину) не вредить и не стараться вредить князю Орлову въ моихъ мысляхъ; ибо сіе почту за неблагодарность съ твоей стороны: нѣтъ человѣка, котораго онъ болѣе мнѣ хвалилъ и, по видимому мнѣ, болѣе любилъ, и въ прежнее время, и нынѣ до самого пріѣзда твоего, какъ тебя. А если онъ свои пороки имѣетъ, то не тебѣ, не мнѣ ихъ расцѣпить и разславить. Онъ тебя любитъ, и мнѣ они (т. е. Орловы) друзья, и я съ ними не разстанусь. Вотъ тебѣ правоученіе — уменъ будешь, пріимешь. Не умно будетъ противорѣчить сему, для того что сущая правда“¹⁾). Потемкинъ

¹⁾ Брошюра г. Лебедева: „Графы Никита и Петръ Панины“. Спб. 1863. стр. 180.

съ перваго же раза поладилъ со всѣми и даже сошелся съ графомъ Никитою Панинымъ, такъ что уже 7 марта графъ Сольмсъ писалъ въ своему королю, что „перемѣна любимца, повидимому, не тревожитъ Панина. Напротивъ того, мнѣ кажется, онъ доволенъ ею и надѣется извлечь изъ нея нѣкоторыя выгоды. Болѣе всего онъ рассчитываетъ на то, что это событіе повлечетъ за собою паденіе Орловыхъ и уменьшитъ вліяніе князя Григорья Григорьевича на императрицу. Генералу Потемкину, при его молодости и умѣ, будетъ легко занять въ сердцѣ императрицы мѣсто Орлова, послѣ коего она чувствуетъ пустоту, которую не умѣлъ пополнить Васильчиковъ. Пока еще Потемкинъ не имѣетъ ни довѣрія, ни партіи, ни друзей. Если для пріобрѣтенія тѣхъ и другихъ онъ будетъ придерживаться графа Панина, то скорѣе будетъ хорошо, чѣмъ дурно ¹⁾. Очевидно, что съ нѣкотораго времени, графъ Панинъ имѣетъ видъ болѣе довольный, чѣмъ прежде. Онъ сталъ смѣлѣе говорить о тѣхъ предложеніяхъ, которыя намѣренъ сдѣлать императрицѣ и чаще бываетъ на ея частныхъ бесѣдахъ. Боюсь только, чтобъ Потемкинъ, имѣющій вообще репутацію лукаваго и злого человѣка, не пользовался бы добротой Панина“.

15 марта Потемкинъ былъ произведенъ въ подполковники Преображенскаго полка. Графъ Сольмсъ, сообщая объ этомъ повышеніи депешей, отъ 18 марта, говоритъ далѣе:

„Повидимому, Потемкинъ сумѣетъ извлечь пользу изъ расположенія къ нему императрицы и сдѣлается самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Россіи. Молодость, умъ и положительность доставятъ ему такое значеніе, какимъ не пользовался даже Орловъ. Князь Григорій Григорьевичъ будетъ скоро забытъ, и вся фамилія Орловыхъ ниспадетъ въ общій уровень. Графъ Алексѣй Орловъ намѣренъ отправиться въ Архипе-

¹⁾ Разумѣется съ Прусской точки зрѣнія: Панинъ былъ горячій сторонникъ политики Фридриха Великаго.

лагъ раньше чѣмъ предполагалъ, а князь Григорій Григорьевичъ, какъ говорятъ, высказываетъ желаніе уѣхать путешествовать за границу. Потемкинъ никогда не жилъ между народомъ, а потому не будетъ искать въ немъ друзей для себя и не будетъ бражничать съ солдатами ¹⁾. Онъ всегда вращался между людьми съ положеніемъ; теперь онъ, кажется, намѣренъ дружить съ ними и составить партію изъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянству и знати. Говорили, что онъ нехорошъ съ Румянцовымъ; но теперь я узналъ, что, напротивъ того, онъ друженъ съ нимъ и защищаетъ его отъ тѣхъ упрековъ, которые ему дѣлаютъ здѣсь. Это можетъ имѣть важныя послѣдствія на тотъ случай, если продолжатся военныя дѣйствія, потому что его распоряженія уже не будутъ болѣе стѣсняемы Военной Коллегіей и планами изъ Совѣта императрицы“.

Депеша эта оканчивается панегирикомъ графу Никитѣ Панину. Замѣтивъ, что Потемкинъ все еще хорошъ съ Панинымъ, графъ Сольмсъ высказываетъ желаніе, чтобъ и на будущее время не прерывались ихъ добрыя отношенія, потому что „трудно найти министра болѣе спокойнаго, менѣе склоннаго къ интригамъ и зависти, какъ Панинъ“ и проч.

Орловы, по свидѣтельству Сольмса, старались показывать величайшее равнодушіе къ возвышенію Потемкина. „Они во всеуслышаніе говорятъ, что уже утратили довѣріе и намѣрены совершенно удалиться отъ двора“ ²⁾. Вслѣдъ за тѣмъ, Сольмсъ весьма оригинально изображаетъ развязку того курьезнаго эпизода, когда при дворѣ мирно уживались разомъ три любимца: „Камергеръ Васильчиковъ очистилъ свое помѣщеніе во дворцѣ, и теперь тамъ, попрежнему, будетъ собираться Совѣтъ. Князь Орловъ также очищаетъ свои покои

¹⁾ Графу Сольмсу было неизвѣстно, что въ то время гвардейскими солдатами были преимущественно дворяне, да еще лучшихъ фамилій. Это невѣдѣніе сбивало Сольмса и наводило на ошибочныя соображенія.

²⁾ Депеша отъ 25 марта 1774.

во дворцѣ, куда переселится новый любимецъ, помѣщавшійся до сихъ поръ въ дежурной генераль-адъютантской комнатѣ¹⁾.

Наступила пора полного господства Потемкина, а между тѣмъ, князь Григорій Григорьевичъ Орловъ имѣлъ, по прежнему, свободный входъ къ императрицѣ и, по убѣжденію многихъ, все еще стоялъ ближе всѣхъ къ ея особѣ. Прибывшій въ Петербургъ, въ концѣ іюля 1774 года, Яицкій казакъ Остафій Трифоновъ, съ предложеніемъ выдать Пугачева въ руки правительства, обратился съ своимъ дѣломъ не къ Потемкину, а къ Орлову.

Объ явкѣ Трифопова къ Орлову сохранился подробный и любопытный рассказъ современника, П. С. Рунича²⁾, которымъ мы и воспользуемся для характеристики домашней обстановки Орлова и его тогдашнихъ отношеній къ Екатеринѣ.

Остафій Трифоновъ, тотчасъ-же по прибытіи въ Петербургъ, отправился въ домъ Орлова. Было всего пять часовъ утра. Увидѣвъ двухъ рейтаровъ конной гвардіи, стоявшихъ на часахъ во внутреннемъ крыльцѣ, Трифоновъ, не говоря имъ ни слова, направился было въ переднюю князя, но былъ остановленъ часовыми. „Мнѣ нужно секретно видѣть князева камердинера“, смѣло сказалъ имъ Трифоновъ. „Одинъ изъ васъ останься на своемъ мѣстѣ, а другой пусть поведетъ меня въ переднюю; тамъ я велю дежурному разбудить камердинера и привести его ко мнѣ“. Вошли въ переднюю, гдѣ спали два лакея, которые были тотчасъ-же разбужены и посланы за камердинеромъ. Черезъ нѣсколько времени въ переднюю вошелъ князевъ камердинеръ въ шлафрогѣ. Увидѣвъ „ничего незначащаго человѣка съ бородой, въ затасканномъ зеленомъ кафтанѣ, онъ съ гордостью спросилъ у него: чего ты хочешь отъ меня?“ Остафій Трифоновъ сказалъ ему на ухо, чтобъ онъ сію-же минуту провелъ его въ спальню

1) Деша Сольмса, отъ 25 марта 1774 г.

2) Русск. Старина, 1870 г., Т. II, стр. 220 и слѣд.

князя. Оторопѣвшій камердинеръ взялъ свѣчу и, оставивъ часоваго рейтара въ передней, повелъ незнакомца во внутренніе покои. Подойдя къ дверямъ спальни, онъ три раза крѣпко постучалъ пальцами. „Кто тамъ?“ раздался громкій голосъ князя. „Это я, ваша свѣтлость“, отвѣчалъ камердинеръ. „Поди сюда“. Вслѣдъ за камердинеромъ вошелъ въ спальню и Трифоновъ. Низко поклонившись удивленному князю, онъ почтительно предложилъ его свѣтлости встать съ постели и одѣваться, а камердинера послать съ приказаніемъ закладывать карету.

Князь Григорій Григорьевичъ всталъ съ постели, тотчасъ же одѣлся и выслалъ камердинера, приказавъ ему доложить, когда будетъ готова карета. По уходѣ камердинера, Трифоновъ вынулъ изъ-за пазухи и подалъ письмо на имя его свѣтлости, подписанное 360-ю Яицкими казаками, вызывавшимися выдать Пугачева, но съ тѣмъ, чтобъ къ нимъ былъ присланъ чиновникъ съ небольшою командою. Когда было доложено, что карета готова, Орловъ сказалъ Трифонову: „поѣдемъ со мною“ и затѣмъ, посадивъ его рядомъ съ собою, приказалъ ѣхать въ Царское Село, гдѣ въ то время имѣла свое пребываніе императрица. Дорогою Орловъ много спрашивалъ Трифопова о подробностяхъ Пугачевского бунта.

Князь Орловъ, пріѣхавъ въ Царское Село прямо къ дворцу и вышедъ изъ кареты, приказалъ Трифонову итти за собою. Дошедши до той комнаты, гдѣ у дверей стояло двое часовыхъ, изволилъ имъ приказать, чтобъ они имѣли казака при себѣ, а самъ отправился къ императрицѣ. Черезъ полчаса онъ вышелъ къ Трифонову и, приказавъ ему итти за собою, повелъ его прямо въ почивальню императрицы.

Трифоновъ былъ обласканъ Еватериною и спрошенъ, въ присутствіи Орлова, о секретномъ дѣлѣ, съ которымъ онъ прибылъ въ Петербургъ и о прочихъ происшествіяхъ возмущенія на Яикѣ. Послѣ смѣшного разсказа его о томъ, какъ онъ прошелъ въ Москву безъ паспорта, „императрица изво-

лила усмѣхнуться и что-то сказать князю Орлову“. Казакъ былъ выведенъ изъ почивальни и оставленъ на нѣкоторое время „въ комнатахъ, гдѣ князь (Орловъ) останавливается во дворцѣ.“ Черезъ часъ Орловъ вошелъ въ ту комнату, гдѣ дремалъ уставшій Трифоновъ и, сказавъ ему: „подожди здѣсь немного, мой другъ“, отправился дальше. Черезъ десять минутъ Трифоновъ былъ позванъ къ князю. Орловъ стоялъ у зеркальнаго стола и читалъ какую-то небольшую записку, по прочтеніи которой, онъ повернулся къ Трифонову и съ улыбкою сказалъ ему: „здравствуй, мой ночной товарищ!“ Вслѣдъ за тѣмъ онъ подошелъ къ высокому богато-украшенному комоду, вынулъ изъ него кошелекъ съ золотою монетою и высыпалъ въ правую руку Трифонова 200 червонныхъ; кромѣ того онъ подарилъ ему большой узелъ съ двумя кусками бархату, десятью аршинами золотого глазету и двѣнадцатью аршинами золотого же галуна съ битью, при чемъ примолвилъ: „А когда кончишь свое дѣло, то будешь болѣе и болѣе награжденъ“. Послѣ того, Орловъ отправилъ Трифонова обратно въ Петербургъ и вручилъ ему „запечатанное уголкою письмо“ къ своему камердинеру. Князь камердинеръ увидя Трифонова, почему-то улыбнулся, а прочитавъ письмо князя, сказалъ худымъ Русскимъ языкомъ: „хорошо, братецъ“ ¹⁾. Вслѣдъ за симъ, онъ „велѣлъ позвать къ себѣ какого-то офицера“, отдалъ ему письмо князево и сдалъ съ рукъ на руки самого Трифонова. Офицеръ провелъ казака въ другой домъ князя и, отворивъ ключемъ двѣ чистыя, хорошо прибранныя комнаты, сказалъ ему: „вотъ вамъ комнаты; все, что надобно для васъ, будетъ готово.... я сейчасъ пришлю къ вамъ слугу, который будетъ при васъ; приказывайте ему все, что вамъ угодно“.

¹⁾ Камердинеръ вѣроятно былъ Нѣмецъ; можетъ быть изъ колонистовъ, коими завѣдывалъ Орловъ, подружившійся съ Нѣмцами еще въ Семилѣтнюю войну.

Орловъ возвратился изъ Царскаго Села въ девять часовъ вечера и тотчасъ-же послалъ за Трифономъ. Послѣдній засталъ князя прохаживающимся по комнатѣ съ заложеными назадъ руками. Увидѣвъ Трифонова, онъ ласково сказалъ ему: „здравствуй, Остафій Трифоновичъ, хорошо ли ты доѣхалъ?“ Потомъ опять началъ спрашивать его о многихъ обстоятельствахъ Яицкаго возмущенія.

На другой день Трифоновъ былъ переданъ Преображенскому капитану Галахову, которому поручалось отвезти казакаго депутата въ Москву и тамъ представиться, для полученія дальнѣйшихъ распоряженій, къ графу П. И. Панину и князю М. Н. Волконскому. Орловъ отдалъ Галахову два закрытыхъ пакета, изъ которыхъ одинъ, съ собственноручною надписью Орлова: „распечатать во время надобности“, заключалъ въ себѣ: 1) паспортъ для повсемѣстнаго свободнаго проѣзда Трифонова, подписанный княземъ и закрѣпленный его печатью и 2) собственноручное письмо князя Орлова къ Яицкимъ казакамъ, товарищамъ Трифонова, слѣдующаго содержанія:

„Государыня императрица соизволила послать съ Остафиемъ Трифоновичемъ всѣмъ его 360 сотоварищамъ, Яицкимъ казакамъ, на ковшъ вина 12 тысячъ рублей золотою монетою, впредь будутъ ея высокомонаршей милостью и больше награждены“.

Отпуская Галахова и Трифонова, Орловъ сказалъ имъ: „поѣзжайте съ Богомъ на подлежащее вамъ дѣло и кончите оное съ усердіемъ и вѣрностію, за что и не будете оставлены милостию государыни императрицы“.

Какъ извѣстно, Пугачевъ былъ пойманъ и безъ Трифонова; послѣдній оказался даже ловкимъ обманщикомъ и вовсе не Яицкимъ казакомъ, какъ онъ называлъ себя въ Петербургѣ, а купцомъ-банкротомъ города Ржева-Владимірова. Но рассказанный выше эпизодъ важенъ для насъ вовсе не сущностью, а своими подробностями, ярко рисующими добврчивую и добрую душу Орлова.

XII.

Екатерина продолжала оказывать всевозможные знаки уваженія Орлову даже и послѣ того, какъ онъ отошелъ на второй планъ; такъ что иногда казалось, что въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу не произошло никакой перемѣны¹⁾. Только самый внимательный наблюдатель могъ замѣтить, что между ними уже была цѣлая пропасть, которую невозможно было перейти ни той, ни другой сторонѣ. Лучше всѣхъ зналъ это, конечно, самъ Орловъ, и это сознаніе на первыхъ порахъ страшно терзало его душу. По свидѣтельству Гельбига, въ Орловѣ были даже замѣчены нѣкоторые признаки умопомѣшательства еще во время его Гатчинскаго карантина. Такъ на примѣръ, рассказывали, что когда къ нему вошелъ докторъ, присланный отъ императрицы, онъ вдругъ закричалъ на него: „Ахъ, ты вѣроятно принесъ мнѣ Бургонское вино“!...²⁾.

Трудно повѣрить, на сколько справедливо это показаніе, тѣмъ болѣе, что мы не находимъ даже намека на это обстоятельство, ни въ депешахъ графа Сольмса, ни въ другихъ свидѣтельствахъ. Напротивъ того, мнѣнія, заявленныя Орловымъ въ послѣдующихъ засѣданіяхъ Совѣта, вовсе не изобличаютъ въ немъ человѣка съ разстроенною головою.

О послѣднихъ восьми годахъ жизни Орлова сохранилось весьма мало положительныхъ свѣдѣній. Объ этомъ нельзя не пожалѣть особенно потому, что именно въ этотъ промежутокъ времени Орловъ пережилъ цѣлый романъ, трагическая развязка котораго нанесла ему окончательный ударъ и преждевременно свела его въ могилу. Орловъ страстно влюбился

¹⁾ См. депеши Англійск. посланника въ Петербургѣ Оакса, отъ 12 іюля и 15 ноября 1776 г. и 3 іюня 1777 г. (La Cour de Russie, стр. 301).

²⁾ Russische Günstlinge, стр. 275.

въ свою двоюродную сестру, фрейлину двора ея величества Екатерину Николаевну Зиновьеву ¹⁾. По общимъ отзывамъ, это была женщина замѣчательной красоты, самаго нѣжнаго, любящаго сердца и высокихъ нравственныхъ правилъ. Она какъ будто бы самимъ небомъ была послана успокоить Орлова въ труднѣйшія минуты его жизни и извлечь его изъ того мрачнаго, досадливаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился со времени охлажденія къ нему императрицы.

Неизвѣстно, когда именно начался ихъ романъ; но въ іюнѣ 1776 года они уже обвѣнчались, вопреки закона и обычая, строго воспрещающихъ браки на двоюродныхъ сестрахъ. По поводу этого неслыханнаго въ тѣ времена случая, въ Совѣтѣ императрицы возникло цѣлое дѣло о незаконномъ бракѣ Орлова. Члены Совѣта подали мнѣніе о необходимости развести Орлова съ женою и заключить обоихъ въ монастыри. Графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій, возмущенный этою безпощадностью къ человѣку, утратившему первенствующее значеніе при дворѣ, напомнилъ своимъ товарищамъ о правилѣ, соблюдаемомъ при кулачныхъ бояхъ: лежачаго не бьютъ. „Еще недавно — говорилъ онъ — всѣ мы считали бы себя счастливыми, ежели бы Орловъ пригласилъ насъ на свою свадьбу; а теперь, когда онъ не имѣетъ прежней силы и власти, то стыдно и совѣстно намъ нападать на него“ ²⁾. Благородный отзывъ Малороссіянина не былъ, однако, уваженъ. Приговоръ состоялся именно въ той самой формѣ, въ которой высказано было мнѣніе членовъ Совѣта. Но Екатерина не только не утвердила этого рѣшенія, прямо объявивъ, что ея рука отказывается подписать подобную бумагу противъ человѣка, которому она столь много обязана ³⁾, но да-

¹⁾ Е. Н. Зиновьева (1758—1782) была дочь родного брата матери Орлова, Николая Ивановича Зиновьева, бывшаго Петербургскимъ комендантомъ.

²⁾ Осн. Вѣвѣ, кн. II, стр. 478.

³⁾ Тамъ-же.

же назначила молодую княгиню Орлову въ статсъ-дамы и прислала ей орденъ Св. Екатерины. Кромѣ того, она осыпала ее драгоценными подарками, между которыми былъ особенно замѣчательнъ золотой туалетъ, такой высокой цѣны и такой прекрасной работы, что по выраженію Гельбига, „не многія принцессы крови могли бы похвалиться подобнымъ уборнымъ столомъ“ ¹⁾.

Орлову было тогда уже 43 года, а его супругѣ 19. Не смотря на эту значительную разницу въ лѣтахъ, они были чрезвычайно счастливы. Доказательствомъ тому могутъ служить слѣдующіе рифмованные куплеты, сочиненные тогда княг. Екат. Николаевной Орловой, и въ свое время вошедшіе даже въ моду между чувствительными дѣвицами:

Желанья наши совершились,
И всѣ напасти ужь прошли,
Съ тобой на вѣкъ соединилась,
Счастливы дни теперь пришли.
Любимый мной,
И я тобой!
Чего еще душа желаетъ?
Чтобъ ты всегда мнѣ вѣренъ былъ,
Чтобъ ты жену не разлюбилъ.
Мнѣ всякій край
Съ тобою рай! ²⁾

Послѣднія двѣ строки приведенныхъ куплетовъ какъ бы намекаютъ на то, что они написаны не дома, а гдѣ нибудь за границей. И дѣйствительно, именно въ 1777 году Орловъ съ женою, кажется, ѣздилъ въ Швейцарію ³⁾.

Слѣдующіе два года князь Григорій Григорьевичъ провель въ Петербургѣ и жилъ въ подаренномъ ему, еще въ началѣ царствованія Екатерины, Штегельмановомъ домѣ.

¹⁾ Russische Günstlinge, стр. 281.

²⁾ Воспоминанія и записки графини А. Д. Блудовой (Зара, 1872 г., кн. 1-я, стр. 128).

³⁾ Тамъ-же.

Образъ жизни Орлова отличался въ то время простотою и умѣренностью. По свидѣтельству современника-очевидца, князя М. М. Щербатова, въ домѣ его не было замѣтно никакой роскоши; „столь не равнялся съ столами, какіе сластолюбы имѣютъ“; выѣздъ Орлова также не представлялъ ничего особеннаго, не смотря на то, что онъ былъ большой охотникъ до хорошаго экипажа и до рысаковъ. Даже на платьѣ его никогда не было нашито ни золота, ни серебра ¹⁾. За то спальню Орлова, по справедливости, можно было назвать небольшимъ музеемъ драгоцѣнныхъ вещей, подаренныхъ ему въ разное время обожаемою имъ государынею. В. С. Хвостовъ, одинъ изъ приближенныхъ Орлова, рассказываетъ въ своихъ Запискахъ, что въ почивальнѣ князя Григорья Григорьевича, въ нишѣ, гдѣ была кровать, въ головахъ и въ ногахъ, стояли богатые комоды съ наклонными ящиками, обитыми зеленымъ бархатомъ, на которыхъ были бережно разложены всѣ его брильянты и золотыя табакерки ²⁾.

По старой памяти, къ Орлову продолжали обращаться за совѣтами и ходатайствами, но онъ открыто говорилъ, что пора его вліянія уже миновала. Такъ, извѣстный Англійскій дипломатъ лордъ Мальмсбюри, всячески старавшійся склонить наше правительство къ болѣе тѣсному союзу съ Англіей, писалъ къ герцогу Суффолку, депешей отъ 11 мая 1778 года, между прочимъ, слѣдующее:

„Князь Орловъ—единственный человѣкъ, съ которымъ я могъ откровенно объясниться. Онъ былъ очень дружелюбенъ и, вѣжета, совершенно искрененъ въ своихъ увѣреніяхъ пріязни и предпочтенія къ намъ и къ союзу съ нами. Но онъ говорилъ, что уже не имѣетъ никакого вліянія при дворѣ, что противная партія взяла верхъ, и что онъ слишкомъ много обязанъ ея императорскому величеству, чтобъ ста-

¹⁾ Русск. Старина, 1871, стр. 677.

²⁾ Русск. Архивъ, 1870, стр. 562.

раться свергнуть эту партію такими средствами, какія несомнѣнно причинили бы ей много огорченій и безпокойства. Я выразилъ мою увѣренность, что вліяніе его не уничтожено, а на время только устранено, и что если онъ видитъ императрицу окруженною людьми, злоупотребляющими ея довѣріемъ, то изъ приверженности къ ней, изъ чувства долга къ Отечеству, его дѣло—выступить впередъ и спасти Имперію изъ такихъ опасныхъ рукъ.

„Отвѣтъ Орлова былъ нѣсколько страненъ. „Придетъ время, сказалъ онъ, когда такой шагъ можетъ быть нуженъ: обстоятельства должны къ тому привести, внѣшнее и внутреннее положеніе нашихъ дѣлъ дѣлаетъ такія обстоятельства неизбѣжными. Но теперь покуда я ничего не могу сдѣлать. Мое доброе слово будетъ за васъ, если къ тому представится случай; и конечно, мое мнѣніе будетъ въ пользу вашу, если дѣло будетъ обсуждаться въ Совѣтѣ“¹⁾.

Объясненіе это не имѣло никакого существеннаго значенія для предмета ходатайствъ лорда Мальмсбюри. Сомнительно, чтобъ Орловъ искалъ случая объясняться по этому поводу съ императрицей. Вообще говоря, онъ слишкомъ явно уклонялся отъ всѣхъ дѣлъ и въ полномъ смыслѣ слова наслаждался тихою радостью семейной жизни. По крайней мѣрѣ, въ продолженіи всего 1779 года, мы не встрѣчаемъ его имени, ни въ донесеніяхъ иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ, ни въ протоколахъ Совѣта, ни въ мемуарахъ частныхъ лицъ.

Въ 1780 году князь Орловъ собрался ѣхать за границу къ минеральнымъ водамъ. Предъ отъѣздомъ, именно 30 апрѣля 1780 г., онъ отправилъ къ Ярославскому генераль-губернатору Алексѣю Петровичу Мельгунову слѣдующее письмо, показывающее его заботливость о благосостояніи своихъ крестьянъ:

¹⁾ Русск. Архивъ, 1866, стр. 586.

„Милостивый государь мой Алексѣй Петровичъ.

„Я отъѣзжаю на сихъ дняхъ въ чужіе края и въ отсутствіе мое въ губерніи вашей по деревнямъ моимъ, въ разныхъ уѣздахъ состоящимъ, естьли будутъ заходить къ вашему превосходительству крестьянъ моихъ просьбы, то въ случившихся нуждахъ прошу ихъ не оставить. Я же пребываю съ истиннымъ моимъ почтеніемъ“.

„Вашего высокопревосходительства милостиваго государя моего покорнымъ слугою князь Г. Орловъ“¹⁾.

Подробности путешествія Орлова, да и самая причина его отъѣзда *на воды*, остаются почти неизвѣстными. Рассказываютъ, что по удаленіи Орлова, Екатерина спросила у своей любимой камеръ-юнгферы М. С. Перекусихиной: что дѣлаютъ съ иконою, которая потеряла свой ликъ отъ ветхости? Перекусихина отвѣчала, что такую икону сожигаютъ.

— Эхъ, Савишна! Ты Русская женщина, знаешь всѣ Русскіе обычаи, а этого не знаешь: икону, у которой ликъ сошелъ, *на воду спускаютъ*²⁾.

Хотя этимъ объясненіемъ прямо намекалось на то, что отъѣздъ Орлова за границу былъ нѣкоторымъ образомъ устроенъ самою императрицею, однако имѣется въ виду и другой поводъ предпринятаго путешествія: княгиня Орлова уже страдала чахоткой, и переѣздъ въ теплый климатъ представлялся единственнымъ средствомъ для возстановленія ея здоровья.

Отрывочныя свѣдѣнія о пребываніи Орловыхъ за границей находимъ въ письмахъ проживавшаго въ Спа, при Швед-

¹⁾ По всѣмъ вѣроятіямъ, Орловъ отправилъ подобныя письма ко всѣмъ начальникамъ тѣхъ губерній, въ которыхъ находились его помѣстья. Приведенное письмо нигдѣ не было еще напечатано. Подлинникъ его хранится въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ и указанъ намъ покойнымъ хранителемъ отдѣленія рукописей и Славянскихъ старопечатныхъ книгъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ достопочтеннымъ А. Е. Викторовымъ.

²⁾ Анекдотъ этотъ записанъ П. И. Бартевымъ со словъ А. С. Хомякова.

скомъ королѣ Густавѣ III-мъ, лейбъ-медика его Дальберга къ канцлеру графу Шефферу въ Стокгольмъ ¹⁾). Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой переписки.

„31 іюля 1780 г. Изъ Ахена князь Орловъ пріѣхалъ сюда (то есть въ Спа), чтобы представиться королю и вчера обѣдалъ у его величества. Княгиня Орлова съ большою свитою осталась еще въ вышеупомянутомъ городѣ, и я не знаю пріѣдетъ ли она сюда.

„16 августа 1780. Послѣ послѣдняго моего письма слѣдующія высокопоставленные лица пріѣхали сюда: Графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій, князь Орловъ съ супругою также здѣсь.

„19 августа 1780. Княгиня Орлова все еще не посѣтила короля и ни кого другого. Повидимому это нельзя объяснить иначе какъ гордостью, такъ какъ она дозволила ихъ превосходительствамъ г-жѣ Протасовой и г-жѣ Каменской, которыя сопровождаютъ ее, сдѣлать визиты къ дамамъ, здѣсь находящимся. Покуда она не посѣтитъ его величества, она не будетъ приглашена къ столу.

„21 августа 1780. Княгиня Орлова причинила большое неудовольствіе почти всѣмъ дамамъ. Г-жа Ла-Маркъ сдѣлала сама (en personne) княгинѣ первый визитъ, не смотря на то, что этикетъ требуетъ, чтобы, кто послѣдній пріѣдетъ, сдѣлалъ визитъ другимъ, пріѣхавшимъ раньше; къ тому же г-жа Ла-Маркъ—Испанская грандесса 1 класса и находится въ родствѣ съ первыми дамами въ своемъ отечествѣ. Русская княгиня отдала послѣ визитъ черезъ визитную карточку, которую послала со своимъ камердинеромъ.

„25 августа 1780. Наконецъ, вчера послѣ полудня княгиня Орлова сдѣлала визитъ его величеству. Она была въ Французскомъ дамскомъ придворномъ костюмѣ, богато укра-

¹⁾ Изъ жизни Шведскаго двора и аристократіи. Изд. Анфельта. Стокгольмъ. 1881, ч. IV, стр. 46—65.

шенномъ брильянтами. Мнѣ не нужно описывать вамъ, который такъ хорошо знаетъ короля, какъ визитъ княгини былъ хорошо принятъ.

„27 августа 1780 г. Княгиня Орлова обѣдала третьяго дня у короля. Она была одѣта въ Шведскій придворный костюмъ, и такимъ образомъ совершенно поправила свой запоздалый первый визитъ.

„7 сентября 1780. Вчера обѣдало много гостей у его величества, между прочимъ княгиня Орлова, но не въ Шведскомъ костюмѣ, какъ прежде была. Она очень нравится его величеству и онъ хвалитъ ее. Она пьетъ воды, чтобы получить наслѣдниковъ и она съ своимъ супругомъ уже посетила Пирмонтъ, Эмсъ и другія минеральныя воды. Самъ князь Орловъ постарѣлъ, послѣ того, какъ я видѣлъ его въ Петергофѣ“.

Княгиня Дашкова, также путешествовавшая по Европѣ, два раза встрѣтилась съ Орловымъ; первая встрѣча была въ Лейденѣ, у доктора Гобіеуса. Дашкова говоритъ въ своихъ Запискахъ, что весьма удивилась этой встрѣчѣ съ Орловымъ, потому что не знала еще, что онъ получилъ уже *разрешеніе путешествовать по Европѣ*¹⁾. Дашкова не позабыла старыхъ счетовъ съ Орловымъ, а потому поспѣшила уѣхать отъ доктора, но въ тотъ-же день, она не успѣла еще сѣсть за обѣдъ, какъ вдругъ отворилась дверь, и въ ея комнату вошелъ Григорій Григорьевичъ. Эта предупредительность была принята Дашковой враждебно. Она сама говоритъ, что холодно поклонилась гостю и сдѣлала вопросительную мину. Въ концѣ концовъ, Дашкова оставила потомству рассказъ самой сомнительной достовѣрности относительно предложеній, сдѣланныхъ будто бы Орловымъ устроить судьбу ея

¹⁾ Въ прошломъ вѣкѣ, преимущественно въ царствованіе Екатерины, это выраженіе имѣло особенное значеніе, по отношенію къ лицамъ высокопоставленнымъ. Оно имѣло значеніе почетнаго удаленія отъ дѣлъ.

сына, молодого князя Павла Михайловича Дашкова, которому стоило будто бы только появиться въ Петербургѣ, и онъ уже занялъ бы у императрицы мѣсто Потемкина.

Въ другой разъ Дашкова встрѣтилась съ Орловымъ въ Брюсселѣ. Въ одно прекрасное утро, какъ рассказываетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ о Брюсселѣ, явились къ ней: князь Орловъ съ женою, Мелиссино, также съ женою, фрейлина Протасова и дѣвица Каменская. Среди общаго разговора, Орловъ опять намекнулъ будто бы на то, что онъ не прочь предложить свои услуги устроить при дворѣ молодого князя Дашкова.

Оставимъ княгиню Дашкову злостововать на свои неудачи при дворѣ и вымещать безсильную злобу на людяхъ, которыхъ она несправедливо заподозривала виновниками этихъ неудачъ. Гораздо пріятнѣе остановиться на другой заграничной встрѣчѣ Орлова, а именно съ докторомъ-философомъ Циммерманомъ, авторомъ извѣстнаго трактата объ уединеніи ¹⁾. Объ этой встрѣчѣ сохранилось свидѣтельство самого Циммермана, въ его письмѣ къ Екатеринѣ, написанномъ уже послѣ смерти князя Орлова, именно 29 марта 1785 года.

„Не успѣлъ я (писалъ Циммерманъ) пробыть съ Орловымъ четверть часа, какъ уже сердце мое было ему предано. Его откровенность, дружелюбіе, простосердечіе, пронизательность, сила и кротость заставили меня забыть существовавшее между обоими нами различіе. Я былъ его другомъ, прежде нежели онъ оставилъ Ганноверъ, а въ Эмсѣ, гдѣ

¹⁾ Георгъ Циммерманъ (1728—1795) велъ довольно большую переписку съ императрицей Екатериной, начиная съ 1785 г. и до 1792. Просвѣщенная государыня отзывалась съ похвалою объ его сочиненіи: „Essai sur la solitude“, усматривая, что въ этой „драгоцѣнной книгѣ есть сила и величіе и красота души“. (Переписка Екатерины съ Циммерманомъ, въ Русск. переводѣ, Спб. 1803. стр. 3). Циммерманъ, впослѣдствіи, впалъ въ ипохондрію, отравившую послѣдніе годы его жизни, окончившейся сумасшествіемъ (Dictionnaire Bouillet, стр. 2036).

былъ я у него съ утра до вечера цѣлыя четыре недѣли, онъ сдѣлался моимъ. Я видѣлъ, какъ сей великій человекъ плакалъ, обнимая меня, когда я ему сказалъ, что не могу, по его желанію, препроводить съ нимъ жизнь мою¹⁾.

Орловъ уговаривалъ Циммермана, точно также какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Руссо, переселиться въ его помѣстье.

Онъ плакалъ, когда получилъ отказъ, какъ бы предчувствуя, что ему необходимо заpastись новымъ другомъ и что ему скоро придется вернуться въ Россію уже одиновимъ свитальцемъ, потерявшимъ послѣднюю усладу жизни—нѣжно любимую имъ супругу.

Теплый климатъ не исцѣлилъ недуга княгини Е. Н. Орловой. Она тихо угасла 16 іюня 1781 года въ гор. Лозаннѣ, на живописномъ берегу Женевскаго озера. Въ Лозанскомъ кафедральномъ соборѣ до сихъ поръ сохранился ея надгробный памятникъ²⁾.

Семь лѣтъ спустя, Карамзинъ посѣтилъ Лозанну и записалъ въ своемъ дневникѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Сію минуту пришелъ я изъ кафедральной церкви. Тамъ изъ чернаго мрамора сооруженъ памятникъ княгини Орловой, которая въ цвѣтущей молодости скончала дни свои въ Лозаннѣ, въ объятіяхъ нѣжнаго, неутѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна—прекрасна и чувствительна!... Я благословилъ память ея“.³⁾ Вскорѣ послѣ кончины

¹⁾ Въ 1785 г. Екатерина, съ своей стороны, также приглашала Циммермана пріѣхать въ Россію, но тотъ опять уклонился отъ лестнаго предложенія, оправдываясь слабостью здоровья и разстройствомъ нервовъ.

²⁾ Тѣло княгини Е. Н. Орловой было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской Лаврѣ, въ склепѣ между церквями Благовѣщенскою и Духовскою.

³⁾ Письма Русскаго путешественника (Сочиненія Карамзина, изд. Смирдина, Т. II. Спб. 1848, стр. 301). Въ августѣ 1881 года, П. И. Бартевевъ, въ бытность свою въ Лозаннѣ, отмѣтилъ въ записной книжкѣ слѣдующее:

Орловой, Державинъ сдѣлалъ слѣдующую надпись къ ея портрету:

Какъ ангель красоты, являемый съ небесъ,
Пріятностью она и разумомъ блистала,
Съ нѣжнѣйшею душой геройски умирала,
Супруга и друзей повергла въ море слезъ ¹⁾.

Эти стихи были напечатаны въ 1792 году въ *Московскомъ журналѣ*, издаваемомъ Карамзинымъ. Они были доставлены издателю не самимъ Державинымъ, но кѣмъ-то другимъ, при письмѣ, въ которомъ Орловой были посвящены слѣдующія строки:

„Путешественникъ вашъ, будучи въ Лозаннѣ, благословилъ память покойной княгини Екатерины Николаевны Орловой надъ воздвигнутымъ ей монументомъ; а я, читая письмо его, оросилъ оное слезою, извлеченною чувствованіемъ благодарности и безпредѣльнаго почтенія къ покойной. *Она была прекрасна—прекрасна и чувствительна!* Правда, красота ея изображала прекрасную ея душу“ ²⁾.

Смерть супруги сильно подѣйствовала на Орлова. Онъ совсѣмъ помѣшался въ разсудкѣ и, не отдавая себѣ отчета въ желаніяхъ и намѣреніяхъ, устремился изъ за-границы въ Петербургъ. Екатерина, предупрежденная объ этомъ, писала къ великому князю Павлу Петровичу ³⁾, въ письмѣ, отъ 25 октября

„Въ лѣвомъ углу Лозанскаго собора черно-бѣлый мраморный саркофагъ. Сбоку надпись:

Catharina
princesse Orlow
née Sinowiew
le XIX Décembre 1758
morte le XXVII Juin 1781.

На узкомъ боку изображенъ князь Орловъ въ рыцарской одеждѣ, въ отчаянномъ видомъ, съ закинутой головою и въ падающемъ положеніи“.

¹⁾ Сочиненія Державина. Изданіе Я. К. Грота, т. I, стр. 152.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Въ это время Павелъ Петровичъ путешествовалъ за границую со второй своей супругою Маріей Феодоровной.

1782 года слѣдующее: „... Я буду имѣть предъ глазами весьма грустное явленіе въ лицѣ князя Орлова, который пріѣдетъ сегодня. Графъ Алексѣй опередилъ его, чтобы увѣдомить меня, что его братья не выпускали его изъ виду, по причинѣ разстройства или точнѣе ослабленія умственныхъ способностей, которое они замѣтили у него; но онъ таки ускользнулъ отъ нихъ. Генераль Чернышевъ извѣщаетъ меня о томъ же, такъ что, какъ бы мнѣ ни было больно, это происшествіе все-таки нужно будетъ разсматривать какъ дѣйствительное (?); признаюсь, что это меня истинно огорчаетъ“ ¹⁾).

1 ноября 1782 года Екатерина опять извѣщала Павла Петровича, что „князь Орловъ прибылъ, и разумъ его до того ослабленъ, что онъ не знаетъ, чтò говорить или дѣлаетъ“ ²⁾). Нѣкоторое время императрица не теряла надежды на его выздоровленіе, успокоиваясь тѣмъ, что онъ находился въ рукахъ такого доктора, „которому удавались здѣсь всѣ леченія“ ³⁾). Однако надежды ея не сбылись. Письмо, отъ 13 ноября, она оканчивала такимъ извѣстіемъ:

„Болезнь князя Орлова продолжается: уже два дня онъ лежитъ и находится въ ребачествѣ. Сегодня созовутъ консультацію врачей. Поэтому вы можете судить о томъ, есть ли надежда на поправленіе его умственныхъ способностей“ ⁴⁾).

По приведеннымъ отрывкамъ изъ писемъ Екатерины, читатель можетъ судить, въ какомъ положеніи вернулся Орловъ изъ за границы, послѣ смерти своей жены, и конечно согласится, что несчастному уже не приходилось думать ни о Потемкинѣ, ни объ утраченномъ влияніи на дѣла. А если что и срывалось у него съ языка во время припадковъ умопомѣшательства, то можно-ли было придавать этому какое нибудь серьезное значеніе? Какая была надобность угощать

¹⁾ Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. Спб. 1872 г., стр. 188.

²⁾ Тамъ-же, стр. 189.

³⁾ Кто этотъ докторъ, мы не знаемъ.

⁴⁾ Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. Спб. 1872 г., стр. 192.

его ядомъ? и т. п. Вообще говоря, рассказы Гельбига ¹⁾ о послѣднемъ пребываніи Орлова въ Петербургѣ, по нашему мнѣнію, не имѣютъ основанія.

Результатъ консультаціи врачей о болѣзни Орлова остается неизвѣстнымъ, но можно догадываться, что вскорѣ послѣ нея, князь Орловъ былъ отвезенъ братьями въ Москву и помѣщенъ тамъ въ ихъ хоромахъ подѣ Донскимъ, въ знаменитомъ *Нескучномъ*.

Орловъ умеръ въ томъ городѣ, который видѣлъ его геройскіе подвиги въ страшную годину моровой язвы.

10 апрѣля 1783 г., почувствовавъ себя особенно дурно, онъ пожелалъ исповѣдываться и причаститься Святыхъ Таинъ. Самъ владыка Московскій Платонъ успѣшилъ исполнить послѣднее желаніе страдальца. Орловъ повторялъ за Платономъ всѣ молитвы съ истиннымъ христіанскимъ благоговѣніемъ ²⁾. Въ ночь на 13 апрѣля уже не стало Орлова....

Прости, великій мужъ! Мы помнимъ, кто ты былъ ³⁾.

Послѣ полудня, тѣло усопшаго было перенесено въ траурную комнату, положено на столъ и покрыто богатымъ парчевымъ покрываломъ, обшитымъ золотымъ галуномъ. У изголовья священникъ читалъ псалтирь, а по сторонамъ стояли на часахъ двѣнадцать артиллерійскихъ офицеровъ.

На другой день послѣ литіи, которую отправлялъ преосвященный митрополитъ Николай Грузинскій, покойникъ, одѣтый въ парадный генераль-фельдцейгмейстерскій мундиръ, былъ положенъ въ гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ.

16-го апрѣля явилось множество желавшихъ отдать послѣднее цѣлованіе покойному, а 17-го апрѣля былъ торжественно исполненъ обрядъ погребенія.

¹⁾ Russ. *Günstlinge*, стр. 278—280.

²⁾ Московскія Вѣдомости, 1783 г. № 32.

³⁾ Изъ стиховъ неизвѣстнаго автора, написанныхъ по случаю погребенія Орлова. См. тамъ-же.

По окончаніи установленнаго при выносахъ усопшихъ пѣнія, совершеннаго высокопреосвященнымъ Платономъ, вмѣстѣ съ епископомъ Крутицкимъ Амвросіемъ, гробъ былъ вынесенъ изъ дома четырьмя братьями Орловыми, графами: Иваномъ, Алексѣемъ, Ѳедоромъ и Владиміромъ, при помощи „многихъ знатныхъ персонъ“... То были все пособники и сотоварищи покойнаго по незабвенному 1762 году, какъ-то: Всеволожскіе (Всеволодъ и Сергій Алексѣевичи), П. И. Вырубовъ, И. В. Ступишинъ, А. И. Ржевскій, Обуховъ и друг. Гробъ хотѣли было поставить на парадный одръ, но конногвардейскіе офицеры ¹⁾ выпросили позволеніе донести на своихъ плечахъ тѣло любимаго ими шефа до мѣста послѣдняго его пристанища.

Блестящая погребальная процессія „при великомъ стеченіи народа“ длинной вереницей потянулась въ Донскому монастырю. У самыхъ воротъ монастырскихъ, братья покойнаго опять приняли гробъ отъ конногвардейцевъ и внесли въ церковь. Божественную литургію и отпѣваніе совершалъ Платонъ со всѣми находившимися въ Москвѣ архіереями, а надгробное слово сказалъ іеромонахъ Моисей ²⁾. По свидѣтельству очевидца, когда наступило время прощаться съ покойнымъ, всѣ присутствовавшіе „проливали слезы объ оставшемъ сей свѣтъ героѣ и называли его великимъ патриотомъ, споспѣшествовавшимъ всѣми силами своими блаженству Россіи“ ³⁾.

¹⁾ Ротмистръ Давыдовъ, секундъ-ротмистры: Сабуровъ, Князевъ, Мухановъ; поручики: Бибиковъ, Корсаковъ, Анненковъ; полковой обозный Новиковъ; подпоручики: князь Волконскій, Давыдовъ, князь Оболенскій и корнетъ Мухановъ.

²⁾ Моисей Гумилевскій, переводчикъ Гомеровою Одиссеи, былъ въ то время учителемъ риторическаго класса Славяно-Греко-Латинской Академіи, впоследствии назначенъ викаріемъ Ѳеодосійскимъ. Онъ былъ убитъ въ Крыму, въ 1792 году, своими домашними людьми (Списки Архіереевъ, составленные Ю. В. Толстымъ. Спб 1872 г.).

³⁾ Всѣ подробности о кончинѣ и погребеніи Орлова взяты изъ Московскихъ Вѣдомостей за 1783 годъ №№ 31 и 32.

Послѣ отпѣванія, гробъ былъ положенъ въ нарочно приготовленный ящикъ и за тѣмъ перевезенъ въ подмосковное село Орловыхъ *Отраду* (Серпуховскаго уѣзда).

Въ семействѣ Орловыхъ доселѣ хранится слѣдующая собственноручная записка императрицы Екатерины къ братьямъ почившаго князя Григорья Григорьевича, отъ 19 апрѣля 1783 года: „всерайно сожелею о нещастной потерѣ друга моего, плачу о немъ обще съ вами. Болѣе писать не могу, понеже горѣ весьма чувствую всю цену благодарности къ нему и къ вамъ“.

Въ Отрадѣ тѣло князя Григорья Григорьевича Орлова покоилось до 1832 года, когда, по высочайшему соизволенію, испрошенному графиней Анной Алексѣвной Орловой-Чесменской, оно было перенесено въ Новгородскій Юрьевъ монастырь и погребено на сѣверной сторонѣ Георгіевскаго храма, у западной стѣны, подъ притворомъ, рядомъ съ братьями князя Григорья Григорьевича, Алексѣмъ и Феодоромъ ¹⁾, Чесмы и героями Мореи.

¹⁾ Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря, архимандрита Макарія (Чтенія въ Императорск. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійск., 1852 г., кн. 2, Смѣсь, стр. 19).

ГАТЧИНСКІЯ ПРЕДАНІЯ ОБЪ ОРЛОВЪ.

(Письмо къ издателью Русскаго Архива).

Бывали ли вы въ великолѣпныхъ Гатчинскихъ садахъ? Это моя любимая прогулка въ окрестностяхъ Петербурга. Время стерло тамъ почти всѣ слѣды Орловской старины, но живы еще лебеди, лично знавшіе знаменитаго баловня судьбы и его великой подруги!... Однажды, послѣ продолжительной прогулки по озерамъ и островамъ, я вздумалъ пройти въ паркъ-звѣринецъ, но ошибся дорожкой и попалъ въ незнакомую и весьма глухую мѣстность. Наступившіе сумерки и опасность встрѣтиться съ злыми зубрами, свободно гуляющими по парку, не на шутку тревожили меня. Я шель, очертя голову, все впередъ и впередъ, пока не дошелъ до высокой изгороди. Предо мною какъ изъ земли выросла, вся облитая луннымъ свѣтомъ, старая сосновая роца. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ можно было бы любоваться, глядя на эту чудную картину спящихъ великановъ; но мнѣ было, право, не до того. Преслѣдуемый отчаянными воплями совъ, я почти бѣжалъ вдоль изгороди и

наконецъ увидѣлъ предъ собою сторожевую будву, изъ которой тихо выступилъ ко мнѣ на встрѣчу старый отставной солдатъ, съ явною готовностью наставить заблудшаго на путь истинный. Я съ нимъ разговорился.

— Скажи пожалуйста, дѣдушка, гдѣ я и что это за роща?— „Роща-то?.. Да такъ и прозывается Орловскою. Изволите-ли видѣть, она была подарена Орлову самою императрицею; внутрѣ-то, значить, въ самой рощи, она выстроила и домикъ ему. Туда еще покойная государыня, царство ей небесное, Александра Ѳедоровна любила ѣздить чай кушать, а теперь, почитай годовъ съ двадцать будетъ, какъ его снесли, а на томъ мѣстѣ выстроили вотъ такую самую будву для лѣсного объѣздчика. Орловъ жилъ тамъ по-просту; у него и студевъ даже не было, а такъ — лавки кругомъ, какъ въ деревняхъ.“ — Кто это былъ Орловъ и за что императрица подарила ему домикъ? — „А кто ё знаетъ! Правду сказать, давно живу я на свѣтѣ: вотъ уже осьмой десятокъ кончился, на этомъ самомъ мѣстѣ сижу 36-й годъ, а допрежь того, съ самой рекрутчины, служилъ въ Измайловскомъ полку... Покойнаго Николая Александровича обучалъ ружейнымъ приѣмамъ, во дворецъ брали... Ну за то и не бывалъ меня, дай Богъ ему здоровья, всякій разъ какъ проѣзжалъ мимо, останавливался: Здравствуй, Никита Михайловъ! А потомъ къ генераламъ: Берегите моего дѣдва... Такъ вотъ отъ Измайловскихъ-то стариковъ я и слышалъ, что этотъ Орловъ былъ простой унтеръ-офицеръ, какъ есть простой — изъ мужиковъ, полагаю такимъ и остался бы, да вотъ какой случай выпелъ...“ Старый измайловецъ, зарядилъ свой носъ давно приготовленною щепотью табаку и за тѣмъ, уткнувъ красивую сѣдую голову въ высокій воротникъ,

началь полушопотомъ и съ какою-то важною таинственностью слѣдующій разговоръ:

„Былъ у насъ въ управленіи король изъ иноземныхъ; не императоръ, а простой королевъ, ледащій такой. Его никто и не слушалъ и не почиталъ. Всѣмъ какъ есть заправляла императрица Екатерина, и всѣ почитали ее. Ей веляются, а королю нѣтъ. Осерчалъ на это король и посадилъ Екатерину въ Петропавловскую крѣпость. Посадимши въ крѣпость, поставилъ къ ней на часы человекъ съ десять унтеръ-офицеровъ, а самъ пошелъ въ Кронштадтъ и выступилъ отсюда съ цѣлымъ флотомъ: я, молъ, покажу тебѣ свою власть! Тѣмъ часомъ Екатерина вышла изъ каземата къ часовымъ и, увидавъ Орлова, говоритъ ему: любезнѣйшій, хочешь быть счастливымъ или несчастливымъ — выпусти меня! У того сердце такъ и упало: и хочется и боязно. Эхъ, подумалъ онъ, была не была, пропадать такъ пропадать — выпустилъ! Какъ вышла Екатерина изъ крѣпости, сейчасъ всю гвардію, да на встрѣчу королю. У него одинъ флотъ, а у ней цѣлая гвардія! Ну, извѣстное дѣло, король спужался, бросилъ флотъ и побѣгъ въ Стрѣльну; тамъ-то его взяли дѣтки.“ — Какія дѣтки? — „А право не знаю, такъ рассказывали старики. Его ли дѣтки или отъ прежнихъ императоровъ — доподлинно не знаю. Вотъ послѣ того-то Орлову и пошли чины, что ни день, то новый чинъ, ну все равно какъ Комисарову. Императрица выстроила ему домикъ въ этой вотъ роцѣ, пожаловала землю, и зажилъ онъ себѣ въ спокойствіи. Кругомъ всего помѣстья Орлова былъ высокій частоколь. Еще помню, какъ Чухны показывали большущіе колья — это, говорили они, изъ Орловскаго частокольа.“ — А дворецъ здѣшній тоже принадлежалъ

Рассказы изъ Русск. ист.

Орлову?— „Куды тамъ! Я уже сказывалъ, что онъ былъ простой мужикъ; хоша и въ чести, а все же мужикъ, такъ стало быть, что ему съ дворцомъ-то было дѣлать!“

Спб.

15 июля

1873 г.

БАТЮШКОВЪ И ОПОЧИНИНЪ.

(Дѣло «о говореніи важныхъ злодѣйственныхъ словъ».)

Русское дворянство никогда не имѣло такого важнаго значенія, какъ въ прошлое столѣтіе, послѣ смерти Петра Великаго. Тогдашняя гвардія, состоявшая до послѣдняго солдата изъ дворянъ, въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій самовластно держала въ своихъ рукахъ судьбу Русскаго престола, распоряжаясь имъ по своему произволу. Такое значеніе дворянства возросло до высшей степени при Елизаветѣ Петровнѣ, правленіе которой Екатерина не даромъ называла боярскимъ. Положеніемъ вещей Екатерина сама вынуждена была воспользоваться этимъ боярствомъ, но съ перваго же дня своего воцаренія, съ свойственной ей предусмотрительностію, повела скрытную борьбу со вчерашними союзниками и весьма искусно, мало по малу, низводила его до надлежащихъ границъ. Черезъ 24 года, какъ-то при разговорѣ о страхѣ отъ бояръ во время Елизаветы Петровны, она уже могла твердо сказать, что теперь „у всѣхъ ножей пригуплены концы и колоть не могутъ“¹⁾.

¹⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. Спб. 1874, стр. 13.

Такимъ образомъ, главная цѣль была достигнута, но зато образовалась цѣлая масса недовольныхъ, ряды которыхъ прежде всего заняли тѣ изъ пособниковъ воцаренія Екатерины, которые обманулись въ расчетахъ и затѣмъ постоянно пополнялись лично обиженными, обойденными „фаворомъ“ и т. п. По привычѣ или по вкусу къ извѣстной роли, всѣ эти лица не могли выносить будничнаго, обычнаго теченія дѣлъ. Имъ нужны были, во что бы то ни стало, перемѣны, перевороты... Все это вѣдь бывало и такъ недавно, можно сказать, на свѣжей ихъ памяти! И вотъ они, безсильные въ своей злобѣ, неудовлетворенные, удаляются въ свои глухія помѣстья и тамъ на свободѣ, за стаканомъ вина, вздыхаютъ о быломъ лучшемъ времени, неустанно толкуютъ о несносномъ правленіи, задаваясь отъ скуки самыми невѣроятными догадками и соображеніями. Всѣ ихъ, такъ называемыя подьячими того времени, „мечтательныя слова, изблеванія яда“ — въ наши дни кажутся столь наивными и смѣшными, но тогда, при неустановившемся порядкѣ вообще, а главное по вопросу о престолонаслѣдіи, въ виду цѣлаго ряда предшествовавшихъ дворцовыхъ переворотовъ, даже и оппозиціямъ такого рода придавалось важное государственное значеніе Правительство, ревниво оберегавшее народъ отъ разныхъ слуховъ (по тогдашнему выраженію эховъ), подвергало виновныхъ, безъ всякаго милосердія, суровымъ допросамъ съ пристрастіемъ и ссылкѣ въ отдаленную Сибирь. „Держитесь въ подобныхъ дѣлахъ моему правилу, говорила Екатерина, то есть не пропускать вракъ безъ изслѣдованій“ ¹⁾.

Предъ нами одно изъ такихъ слѣдственныхъ дѣлъ, производившееся въ Тайной Экспедиціи. Главныя дѣйствующія въ немъ лица — два молодыхъ человѣка, принадлежавшихъ къ

¹⁾ Изъ письма Екатерины, отъ 21 ноября 1771 г., къ князю Мих. Никит. Волконскому, при врученіи ему въ управленіе Тайной Экспедиціи (О с м н а д а т а т ы й вѣкъ. Изд. П. И. Бартевева. Кн. I. 90.

высшему кругу Русскаго общества: отставной корнетъ вонной гвардіи Ілья Андреевичъ Батюшковъ, родной братъ (отъ разныхъ только матерей) депутата въ Екатерининскую Коммиссію Уложенія отъ Устюжно-Желѣзопольскаго уѣзда, Льва Андреевича Батюшкова ¹⁾. Другой подсудимый— адъютантъ подпоручичьяго ранга Ипполитъ Александровичъ Опочининъ, сынъ генераль-маіора Александра Васильевича Опочинина, также депутата въ Коммиссію Уложенія отъ Углицкаго уѣзда. Ілья Батюшковъ и Ипполитъ Опочининъ обвинялись „въ говореніи важныхъ злодѣйственныхъ словъ, показующихъ умыселъ ихъ о лишеніи ея императорскаго величества престола“.

Дѣло началось съ того, что въ 1769 году лѣварь Нарвскаго баталіона Алексѣй Лебедевъ подалъ генераль-прокурору князю А. А. Вяземскому доносъ, въ которомъ объяснилъ, что онъ познакомился въ Калугѣ, куда ѣздилъ для леченія больныхъ рекрутъ, съ адъютантомъ Опочининымъ, выдававшимъ себя за сына Англійскаго короля и покойной императрицы Елизаветы Петровны. Опочининъ увѣрялъ Лебедева, что противъ нынѣшней государыни существуетъ заговоръ, что около новаго года предположено схватить ея величество въ то время, когда она будетъ ѣхать въ Царское Село и постричь въ монастырь, а всѣхъ, кто около нея будетъ, перестрѣлять и переволоть. Потомъ Опочининъ уговаривалъ Лебедева подписать присяжный листъ и для окончательнаго привлеченія его въ свою злодѣйскую партію говорилъ: „Пропадаетъ Россія, да и пропадетъ! Государыня хочетъ раздѣлить государство на три части Орловымъ“. Когда и это не подѣйствовало на доносителя, Опочининъ съ досадою заговорилъ: „Чего ты боишься! Вѣдь насъ есть человекъ тридцать и одинъ знатный человекъ. Еслибъ ты подписалъ присягу, то тебѣ прислали бы кавалерію... Навонецъ,

¹⁾ Дѣда нашего славнаго поэта Константина Николаевича Батюшкова.

настоящая государыня не императрица, а управительница; великій князь слабъ здоровьемъ, такъ что можетъ статься, что и я буду императоромъ, потому что по родству имѣю право на это. Голштинія уже отдана мнѣ отъ великаго князя“.

По доносу Лебедева, Опочининъ былъ вызванъ въ Тайную Экспедицію, гдѣ показалъ слѣдующее:

„Отъ роду имѣю 17 лѣтъ, состою адъютантомъ подпоручичьяго ранга при отцѣ своемъ генераль-маіорѣ Опочининѣ. Въ октябрѣ прошлаго 1768 года я былъ командированъ изъ Петербурга въ Бѣжецкій и Устюжно-Желѣзопольскій уѣзды, для покупки лошадей въ Архангелогородскій карабинерный полкъ. Я заѣхалъ, между прочимъ, и въ село Тухани, Устюжно-Желѣзопольскаго уѣзда, въ домъ Ильи Батюшкова, который, увидя меня, спросилъ, при бывшемъ тутъ маіорѣ Патрикѣевѣ: — Откуда братецъ взялся? Я отвѣтилъ, что изъ Петербурга. — Все-ли тамъ здорово: государыня, великій князь, графы Панины, Орловы и Чернышевъ? Я сказалъ, что всѣ, слава Богу, здоровы. На сей разъ этимъ и кончился разговоръ. На другой день мы разговорились о покойной государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Батюшковъ сказалъ, что такъ называемый племянникъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго есть сынъ императрицы Елизаветы Петровны ¹⁾. А немного погодя, сталъ вглядываться въ меня и сказалъ: — Да и ты, Ишполитъ, не императрицы ли Елизаветы Петровны сынъ? Я сказалъ, что это вздоръ. Но Батюшковъ, нѣсколько времени спустя, опять повторилъ тоже самое. Да какимъ же образомъ это было? спросилъ я. — А вотъ я тебѣ сважу какимъ образомъ, я это знаю: мнѣ сказывала покойная бабка моя Анна Пребышевская, и она это дѣло знала, что когда здѣсь былъ въ Россіи Англійскій по-

¹⁾ Рѣчь идетъ о Закревскомъ, бывшемъ впоследствии президентомъ Медицинской Коллеги.

соль, то въ его свѣтѣ былъ подѣ именемъ кавалера посольства самъ король Англійскій, и въ ту бытность прижилъ тебя съ покойною государынею Елизаветою Петровною, а Александру-то Васильевичу отданъ ты на воспитаніе. Я, принявъ это за самую истину и желая увѣрить самого Батюшкова, что это правда, — каялся на допросѣ Опочининъ — сказалъ ему, что, дѣйствительно, нашель въ кабинетѣ у своего отца письмо отъ государыни Елизаветы Петровны о томъ, что я рожденъ именно отъ нея и отдаюся ему на воспитаніе, при чемъ-де въ залогъ и перстень брильянтовый въ 15 тысячъ рублей приложенъ былъ. Да и нянька-де моя звывала мнѣ, что я полугода принесенъ и отданъ на воспитаніе“.

Оберъ-прокуроръ сената Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій назначенъ былъ слѣдователемъ по настоящему дѣлу. Уже одинъ этотъ выборъ показываетъ, какъ серьезно отнеслась къ дѣлу сама императрица. В. А. Всеволожскій, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ пособниковъ воцаренія Екатерины и впоследствии находился въ числѣ судей Пугачева ¹⁾.

Всеволожскому именнымъ указомъ повелѣно было „ѣхать въ городъ Устюжно-Желѣзопольскій для изслѣдованія секретнаго дѣла, по показанію Опочинина на отставнаго гвардіи

¹⁾ При воцареніи Екатерины, 28 іюня 1762 года, Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій былъ армейскимъ поручикомъ. Братья же его Сергій и Илья Алексѣевичи, служили въ это время прапорщиками въ Измайловскомъ полку. Всѣ три брата поименованы въ спискѣ оберъ-офицеровъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣху дѣла 28 іюня и каждому изъ нихъ дано по 600 душъ, какъ объявлено было въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1762 года, отъ 8 августа. Но въ бумагахъ Екатерины сохранились ея собственноручныя росписанія наградъ своимъ пособникамъ, любопытныя въ томъ отношеніи, что указываютъ, какъ сама императрица намѣревалась наградить этихъ лицъ. Въ росписаніяхъ читаемъ: „Поручику Всеволоду Всеволожскому 1000 душъ, маіоромъ и бытъ при строеніи“ (Сборникъ Русск. Историч. Общества. т. VII, стр. 110.

корнета Илью Батюшкова, и, по приѣздѣ, сыскавъ его, допросить; также если и другіе въ томъ кто какаго бы чина ни были найдутся сообщниками, то и ихъ взявъ и сдѣлавъ порядочные всѣмъ допросы и утвердя очными ставками съ вѣмъ надлежить, изыскать самую истину въ семъ дѣлѣ, и открывъ злые умыслы ихъ точно, поелику то возможно будетъ, и сдѣлавъ изъ того выписку, прислать для рѣшенія, а самому ожидать на мѣстѣ особаго высочайшаго повелѣнія. Когда же потребно будетъ кого арестовать, то чинить сіе и при первыхъ допросахъ, по усмотрѣнію въ томъ нужды“.

Приѣхавъ въ городъ Устюжно-Желѣзопольскій 21 декабря 1769 года, Всеволожскій тотчасъ же послалъ за воеводой и вручилъ ему именной высочайшій указъ, относительно содѣйствія при производствѣ слѣдствія. Затѣмъ онъ сталъ „пристойнымъ образомъ навѣдываться объ образѣ жизни и поведеніяхъ отставнаго корнета Ильи Батюшкова и сопріачнаго къ дѣлу маіора Патрикѣева“.

О Батюшковѣ воевода Досадинъ отозвался, что онъ „ведетъ жизнь больше распутную, нежели порядочную, живучи въ селѣ Тухани, ему принадлежащемъ, отъ города верстахъ въ 40“. О Патрикѣевѣ же, что онъ „поведенія израднаго и смирный человекъ“.

Всеволожскій рѣшилъ ѣхать къ Батюшкову на другой же день, взявъ съ собою поручика гвардіи Архарова¹⁾ и „по пристойности“ нѣсколько человекъ гренадеръ. Приѣхали въ Батюшкову вечеромъ. Всеволожскій, оставя команду на улицѣ, пошелъ съ Архаровымъ пѣшкомъ. Прошли барскій дворъ и затѣмъ вошли въ „палаты“, откуда слышалась играющая музыка. Въ комнатахъ сидѣлъ самъ Батюшовъ вмѣстѣ съ проживавшимъ у него въ домѣ лѣваремъ Галафре.

¹⁾ Это знаменитый впоследствии Николай Петровичъ Архаровъ, слишкомъ хорошо извѣстный всѣмъ своею неутомимою дѣятельностію и необыкновенною находчивостію въ открытіи преступленій.

О дальнѣйшемъ пердоставимъ разсказать самому Всеволожскому: „Я сказалъ о себѣ, что проѣзжая мимо деревни Тухани въ Москву, принужденъ перемѣнить лошадей и просилъ хозяина, чтобы онъ приказалъ дать оныхъ поскорѣе, а между прочимъ началъ съ нимъ разговаривать и о другомъ. постороннемъ. Батюшковъ, отвѣчая мнѣ на мои вопросы больше вздорно, нежели порядочно, показался мнѣ нѣсколько въ задумчивости. Я, примѣтя, что онъ чувствуетъ прямую причину моего приѣзда, хотѣлъ первое смятеніе чувствъ его употребить себѣ въ пользу къ открытію дѣла, мнѣ порученнаго, и для того объявилъ ему данное мнѣ высочайшее повелѣніе, объ изслѣдованіи надъ нимъ, Батюшковымъ, по показанію Опочинина, не сказывая, однакоже, кто на него доносить. Послѣ сего я увѣщевалъ его и приводя къ чистосердечному показанію, спрашивалъ у него по заготовленнымъ вопросамъ статьямъ изъ показанія Опочинина. Батюшковъ, показавъ, что имѣетъ отъ роду 25 лѣтъ, что службу свою проходилъ въ Конномъ полку вахмистромъ, а при отставкѣ пожалованъ корнетомъ, отвѣчалъ вообще коротко и во всемъ записался, увѣряя и клянясь, что онъ, какъ ея императорскому величеству, такъ и его императорскому высочеству государю цесаревичу всегда былъ вѣренъ и есть; но при этомъ однакоже сталъ задумчивъ и сказывалъ, что онъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ ума и что нынѣ боленъ иппохондріею до безпамятства. Но сіе самое увѣреніе о болѣзняхъ говорено было такъ, что казалось притворствомъ и выдумкою для отговорокъ“.

Затѣмъ Всеволожскій приказалъ Батюшкову указать, гдѣ лежать всѣ его письма. Тотъ вливулъ смотрителя своего дома, отставнаго трубача-конной гвардіи Манштейна и велѣлъ ему принести изъ владовой всѣ письма. Всеволожскій послалъ присмотрѣть за трубачемъ своего секретаря Зряхова, приказавъ ему, по вынутіи писемъ, запечатать владовую, а самъ тѣмъ временемъ осмотрѣлъ все, что есть въ покояхъ.

Но „кромѣ нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ, ничего инаго не найдено“. Получивши письма изъ кладовой; Всеволожскій велѣлъ также захватить всѣ письма у лѣкаря Галафре и у трубача Манштейна. Кладовая найдена была пустою, а потому не представлялось надобности и запечатывать ее. Сдѣлавъ въ заключеніе еще нѣсколько вопросовъ Батюшкову, Всеволожскій, „видя запирательство его и притворство крайнимъ безпамятствомъ и замѣтивъ къ тому же, что онъ нѣсколько пьянъ“, приказалъ арестовать его, вмѣстѣ съ лѣкаремъ Галафре, и повезъ въ городъ.

Возвращаясь въ Устюжну-Желѣзопольскую, Всеволожскій приказалъ воеводѣ Досадину вызвать въ городъ маіора Патрикѣева „подъ видомъ, что слѣдователю для его комиссіи потребны изъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеры въ команду“.

На другой день воевода „привелъ“ къ слѣдователю маіора Патрикѣева, который показалъ, что имѣеть 37 лѣтъ отъ роду; службу проходилъ въ морскомъ флотѣ, послѣ былъ флигель-адъютантомъ при адмиралѣ Семенѣ Ивановичѣ Мордвиновѣ и изъ того чина отставленъ маіоромъ. Затѣмъ Всеволожскій объявилъ Патрикѣеву, что онъ призванъ для нѣкотораго свидѣтельства по порученному отъ ея величества слѣдствію и увѣщевалъ его показать самую справедливость, не закрывая никого. Маіоръ, выслушавъ нѣсколько показаній Опочинина на Батюшкова о непристойныхъ словахъ, говоренныхъ при немъ, „пришелъ въ робость и сказалъ, что такихъ словъ ни отъ Батюшкова, ни отъ Опочинина не слышалъ; только слышалъ какъ Опочининъ назывался камеръ-юнкеромъ и говорилъ предосудительныя слова о графахъ Орловыхъ. Всеволожскій, видя, что маіоръ „очень оробѣлъ, паки увѣщевалъ его, разсуждая, что оное не есть его собственное дѣло и чтобы онъ не боялся иногда какихъ-либо предразсужденій“... Патрикѣевъ, вѣроятно, не выходилъ изъ состоянія робости, потому что Всеволожскій предложилъ ему изложить все, что припомнить, на бумагѣ и подать ему. Патрикѣевъ согла-

силса и затѣмъ отпущенъ былъ на квартиру, но съ строгимъ завазомъ, отнюдь никому не объявлять о спрашиваемомъ. Находя преждевременнымъ арестовывать маіора, Всеволожскій распорядился, однако, приставить къ его квартирѣ тайный караулъ, которому приказано было наблюдать за нимъ и за тѣми, кто будетъ приходить къ нему и обо всемъ рапортовать тотчасъ-же.

Оставшись одинъ, Всеволожскій разсмотрѣлъ взятые въ домѣ Батюшкова письма, но между ними „принадлежащихъ къ сему дѣлу не найдено“.

23 декабря, въ полдень, слѣдователь отправился къ Батюшкову на квартиру и увѣщевалъ его показать самую истину, какіе были у нихъ съ Опочининымъ разговоры, увѣряя, что чистосердечное раскаяніе можетъ быть будетъ нѣкоторымъ облегченіемъ его преступленія, въ противномъ же случаѣ, грозилъ всеми строгостями законовъ. О послѣдующемъ допросѣ Всеволожскій рассказываетъ въ своей докладной запискѣ слѣдующее: „Батюшковъ, выслушавъ мое увѣщаніе, сказалъ, что онъ никакихъ важныхъ разговоровъ съ Опочининымъ не имѣлъ, отговариваясь при томъ безпамятствомъ и увѣряя о присяжной своей рабской вѣрности къ государынѣ и цесаревичу; стараясь казаться безумнымъ, онъ иногда заговаривался и отвѣчалъ непорядочно. Послѣ того какъ я сказалъ, что все это неправда и ложь, чему доказательствомъ могутъ служить показанія какъ Опочинина, такъ и свидѣтелей, Батюшковъ встрепенулся:—А кто-бы были такіе свидѣтели? Ему сказано, что одинъ изъ нихъ есть маіоръ Иванъ Патрикѣевъ. Тогда Батюшковъ перемѣнился въ лицѣ и робко сказалъ:—Не знаю, но въ ту же минуту просилъ прочесть показанія на него. Я прочелъ первую статью показанія Опочинина, относительно рожденія его отъ Англійскаго короля.—Кто все сіе доноситъ? съ изумленіемъ спросилъ Батюшковъ. Дабы примѣтить, какое произведетъ въ немъ дѣйствіе, я прямо отвѣтилъ: *Опочининъ*, и продол-

жалъ читать показаніе. Батюшковъ, казалось, былъ въ великомъ удивленіи и съ прерывающимся голосомъ и съ сердцемъ сказалъ:—Какъ Опочининъ могъ на меня это показать, что я ему сказывалъ! Нѣтъ, это неправда, я этого не говоривалъ, а говорилъ онѣя слова самъ Опочининъ. Затѣмъ Батюшковъ разсказалъ какъ было на самомъ дѣлѣ:— Опочининъ, по свойству со мною ¹⁾, будучи въ домѣ моемъ недѣли съ три въ гостяхъ, осенью 1768 года, въ разговорѣ со мною, между прочимъ, сказывалъ, что онъ сынъ короля Англійскаго. А какъ я спросилъ, почему бы онъ могъ это знать,— Опочининъ сказалъ: а вотъ-де почему это знаю. Мамка моя въ одно время сказала мнѣ, что я не Александра Васильевича Опочинина сынъ, а знатнаго потентата, а именно короля и рожденъ отъ покойной государыни Елизаветы Петровны. О чемъ я тогда-же засвидѣтельствовалъ маіору Патрикѣеву. Тутъ же случился быть и племянникъ мой родной, гвардіи солдатъ Николай Батюшковъ ²⁾, который, однакоже, въ матерію сихъ словъ не входилъ и большею частію отходилъ прочь“.

Далѣе, прочитана была Батюшкову вторая статья показанія Опочинина о томъ, что онъ, Батюшковъ говорилъ Опочинину, что государыня съ Орловымъ отняла у бывшаго императора престоль,... и великаго князя ненавидитъ и хочетъ лишить его престола, а графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ даже хочетъ убить его, что онъ-де, Батюшковъ, вѣренъ цесаревичу и еще бабка его Пребышевская приводила его въ томъ къ присягѣ, сказывая, что это подлинный наслѣд-

¹⁾ Изъ дѣла видно, что Опочининъ былъ женатъ на родной племянницѣ Батюшкова. Онъ былъ въ свойствахъ и съ Орловыми. По крайней мѣрѣ намъ достовѣрно извѣстно, что прадѣдъ Орловыхъ Иванъ Владиміровичъ Орловъ (убитый въ 1659 г. подъ Конотопомъ) былъ женатъ на Натальѣ Николаевнѣ Опочининой, умершей въ 1698 году. Она похоронена въ Бѣжецкомъ погостѣ въ фамильной усыпальницѣ Орловыхъ.

²⁾ Отецъ поэта.

никъ престола, что по этому самому его, Батюшкова, познакомили съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ и съ цесаревичемъ и что оба они пишутъ къ нему сюда письма и присылаютъ деньги. Выслушавъ это показаніе, Батюшковъ объявилъ, что онъ ничего этого не говорилъ. „Правда, Опочининъ неоднократно спрашивалъ меня, какимъ образомъ государыня престоль принять изволила, но я всегда сказывалъ ему, что государыня престоль принять изволила по PROVIDĖNIЮ БОЖІЮ. Да что ты, братъ, подсказываешь, говорю ему наконецъ. Вывѣдать что-ли отъ меня хочешь? Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ. Но нѣсколько дней спустя, Опочининъ пришелъ ко мнѣ въ комнату и, разбудя, сталъ шептать на ухо: знаешь ли, братъ, государя-то великаго князя извести хотять, у него-де очень много недоброхотовъ. Я такъ испужался, что занемогъ, и Опочининъ просилъ у меня прощенія, что испужалъ, сказывая при томъ, что онъ пошутилъ и называлъ меня трусомъ. Затѣмъ я, дѣйствительно, рассказывалъ Опочинину, что бабка моя Анна Пребышевская приказывала мнѣ и неоднократно приводила къ образамъ, чтобъ я былъ вѣренъ государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ и всей ея государственной фамиліи; въ то время его высочеству было не болѣе двухъ лѣтъ, почему я думаю, не просила-ли бабка обо мнѣ или не рекомендовала-ли меня графу Никитѣ Ивановичу Панину и самому цесаревичу, но теперь, по слабости здоровья, я уже вовсе неспособенъ къ военной службѣ, развѣ нужда какая потребуетъ и я выздоровѣю. О томъ же, что графъ Панинъ и цесаревичъ мнѣ знакомы и присылаютъ ко мнѣ деньги, я не говаривалъ“.

Въ 3-й статьѣ показанія Опочинина сказано, будто бы Батюшковъ говорилъ, что вотъ-де Орловъ и въ Уложенной Коммиссіи говорилъ, что если благородная выйдетъ за неблагороднаго, то она все-таки не должна терять своихъ правъ, и это-де къ тому, что онъ самъ хочетъ жениться на государынѣ и сдѣлаться императоромъ. На это показаніе Ба-

тюшковъ отвѣтилъ, что онъ „только спрашивалъ у Опочинина, правда-ли, что у васъ въ Уложенной Коммисіи положено, что если благородная выйдетъ за неблагороднаго, то оставить ей пользоваться правомъ дворянскимъ? Тотъ отвѣтилъ, что можетъ быть. Этимъ и кончился весь разговоръ“.

Всеволожскій пишетъ въ своей довладной запискѣ, что послѣ того онъ прочиталъ Батюшкову четвертое показаніе Опочинина, о говореніи имъ важныхъ злодѣйственныхъ словъ, показующихъ умыселъ о лишеніи ея императорскаго величества престола и о постриженіи ея въ монастырь. „Батюшковъ, слушая оное, влялся, что никогда не говаривалъ, однакоже съ такою перемѣною лица и голоса, что нетрудно было примѣтить скрываемую имъ вину. Чего ради оный Батюшковъ уличаемъ былъ мною, что показывающееся на лицѣ его смятеніе прямо его доказываетъ въ томъ быть виновнымъ. На сіе Батюшковъ, долго не хотя порядочно отвѣтствовать, отговариваясь безпамятствомъ, но наконецъ, сказалъ: ну да чтожъ! нечего много говорить, а чтобъ короче сказать, я обо всѣхъ показанныхъ въ отвѣтахъ Опочинина матеріяхъ съ нимъ разговаривалъ и рассуждалъ, но только безъ всякаго умысла и не стараясь ничего въ самомъ дѣлѣ произвести, въ чемъ и признаюсь“.

Не довольствуясь этими отвѣтами, Всеволожскій послалъ въ Батюшкову бумагу, перо и чернила и приказалъ ему изложить письменно: „отчего бы все оное ему говорить вздумалось, самъ ли онъ то выдумалъ или отъ кого услышалъ объ ономъ“. Всеволожскій при этомъ поясняетъ: „сіе было мною сдѣлано для того, что рассуждалъ я, описывая онъ сію исторію, не откроетъ ли иногда другихъ своихъ сообщниковъ. или таковой важности, которой въ показаніи Опочинина не объявлено“.

24 декабря получено было письменное объявленіе Батюшкова, „написанное, однако, съ великимъ притворствомъ

и какъ бы въ умѣ поврежденный человѣкъ, безъ всякаго порядка мыслей“....

— Я приказалъ секретарю своему Зряхову, (пишетъ Всеволожскій) итти къ Батюшкову и совѣтовать, чтобъ онъ не притворялъ себя такимъ сумасбродомъ, опасаясь меня разсердить, сказывая при томъ обо мнѣ, что я очень сердитый человѣкъ, а онъ меня досаждать начинаетъ, то бы онъ, избѣгая этого, лучше старался писать самое дѣло, какимъ образомъ, между имъ и Опочининымъ важные разговоры происходили и что въ противномъ случаѣ съ нимъ поступлено будетъ по строгости законовъ. Выслушавъ это, Батюшковъ сказалъ Зряхову: „Воля его, я лучше этого написать не могу; вѣдь я не писмоводитель и память моя весьма коротка. Мнѣ надобно иногда и о самомъ маленькомъ дѣлѣ въ память себѣ приводить цѣлую недѣлю, а этому нашему вранью прошелъ годъ, такъ какъ же я могу все припомнить“!

Но отговорокъ не полагалось, и Батюшковъ, для очистки, написалъ своею рукою слѣдующее:

„Говорилъ Ипполитъ Опочининъ, что и государя изведутъ, а кто именно, не сказалъ, и на то я испугался и рука отнялась ... А что онъ показываетъ, будто-бы, милостивая государыня вѣнчана съ графомъ Орловымъ, въ томъ я не вѣдаю и (того) не можетъ быть; (говорилъ), чтобъ пустому не вѣрилъ. И вранье Ипполита я сказывалъ маіору Патригѣеву“.

Почти въ то же время, 24-го же декабря, получено было наконецъ письменное показаніе и отъ маіора Патригѣева слѣдующаго содержанія:

„Опочининъ, будучи у Батюшкова въ домѣ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, знаю ли я объ его характерѣ? А какъ я ему сказалъ, что я не больше тебя почитаю, какъ офицеромъ кавалерійскаго полка, то онъ мнѣ сказалъ: это-де правда, да я при дворѣ ея императорскаго величества камеръ-юнкеромъ. А послѣ того употреблялъ много распутныхъ и

непристойныхъ разговоровъ, которыхъ я припомнить не могу. И между прочимъ, что я могъ вслушаться, выговаривалъ о графахъ Орловыхъ, что они стараются и изыскиваютъ средства отвратить отъ наслѣднаго престола его высочество. А между тѣмъ, оный Опочининъ съ Ильею Батюшковымъ много разговаривали на Нѣмецкомъ языкѣ, котораго я не знаю, и потихоньку, между собою, остерегаясь въ нѣкоторомъ какъ отъ меня, такъ и отъ прочихъ тутъ бывшихъ, отчего я самъ старался убѣгать. чтобъ слуху моему не доходили такія сумасбродства. Наконецъ, переметывая они картами, проигрывали другъ другу до ста тысячъ и болѣе; повторяя, что они со временемъ имѣть будутъ. Но я уже болѣе не терпя, принужденъ былъ ѣхать домой. А какъ я черезъ нѣсколько дней увидѣлся съ ними, то мнѣ связывали, смѣючись, о бывшей ссорѣ Опочинина съ лѣваремъ короткими словами, что Опочининъ поносно выговорилъ объ его величествѣ королѣ Англійскомъ, и потому-де лѣварь, вступаясь, имѣлъ съ нимъ ссору. Болѣе же сего ничего отъ нихъ я не слыхалъ, а что они показываютъ, будтѣ-бы, я всѣ ихъ разговоры слыхалъ, въ томъ они несправедливо показали, ибо я нисколько не мѣшался въ ихъ разговоры и всегда отъ того удалялся“.

Всеволожскій нашелъ эти объясненія недостаточными, обстоятельными и даже заподозрилъ Патрикѣева въ неискренности: „Не слыхавъ и не зная о чемъ говорить, нельзя называть разговора сумасбродствомъ, и не заключа изъ того опаснаго слѣдствія, какая нужда убѣгать!... Нѣтъ, разговоры Батюшкова съ Опочининымъ вы слышали, а связать боитесь, отъ одного воображаемаго страха строгаго взысканія за недоносъ“. Всеволожскій вторично увѣщевалъ Патрикѣева связать не боясь, все, что слыхалъ отъ Опочинина и Батюшкова. Майоръ клялся, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ ихъ сообществѣ, что несчастная судьба нечаянно привела его слышать отъ обоихъ нѣкоторыя непристойныя слова и что онъ не донесъ объ этомъ только потому, что „Батюшкова счи-

талъ въ умѣ поврежденнымъ“. Потомъ онъ спросилъ чернилъ и бумаги и, въ дополненіе къ первому объявленію, тутъ же написалъ слѣдующее:

„Я началъ знать Илью Батюшкова съ 1766 года. Сперва нашель его одержимаго ипсихондрическою болѣзнію, которая продолжалась полгода. Въ то время онъ рассказывалъ многимъ, что видитъ ночью государыню, а иногда и великаго князя, являющихъ ему свои высочайшія милости, что они жалуютъ его чинами, надѣвають ордена, а иногда посвящаютъ его въ чинъ архіерейскій. Сказывалъ также, что видитъ иногда разбойниковъ, огонь и воду, устрашающихъ его. Онъ дѣлывалъ многія сумасбродства: билъ людей и выбѣгалъ на дворъ, что могутъ засвидѣтельствовать всѣ живущіе въ сосѣдствѣ. Послѣ Батюшковъ освободился отъ этой болѣзни. Тогда я слышалъ отъ него, что бабка его, Анна Пребышевская, привела его въ знакомость съ графомъ Никитой Ивановичемъ Панинымъ и съ его высочествомъ и почасти напоминала ему быть вѣрнымъ государынѣ и великому князю и что всѣми при дворѣ онъ, Батюшковъ, былъ знаемъ. Сказывалъ, что Опочининъ, при отставномъ флота лейтенантѣ Гаврилѣ Сипягинѣ, отставномъ же артиллеріи поручикѣ Курманалѣевѣ и при солдатѣ Николаѣ Батюшковѣ, прямо объявилъ, что онъ подлинно знаетъ о намѣреніяхъ графовъ Орловыхъ не допустить великаго князя до наслѣдія престола, что ему, Опочинину, обѣщана отъ графа Григорья Григорьевича Орлова знатная сумма денегъ и чины, чтобъ онъ сдѣлалъ одно дѣло, а какое не сказалъ.... Говорилъ также Батюшковъ, что онъ-де слышалъ, что графъ Григорій Орловъ подалъ въ Уложенной Коммисіи свой голосъ, чтобъ дворянѣ, вышедшей не за дворянина, оставить пользоваться дворянскимъ правомъ, изъ чего-де онъ разумѣеть, что онъ хочетъ жениться на государынѣ и быть императоромъ, но что ему этого сдѣлать не удастся: не только вступятся войска, но и вся чернь. Въ другой разъ сказывалъ мнѣ Батюшковъ слышанное отъ

Опочинина, будто-бы, государыня съ графомъ Григорьемъ Орловымъ тайно вѣнчана. Кромѣ вышепоказанныхъ словъ я отъ Батюшкова и Опочинина никогда ничего не слыхалъ и ничего болѣе не знаю“.

Нужно ли пояснять читателю, что означало въ тѣ крутыя времена кроткое съ виду выраженіе: увѣщеванія слѣдователя.... Послѣ этихъ увѣщеваній даже самые вѣрныя люди блѣднѣли, тряслись какъ въ лихорадкѣ и падали въ обморокъ. Что и при настоящихъ дознаніяхъ были въ ходу пытки, мы узнаемъ сейчасъ же изъ словъ самого Всеволожскаго.

Наступило 25 декабря — великій день Рождества Христа. Слѣдствіе продолжалось, какъ и въ будни.... Всеволожскій, недовольный и послѣднимъ собственноручнымъ объявленіемъ Батюшкова, по-полудни позвалъ къ себѣ несчастнаго для новыхъ увѣщеваній. „Я сказалъ Батюшкову, говорить Всеволожскій въ своей докладной запискѣ, что онъ напрасно притворяетъ себя въ сумасшедшаго, дабы отбыть отъ дальнѣйшаго слѣдствія. Сказано при этомъ, чтобъ онъ, оставя вымышленное притворство, не льстилъ себя больше, что симъ возведеннымъ на себя безумствомъ, избудетъ отъ дальнѣйшаго истязанія.... Батюшковъ, сперва долго не хотя порядочно отвѣтствовать, называлъ себя грѣшнымъ человѣкомъ, ипсихондрикомъ и совсѣмъ безпамятнымъ, а наконецъ, будучи безотступно увѣщеваемъ, принужденъ былъ говорить: виновать, я-де вралъ весьма много съ Опочининымъ и маіоромъ Патрикѣевымъ, однако, безъ всякаго злаго умысла и намѣренія лишить ея императорское величество жизни и престола, но въ пьянствѣ будучи. — Что же такое многое вдали вы? — спрашивалъ я. На что Батюшковъ, также не хотя показать самой истины, отвѣчалъ: мало-ли де чего мы вдали, всего не упомнишь, я-де человѣкъ безпамятный и больной. Однакожь, напоследокъ, по довольномъ съ нимъ разговорѣ и повывѣданіи объ его мнѣніи, на вопросы сказалъ, что онъ признаетъ себя виновнымъ

во всемъ томъ, что Опочининъ прежде въ отвѣтахъ своихъ показаль, а наипаче въ томъ, что когда Опочининъ спросилъ его, да какъ же бы-де государыню съ престола свергнуть? А вотъ какъ—отвѣчалъ Батюшковъ: Мы приѣдемъ въ Петербургъ; Орловъ мнѣ очень знакомъ и можно къ нему подпасть такъ, чтобъ жить во дворцѣ и тогда подъ предводительствомъ Панина, можно свергнуть ее съ престола такимъ образомъ: буде этого не удастся сдѣлать въ Петербургѣ, то она ѣздитъ, и не людно, въ Царское Село, Петергофъ и Ораніенбаумъ; такъ можно схватить ее на дорогѣ, а коли-де станутъ противиться, то вѣдь мы не съ пустыми же руками побѣдемъ—тѣхъ кто околомъ нея будетъ перерѣжемъ, а ее возьмемъ. Тогда увѣдомимъ великаго князя и во дворцѣ ударимъ тревогу“.

Въ тотъ же день дана была очная ставка Опочинину съ Батюшковымъ.

Опочининъ повторилъ тоже самое, что показаль въ Тайной Экспедиціи.

Послѣ чего предоставлено было говорить Батюшкову:

„Когда приѣхаль ко мнѣ Опочининъ, я спросилъ, все-ли въ Петербургѣ здорово и спрашиваль о многихъ по-имянно, какъ показаль и Опочининъ. Когда онъ отвѣтилъ, что все здорово, я опять спросилъ: а большая лѣвая и малая правая половины — все-ли здоровы? разумѣя подъ большую лѣвою половиною государыню императрицу, а подъ меньшую правую—государя цесаревича. Опочининъ и на сіе сказалъ, что все здорово. Но при этомъ отвѣтѣ мнѣ показалось, что онъ больше усерденъ къ цесаревичу и для того я сталъ говорить, что онъ, Опочининъ, сынъ Англійскаго короля и прочее“.

Всеволожскій потребоваль объяснить причину сего вымысла.

— „Я это выдумаль и увѣряль Опочинина для того, что хотѣль надъ нимъ пошутить и опробовать какаго онъ свойства“.

*

На это Всеволожскій замѣтилъ Батюшкову, что онъ говоритъ неправду, ибо все подаетъ причину думать, что онъ увѣрялъ Опочинина съ умысла, для уловленія въ злодѣйственныя свои сѣти.

— „Въ какія сѣти?! Я никакого злого намѣренія не имѣлъ, а ввали только съ глупости и пьянства. Неужто знаетъ объ этомъ государыня“?

Когда Всеволожскій отвѣтилъ, что конечно знаетъ, Батюшковъ подошелъ къ нему и тихонько спросилъ:

— „Да не знаетъ ли объ этомъ и цесаревич“?

Получивъ въ отвѣтъ, что и онъ вѣрно знаетъ, Батюшковъ, пожався, сказалъ:

— „Ну, теперь-то я пропалъ“!... Потомъ обратясь къ Опочинину: „Эхъ, племянникъ, Богъ тебя судить, что ты меня погубилъ, забылъ ты, какъ мы другъ другу присягали“?

Послѣ этихъ словъ Опочининъ былъ выведенъ, а Батюшкова спрашивали, почему онъ такъ испугался, что его высочество о томъ изволить вѣдать, а вмѣстѣ съ тѣмъ не утрапился, что и ея императорскому величеству о томъ извѣстно?

— „Нѣтъ, я не цесаревича, а государыню боюсь больше“.

Но когда Батюшкову повторена была собственная его рѣчь, онъ сказалъ:

— „Да какъ-же мнѣ и цесаревича-то не бояться, вѣдь онъ наслѣдникъ, такъ можетъ на меня прогнѣваться“.

Показанія Батюшкова все больше и больше сердили Всеволожскаго. Къ тому же получено было секретное сообщеніе, что Батюшковъ имѣлъ многіе разговоры о важныхъ дѣлахъ съ пріѣзжавшимъ къ нему берейторомъ Коннаго полка Штейгерсомъ. Всеволожскій продолжительно увѣщевалъ Батюшкова о показаніи сушей правды и, находя въ немъ великое упорство, доказывалъ ему, какіе виды подозрительнымъ его дѣлаютъ и что его преступленіе избличаютъ свидѣтели, которыхъ онъ склонялъ къ своему намѣренію; на что Батюшковъ, оробѣвъ нѣсколько, спросилъ:

— „Кто такіе доказываютъ меня въ томъ“?

Ему сказано: Развѣ не знаешь ты Штейгерса?

Батюшковъ, отступя нѣсколько назадъ, съ удивленіемъ сказалъ:

— „Какъ! Штейгерсъ можетъ меня въ томъ доказывать!.. Нѣтъ, онъ вретъ. Я никогда злого намѣренія въ дѣйство произвести не хотѣлъ, а съ Штейгерсомъ врани о многомъ, но безъ всякаго умысла, а единственно въ пьянствѣ“.

Батюшкова спросили, что такое они врани многое? Но онъ, „объявляя себя ипохондрикомъ, сказалъ, что теперь не упомянуть, и просилъ, чтобъ дать ему до завтрашняго дня время о томъ подумать. Но какъ уже было поздно и по упорству Батюшкова болѣе сдѣлать въ тотъ день надежды не оставалось, то ему и позволено“.

На другой день, т. е. 26 декабря, Батюшковъ прямо заявилъ, что о чемъ онъ ни „вралъ“ съ Опочининимъ, все то онъ первоначально слышалъ отъ Штейгерса и за тѣмъ показалъ слѣдующее:

— „Штейгерсъ, бывши съ женою своею у меня въ селѣ Тухани, за нѣсколько мѣсяцевъ еще до Опочинина, сидя послѣ обѣда, между прочими разговорами въ присутствіи жены своей началъ хвалить мнѣ цесаревича и выражалъ надежду быть у него учителемъ. Потомъ, попеременно хвала и браня графовъ Орловыхъ, сказалъ мнѣ: не хочешь ли ты, братъ, быть большимъ человѣкомъ? Я сказалъ, что ничего не хочу и потомъ спросилъ, съ чего ты это взялъ? Штейгерсъ мнѣ отвѣчалъ, что я-де это навѣрно знаю, войди только въ одно дѣло. Я сказалъ, что ни въ какое дѣло не войду, но онъ продолжалъ уговаривать меня пристать въ дѣлу: поѣзжай въ Петербургъ и поступай на службу. Я паки отрицался, а потомъ просилъ точно сказать мнѣ, какое бы это было дѣло? Штейгерсъ отвѣчалъ: А вотъ, братецъ, какое. Вѣдь мы всѣ пропадаемъ, все идетъ дурно, государыня хочетъ выйти замужъ за графа Орлова, а цесаревича хотятъ-де извести Ор-

ловы, да и она сама на то согласна, чтобъ его извести. Да отъ кого ты это знаешь? спрашиваю я. Штейгерсъ отвѣтилъ, что слышалъ это отъ многихъ за вѣрное и что объ этомъ почти всѣ говорятъ, и большіе и маленькіе. Изъ большихъ-то кто же? спросилъ я. Штейгерсъ назвалъ офицеровъ конной гвардіи: Ергольскаго, Ржевскаго и Николая Ладыженскаго, также Давыдова и Козинскаго, бывшихъ въ мое время унтеръ-офицерами конной гвардіи, а гдѣ они нынѣ, не знаю; Бергера и Баранова ¹⁾, которые были въ конной же гвардіи штабъ-офицерами. Кромѣ того, Штейгерсъ называлъ графа Панина, князей Голицыныхъ, графовъ Чернышевыхъ и многихъ другихъ“.

— Кто же это такіе многіе другіе? спросилъ Всеволожскій. Батюшковъ отвѣтилъ, что не помнить, и просилъ дать ему время на размышленіе. Ему дано было три часа. „По прошествіи сего срока, пишетъ Всеволожскій въ своей докладной запискѣ, Батюшковъ паки приведенъ и спрашиванъ былъ о продолжаемой Штейгерсомъ рѣчи. Но оный Батюшковъ, отъ злонравія своего, притворялся быть безпамятнымъ сумасбродомъ, самъ меня вопрошалъ, а что-де такое Штейгерсъ мнѣ говорилъ? Мы-де съ нимъ ничего важнаго не говорили, а пьяные ввали, такъ-же какъ и съ Опочининымъ. На сіе я строго ему сказалъ, чтобъ онъ, если не хочетъ быть битымъ, притворство свое оставилъ и продолжалъ начатое имъ на Штейгерса показаніе“.

¹⁾ Изъ названныхъ лицъ, въ спискѣ офицеровъ, состоявшихъ на лицо 28 іюня 1762 года, сообщенномъ покойнымъ М. Н. Лонгиновымъ („Русск. Архивъ“ 1867 г., стр. 481 и слѣд.) нѣтъ только Ергольскаго и Баранова. Затѣмъ Ал-дръ Ильичъ Ржевскій, внукъ знаменитаго Шафирова, значится въ спискѣ поручикомъ; въ іюлѣ 1762 года онъ получилъ слѣдующій чинъ, камеръ-юнкерство и 18,000 рублей денегъ; Николай Ладыженскій значится въ спискѣ корнетомъ. Наконецъ, Яковъ Бергеръ, сдѣлавшій карьеру доносомъ на несчастную Нат. Ѳед. Лопухину, 28 іюня 1762 г. командовалъ конно-гвардейскимъ полкомъ. Впрочемъ, не только не получилъ никакой награды за этотъ день, но даже отставленъ отъ командованія полкомъ (24 іюля).

Батюшковъ жалобно отвѣтилъ: — „И, право, не притворяюсь, но за слабостью своего здоровья, имѣю худую память“. Затѣмъ, попросивъ прочесть фамиліи, которыя онъ называлъ со словъ Штейгерса, прибавилъ къ нимъ еще графовъ Румянцова и Сиверса.

— „Всѣ эти фамиліи, продолжалъ Батюшковъ, по словамъ Штейгерса, между собою дружны и онъ не допустить извести его высочество. А мы-де, не сдѣлаемъ-ли чего поскорѣе? Полно, говорю вратъ-то, что вамъ сдѣлать можно! Какъ что сдѣлать? возразилъ Штейгерсъ. Мы возведемъ на престолъ его высочество, а государыню съ престола свергнемъ. Что ты врешь, опять говорю я; да и какимъ же образомъ намѣрены вы это сдѣлать? А вотъ-де какъ: когда государыня поѣдетъ въ Петергофъ, или въ Царское Село, или въ Ораніенбаумъ, мы схватимъ ее на дорогѣ и пострижемъ въ монастырь, а тѣхъ, которые при ней будутъ перерѣжемъ, потомъ пошлемъ сказать объ этомъ цесаревичу, вотъ тебѣ и все дѣло сдѣлано! Да развѣ цесаревичъ знаетъ объ этомъ? спрашиваю я. Конечно знаетъ. Черезъ кого же? Черезъ графа Никиту Ивановича Панина. Послѣ этого Штейгерсъ просилъ меня приглашать къ этому дѣлу кого я знаю, изъ вѣрныхъ людей. Я и сказалъ объ этомъ майору Патрикѣеву, родной сестрѣ своей Марьѣ Кропотовой и наконецъ Инполиту Опочинину“.

Всеволожскій въ своей докладной запискѣ, поясняетъ, что Батюшковъ и во время послѣдняго показанія „часто притворялъ себя нѣсколько сумасшедшимъ, перебивалъ настоящую рѣчь и послѣ выправлялъ себя. А какъ за сіе угрожаемо ему было законное наказаніе, если запирается еще будетъ, то тогда переставалъ“.

Послѣ того опять ввели Опочинина и заставили его рассказать, въ присутствіи Батюшкова, все, какъ было, по порядку. Тотъ снова началъ говорить тоже самое, что объявлялъ уже въ Тайной Экспедиціи. Для избѣжанія повтореній,

мы отмѣтимъ въ новомъ показаніи Опочинина только то, чего еще не слышали отъ него:

„Илья Батюшковъ при маіорѣ Патригѣевѣ и солдатѣ Николаѣ Батюшковѣ говорилъ мнѣ, что вотъ-де государыня съ графомъ Григорьемъ Орловымъ отняла престоль у Петра III... Да государыня-де и великаго-то князя ненавидить и хочетъ лишить его престола, а Григорій Григорьевичъ собирается убить его... Орловъ-де хочетъ жениться на государынѣ и послѣ быть императоромъ... Однакоже, сказалъ Батюшковъ, хотя-де государыня такъ и улаживаетъ, но этому не бывать и мы до того ее не допустимъ, а напередъ самое свергнемъ съ престола и заключимъ въ монастырь, а Григорья и Ѳедора Орловыхъ пошлемъ въ ссылку; Алексѣю—отсѣчемъ голову, а Ивана и Владиміра оставимъ, для того, что они ничего не знали¹⁾. Да и Ѳедоръ-де Хитровъ хотѣлъ было ее свергнуть съ престола, но ему не удалось, его сослали въ деревню²⁾. Вотъ-де и Захара Григорьевича по этому дѣлу примѣшали, за что и отставку ему дали, но послѣ видно выправился и его приняли въ службу по прежнему. Да полно, говорилъ Батюшковъ, даромъ что выправился, а онъ все-таки въ нашей партіи будетъ и отъ насъ не отстанетъ, потому собственно, что онъ не Григорья Петровича сынъ, а Петра Великаго, да и съ Никитой Ива-

1) Самый старшій изъ пяти братьевъ Орловыхъ, графъ Иванъ Григорьевичъ, и самый младшій — графъ Владиміръ Григорьевичъ, дѣйствительно. всегда держались въ сторонѣ и не раздѣляли тревогъ и прелестей придворной жизни своихъ среднихъ братьевъ: гр. Иванъ Григорьевичъ—по принципу, а гр. Владиміръ Григорьевичъ долго былъ за-границей, обучаясь въ Лейпцигскомъ университетѣ, а потомъ отдался ученымъ занятіямъ, былъ президентомъ Академіи Наукъ и проч.

2) Ѳедоръ Алексѣевичъ Хитрово, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ пособниковъ Екатерины. Послѣ ея коронаціи онъ вооружился противъ честолюбія Орловыхъ и сталъ громко порицать дѣйствія Екатерины, по поводу интригъ Бестужева и другихъ, желавшихъ обвинять ее съ гр. Г. Орловымъ. За это онъ былъ удаленъ отъ двора и службы (Осьмнадцатый вѣкъ, III, стр. 346).

новичемъ очень дружно живеть ¹⁾). Говорилъ также Батюшковъ, что государыня, по ненависти своей къ цесаревичу, отлучаетъ отъ него всѣхъ вѣрныхъ ему людей, какъ-то: Порошина ²⁾, другого Борятинскаго ³⁾; коего женили на принцессѣ, а онъ-де, порадовавшись богатству, такъ и отсталъ отъ двора. Да и Панина-та хотѣли женить, но, слава Богу, по счастью нашему, Анна-та Петровна умерла ⁴⁾. Насъ-де и теперь еще много: вотъ Панинъ, конной гвардіи берейторъ, да и всѣ тѣ, которые при Панинѣ. Сверхъ того, многіе въ конной гвардіи есть мои знакомые, кои съ нами-де соглас-

¹⁾ Отецъ гр. Зах. Григ. Чернышева, извѣстный сподвижникъ Петра Великаго гр. Григорій Петровичъ Чернышевъ, былъ женатъ на Евдокии Ивановнѣ Ржевской, дочери Дарьи Гавриловны Ржевской (рожд. Соковниной), участвовавшей, подъ именемъ князь-игуменьи, во всѣхъ Петровскихъ потѣхахъ. Графъ Зах. Григ. Чернышевъ род. въ Москвѣ 18 марта 1722 г. Онъ и гр. Петръ Иван. Панинъ были женаты на родныхъ сестрахъ Вейделевыхъ. Здѣсь кстати напомнить анекдотъ о гр. Зах. Григ. Чернышевѣ, записанный Карабанонымъ, со словъ жены Захара Григорьевича. Вскорѣ послѣ коронаціи Екатерины II, Григорій Орловъ за пріятельскимъ обѣдомъ далъ почувствовать, что онъ можетъ сдѣлаться супругомъ императрицы. „Берегись, сказалъ Чернышевъ, ты одинъ, а насъ много“. И, показавши столовый ножъ, прибавилъ: „рука не дрогнетъ“... На другой день послѣдовалъ въ сенатъ собственноручный именной указъ, что гр. Захаръ Чернышевъ отставляется отъ службы... Это было кратковременно. Екатерина приказала возвратить подписанный указъ (Русск. Старина 1870, т. II, изд. 2. стр. 498.

²⁾ Семень Андреевичъ Порошинъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича и авторъ извѣстныхъ всѣмъ „Записокъ“. Въ 1768 году онъ былъ удаленъ отъ двора и назначенъ командиромъ Старо-Оскольскаго пѣхотнаго полка. Въ 1769 году, на походѣ въ Турцію, онъ заболѣлъ и умеръ на 29 году своей жизни, вдали отъ обожаемаго имъ царственнаго воспитанника

³⁾ Здѣсь говорится о князѣ Иванѣ Сергѣевичѣ Борятинскомъ, родномъ дѣдѣ нашего славнаго фельдмаршала князя Александра Ивановича Борятинскаго. Онъ былъ женатъ на принцессѣ Екат. Петр. Голштейнъ-Бекской и былъ такъ красивъ собою, что въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ 12 лѣтъ посланникомъ, были вывѣски съ его портретомъ съ надписью: *Au beau Russe.*

⁴⁾ Невѣста гр. Никиты Ивановича Панина, извѣстная красавица Екатерининскаго двора, фрейлина графиня Анна Петровна Шереметева, скоропостижно скончалась 17 мая 1768 г.

ны. Наконецъ и ординарецъ государыни, Жилинъ, отъ нашей партіи не отстанеть и онъ-де ему очень знакомъ“.

Батюшковъ сознался, что все это онъ дѣйствительно говорилъ Опочинину и потому, ничего не опровергая (кромя только показанія о Жилинѣ), объяснилъ, между прочимъ, что объ отнятіи у Петра III престола и о Ѳеодорѣ Хитровѣ онъ слышалъ еще въ Петербургѣ отъ лѣварскаго ученика конной гвардіи Котова, все же остальное отъ берейтора Штейгерса. Что же касается того, что графъ Захаръ Григорьевичъ былъ сынъ Петра Великаго, то Батюшковъ не могъ припомнить, отъ кого онъ слышалъ объ этомъ.

Всеволожскій продолжалъ однако требовать, чтобъ Опочининъ показалъ еще что-нибудь. Тотъ поневолѣ повторялся и только изрѣдка представлялъ новые факты. Такъ, онъ сознался, что послѣ всего того, что онъ слышалъ отъ Батюшкова, ему и самому „захотѣлось показать о себѣ поважнѣе и для того сказалъ Батюшкову, при племянникѣ его Николаѣ, что-де вы и о мнѣ-то думаете, я вѣдь и самъ камеръ-юнкеръ и посланъ въ Москву съ секретнымъ наставленіемъ, имѣю даже два бланкета, подписанные рукою ея величества. Батюшковъ спросилъ: а какое бы содержаніе онаго наставленія было? Я ему сказалъ шуточною рѣчью: въ Москвѣ поломать тѣ колья, которые покривились. А сіе я говорилъ въ такомъ разумѣ, что забрать подъ караулъ тѣхъ, которые на сторонѣ его высочества противъ государыни. Батюшковъ, недовѣрчиво погляда на меня, сказалъ: что, братъ, не вывѣдывать ли ты изъ меня пріѣхалъ? Я увѣрилъ, что нѣтъ и что говорю съ нимъ дружески и чистосердечно. Послѣ этого мы другъ другу присягнули и цѣловали образъ св. Димитрія Ростовскаго чудотворца. Батюшковъ, повѣря, что я камеръ-юнкеръ, сказалъ: такъ ты, братъ, и самъ случаенъ и тебѣ къ этому дѣлу ненадобно никого изъ знатныхъ; ты и самъ-де можешь, подговоря кавалергардовъ, пройти ночью въ спальню государыни и зарѣзать ее, а послѣ влигнуть лейбъ-

медика Круза и велѣть анатомить; если же оный будетъ отговариваться, примѣтя, что еще жива, тогда можно ему сказать, чтобъ потрошилъ, если самъ хочетъ живъ остаться; если же тутъ случится графъ Орловъ, то въ запасѣ можно имѣть пару пистолетовъ, изъ которыхъ ему пулю въ лобъ. Нѣтъ, сказалъ я, никогда не соглашусь зарѣзать государыню, а лучше нужно стараться, взявъ ее, постричь въ монастырь. Батюшковъ, видя мое отрицательство, испугался, и, стараясь переверотить имъ говоренное въ шутку, сказалъ: я-де и самъ этого не думаю, а говорю въ шутку. И въ Евангеліи-де написано: не прикасайтесь помазаннымъ Моимъ... Однажды Батюшковъ показывалъ мнѣ и орденъ съ лентою св. Анны, увѣряя что оный пожалованъ ему отъ великаго князя, показывалъ также Екате́рининскую ленту, навѣрченную на палку и говорилъ, что у него есть патентъ на оберъ-камергерское достоинство отъ великаго же князя, какъ отъ императора... Сказывалъ мнѣ также Батюшковъ, при сестрѣ своей Марьѣ Кропотовой, что Григорій Григорьевичъ Орловъ самъ говорилъ ему, чтобъ извести великаго князя, обѣщая за то, именемъ государынинымъ, камергерское достоинство и потомъ-де и сама государыня призывала его къ себѣ и говорила тоже самое, но онъ-де на сіе не согласился и, назвавъ себя ипохондриккомъ, вышелъ въ отставку. Но Марья Кропотова, услышавъ сіи слова, бранила Батюшкова и унимала, чтобъ впредь такихъ словъ врать не осмѣливался, угрожая, въ противномъ случаѣ, написать объ этомъ самой государынѣ... Когда я собирался уѣхать въ Углицкую деревню, Батюшковъ еще разъ уговаривалъ меня быть въ его партіи и склонять въ тому другихъ, заставляя каждаго подписывать слѣдующій присяжный листъ: Азъ нижепоименованный обѣщаюсь и влянусь всемогущимъ Богомъ предъ пречистымъ Его престоломъ и святымъ Евангеліемъ въ томъ, чтобъ быть вѣрну государю

Всероссійскому императору Павлу Петровичу, а нынѣшнему управленію быть противну, и за государя нашего не щадить послѣдней капли крови. Если же я сію присягу пренебрегу донеся, то желаю принять часть съ Іудею. Я также подписалъ этотъ листъ и по оному присягалъ вмѣстѣ съ Батюшковымъ, въ его домѣ, предъ престоломъ и Евангелиемъ. Потомъ сожгли подписанный присяжный листъ, пепель положили въ рюмку и, наливъ ее краснымъ виномъ, выпили по-поламъ“.

Батюшковъ сознался, что точно говорилъ всѣ показанныя Опочининымъ слова, но что послѣдній показаль ложно относительно Екатерининской ленты, всѣ подробности о присягѣ и относительно патента на оберъ-камергерское достоинство.

Всеволожскій, удовольствованный наконецъ показаніями Опочинина, спросилъ его:

— Для чего же ты вымышленныя слова Батюшкова сказывалъ Лебедеву?

— Я считалъ Батюшкова первенствующимъ въ семь дѣлѣ,— отвѣтилъ Опочининъ,— и думалъ, что онъ все горенное могъ исполнить на самомъ дѣлѣ, а главное, я по молодости своей, хотѣлъ показать себя предъ тѣмъ Лебедевымъ человекомъ важнымъ.

27 декабря, Всеволожскій далъ ордеръ воеводѣ Досадину взять живущаго въ деревнѣ солдата Измайловскаго полка Николая Батюшкова и привезти къ нему для допроса. „А при томъ оному воеводѣ приказано было, чтобъ отцу того Батюшкова объявилъ, что сынъ его потребенъ въ добавокъ находящейся у слѣдователя гвардейской команды“. Эта небольшая хитрость объясняется тѣмъ общественнымъ положеніемъ, какое занималъ отецъ Николая Батюшкова — Левъ Андреевичъ Батюшковъ, уважаемый всѣми депутатъ отъ дво-

рянъ Устюжно-Желѣзопольскаго уѣзда въ знаменитую Комиссію Сочиненія проекта Новаго Уложенія ¹⁾).

Въ ожиданіи Николая Батюшкова, Всеволожскій призвалъ маіора Патрикѣва и увѣщевалъ его сказать суцую правду, не слыхалъ-ли онъ отъ Ильи Батюшкова и Ипполита Опочинина такихъ разговоровъ, которые клонились бы въ лишенію ея императорскаго величества престола? Патрикѣвъ отвѣтилъ, что онъ никогда не слыхалъ отъ нихъ такихъ разговоровъ. Всеволожскій посовѣтовалъ хорошенько припомнить объ этомъ и далъ срокъ до слѣдующаго дня.

Между тѣмъ, 28 декабря привезенъ былъ изъ деревни Николай Львовичъ Батюшковъ. Пятнадцатилѣтній юноша, при первомъ же допросѣ „чистосердечно и порядочно во всемъ слышанномъ признался“ и показалъ согласно съ отвѣтами на очныхъ ставкахъ Ильи Батюшкова и Ипполита Опочинина, пояснивъ при этомъ, что онъ никому не разсказывалъ о слышанномъ, потому что Опочининъ, при отъѣздѣ „устранивалъ заколотъ его до смерти, если кому откроетъ ихъ разговоры“.

Послѣ Николая Батюшкова введенъ былъ маіоръ Патрикѣвъ. Всеволожскій повторилъ ему вчерашній вопросъ, но тотъ клялся, что кромѣ показаннаго въ письменныхъ объявленіяхъ, ничего не можетъ больше припомнить. „Видя такое заперательство маіора Патрикѣва, пишетъ Всеволожскій въ своей докладной запискѣ, опредѣлилъ я взять его подъ караулъ, разсуждая при томъ, что когда онъ арестованъ будетъ, то не откроется-ли иногда чрезъ допросъ его вновь чего важнаго. Но дабы скрыть сіе отъ жены Патрикѣва.

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что наказъ, данный 22 апрѣля 1767 г., Лѣву Андреевичу дворянами Устюжскаго уѣзда, подписанъ, между прочимъ, предводителемъ коллежскимъ совѣтникомъ Михайлой Досадинымъ и секундъ-маіоромъ Иваномъ Патрикѣвымъ (Сборникъ Императ. Рус. Ист. Общества, т. XIV, стр. 323).

живущей въ одномъ съ нимъ домѣ, равно и отъ другихъ въ городѣ, я приказалъ ему изготовиться къ отправленію въ посылку для исправленія нѣкоторой комиссіи, придавъ ему въ команду сержанта гвардіи и одного гренадера, во увѣреніи чего и далъ ему ордеръ ѣхать въ Кострому и, явившись у тамошняго воеводы, исполнять все, что онъ ему прикажетъ“.

А между тѣмъ, Всеволожскій приказалъ поручику Архарову приготовить квартиру и карауль для содержанія Патриѣева. Упомянутому же сержанту гвардіи данъ былъ особый ордеръ съ такимъ наставленіемъ, чтобъ онъ явился къ Патриѣеву подъ видомъ командированнаго въ его команду, а когда тотъ собравшись, совсѣмъ выѣдетъ на дорогу, то отъѣхавъ нѣсколько за городъ, возвратиться назадъ другою дорогою и привезти маіора прямо въ домъ, занимаемый слѣдователемъ. Разумѣется, все было исполнено, согласно данному наставленію, и „какъ оный Патриѣевъ приведенъ былъ ко мнѣ, пишетъ Всеволожскій, я приказалъ, арестовавъ его, отдать подъ карауль“.

На другой день, т. е. 20 декабря, заарестованный Патриѣевъ былъ приведенъ къ допросу и показалъ слѣдующее:

„Въ 1768 году, въ зимнее время, а въ которомъ мѣсяцѣ не помню, былъ здѣсь въ селѣ Тухани, у Ильи Батюшкова, берейторъ конной гвардіи Штейгерсъ, по отъѣздѣ котораго Батюшковъ сказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ того Штейгерса, что въ Петербургѣ все идетъ дурно, уже стали перемѣнять докторовъ у его высочества, а это-де значить, что его хотятъ извести, а государыня намѣрена вытти за-мужъ. Болѣе сихъ словъ я ни отъ кого ничего важнаго не слыхалъ и злого умысла въ отнятіи престола и жизни у ея императорскаго величества ни за кѣмъ не знаю и ни отъ кого о подобномъ сему никогда не слыхалъ“.

Даны были очныя ставки Патриѣеву, порознь съ Ильею Батюшковымъ, Ипполитомъ Опочининымъ и Николаемъ Ба-

тешковымъ, но и тутъ онъ остался при прежнихъ своихъ показаніяхъ.

30-го декабря, Всеволожскій „пристойнымъ образомъ, между посторонними разговорами, навѣдывался“ у воеводы Досадина о мѣстѣ жительства сестры Батюшкова, Марьи Андреевны Кропотовой, и, узнавъ, что она находится въ городѣ, приказаль ей на другой день быть къ себѣ.

По приѣздѣ Кропотовой, Всеволожскій спросилъ ее: не слыхала-ли она когда нибудь отъ Ильи Батюшкова какихъ важныхъ и непристойныхъ словъ, или о какомъ умыслѣ противъ ея императорскаго величества и его императорскаго высочества?

Кропотова отвѣтила: „Ничего такого никогда ни отъ брата своего, ни отъ кого другаго не слыхала. Правда, три года тому назадъ, братъ мой Илья Батюшковъ, бывъ мѣсяца съ четыре боленъ и лишась въ то время памяти и разсудка, вралъ многія сумасбродныя слова, но важности въ нихъ никакой не было. Послѣ этой болѣзни онъ сказывалъ иногда, что по бабкѣ, Аннѣ Пребышевской, великій князь знаетъ его и жалуется. Иногда онъ негодовалъ на графовъ Орловыхъ, упрекая ихъ въ томъ, что они, будучи въ свойствѣ съ нимъ ¹⁾, совсѣмъ оставили его безъ помощи и больше усердствуютъ государынѣ, нежели цесаревичу. Иногда братъ хватался, что онъ когда нибудь будетъ большимъ человѣкомъ духовнымъ, такъ какъ послѣ болѣзни онъ неоднократно высказывалъ желаніе постричься въ монахи. Говорилъ-ли братъ еще какія слова памятно показать не могу, потому что,

¹⁾ Мы знаемъ только, что въ 1742 году, отецъ Ильи Батюшкова, прокуроръ главной полицмейстерской канцеляріи Андрей Ильичъ Батюшковъ, объявля въ сенатской канцеляріи, (въ силу указа о недоросляхъ), малолѣтнихъ дѣтей д. ст. сов. Григорья Ивановича Орлова — Ивана, Григорья и Алексѣя (будущіе графы), называлъ ихъ своими племянниками. (Книга герольдмейст. конторы, за 1742 г. № 269, стр. 206). Ниже увидимъ изъ показанія Ильи Батюшкова, что Григорій Григорьевичъ Орловъ даже взросъ въ домѣ его отца.

считая его за сумасброда, я никогда не уважала говореннаго имъ. Во всякомъ случаѣ, могу клясться, что я никогда не слыхала отъ брата такой важности, которая бы касалась до оскорбленія величества“.

Въ заключеніе всего Всеволожскій призывалъ взятаго въ домъ Ильи Батюшкова „лѣкаря Прусской націи“ Галафре и спрашивалъ у него только о томъ, не видѣлъ ли онъ у Батюшкова патента на оберъ-вамергерское достоинство. Тотъ отвѣтилъ, что такого патента никогда не видѣлъ и не слышалъ о немъ.

За отсутствіемъ берейтора Штейгера, оказавшагося однимъ изъ самыхъ главныхъ свидѣтелей, слѣдствіе пріостановилось.

Всѣ показанія подсудимыхъ и свидѣтелей, Всеволожскій свелъ въ одну общую выписку или докладную записку, которую представилъ прямо императрицѣ, при слѣдующемъ всеподданиѣшемъ донесеніи, отъ 4-го января 1770 года:

„Всемиловѣйшая Государыня!

„Во исполненіе всевысочайшаго имяннаго вашего императорскаго величества указа, даннаго мнѣ, о изслѣдованіи по показанію адъютанта подпоруческаго ранга Ипполита Опочина на отставнаго гвардіи корнета Илью Батюшкова, въ важныхъ непристойныхъ словахъ ими говоренныхъ, и о зломъ ихъ умыслѣ о лишеніи вашего императорскаго величества престола, я, по всеподданической моей должности, оное изслѣдовалъ. Изъ слѣдствія мною произведеннаго открылось, что зараза сей злобы перенесена сюда изъ Петербурга, и здѣсь оная распространилась было по причинѣ празднои и въ пьянствѣ распутно-препровождаемой жизни здѣшнихъ уѣздныхъ жителей, но теперь, кажется оная пресѣчется. Для дальнѣйшаго же изысканія виновныхъ въ семъ зломъ умыслѣ и искорененія, потребно будетъ слѣдовать берейторомъ конной гвардіи Штейгерсомъ. А какъ въ обличенію его необходимо надобенъ здѣсь находящійся Илья Батюшковъ, то не

соизволите ли, всемилостивѣйшая государыня, повелѣть мнѣ его привезти съ собою.

„При допросѣ же маіора Патрикѣева показано было еще о двухъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ живущихъ дворянахъ, отставномъ флота лейтенантѣ Гаврилѣ Сипягинѣ и артиллеріи поручикѣ Николаѣ Курманалѣевѣ, которые во время нѣкоторыхъ только разговоровъ адъютанта Опочинина съ корнетомъ Батюшковымъ быть прилучились, но какъ они были не при всемъ продолжаемомъ томъ ихъ разговорѣ...., то я и призывать ихъ за нужное не почелъ, дабы, спрашивая ихъ, самими вопросами не открыть имъ больше, нежели они прежде знали, и черезъ то-бы не подать способа впередъ имъ къ болтливости и безпокойству другихъ.

„Что же принадлежитъ до сестры корнета Батюшкова, то она, по показанію брата ея, мною два раза спрашивана съ довольнымъ увѣщаніемъ, но она показываетъ, что никакихъ важныхъ словъ, касающихся до оскорбленія величества и ни о какомъ умыслѣ противъ особы вашего императорскаго величества не слыхала и въ томъ утверждаетъ; по обстоятельствамъ же дѣла оное кажется сомнительно и вѣроятнѣе заключить можно, что она, можетъ быть, щадя брата, или боясь воображаемаго наказанія, что о слышанномъ не донесла, признаться не осмѣлится, и для того приказано отъ меня ей изъ города не выѣзжать, впредь до указа.

„Учиненную же мною изъ сего дѣла выписку принужденъ былъ сдѣлать нѣсколько пространнѣе и вносить неоднократно объ одной матеріи разныя показанія Батюшкова и самыя тѣ слова, которыя онъ писалъ и говорилъ, дабы яснѣе было видно противорѣчство его въ безумствѣ, которое, однакожь, какъ сказываютъ другіе, года съ три назадъ съ нимъ нѣсколько времени и въ самомъ дѣлѣ было, но послѣ того онъ все сіе время былъ уже здоровъ, какъ и нынѣ; а только, хотя избавиться отъ слѣдствія, при допросахъ долго притворялся безумнымъ и безпамятнымъ; которую (выписку)

при семъ всеподданнѣйше подношу въ монаршее вашего императорскаго величества благоволеніе, и буду ожидать высочайшаго вашего указа“.

(Подписано: всеподданнѣйшій рабъ Всеволодъ Всеволожскій).

Въ Петербургѣ предпочли выслать берейтора Штейгерса на мѣсто слѣдствія.

10 января 1770 года, слѣдовательно черезъ 6 дней послѣ донесенія Всеволожскаго, Штейгерсъ былъ уже привезенъ въ городъ Устюжно-Желѣзопольскій, и на другой же день приведенъ къ слѣдователю.

— Давно ли служишь въ конной гвардіи, бывалъ ли когда въ отпуску и гдѣ? спросилъ Всеволожскій.

— Въ службѣ состою съ 1763 года, отвѣчалъ Штейгерсъ, — въ отпуску былъ два раза въ 1768 году, въ то время, когда ея императорское величество изволила въ отсутствіи быть въ Москвѣ, и когда въ Петербургѣ командиромъ оставался ротмистръ Мансуровъ; въ первый разъ объ масляницѣ, а другой — объ Рождествѣ. Каждый разъ я отпускаемъ былъ на 29 дней въ Устюжно-Желѣзопольскій уѣздъ, въ село Тухани, къ отставному конной гвардіи корнету Ильѣ Ватюшкову, который, будучи издавна мнѣ пріятель, чрезъ письма просилъ меня съ женою къ себѣ въ деревню погостить и для того присылалъ ко мнѣ изъ деревни своихъ лошадей. Я живалъ въ Тухани недѣли по двѣ.

— Какіе разговоры имѣлъ ты въ тогдашнее время съ Батюшковымъ?

— Какъ можно теперь, чрезъ такое долгое время, упомянуть, о чемъ мы тогда разговаривали!

— Не говорилъ ли ты тогда чего важнаго о государынѣ, о цесаревичѣ, или о правительствѣ?

— Нѣтъ, мы этого не говорили.

— Батюшковъ показываетъ на тебя, что ты, будучи въ другой прїѣздъ у него въ деревнѣ, говорилъ ему важныя слова.

На это Штейгерсъ, „оробѣвъ нѣсколько и показываясь отъ связаннаго ему быть въ удивленіи, дрожащимъ голосомъ“ сказалъ:

— Я не знаю, какъ могъ Батюшковъ показать это на меня! Развѣ я пьяный что вралъ....

Всеволожскій увѣщевалъ Штейгерса не скрывать своей вины, признаться чистосердечно и не доводить дѣло до того, когда его будутъ изобличать свидѣтели и что тогда уже не нужно будетъ собственнаго его признанія.

Штейгерсъ, выслушавъ показанія Ильи Батюшкова, сказалъ:

— Нѣтъ, такихъ словъ я ему не говаривалъ.

— Что же ты въ бытность свою у Батюшкова съ нимъ разговаривалъ?

— Батюшковъ, разговаривая о постороннемъ, неоднократно сказывалъ, что ежели бы-де онъ хотѣлъ служить, такъ могъ бы быть большимъ человѣкомъ. На это я ему говорилъ: для чего же тебѣ не служить, ты еще молодой человѣкъ. Нѣтъ, говорилъ Батюшковъ, не хочу; я и тѣмъ-де доволенъ, что при отставкѣ получилъ чинъ гвардіи офицера, да къ тому же и нападки на меня быть могутъ. Вотъ-де и сестра моя была при дворѣ, да графы Орловы стали утѣснять ее и она принуждена была прочь итти. Кромѣ этихъ словъ я ничего не слыхалъ отъ Батюшкова и самъ не говаривалъ ему ничего важнаго.

Всеволожскій прочелъ Штейгерсу изъ показанія Батюшкова о говореніи имъ, Штейгерсомъ, „важныхъ словъ, показующихъ прямой умыселъ о лишеніи ея императорскаго величества престола, о постриженіи ея въ монастырь и о возведеніи на престолъ его высочества“. Штейгерсъ, „съ видомъ удивленія, робко“ отвѣтилъ:

— Не говаривалъ... Развѣ пьяный, а чтобъ трезвый такія слова когда говорилъ, того не помню.

*

Штейгерсу дано было время подумать до вечера.

На вечернемъ допросѣ Штейгерсъ показаль:

— „Батюшковъ неоднократно рассказываль мнѣ о бывшемъ императорѣ, что онъ свергнуть былъ съ престола, а государыня возведена чрезъ графовъ Орловыхъ... При томъ онъ говорилъ: вотъ-де когда цесаревичъ-та выростеть, то вѣрно спросить, куда батюшку-то его дѣвали и такъ-де Богъ имъ за это заплатитъ. Я говорилъ Батюшкову, что это не наше дѣло и отхаживаль отъ него прочь“.

Всеволожскій пытался вновь навести Штейгерса на приписываемыя ему Батюшковымъ важныя слова, и когда тотъ опять сказалъ, что не помнитъ и „если вралъ, то не иначе какъ пьяный“, — принялся увѣщевать его „чтобъ не льстиль себя избавиться отъ достойнаго наказанія за тотъ злой умыселъ пьянствомъ и безпамятствомъ, чтобъ запирательствомъ своимъ не доводилъ себя до законнаго истязанія и показаль бы самую истину, отъ кого и какимъ образомъ онъ къ сему злодѣйскому предпріятію соглашенъ и кого онъ самъ, кромѣ Батюшкова, соглашалъ“?

Штейгерсъ клялся, что никого не соглашалъ и просилъ дать ему срокъ до слѣдующаго дня „на припоминаніе“.

12 января Штейгерсъ прямо заявилъ, что „ничего изъ показаннаго Батюшковымъ припомнить никакъ не могъ“.

— Что же по этому ты думаешь, что Батюшковъ на тебя затѣяль напрасно? — спросилъ Всеволожскій.

— Нѣтъ, я не могу сказать этого и не думаю, чтобъ онъ могъ такую важность всклепать на меня, потому что я съ нимъ никогда въ ссорѣ не бываль и считаль его всегда за пріятеля. Развѣ нѣ сошелъ-ли онъ опять съ ума, потому что онъ уже прежде былъ въ поврежденіи онаго?

Всеволожскій отвѣтилъ, что „Батюшковъ кажется быть не безумнымъ“.

— Говорилъ ли я показываемыя на меня Батюшковымъ слова, памятно утвердить не могу... Но Батюшковъ такъ об-

стоятельно довазываетъ, что я говорилъ эти слова при женѣ, означаетъ время и указываетъ даже на комнату, въ которой я говорилъ, то можетъ статься, что я и говорилъ, будучи пьянъ...

Послѣ того Штейгерсъ опять просилъ дать ему время на размышленіе.

Всеволожскій уважилъ и эту просьбу, а вечеромъ, позвавъ его, сталъ увѣщевать: „сколь гнусно, сдѣлавшись преступникомъ и бывъ почти обличеннымъ, запирается въ своемъ злодѣяніи“. По словамъ Всеволожскаго, въ это время у Штейгерса „показывались слезы, онъ плакалъ, казался въ безпамятствѣ... Иногда онъ какъ будто во всемъ готовъ былъ признаться, но опять удерживался и говорилъ, что никакъ не можетъ вспомнить показываемыхъ на него словъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ Штейгерсу и Батюшкову дана была очная ставка.

„Помнится мнѣ, началъ Батюшковъ, что Штейгерсъ говорилъ тѣ слова — и потомъ, быстро обратившись къ Штейгерсу, спросилъ его: „говорилъ ты эти слова?“ Тотъ отвѣтилъ, что никогда не говорилъ, и Батюшковъ замолчалъ.

— Что же ты молчишь, когда тебѣ надобно говорить! — вскрикнулъ Всеволожскій.

Батюшковъ отвѣчалъ: „Что мнѣ говорить, я уже прежде показалъ, а какъ онъ не признается, мнѣ нечего дѣлать какъ сказать, что виновать“.

Всеволожскій, выславъ Штейгерса изъ присутствія, спросилъ Батюшкова:

— Что же ты молчишь и не уличаешь Штейгерса? Развѣ ты солгалъ на него?

— Нѣтъ, я не солгалъ и показалъ правду. Да чѣмъ же мнѣ его въ томъ довазывать! Мы съ нимъ говорили, будучи только вдвоемъ.

— А жена Штейгерсова?

— Нѣтъ, при томъ ея не было и мы говорили на-единѣ.

Снова введенъ былъ Штейгерсъ, который, по прежнему, отрицалъ всѣ показанія Батюшкова и послѣдній сказалъ наконецъ:

— Ну, да что же, братъ, нечего заператься, а всего лучше признаться намъ въ своей винѣ, сказать, что вралъ пьяные безъ умыслу и просить у всемилостивѣйшей государыни прощенія.

— Штейгерсъ „долго отрицался, но послѣ, появився“, сказалъ:

— Ну, инъ быть такъ. Когда Батюшковъ утверждаетъ въ томъ, что я говорилъ ему показанныя отъ него слова, то и я въ томъ признаюсь и прошу всемилостивѣйшаго прощенія.

Всеволожскій поспѣшилъ отобрать отъ обоихъ подписи къ очной ставкѣ и за тѣмъ, выславъ Батюшкова, далъ Штейгерсу два листа бумаги и приказалъ ему обстоятельно изложить всѣ важные разговоры, которые были у него съ Батюшковымъ. Штейгерсъ, принимая въ руки бумагу, „съ видомъ отчаяннымъ и плачущимъ“, сказалъ:

— Я виноватъ въ томъ, что напрасно принялъ на себя такую вину, которой причиною есть одинъ Батюшковъ. Онъ самъ говорилъ всѣ тѣ важныя слова. А что я не показалъ о томъ, тому причиною страхъ и робость. Во все время допросовъ и когда Батюшковъ на очной ставкѣ утверждался, я находился внѣ себя и совсѣмъ не смѣлъ противорѣчить Батюшкову, боясь, чтобы онъ своимъ утвержденіемъ не довель меня до тяжкаго истязанія.

Штейгерсъ плакалъ и клялся, что говорить самую истинную правду. Тѣмъ не менѣе ему приказано было написать своею рукою все, что онъ знаетъ о Батюшковѣ. Штейгерсъ писалъ цѣлый день, и 14 января подалъ Всеволожскому слѣдующее письменное объявленіе:

„Батюшковъ, когда еще былъ въ Петербургѣ и на службѣ, рассказывалъ мнѣ про свою сестру, какъ она была при дворѣ и какъ она вслѣдствіе нападоу графа Орлова, при-

нуждена была просить абшить. Съ тѣхъ-де поръ какъ сестра моя отъ двора отошла, графы стали косо смотрѣть и на меня; говорили, что я слабъ по службѣ, да и маіоръ Голицынъ говорилъ: Батюшковъ, поди лучше въ отставку, ты не очень здоровъ. И такъ, я, говорилъ Батюшковъ, примѣтя, что они силою гоитья меня изъ полка, принуждѣнъ былъ взять отставку. А этому причиною-де все моя сестра и что графы не хотѣли видѣть насъ на службѣ для того, чтобы мы не мѣшали имъ. Потомъ Батюшковъ рассказывалъ, что графы Орловы, по свойству, часто ѣздили къ нимъ въ домъ.... Орловы-де очень ненавидятъ и цесаревича, да графъ Панинъ не выпускаетъ его изъ своихъ глазъ. Когда воцарится великій князь, говорилъ Батюшковъ, такъ я-де, конечно, пойду къ нему на службу и все ему объ этомъ расскажу, что дѣлалось въ тѣ поры, и я-де могу быть великимъ человѣкомъ, а теперъ не хочу, дождусь времени. Батюшковъ всегда сожалѣлъ, что покойнаго государя такъ тирански свергли: бранилъ графовъ и говорилъ, что Богъ все это взыщеть и вгунѣ не оставитъ. Одинъ разъ я возразилъ Батюшкову, что вѣдь и покойный государь несправедливо поступалъ и за то Богъ его наказалъ; а Батюшковъ отвѣтилъ: охъ, братецъ да ты ничего не знаешь, а я былъ тамъ въ Петербургѣ и все знаю, какъ было дѣло. Потомъ Батюшковъ говорилъ, что графъ Григорій Григорьевичъ былъ въ великой милости у нынѣшней государыни, когда она еще была великой княгиней... А теперъ-де онъ и подавно въ великой милости, и чего только ни захочетъ, государыня дѣлаетъ по его волѣ. Я сказалъ, что этому статься не можно и что все это вздоръ. Но Батюшковъ отвѣчалъ, что онъ лучше меня знаетъ и сказалъ при этомъ: графъ не тайлся, онъ намъ свой и у нашего отца почти взросъ; а теперъ онъ насъ какъ будто даже не знаетъ и изъ службы выбиваетъ, чтобъ въ чемъ не помѣшали ему. Батюшковъ говорилъ, что если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы быть большмъ человѣкомъ, но что онъ теперъ не хочеть еще

этого. Мое-де счастье еще не уйдетъ, я еще молодъ, дождусь когда цесаревичъ приметъ престоль... Батюшковъ часто говорилъ, что ежели бы онъ захотѣлъ, то могъ бы такое же дѣло выдумать, какъ и графы Орловы, но что онъ только не хочетъ. Я всегда уговаривалъ Батюшкова, чтобъ онъ больше не говорилъ такихъ словъ“.

Прочтя это письменное объявленіе, Всеволожскій нашель его недостаточнымъ и спросилъ Штейгера, почему онъ не разъяснилъ, кто изъ нихъ начальною причиною есть въ злодѣйскомъ умыслѣ лишить ея императорское величество престола и проч.? Штейгеръ отвѣтилъ, что „такую важность онъ убоился писать, а покажетъ словесно“ и вслѣдъ за тѣмъ объяснилъ слѣдующее:

„Когда я пріѣзжалъ въ послѣдній разъ въ село Тухани, то въ одинъ день, послѣ обѣда, Батюшковъ, сидя со мною, началъ хвалить цесаревича, говоря при томъ, что онъ уже въ лѣта приходитъ совершеннаго возраста, такъ лучше бы ему государствовать, нежели женщинѣ, для того, что женское правленіе не столь порядочно, да къ тому же государыня безъ совѣта другихъ ничего дѣлать не можетъ, а наипаче безъ графовъ Орловыхъ. Я ему сказалъ, что тебѣ до этого нужды, а онъ говоритъ, что вѣдъ мужчина всегда мужчина. И вотъ-де ежели бы не графъ Панинъ, его высочество-то давпо бы извели, да и другіе изъ знатныхъ фамилій извести его не допустятъ, а скорѣе-де еще пособятъ ему взойти на престоль. Я замѣтилъ ему, въ чему ты это говоришь, вѣдъ государыня еще царствуетъ? Онъ мнѣ на это сказалъ, что она уже въ такихъ лѣтахъ, что пора и въ монастырь постричься, а цесаревичу-де непременно приспѣваетъ время въ принятію престола. Это, братъ, не наше дѣло разсуждать, говорю я, а Батюшковъ сказалъ на это: мнѣ-де досадно, что все не такъ идетъ, а больше всего досадно на графовъ Орловыхъ, что они, не помня милости отца моего, сестру мою выгнали изъ дворца, а меня, также противъ

воли, оставили отъ службы, единственно изъ ненависти къ намъ. Но я-де заплачу имъ, когда великій князь приметъ престолъ, все расскажу ему, какъ они съ отцомъ его поступали... Я сказалъ, что, какъ я слышалъ, и самъ императоръ поступалъ несправедливо: онъ хотѣлъ перемѣнить вѣру, а государыню сослать въ ссылку и за то Богъ его покаралъ. Ты ничего не знаешь, отвѣтилъ мнѣ Батюшковъ, а я въто время самъ былъ въ Петербургѣ и знаю. Да если бы-де я захотѣлъ быть большимъ человѣкомъ, могъ бы сдѣлать то же, что и Орловы, да не хочу. То есть, чтò же именно? спрашиваю его. Да также государыню съ престола свергнуть, а цесаревича возвести. Да какимъ же образомъ? спрашиваю я. А вотъ, какъ она поѣдетъ въ Петергофъ или въ Царское Село, мы схватимъ ее на дорогѣ; вотъ-де и дѣло сдѣлано. Я сказалъ ему: покинь ты, братецъ, это врать, этакія рѣчи доведуть до худого. И съ тѣмъ пошелъ отъ него прочь. Кромѣ этихъ словъ, я ничего важнаго никогда не слыхалъ отъ Батюшкова и самъ никогда съ нимъ не разговаривалъ объ этомъ, никого и никогда не склонялъ къ злomu предпріятію и о другихъ, согласныхъ въ такомъ дѣлѣ, не зывалъ и не знаю“.

Всеволожскій принялся было увѣщевать Штейгерса, но тотъ заболѣлъ...

Вечеромъ позванъ былъ въ присутствіе Илья Батюшковъ. Всеволожскій пишетъ въ своей запискѣ, что когда Батюшкову прочитано было Штейгерсово показаніе, „онъ сперва показывая видъ невѣроятности, съ усмѣшкою говорилъ, какъ-де это можетъ статья, вѣдь онъ самъ же на очной ставкѣ признался и просилъ прощенія! На чтò отъ меня сказано, что хотя и признался тогда, однако же теперь точно увѣряетъ, что ты начальная причина сему злomu умыслу... И какъ при семъ примѣчено было мною, что Батюшковъ оробѣлъ и перемѣнился въ лицѣ, я сталъ уговаривать его показать правду, разсуждая при томъ, сколь тяжкій есть грѣхъ

клеветать ближняго своего и доводить неповинно до столь тяжкаго состоянія, въ какомъ Штейгерсъ есть“.

Батюшковъ, подумавъ нѣсколько, сказалъ:

— Я виновать и признаюсь чистосердечно, что всѣ показанныя мною на Штейгерса въ презнемъ моемъ допросѣ важныя слова говорилъ я Штейгерсу самъ.

— Какія причины побудили тебя говорить тѣ слова и за что ты предпріялъ такой злой умыселъ противъ персоны ея императорскаго величества?

— Причиною тому отставка моя отъ службы, сдѣланная противъ желанія моего, также и отпускъ отъ двора сестры моей Марьи Кропотовой. Все это я принялъ съ крайнимъ оскорбленіемъ и обиду и полагалъ участниками сему графовъ Орловыхъ, по ненависти ихъ къ намъ.

— Для чего же ты показывалъ, будто бы все сіе слышалъ и на сіе приведенъ былъ отъ Штейгерса и не устыдился обличать его въ томъ на очной ставкѣ?

— Я боялся сказать о себѣ, что я подлинный начинщикъ сему умыслу. Однако же не хотѣлъ умолчать и о Штейгерсѣ, вѣдая, что онъ объ этомъ отъ меня слышалъ. Это открылось бы и безъ моего показанія и тогда мнѣ почтено было бы въ утайку, что не сказалъ о Штейгерсѣ.

Странно, что даже послѣ этого чистосердечнаго признанія Батюшкова, Всеволожскій 15 января ѣздилъ къ больному Штейгерсу на квартиру, въ которой тотъ содержался, и „довольно увѣщевалъ его“ показать самую истину, это-же былъ „начинщикомъ безпутныхъ замысловъ“, онъ, Штейгерсъ, или Батюшковъ? Штейгерсъ повторилъ, что онъ не только не былъ начинщикомъ въ этомъ дѣлѣ, но даже уговаривалъ Батюшкова выкинуть изъ головы своей злой умыселъ.

— Что-же ты прежде на очной ставкѣ съ Батюшковымъ признавался виноватымъ?

— Я уже говорилъ, что учинилъ то отъ страха. Просилъ-же прощеніе въ такомъ только разумѣ, что я слышалъ

отъ Батюшкова показанное злое предпріятіе, но не донесъ о томъ по долгу своей присяги. А въ сей доносъ въ свое время не вступилъ для того, что считалъ Батюшкова иппохондриккомъ и что онъ тѣ слова произносить по безумству своему, безъ намѣренія.

Все это слѣдствіе завершилось новой очной ставкой Батюшкова съ Штейгерсомъ, на которой оба остались при послѣднихъ своихъ показаніяхъ.

Какъ спѣшили въ то время дѣлами, подобными настоящему, можно видѣть изъ того, что въ томъ же январѣ мѣсяцѣ 1770 года уже рѣшена была участь нашихъ подсудимыхъ и всѣхъ свидѣтелей.

Высочайше утвержденнымъ приговоромъ, подписаннымъ сенаторомъ графомъ Никитой Панинымъ и генераль-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, между прочимъ опредѣлено:

„Отставного корнета Илью Батюшкова отъ заслуженной имъ тягчайшей смертной казни, изъ одного ея императорскаго величества милосердія, избавить и оставить единственно всѣ дни живота его на раскаяніе о содѣянномъ имъ злѣ и на угрызение поврежденной и объятаго злостію его совѣсти; а за сіе его столь тяжкое и богомерзкое преступленіе лишить его дворянскаго названія и всѣхъ чиновъ; а чтобы онъ таковыхъ вредныхъ плевелъ между благонамѣренными и желающими общаго спокойствія и тишины людьми разсѣвать не могъ, то послать его, Батюшкова, въ Мангазею. А какъ изъ дѣла видно, что онъ нѣкогда имѣлъ въ умѣ помѣшательство, а по сему, когда на него тамъ придетъ безумство, тогда и въ работы употреблять будетъ неудобно, то производить ему кормовыя деньги, по двѣ копѣйки на день, съ такимъ, однакожь, при томъ примѣчаніемъ, что когда онъ будетъ въ совершенномъ умѣ, то тогда употреблять его въ казенныя работы, какія тамъ случиться только могутъ. Оттуда же его ни для чего безъ имяннаго ея императорскаго величества указа отнюдь во всю жизнь не отпускать.

„Адъютанта Опочинина, по вниманію въ молодости лѣтъ его, отъ смертнаго осужденія, изъ одного ея императорскаго величества милосердія, избавить; ибо оказанное имъ при слѣдствіи признаніе оставляетъ случай въ надеждѣ, что онъ, будучи при строгомъ содержаніи и смотрѣніи за его жизнію и поведеніемъ, можетъ, зараженный буйностію и безстрашіемъ духъ исправить и сіе свое преступленіе продолженіемъ порядочной службы загладить. Отецъ-же его, который продолжалъ службу свою за многое время безпорочно, симъ ея императорскаго величества оказаннымъ къ сыну его милосердіемъ наичувствительнее во всю жизнь свою обязанъ будетъ благодарностію, такъ равно и все его потомство. Однакоже, чтобы онъ, Опочининъ, безъ чувствительнаго исправленія оставленъ не былъ, то послать его тѣмъ же чиномъ къ генераль-поручику Шпрингеру съ таковымъ повелѣніемъ, чтобы онъ того Опочинина опредѣлилъ въ гарнизонъ тамошней линіи, и ни въ какой чинъ семь лѣтъ болѣе не производилъ и внутрь Россіи ни для чего изъ тамошнихъ мѣстъ безъ особливаго ея императорскаго величества именнаго указа не отпускалъ и не отлучалъ, а равно и въ отставку не отставлялъ. А при томъ командиру приказать за нимъ, Опочининимъ, примѣчать, какую онъ будетъ продолжать жизнь, и исправить-ли онъ свой развращенный духъ. По прошествіи же показанныхъ лѣтъ, велѣть о немъ, Опочининѣ, къ ея императорскому величеству отписать, порядочно-ли онъ то все время службу свою тамъ производилъ и восчувствовалъ-ли онъ учиненное имъ преступленіе, а равно и оказанное къ нему отъ ея императорскаго величества милосердіе и не примѣчено-ли будетъ за нимъ каковыхъ предосудительныхъ поступковъ. А какъ сіе получено будетъ, то о возвращеніи его во внутрь Россіи предоставляется на высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе и милосердіе.

Затѣмъ, оставному маіору Патриѣеву, за недонесеніе на Батюшкова, „во всю его жизнь въ резиденціи

ея величества ни для чего не вѣзжать и жить въ своихъ деревняхъ, подь опасеніемъ, за неисполненіе сего, строгаго по законамъ поступка“¹⁾).

Берейтора Штейгерса, „чтобы отъ него здѣсь не могло произойти какого-либо по сему дѣлу разглашенія, выключая изъ полка конной гвардіи, опредѣлить на дворцовые конюшенные заводы въ таковой-же берейторской должности. О неимѣніи же о слышанныхъ имъ отъ Батюшкова важныхъ словахъ во всю жизнь свою разговоровъ, указомъ ея императорскаго величества подь лишеніемъ живота, объявить съ подпискою“.

Измайловскаго полка солдата Николая Батюшкова „отпустить въ домъ, по прежнему, а чтобъ, однакоже, когда онъ будетъ въ полку, то-бъ по молодости лѣтъ своихъ, не могъ иногда о семъ дѣлѣ разгласить, то велѣтъ его отъ полка, какъ онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, отпустить, ибо по прошествіи нѣкотораго времени, особливо живучи въ деревнѣ, могутъ тѣ слышанныя имъ слова изъ мысли его истребиться. При свободѣ же навѣрѣнко ему подтвердить, чтобъ онъ всѣ слова, какъ онѣ вымышлены Ильею Батюшковымъ, изъ мысли своей вѣчно истребилъ и никому во всю жизнь свою ни подь какимъ видомъ не сказывалъ“.

Сестру Батюшкова, Марью Кропотову, „также освободить; при свободѣ-же объявить ей указомъ ея императорскаго величества, что сіе дѣло такимъ образомъ слѣдствіемъ оставлено изъ одинаго ея императорскаго величества милосердія и потомъ подтвердить ей, Кропотовой, чтобъ она, по объявленному ею въ семъ дѣлѣ заирательству, во всю жизнь свою въ резиденціи ея величества не вѣзжала, а жила бы въ своихъ деревняхъ“.

¹⁾ Въ одномъ дѣлѣ Департамента Герольдіи (по архивной описи № 356, 1853 г.) мы видѣли, что въ 1787 году маіоръ Иванъ Ѳедоровичъ Патрикѣевъ былъ Весьегонскимъ предводителемъ дворянства.

Наконецъ, лѣваря Галефре, „буде онъ подъ карауломъ содержится, освободить, ибо на него, кромѣ неутвержденнаго показанія о патентѣ, ни отъ кого при слѣдствіи о важности сего дѣла показываемо не было“.

Въ заключеніе сообщимъ имѣющіяся въ дѣлѣ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Опочинина и Батюшова.

Согласно Высочайше утвержденному приговору, Опочининъ отправленъ былъ на Иртышскую линію. Черезъ семь лѣтъ, именно въ 1777 году, генераль-поручикъ Деколлонгъ представилъ, при рапортѣ, генераль-прокурору князю Вяземскому полученный отъ генераль-маіора Скалона аттестатъ, въ которомъ сказано, что Опочининъ „во всемъ ведетъ себя такъ, какъ исправному офицеру надлежитъ и никакихъ не порядковъ отъ него не происходитъ“. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году генераль-поручикъ Александръ Васильевичъ Опочининъ просилъ „объ отставкѣ сына его Ипполита Опочинина и чтобъ отдать его на его содержаніе, дабы онъ могъ при старости показать заслугу, приложитъ стараніе, изъ такого вертопраха основать добраго человѣка“. Но изъ Петербурга не дѣлали никакого распоряженія по этой просьбѣ. Наконецъ, генераль-маіоръ Огаревъ представилъ генераль-прокурору челобитную самого Ипполита Опочинина, въ которой тотъ просилъ „объ отставкѣ изъ службы и объ отпускѣ въ отечество; а если сего сдѣлать, по винамъ его, невозможно, то хотя-бы, отставя его отъ службы, повелѣть жить въ Сибири“. Только 16 января 1780 года высочайше утверждено слѣдующее мнѣніе генераль-прокурора: „Опочининъ, какъ оказавшійся въ важной винѣ преступникъ, не заслуживаетъ просимой имъ свободы. Но, поелику аттестаты удостовѣряютъ время бытности его въ Сибири, что онъ тамъ жизнь велъ порядочную и никакихъ худыхъ поступковъ за нимъ не присмотрѣно, а къ тому же и отецъ его просить, чтобъ его отдать на его содержаніе, то въ разсужденіе сего и воззря на старость лѣтъ и безпорочную службу отца, онаго

Опочинина... отъ службы отставить и велѣть прислать сюда за присмотромъ къ генераль-прокурору; а какъ онъ присланъ будетъ, то отсель отправить его къ отцу его генераль-поручику Опочинину, съ тѣмъ, чтобы онъ его держалъ при себѣ въ деревнѣ, никуда изъ оной не выпуская подъ добрымъ смотрѣніемъ, дабы отъ него отнюдь не могло произойти какихъ-либо продерзостей, ибо сіе къ сыну его милосердіе ея императорскаго величества оказано за непорочную службу его. Правящему-же должность государева намѣстника отписать: 1) что какъ отецъ Опочинина въ престарѣлыхъ лѣтахъ, то-бъ дано было повелѣніе исправнику того уѣзда, гдѣ будетъ жить, за означеннымъ Опочининымъ имѣть доброе смотрѣніе, 2) оному Опочинину въ резиденціи Петербургъ и Москву во всю жизнь, а въ губернской городъ безъ воли намѣстника, ѣздить запретить. Какія же чрезъ каждые полгода увѣдомленія къ намѣстнику отъ исправника о немъ, Опочининѣ, получены будутъ, то-бъ сообщалъ къ генераль-прокурору“.

Опочининъ не долго пользовался этой свободой „подъ добрымъ смотрѣніемъ“. Ярославскій намѣстникъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ увѣдомилъ генераль-прокурора, что Ипполитъ Опочининъ, въ декабрѣ 1781 года, умеръ въ деревнѣ своего отца.

Теперь о Батюшковѣ. Мы уже видѣли, что по приговору 1770 года, онъ былъ сосланъ въ отдаленную Мангазею, гдѣ до 1775 года содержался въ оковахъ и тяжкою работою исеуцлялъ свою вину. Онъ былъ отправленъ въ ссылку съ такими предосторожностями, что даже близкіе родные не знали, куда дѣвался онъ. Такъ, родной его братъ Левъ Андреевичъ Батюшковъ, въ мартѣ 1771 года, подалъ на имя государыни челобитную, въ которой объяснилъ, что братъ его отставной корнетъ Илья Батюшковъ „невѣдомо куда посланъ и гдѣ обрѣтается — неизвѣстно“. А между тѣмъ, сказано далѣе въ челобитной, послѣ него, Ильи Батюшкова,

осталось недвижимое имѣніе, а именно: въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ — село Тухани и деревня Попиха; въ Бѣжецкомъ уѣздѣ — сельцо Сандырево и деревни: Тучково, Шевелево, Дехтярка, Ольховецъ, Гверстарка и Малое-Никитино, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями и угодьями, съ 203 душами крестьянъ мужскаго пола. Кромѣ того, осталось еще материнское имѣніе Ильи Батюшкова (а просителя Льва — мачихи) въ Муромскомъ уѣздѣ — сельцо Потулино, въ Тверскомъ уѣздѣ — сельцо Денисово и въ Бѣжецкомъ уѣздѣ — деревня Кочурова, всего 89 душъ мужскаго пола. „А какъ всѣ эти деревни, объяснялось въ челобитной, по долговременной и безвѣстной онаго Ильи Батюшкова отлучкѣ, претерпѣваютъ отъ постороннихъ людей обиды и приходятъ въ раззореніе, а защищать ихъ, не имѣя въ дѣйствительномъ владѣніи, безъ указа, не можно“, то Левъ Батюшковъ просилъ отдать ему тѣ деревни, кромѣ материнскихъ, которыя должна наследовать племянница Ильи Батюшкова дѣвица Анна Петровна Толстая. На эту челобитную воспослѣдовало высочайшее соизволеніе 11 марта 1773 года. Весьма любопытенъ отелікъ крестьянъ какой-то забытой челобитчиномъ деревни Тверскаго уѣзда („Шескаго и Кушальскаго стана“) также принадлежавшей Ильѣ Батюшкову. Крестьяне эти, въ числѣ 49 душъ, въ мартѣ 1776 года, подали Новгородскому губернатору Сиверсу просьбу, въ которой жаловались, что они „съ 1769 года помѣщицкаго оброка никому не платятъ и работы не исправляютъ и гдѣ ихъ помѣщикъ Илья Андреевичъ Батюшковъ обрѣтается — не знаютъ и во владѣнію того имѣнія по-нынѣ никого не сыскалось, а потому крестьяне просили Сиверса, въ случаѣ надобности, защитить ихъ“.

Въ 1775 году, положеніе Батюшкова было нѣсколько облегчено. Въ юлѣ мѣсяцѣ этого года, высочайше повелѣно „онаго Батюшкова, какъ отъ оковъ, такъ равно и отъ ра-

боты, буде онъ, находясь въ Мангазеѣ, вновь никакихъ про- дерзостей не дѣлалъ и жить въ спокойномъ повиновеніи,— избавить. Однакоже, оттуда не отпускать и свободы во всѣ дни живота его не давать и какъ онъ, по болѣзненному сво- ему припадку, пропитанія доставать работою своею способа не имѣеть, то производить ему кормовыя изъ казны деньги по пяти копѣекъ на день“.

Вслѣдъ за возвращеніемъ изъ Сибири Ипполита Опочи- нина, младшая сестра Ильи Батюшкова, Анна Андреевна Пустошкина, нарочно ѣздила въ Царское Село и 8-го іюля 1782 года лично подала Екатеринѣ слѣдующую просьбу:

„Всеавгустѣйшая императрица,
„всемиловѣйшая государыня!

„Нешетныя милосердія вашего императорскаго величества подали и мнѣ всеподданнѣйшей смѣлость принести къ освя- щеннымъ стопамъ вашимъ рабское мое прошеніе.

„Еще 1770 года, братъ мой родной, корнетъ Илья Ба- тюшковъ, по малодушію своему, впалъ въ неизвѣстное мнѣ преступленіе, за которое тогда же отлученъ отъ отчизны его въ дальніе города. Ни продолжительное время удаленія его, ниже самое родство не отважило бы меня трудить священ- нѣйшую особу вашу, если бы не ободрало при томъ чело- вѣколюбивое и матернее вашего императорскаго величества прощеніе бывшаго въ одинакой съ братомъ моимъ участи подпоручика Ипполита Опочинина въ прошедшемъ году по- слѣдовавшее.

„Воззрите, всемиловѣйшая государыня, милосердымъ вашимъ окомъ на судьбу несчастнаго брата моего. Изъ еди- наго своего челолюбія, повелите распространить и на него милость вашу, которую я и весь родъ мой не престанемъ во всѣ дни наши прославляя, просить всемогущаго Бога о здра- вѣи и долгоденствіи вашего императорскаго величества“.

Прошеніе это передано было черезъ Безбородку генераль- прокурору и оставлено даже безъ отвѣта.

Императоръ Павелъ Петровичъ, черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, вспомнилъ о несчастномъ Батюшковѣ. 12 декабря 1796 года, князю Алексѣю Борисовичу Куракину данъ былъ слѣдующій именной высочайшій указъ: „Ильѣ Батюшкову, въ 1770 году сосланному въ Мангазею вѣчно на житье и лишенному чина и дворянства, всемилоостивѣйше повелѣваемъ: возвратить прежній чинъ и дворянство, позволя ему въѣздъ въ наши столицы“.

Застала-ли Батюшкова въ живыхъ милость новаго государя, неизвѣстно.

ШКЛОВСКІЕ АВАНТЮРИСТЫ.

(1778—1783 гг.)

...Проѣхали славное мѣстечко Шкловъ, но онаго осмотрѣть не могли, а только слышали, что зрѣніемъ таковыхъ жителей оскорбились бы и взоръ, и духъ нашъ...

(Платонъ, митрополитъ Московскій. Путешествіе въ Кіевъ въ 1804 году).

Въ 1778 году, генераль-адъютантъ Семень Гавриловичъ Зоричъ былъ удаленъ отъ двора и поселился въ своемъ имѣніи Шкловѣ, мѣстечкѣ Могилевской губерніи. Съ тѣхъ поръ цѣлый маленькій дворъ образовался около Шкловскаго помѣщика, и вскорѣ молва о веселой жизни въ Шкловѣ разнеслась чуть ли не по всей Россіи. Но пять лѣтъ спустя, тамъ случилось происшествіе, которое остановило потокъ этихъ увеселеній и отчасти наложило недобрую славу на имя самого владѣльца Шклова. Это-то происшествіе, въ которомъ много характеристическихъ чертъ для картины нравовъ Екатерининскаго вѣка, мы и намѣрены рассказать здѣсь ¹⁾. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Зоричѣ.

¹⁾ Въ нашихъ рукахъ находится извлеченіе изъ дѣла тайной экспедиціи „о заключеніи въ Нейшлотскую крѣпость на пять лѣтъ, иностранцевъ Анибала и Маркѣ Зановичей, перваго за ввозъ въ противность законовъ потаенно изъ-за границы фальшивыхъ ассигнацій, а послѣдняго за недонесеніе о томъ“. Прочіе наши источники указаны въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ.

*

Сербскій уроженецъ Семень Гавриловичъ Зоричъ, еще простымъ крестьянскимъ мальчикомъ былъ взятъ въ плѣнь Турками въ одно изъ многочисленныхъ возстаній его родичей противъ безуправныхъ пашей. Брошенный съ другими плѣнниками въ тюрьму, онъ распилить свои оковы и на Греческомъ суднѣ бѣжалъ въ Россію. Статный юноша явился въ Азовъ къ генералу князю Голицыну и сейчасъ же былъ опредѣленъ на службу, въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ ¹⁾. Въ апрѣлѣ 1770 года, во время первой Турецкой войны, Зоричъ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2000 человекъ кавалеріи и 700 человекъ пѣхоты, при семи пушкахъ, заставилъ двѣнадцатитысячный Турецкій отрядъ переправиться назадъ за Прутъ и за этотъ подвигъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Дослужившись до чина майора, Зоричъ отправился въ Петербургъ поискать себѣ какого-нибудь выгоднаго назначенія. Это случилось, вѣроятно, около того времени, когда дворъ вернулся изъ Москвы, послѣ торжественнаго празднованія Кучувъ-Кайнарджійскаго мира и привезъ съ собою оттуда новаго кандидата на придворные услѣхи—Петра Васильевича Завадовскаго ²⁾. Враги Потемкина, Орловы и Панины, торжествовали. Они предлагали императрицѣ удалить Потемкина и замѣнить его Завадовскимъ. Екатерина держала себя съ большою осторожностію: Завадовскій явился въ открытой милости только тогда, когда самъ Потемкинъ нашель нужнымъ уединиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ ³⁾. Это было въ апрѣлѣ 1776 года. Отдалившись отъ двора, Потемкинъ вовсе не имѣлъ въ виду отказаться отъ прибрѣтеннаго имъ могущества и устранить

¹⁾ Такъ рассказываетъ Ламартинъ (*Histoire de la Russie*, Paris, 1855, p. 202). Въ книгѣ „*La cour de Russie*“, стр. 304 и 305, Зоричъ названъ Венгерскимъ офицеромъ, состоящимъ въ Русской службѣ.

²⁾ П. В. Завадовскій (1739—1812 гг.) былъ въ послѣдствіи первымъ министромъ народнаго просвѣщенія (1802—1810 г.).

³⁾ Сочиненія Державина, изд. Я. К. Грота. Т. VI, стр. 529.

себя отъ вліянія на дѣла. Завадовскій могъ бы еще дольше наслаждаться своими успѣхами, еслибъ умѣлъ скрыть свою приверженность къ Орловымъ. Потемкину приходилось ужъ опасаться его, какъ орудія своихъ враговъ, а потому онъ сталъ искать человѣка, которымъ могъ бы замѣнить его при дворѣ. Именно въ это время Зоричъ представился Потемкину и просилъ его о покровительствѣ. На взглядъ Потемкина Зоричъ имѣлъ тѣ самыя качества, которыя были нужны для задуманнаго имъ предпріятія. Онъ оставилъ его при себѣ адъютантомъ, произвелъ въ подполковники и вслѣдъ за тѣмъ представилъ во дворъ. Въ автобіографіи С. П. Румянцова, подъ 1777 годомъ, мы уже читаемъ: „Возвратясь въ Петербургъ, мы нашли Завадовскаго, теряющаго фаворъ, и безъ того недолговременный. Зоричъ заступалъ его мѣсто“.

8-го іюня 1777 года Завадовскій уѣхалъ въ Малороссію, а Зоричъ былъ произведенъ въ полковники и пожалованъ въ флигель-адъютанты. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-казачьяго эскадрона и корнетомъ кавалергардскаго корпуса.

Успѣхъ Зорича продолжался всего 11 мѣсяцевъ. Ни одинъ изъ любимцевъ того времени не получилъ въ таковой короткій срокъ такъ много монаршихъ милостей, какъ Зоричъ. Изъ депеши Англійскаго посланника Оакса (Oakes), отъ 26-го сентября 1777 г., мы узнаемъ, что Зоричу была пожалована земля въ Лифляндіи¹⁾, которая стоила 200,000 руб., и весь доходъ съ нея за десять послѣднихъ лѣтъ, что составило сумму въ 80,000 руб. Вслѣдъ за тѣмъ Зоричу былъ подаренъ великолѣпный домъ около дворца²⁾. По свидѣтельству Гельбига, онъ получилъ болѣе пяти разъ по 5,000

¹⁾ Это тѣ самыя Сесвегенскія мызы, которыя Екатерина купила въ 1777 г. у наслѣдниковъ генерала-фельдмаршала Бутурлина. См. „Осмнад. Вѣкъ“, изд. П. И. Бартечева. Кн. IV, стр. 37.

²⁾ La cour de Russie, стр. 307.

руб., сверхъ 20,000 руб., выданныхъ ему на первое обзаведеніе, и 240,000 р. на уплату долговъ, а между тѣмъ жалованье шло своимъ порядкомъ. Въ послѣдствіи ему было пожаловано мѣстечко Шкловъ, купленное императрицей у князя Адама Чарторыйскаго за 450,000 руб. Но этимъ не ограничивались богатства Зорича: подаренные ему въ разное время брильянты оцѣнивались болѣе чѣмъ въ 200,000 рублей. 22-го сентября, въ день коронаціи, Зоричъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры (помимо чина бригадира) и въ генераль-адъютанты. Въ этотъ же день онъ получилъ еще брильянтоваыя вещи: звѣзду, аксельбанты, саблю, плюмажъ, башмачныя пряжки, перстень и запонку¹⁾.

При крайне ограниченномъ образованіи, Зоричъ былъ остроумень, неистощимо веселъ и добродушень. За то, съ другой стороны, трудно было опредѣлить границы его тщеславію, легкомыслію и расточительности. Но эти недостатки искупались по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ никогда не отказывался помочь ближнему и свое вліяніе при дворѣ употреблялъ на добрыя дѣла и на услуги такимъ людямъ, которыхъ считалъ обиженными²⁾. „Благодѣянія ваши стали уже извѣстны и въ семь мѣстѣ“... Такъ начинается одно письмо къ Зоричу изъ Малороссіи, отъ гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго (10-го сентября 1777 г.). Въ другомъ письмѣ отъ него же опять сказано: „Вы снискали себѣ уже отъ многихъ благодарность и общую похвалу въ расположеніи добротствія къ добрымъ и заслуженнымъ людямъ...“

Но безнечный и добродушный Зоричъ не могъ устоять „на скользкихъ паркетахъ придворныхъ“. Онъ, конечно, не

¹⁾ Графъ П. А. Румянцовъ поздравлялъ Зорича съ этими наградами въ очень почтительномъ письмѣ, которое напечатано въ Архивѣ военно-походн. канцеляріи гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго, въ Чт. Императ. Общ. Ист. и Древ. Рос., 1865, кн. I, ч. III, стр. 261.

²⁾ Изъ депеши Англійскаго посланника Гарриса, отъ 13-го февраля 1778 года. *La cour de Russie*, стр. 308.

понималъ, что понадобился Потемкину только для того, чтобы вытѣснить собою Завадовскаго. Потемкинъ считалъ Зорича слишкомъ ничтожнымъ и безвреднымъ для себя и по уму, и по связямъ. Онъ совершенно безразлично смотрѣлъ на придворные успѣхи Зорича, но только до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ въ немъ желанія играть самостоятельную роль. Тутъ онъ успѣшилъ остановить его. По свидѣтельству Гельбига, Потемкинъ выставлялъ на видъ императрицѣ необразованность Зорича и предлагалъ ей выбрать другого, болѣе достойнаго адъютанта. Вслѣдствіе ли этого объясненія, или по другимъ какимъ причинамъ; однажды императрица обоплась съ Зоричемъ довольно холодно. Это было въ Царскомъ Селѣ, въ маѣ мѣсяцѣ 1778 года. Зоричъ отнесъ это охлажденіе къ интригамъ Потемкина и, тотчасъ-же по удаленіи императрицы, началъ бранить князя самыми грубыми словами, и наконецъ, вызвалъ его на дуэль. Потемкинъ отказался отъ вызова. Зоричъ отправился къ императрицѣ, бросился къ ея ногамъ и съ отчаяніемъ объявилъ, что какъ ни велики почести и богатства, которыми она его осыпала, онъ равнодушенъ ко всему, кромѣ ея милостей и расположенія ¹⁾. Это произвело впечатлѣніе на Екатерину. Зоричъ въ продолженіе двухъ дней казался опять въ милости, а Потемкинъ, обиженный дурнымъ приѣмомъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Императрица, не любившая подобныхъ размолвокъ, отправила Зорича звать Потемкина къ ужину. Они ужинали вмѣстѣ и казались друзьями, но на самомъ дѣлѣ участь Зорича была уже рѣшена. Гордый князь не прощаль дерзостей. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ описаннаго случая, въ одинъ июньскій вечеръ, какъ рассказываетъ Гельбигъ, Зоричъ получилъ приказъ немедленно оставить дворъ. Зоричъ опрометью бросился къ покоямъ императрицы, но его не пустили туда; онъ умолялъ

¹⁾ Русскій Архивъ. 1866, стр. 594.

дозволить ему по крайней мѣрѣ проститься съ своею благодѣлительницей, но ему отказали и въ этомъ ¹⁾).

Гаррисъ, въ депешѣ въ своему двору, отъ 2-го іюня, рассказываетъ эту важную придворную новость нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что императрица въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ объяснила Зоричу причину его удаленія, но что это было принято Зоричемъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Онъ будто-бы забылся до такой степени, что позволилъ себѣ дѣлать ей упреки и предсказывалъ несчастныя послѣдствія отъ своего удаленія.

Зоричъ въ тотъ-же вечеръ уѣхалъ за границу. Онъ проѣхалъ прямо въ Парижъ, гдѣ прогостилъ нѣсколько времени у нашего министра Симолина ²⁾, а въ концѣ года былъ уже въ своемъ Шеловѣ.

Мѣстечко Шеловъ лежитъ весьма живописно на правомъ нагорномъ берегу Днѣпра, въ 22-хъ верстахъ отъ Могилева. Оно можетъ быть смѣло названо Еврейскимъ мѣстечкомъ. Отсюда, какъ изъ разсадника, Евреи разѣзжаются по цѣлой Бѣлоруссіи и всюду разносятъ славу о своей богатой синагогѣ и своихъ торговыхъ оборотахъ. Дѣйствительно, не во всякомъ губернскомъ городѣ можно найти такое разнообразіе товаровъ, особенно дамскихъ, какъ въ этомъ простомъ мѣстечкѣ. Однимъ словомъ, Шеловъ, съ своею пристанью и богатыми магазинами, играетъ въ Бѣлоруссіи такую-же роль, какъ Бердичевъ на Украинѣ. Въ старину Шеловъ былъ раскинутъ на обоихъ берегахъ Днѣпра и, подъ именемъ городка, принадлежалъ фамиліи Хоткевичей, потомъ поступилъ во владѣніе къ князьямъ Чарторыйскимъ и, наконецъ, былъ купленъ Еватериной II и пожалованъ Зоричу ³⁾. Въ описы-

¹⁾ Rus. Günstl. s. 417.

²⁾ Castéra. Histoire de Catherine II, Paris, an VIII. T. III, L. IX, p. 64.

³⁾ Безъ-Корниловичъ говоритъ, что по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, Шеловъ поступилъ, будто бы, отъ князей Чарторыйскихъ въ казенное вѣдомство; въ 1773 году былъ подаренъ Потемкину, который завелъ

ваемое время Шеловъ только что отстроился на новомъ мѣстѣ, послѣ пожара 1769 года, обратившаго въ пепель 300 домовъ. Украшеніемъ новаго мѣстечка была огромная квадратная площадь, посреди которой красовалось каменное зданіе гостиннаго двора съ двумя башнями: въ одной изъ нихъ помѣщалась ратуша, а въ другой кладовая. Въ концѣ площади расходились двѣ липовыя аллеи, одна вела въ Могилевъ, а другая—къ старинному замку, въ которомъ уединился отъ большаго свѣта Семень Гавриловичъ Зоричъ.

24 ноября Зоричъ праздновалъ въ Шеловѣ день тезоименитства своей благодѣтельницы. Послѣ обѣдни въ Греческой церкви, онъ посѣщалъ домой принимать гостей, которые безпрестанно вѣзжали цугами въ его широкій дворъ. Приѣзжавшіе почтительно проходили анфилады раззолоченныхъ комнатъ и рекомендовали себя вниманію богатаго и сильнаго сосѣда. Тутъ были и чванныя Польскіе паны съ своими семействами, и Русскіе помѣщики, и губернская знать изъ Могилева. Разукрашенный обѣденный столъ бывалъ накрытъ на сто кувертовъ. Въ продолженіе всего обѣда не умолкала пушечная лальба, а на хорахъ усердствовали домашніе музыканты. Въ 7 часовъ по-полудни уже открывался балъ. Гостепріимный хозяинъ упрашивалъ все общество остаться у него и на слѣдующій день. Всѣ гости удобно размѣщались въ просторныхъ флигеляхъ, а на другой день опять собирались къ пышному обѣденному столу. Вечеромъ устраивался маскарадъ. На третій день все мѣстечко освѣщалось потѣшными огнями. Такъ праздновался день св. Екатерины во все время пребыванія Зорича въ Шеловѣ¹⁾.

Зоричъ чувствовалъ, что онъ награжденъ не по заслугамъ, и не задумался удѣлить значительную часть своихъ

здѣсь фабрику часовъ, а въ 1778 г. переданъ Зоричу. Истор. свѣд. о примѣч. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи Спб. 1855, стр. 208, 209.

¹⁾ *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достоп. людей. II, 403.

доходовъ на такое дѣло, которое, по его убѣжденію, должно было быть пріятно обожаемой имъ государынѣ. Вѣлоруссія, недавно воссоединенная съ своимъ древнимъ отечествомъ, слишеомъ нуждалась въ образовательныхъ заведеніяхъ. Зоричъ замѣтилъ, а можетъ быть, узналъ отъ другихъ, что большинство мѣстныхъ дворянъ затрудняется воспитывать своихъ дѣтей, и вотъ онъ спѣшитъ помочь имъ отъ своихъ избытковъ. Въ 1778 году онъ учреждаетъ въ Шкловѣ на свой счетъ училище для 60-ти дворянскихъ дѣтей изъ Русскихъ и Польскихъ семействъ. Для училища онъ выстроилъ прекрасное каменное зданіе и выписалъ „хорошихъ учителей“¹⁾. Намъ извѣстны имена только двухъ учителей Зоричевского училища: Дажа, преподававшего математику, и Лазича, названнаго „экзерциціи офицеромъ“. Изъ воспитанниковъ въ нашихъ источникахъ упоминаются тоже только двое: Волинскій и Каховскій. При училищѣ была больница и бібліотека, послѣдняя была куплена Зоричемъ въ 1781 г. въ Петербургѣ, у Соймонова, за 8,000 руб. и помѣщалась въ ратушѣ, вмѣстѣ съ физическимъ кабинетомъ. Должно полагать, что педагогика очень скоро присучила Зоричу. Онъ ввѣрилъ училище особому директору, а самъ всецѣло отдался разгулу своей широкой натуры.

Современники рассказываютъ, что не было ни одного барина въ Россіи, который жилъ бы такъ пышно, какъ Зоричъ. Его домъ былъ всегда открытъ для всѣхъ. Съ пріѣзда Зорича, въ Шкловѣ водворились люди всякаго рода, всякаго званія и разныхъ націй. Вмѣстѣ съ многочисленными родственниками и сослуживцами Зорича, здѣсь нашли себѣ споконный и веселый пріютъ и разные авантюристы и игроки; тутъ были Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдаване и даже Турки. Большая часть этихъ выходцевъ располагалась, какъ дома, въ обширныхъ флигеляхъ Зорича

¹⁾ Записки Л. Н. Энгельгардта. М. 1867, стр. 9.

и содержалась на его счетъ. Зоричъ держалъ постоянно театральную труппу (Польскую) и хоръ музыкантовъ. Обѣдалъ онъ всегда въ большой компаніи: тутъ были и званые, и незваные. Каждый годъ въ Шеловскій замокъ съѣзжались со всѣхъ сторонъ, даже изъ Петербурга и Москвы, въ Екатеринину дню, въ именинамъ Зорича (1-го сентября) и на время Шеловскихъ ярмарокъ ¹⁾. Гости оставались на двѣ недѣли и болѣе. Въ это время бывали балы, маскарады, спектакли любителей, карусели, фейерверки, катанія въ шлюпкахъ, и кромѣ того, велась большая карточная игра. Словомъ, не было, забавъ, которыхъ нельзя было бы найти въ гостепріимныхъ Шеловскихъ хоромахъ. Туда съѣзжались единственно для веселія и находили его въ избыткѣ.

Въ началѣ 1780 года, прошелъ слухъ, что императрица задумала предпринять путешествіе по Бѣлоруссіи. Радостная вѣсть эта быстро облетѣла Полоцкую и Могилевскую губерніи. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе увидѣть свою государыню, слава которой давно уже гремѣла по всей Европѣ. Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что поѣздка императрицы имѣетъ еще и политическую цѣль: въ Могилевѣ она назначила свиданіе императору Іосифу II. Намѣстникъ края графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ ²⁾ не щадилъ ни трудовъ, ни средствъ, чтобъ достойнымъ образомъ встрѣтить и угостить высокихъ путешественниковъ. Онъ выписалъ изъ Петербурга придворную Итальянскую оперу и построилъ на свой счетъ театръ и огромную бальную залу. Къ городу были стянуты для маневровъ лучшія войска. Отвсюду съѣзжались иностранцы и богатые Польскіе магнаты. За мѣсяцъ до пріѣзда импера-

¹⁾ Въ Шеловѣ были двѣ ярмарки въ году: 1) на девятой недѣлѣ послѣ Свѣтлаго Воскресенія и 2) на второй недѣлѣ великаго поста. Обѣ ярмарки продолжались по двѣ недѣли. На нихъ съѣзжались купцы изъ разныхъ концовъ Россіи. Записки путешествія академика *В. Севергина*, стр. 104.

²⁾ Графъ Зах. Григ. Чернышевъ, фельдмаршалъ (1722—1784 гг.). Съ 5-го февраля 1782 г. по самую смерть былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

трицы, когда уже прибыли въ городъ иностранные министры и часть двора, Могилевъ, по замѣчанію Энгельгардта, сталъ болѣе похожъ на столицу, чѣмъ на губернскаго городъ. Могли оставаться спокойнымъ Зоричъ? Шкловъ лежалъ на пути императорскаго шествія. И дѣйствительно, 4,000 червонцевъ стоила Зоричу одна передѣлка замка. На 60,000 руб. онъ выписалъ фарфору изъ Саксоніи, а генераль-маіоръ Мелисина уже нѣсколько мѣсяцевъ работалъ въ его саду надъ устройствомъ павильона для 50,000 ракетъ.

19-го мая Еватерина пріѣхала въ Полоцкъ и, соображая дальнѣйшій маршрутъ, назначила на 23-е число ночлежъ въ Шкловѣ. Въ тихій майскій вечеръ въ Шкловъ примчалась повозоченная карета съ опущенными стеклами. Впереди скакали верхами, по два в рядъ, на богатоубранныхъ лошадяхъ знатные дворяне; ихъ нагонялъ почтмейстеръ съ 12-ю почтальонами въ красныхъ кафтанахъ, а за ними доброю рысью неслись пикинеры. Съ правой стороны кареты ѣхали на отличныхъ коняхъ графъ Чернышевъ и Зоричъ. При вѣздѣ на площадь, императрица подняла стекла и съ привѣтливою улыбкой стала кланяться удивленнымъ Шкловцамъ. Шествіе замыкалось лейбъ-кирасирами и придворными каретами, запряженными шестернями. Когда поѣздъ приблизился къ липовымъ аллеямъ, Зоричъ быстро обогналъ его и встрѣтилъ высокую гостью на крыльцѣ своего дома. Въ Дневной запискѣ путешествія императрицы, о пребываніи ея въ Шкловѣ 23 мая, отмѣчено: „Въ вечеру изволила ея императорское величество забавляться въ карты и смотрѣть Нѣмецкую оперу комическую, представленную на домашнемъ Шкловскаго помѣщика театрѣ; послѣ коей начался балъ, и потомъ данъ былъ для свиты ея императорскаго величества великолѣпный ужинъ. Домъ помѣщикій и все мѣстечко были иллюминированы“¹⁾. За ужиномъ пришло извѣстіе, что импера-

¹⁾ Сборникъ Русскаго историческаго общества. Сиб. 1867. Т. I, стр. 404.

торъ Іосифъ уже въ Могилевѣ. Императрица назначила завтра-же утромъ выѣхать изъ Шклова и общала Зоричу на обратномъ пути остаться у него на цѣлыя сутки. 24-го мая, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, императорскій поѣздъ прибылъ въ Могилевъ. Императрица отправилась прямо въ соборъ, гдѣ была встрѣчена съ крестомъ и святою водою архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ, а оттуда отправилась на Шкловское предмѣстье во дворецъ, гдѣ ее встрѣтилъ Іосифъ. Императоръ подошелъ къ ея руцѣ, а она по Русскому обычаю поцѣловала его въ лицо ¹⁾. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, императрица пригласила високаго гостя на обѣдъ, а въ 7 часовъ вечера отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ оперу. Въ слѣдующіе дни по утрамъ производились маневры, а вечеромъ давались пышные балы, концерты, спектакли. Роскошь пировъ и празднествъ изумляла Іосифа. Но больше всего онъ удивлялся самой Екатеринѣ.

30-го мая по утру императрица выѣхала съ Іосифомъ въ Шкловъ. Послѣ Могилевскихъ празднествъ, владѣльцу Шклова, казалось, трудно было составить программу увеселеній для двухъ вѣнценосцевъ, осчастливившихъ его своимъ пріѣздомъ. Но Зоричъ былъ слишкомъ опытенъ въ этихъ дѣлахъ. Послѣ обѣда, на которомъ присутствовали обѣ императорскія свиты, всѣ перешли въ театръ, гдѣ дворянскими любителями была представлена пантомима, при чемъ до семидесяти разъ мѣнялись великолѣпныя декорации. Потомъ начался балъ въ маскахъ. Для простого народа поставлены были качели и другія забавы и, сверхъ того, былъ, хлѣбъ и разныя питья. Въ сумерки домъ помѣщичій и все мѣстечко ярко освѣтились иллюминаціей. На площади трещали смоляныя бочки. Послѣ ужина, въ саду былъ зажженъ фейерверкъ и пущено 50,000 ракетъ, стѣдившихъ баснословно дорого. На

¹⁾ *Безъ-Корниловичъ*, Историч. свѣд. о примѣч. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, стр. 174.

другой день императрица, отслушавъ литургію въ дѣвичьемъ монастырѣ, отправилась въ Петербургъ черезъ Смоленскъ и Новгородъ, а императоръ—черезъ Москву.

Въ концѣ года и самъ Зоричъ уѣхалъ въ Петербургъ, а въ началѣ 1781 г. прибылъ въ Москву. Онъ искалъ способнаго и опытнаго человѣка, который могъ бы съ успѣхомъ занять должность директора его училища ¹⁾. Въ Москвѣ выборъ Зорича палъ на Француза Салморана, о которомъ и считаемъ нужнымъ свазать здѣсь нѣсколько словъ, потому что въ послѣдующемъ разсказѣ намъ придется часто встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ.

Тимолеонъ-Альфонсъ-Галиенъ де Салморанъ, по собственному его показанію, „находясь три года подъ присмотромъ Вольтера“, пріѣхалъ изъ Франціи въ Россію въ ноябрѣ 1772 года, вмѣстѣ съ Александрой Евтихіевной Демидовой ²⁾, которая узнала его въ чужихъ краяхъ и до самой смерти оказывала ему свое покровительство. Кромѣ того, онъ пользовался еще благодѣяніями княгини Голицыной, „дочери стараго Грузинскаго царевича“ ³⁾, и княгини Варвары Александровны Долгоруковой ⁴⁾, дочери фельдмаршала Батурлина. Тотчасъ-же по пріѣздѣ въ Петербургъ, Салморанъ поступилъ гувернеромъ въ домъ генераль-поручика Ржевскаго и въ началѣ слѣдующаго 1773 года переѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Въ 1775 году, когда дворъ возвратился изъ Москвы въ Петербургъ послѣ торжественнаго празднованія Турецкаго мира, пріѣхалъ туда и Салморанъ, въ качествѣ

¹⁾ Намъ неизвѣстно, за что и когда былъ удаленъ прежній директоръ Шкловскаго училища.

²⁾ Рожденная Сафонова, третья супруга извѣстнаго мецената Никиты Акинфѣевича Демидова.

³⁾ Княгиня Анна Егоровна Голицына, рож. княж. Грузинская, супруга ген.-маіора кн. Алексѣя Борисовича Голицына. (Рос. родосл. книга, кн. Долгорукова, I, стр. 295, № 119).

⁴⁾ Была за-мужемъ за генераль-поручикомъ кн. Василемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ (1738—1782 г.). Тамъ-же, стр. 96, № 147.

учителя въ домѣ камергера Александра Ѳедоровича Талызина ¹⁾, который, вѣроятно, слѣдовалъ въ свитѣ императрицы. Въ Петербургѣ Салморанъ уже не засталъ въ живыхъ трехъ своихъ благодѣтельницъ: всѣ онѣ скончались „въ цвѣтущихъ лѣтахъ“. Черезъ полгода Салморанъ опять уѣхалъ въ Москву и поступилъ на прежнее мѣсто къ Ржевскому. Въ половинѣ 1776 года онъ опредѣлился гувернеромъ же къ полковнику князю Василью Нивитичу Трубецкому, у котораго „упражнялся въ чтеніи библіотеки“. Годъ спустя, мы его уже видимъ въ домѣ генераль-маіора князя Алексѣя Нивитича Волконскаго. Но и тутъ онъ прожилъ только полгода. Чѣмъ занимался Салморанъ послѣ того — намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что онъ продолжалъ жить въ Москвѣ, между Тверской и Никитской, „въ наемномъ долѣ Менделѣева“. Самъ Салморанъ говорить о себѣ такъ: „Я велъ себя не зазорно, во все время какъ живу въ Россіи; я не говорю, чтобъ я жилъ какъ святой, до этого весьма далеко, могу сказать еще, что я жилъ довольно развратнымъ образомъ; наконецъ, скучая родомъ такой жизни, которая ни къ чему не ведетъ, принялъ намѣреніе сдѣлать ей конецъ“.

Въ 1779 году Салморанъ гдѣ-то встрѣтился съ сестрою придворной актрисы, дѣвицею Сажъ, которая сперва жила „для компаніи“ у княгини Орловой ²⁾, потомъ переѣхала въ Москву и давала тамъ уроки пѣнія и игры на клавибордахъ. Салморанъ, „узнавъ ее совершенно“, предложилъ ей свое сердце и руку. „Весь свѣтъ удивился послѣдовавшей со мною внезапной перемѣнѣ“, говоритъ Салморанъ, „ибо я изъ расточителя и гуляки, сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ, охотникомъ до наукъ и бережливымъ. Симъ счастливымъ превращеніемъ я обязанъ добродѣтелямъ и хорошимъ каче-

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ, въ 3-ей кн. „Осмнадц. Вѣка“, М. 1869, стр. 348.

²⁾ Статсъ-дама княгиня Екатерина Николаевна Орлова, рожденная Зиновьева (1758—1781 гг.), супруга князя Григорья Григорьевича.

ствамъ дарованной мнѣ небомъ супруги“. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы, молодые поселились въ домѣ Петра Федоровича Нащокина. Они зажили, вѣжета, припѣваючи. Въ добрую минуту Салморанъ говорилъ: „Мы не имѣли иного богатства, кромѣ нашихъ дарованій, то и вознамѣрились употребить ихъ въ нашу пользу“. И дѣйствительно, г-жа Салморанъ давала уроки и пѣнія, и музыки 14-ти молодымъ дворянскимъ дочерямъ, въ томъ числѣ дочери самого Нащокина, и получала за каждую по 12 руб. въ мѣсяцъ, что въ годъ составляло 2016 рублей. А самому Салморану Московскій университетъ предложилъ „сочиненіе первыхъ въ Россіи Французскихъ вѣдомостей“. Ему была обѣщана за это третья часть денегъ, собираемыхъ отъ подписки и, кромѣ того, было назначено постоянное жалованье, по 200 р. въ годъ. „Сочиненіе вѣдомостей“ началось, кажется, успѣшно, потому что черезъ два мѣсяца Салморанъ рассчитывалъ, что можетъ получить въ годъ 1,000 руб. Въ такомъ положеніи были дѣла Салморана, когда, въ началѣ 1781 года, пріѣхалъ въ Москву Зоричъ и сталъ искать директора для Шкловскаго корпуса.

Отъ своихъ Московскихъ знакомыхъ Зоричъ, вѣроятно, слышалъ много хорошаго о Французѣ Салморанѣ и потому рѣшился послать за нимъ. Салморанъ выслушалъ предложеніе Зорича принять на себя управленіе Шкловскимъ военнымъ училищемъ и, взвѣсивая важность этой должности, для которой, по его мнѣнію, нужно было имѣть „великія качества“, долго не могъ сказать окончательнаго рѣшенія, но наконецъ объявилъ, что если его превосходительству нуженъ „для этой академіи ученый человѣкъ“, то онъ согласенъ принять предлагаемое мѣсто, но только не иначе, какъ за хорошее вознагражденіе. Зоричъ обѣщалъ ему готовый столъ, квартиру, четырехъ служителей, карету и 1000 рублей жалованья. Салморанъ нашелъ эти условія выгодными и тутъ же составилъ и подписалъ контрактъ. Обрадованный Салморанъ по-

спѣшилъ къ женѣ и самодовольно вручилъ ей контрактъ. Но г-жа Салморанъ не раздѣляла радости мужа. Она уже давно знала Зорича, котораго часто видѣла у княгини Орловой, и предсказывала мужу, что имъ придется расквашиваться въ этой далекой поѣздѣ. На другой день Салморанъ отправился къ Зоричу и попросилъ у него на дорогу жалованья за полгода впередъ, но Зоричъ сказалъ, что отъѣзжаетъ въ Петербургъ и имѣетъ деньги только на дорогу; что надѣется быть въ Петербургѣ черезъ четыре дня и поспѣшитъ выслать ему деньги. „Пожалуйста не теряйте времени и кончайте ваши дѣла какъ можно скорѣе; васъ ждутъ въ Шкловѣ. Черезъ недѣлю вы получите деньги и будьте готовы къ отъѣзду. Прощай, любезный другъ!“ Салморанъ вышелъ и удивленный, и оскорбленный. Ему было извѣстно, что Зоричъ, въ бытность свою въ Москвѣ, проигралъ въ карты 44,000 руб. и нашелъ же чѣмъ заплатить ихъ, а тутъ отказывается „въ малой вещи человѣку, находящемуся у него въ услуженіи“. Но дѣлать было нечего. Въ ожиданіи обѣщанныхъ денегъ, Салморанъ занялся сборами въ дорогу. Прежде всего онъ отказался отъ „сочиненія вѣдомостей“. Университетъ отказался вознаграждать его за труды, вѣроятно, на основаніи контракта, нарушеннаго самимъ-же Салмораномъ. Г-жа Салморанъ также отказалась отъ уроковъ. Салморану трудно было жить, но онъ утѣшался тѣмъ, что это не надолго. Однако проходитъ мѣсяць, другой, четвертый, а денегъ все нѣтъ. Шкловскій генераль, какъ въ воду канулъ. Бѣдный Салморанъ проходилъ въ отчаяніе, какъ вдругъ получается письмо отъ Зорича, въ которомъ тотъ приказываетъ Салморану отправиться къ гвардейскому офицеру Арсеневу и получить отъ него деньги. Въ письмѣ Зоричъ называлъ Арсенева своимъ „искреннимъ другомъ“. Салморанъ тотчасъ-же явился къ Арсеневу и представилъ ему письмо Зорича. Арсеневъ подтвердилъ, что онъ дѣйствительно другъ Зорича, но денегъ не далъ.

Въ это же самое время г-жа Салморанъ разрѣшилась отъ бремени первымъ сыномъ. Радостное происшествіе это было по меньшей мѣрѣ несвоевременно. Среди домашнихъ хлопотъ, какъ изъ земли выросъ унтеръ-офицеръ съ деньгами отъ Зорича и съ требованіемъ немедленно ѣхать въ Шеловъ. Салморанъ „честнымъ образомъ далъ чувствовать посланному, что г-жа Салморанъ, для благопристойности, не можетъ отправиться прежде прошествія мѣсяца“. Унтеръ-офицеръ уѣхалъ одинъ.

По выздоровленіи жены, Салморанъ рѣшился, наконецъ, выѣхать изъ Москвы. Онъ продалъ за безцѣнокъ клавиорды, три кареты и всю мебель. Но денегъ было все-таки мало, такъ что нельзя было даже выкупить изъ заклада жениныхъ брильянтовъ. Новорожденнаго сына онъ оставлялъ въ Москвѣ на попеченіи одной Нѣмки, которой обязался заплатить 100 руб. за годъ. Салморану, конечно, лучше было бы ѣхать прямо въ Шеловъ, но онъ отправился на Петербургъ, чтобъ увидѣться тамъ съ Зоричемъ и попросить у него денегъ.

Зоричъ удивился пріѣзду Салморана и „взглянулъ на него съ весьма холоднымъ духомъ“; но потомъ обошелся и приказалъ прійти за деньгами на другой день въ три часа. Однако и на этотъ разъ Салморанъ получилъ полугодовое жалованіе (500 руб.) только черезъ мѣсяцъ и отправился наконецъ въ Шеловъ съ женою и съ библіотекою, только что купленною Зоричемъ у Соймонова.

Въ отсутствіе Зорича, въ Шеловъ пріѣхали изъ за-границы три новыхъ лица: сводный братъ его Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ и два брата графы Зановичи. Всѣ трое размѣстились въ замкѣ Зорича. Они съ перваго же дня начали безумно сорить деньгами, устроили большую банковую игру и вообще вели себя, какъ очень богатые люди.

Фамилія графовъ Зановичей происходитъ отъ старинной и знатной фамиліи Пастровичей, извѣстной во всей Далмаціи по своимъ богатствамъ и связямъ. Графы Маркъ и Аннибалъ Зановичи ¹⁾, сыновья графа Антона Зановича, родились въ Далматскомъ мѣстечкѣ Пастровичахъ.

Умные отъ природы, Зановичи обучались въ разныхъ коллегіумахъ. По успѣшномъ окончаніи курса, они возвратились къ отцу, который вскорѣ умеръ, оставивъ сыновьямъ большое состояніе и, кромѣ того, добрую репутацію, которою онъ постоянно пользовался за свою доброту и честность. Графъ Аннибалъ Зановичъ поступилъ въ іезуиты, а по уничтоженіи іезуитскаго ордена, возвратился къ старшему брату, графу Марку, который уже успѣлъ прожить все состояніе и занимался какими-то темными оборотами. Братья отправились въ Венецію. Сказываютъ, что они запутались тамъ въ какомъ-то криминальномъ дѣлѣ и, кажется, были приговорены къ казни, но успѣли бѣжать и начали странствовать по Европѣ, промышляя карточной игрой и т. п. ²⁾ Въ 1776 году графъ Маркъ Зановичъ явился въ Потсдамъ и умѣлъ втереться въ общество принца Прусскаго. Но когда узнали изъ газетъ его прежнія продѣлки, то выслали его изъ Берлина. 28-го января 1778 года Фридрихъ II уже писалъ въ Бреславль, что туда прибылъ графъ Зановичъ, „посѣщавшій разные Европейскіе дворы, промышляя обманомъ“, а потому приказывалъ задержать его, подъ предлогомъ взыскиваемыхъ съ него долговъ. Но Зановичъ успѣлъ бѣжать въ Голландію, гдѣ ухитрился обмануть банкировъ, занявъ у нихъ отъ имени Венеціанскаго посланника Кавалли 300,000 гульденовъ. Случай этотъ едва не послужилъ поводомъ къ войнѣ между Голландіей и Венеціей, потому что Кавалли рѣшительно отказы-

¹⁾ Въ Запискахъ Казановы, первый названъ Стефаномъ, а второй Предиславомъ. См. примѣчанія Лонгинова къ Запискамъ Энгельгардта, стр. 32.

²⁾ Записки Энгельгардта, стр. 32.

вался отъ всякаго участія въ этомъ займѣ Графъ Маркъ Зановичъ укрылся отъ преслѣдованій въ Парижъ, гдѣ нашель и своего брата, графа Аннибала, который за разныя плутни былъ изгнанъ изъ Флоренціи ¹⁾.

Въ это время въ Парижѣ проживаль полковникъ Русской службы Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ. Фонъ-Визинъ, въ письмѣ изъ Ахена, отъ ¹⁸₂₉-го сентября 1778 г., къ графу П. И. Панину, пишетъ о немъ слѣдующее: „Приѣхаль въ Парижъ братъ г. Зорича, полковникъ Неранчичъ, человекъ, впрочемъ, честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ“ ²⁾.

Зановичи встрѣтились съ Неранчичемъ, какъ старые знакомые ³⁾. Они познакомились съ нимъ еще въ Триестѣ и уже тамъ получили отъ него приглашеніе ѣхать вмѣстѣ въ Шеловъ. Безконечныя преслѣдованія полиціи и кредиторовъ заставили Зановичей попробовать счастья гдѣ-нибудь подальше. Въ іюнѣ 1781 года они, вмѣстѣ съ Неранчичемъ, были уже въ Шеловскомъ замкѣ. Черезъ три мѣсяца послѣ нихъ приѣхаль въ Шеловъ и Салморанъ.

Шеловское училище, по свидѣтельству Салморана, терпѣло въ то время „недостатокъ въ самонужнѣйшихъ вещахъ къ жизни“. Нужда доходила, будто бы, до такой степени, что часто затруднялись чѣмъ наборить 60 кадетъ и 10 учителей. Салморанъ рассказываетъ, будто бы экономъ вынужденъ былъ однажды прибѣгнуть къ слѣдующему отчаянному средству: „Отнявъ у одной женщины, среди улицы,

¹⁾ Примѣчанія къ Запискамъ Энгельгардта, стр. 32 и 33.

²⁾ Сочиненія Фонъ-Визина, стр. 343.

³⁾ Они были кромѣ того *въ свойствѣ* съ Неранчичемъ, такъ по крайней мѣрѣ показывалъ потомъ младшій Зановичъ.

корову, онъ привелъ ее на кухню, велѣлъ убить и сдѣлать для кадетъ обѣдъ и ужинъ“. Прїѣздъ Зорича скорѣе запуталъ дѣла училища, чѣмъ поправилъ ихъ. Кадеты, напримеръ, должны были танцевать балеты на пирахъ Зорича и забавлять веселое общество примѣрными „военными эволюціями“¹⁾, а директоръ ихъ Салморанъ игралъ, съ женою, комедіи и оперы, для которыхъ онъ же сочинялъ и стихи, и музыку. Кромѣ того, онъ безпрестанно ходилъ въ ратушу, гдѣ помѣщался физическій кабинетъ, и „для увеселенія компаніи“ показывалъ опыты. Салморану, конечно, некогда было заниматься училищемъ, особенно послѣ того, какъ Зоричъ поручилъ ему навонецъ и всю свою переписку. Это случилось тотчасъ же по удаленіи секретаря Эльвика, который, по замѣчанію Салморана, „былъ человѣкъ ученый и честный, однакоже г. генералъ называлъ его плутомъ“.

Зановичи поражали всѣхъ своею роскошью и огромными тратами. Они далеко оставили за собою самого Зорича въ умѣніи придумывать разныя забавы и причуды. Но отъ времени до времени карточная игра становилась самымъ главнымъ занятіемъ въ Шьловскомъ замкѣ. Зоричъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за картами и проигрывалъ большія деньги. Одинъ разъ онъ проигралъ заѣзжему артиллерійскому офицеру 10,000 руб. противъ 15-ти. Въ другой разъ, понтируя и меча банкъ вмѣстѣ съ младшимъ Зановичемъ, онъ проигралъ полковнику князю Волконскому 50,000 руб. Зановичъ сейчасъ же заплатилъ свою долю деньгами и брильянтами, а Зоричъ, по свидѣтельству Салморана, не имѣлъ этого обычая. Онъ сперва бранилъ князя и только черезъ нѣсколько дней, за обѣдомъ, согласился написать ему вѣсель. За неимѣніемъ песку, князь Волконскій засыпалъ вексель солью. По замѣчанію Салморана, князь поступилъ весьма благоразумно, посоливъ на всякій случай вексель, которому придется долго пролежать въ его карманѣ.

¹⁾ Записки Энгельгардта, стр. 30.

Между тѣмъ, дѣла Зорича запутывались все болѣе и болѣе. При 100,000 годового дохода, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и держался только безвѣчными займами у Зановичей. Какъ нарочно, въ это же время, именно 6-го ноября, случился большой пожаръ въ Шкловскомъ замкѣ. У Зановичей сгорѣло множество брильянтовъ, бумагъ и богатѣйшій гардеробъ. Къ счастью графовъ, Салморану удалось спасти ихъ шкатулку съ алмазными вещами и бумажникомъ, въ которомъ, по увѣренію Зановичей, было однихъ векселей болѣе чѣмъ на 200,000 червонцевъ. Въ день пожара Зоричъ гостилъ въ Могилевѣ. Посланный туда курьеръ нашелъ Зорича на балу, танцующимъ минуетъ съ дѣвицей Энгельгардтъ, дочерью губернатора. Печальное извѣстіе, повидимому, не смутило Зорича: онъ продолжалъ танцовать, какъ ни въ чемъ не бывало. Трудно объяснить это только беззаботнымъ и веселымъ характеромъ Зорича. Ему не хотѣлось обнаруживать свои настоящія чувства, и онъ успѣлъ въ этомъ, какъ нельзя больше. Послѣ пожара Зоричъ продолжалъ давать великолѣпные праздники и, по прежнему, велъ большую игру. Но въ вихрѣ веселія и шума не трудно было замѣтить, что хозяинъ обгорѣвшаго зѣмка только пируетъ, но уже не веселится. Задумывались и Зановичи.

Въ концѣ года Зоричъ собрался было ѣхать въ Петербургъ и взялъ съ собою Зановичей, которыхъ давно хотѣлъ представить ко двору, но изъ Смоленска вернулся назадъ, потому что не достало денегъ на дорогу.

Наступилъ 1782 годъ. Изобрѣтательные Зановичи уже придумывали способъ вытти изъ наскучившаго всѣмъ затруднительнаго положенія. Нѣсколько ночей сряду они запирались съ Зоричемъ въ отдаленную комнату и вели тайнственныя совѣщанія. Съ нѣкотораго времени замѣчали уже, что Зоричъ повеселѣлъ и, не стѣсняясь, рассказывалъ, что надѣется уплатить весь свой долгъ (450,000 р.) въ четыре года и доведетъ свой годовой доходъ до 180,000 р. Между

тѣмъ, въ это время Зановичи, при посредствѣ Салморана, уговорили Зорича передать имъ на время управленіе Шкловомъ, съ принадлежащимъ къ нему имѣніемъ, а они, съ своей стороны, обязывались внести всѣ долги Зорича и, кромѣ того, платить ему по 100,000 руб. въ годъ¹⁾.

Въ маѣ мѣсяцѣ графъ Аннибалъ Зановичъ выѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда располагалъ отправиться за границу, подѣ предлогомъ продать тамъ свое имѣніе для уплаты долговъ Зорича. На всякій случай, Зоричъ вручилъ ему рекомендательныя письма къ Русскимъ посланникамъ въ Голландію и Англию и къ Петербургскому придворному банкиру Сутерланду. Во всѣхъ этихъ письмахъ Зоричъ называлъ графа своимъ родственникомъ. Въ Петербургѣ Зановичъ останавливался у Неранчича, въ Зоричевомъ домѣ, около дворца, и отправился за границу только тогда, когда банкиръ Сутерландъ, послѣ долгихъ колебаній, выдалъ ему наконецъ вексель въ 48,000 ливровъ съ переводомъ въ Парижъ на банкирскую контору Жирарда Галлеро и К^о.

Въ отсутствіе младшаго Зановича, въ Шкловскомъ замѣѣ не случилось ничего примѣчательнаго. Всѣ были въ томительномъ ожиданіи или, скорѣе, въ предчувствіи чего-то особеннаго. Но едва ли можно было насчитать и трехъ чловѣкъ, которые могли бы точно объяснить, въ чемъ можетъ заключаться это особенное. Въ это невеселое время общее вниманіе остановилось на семейной радости Салморана. Къ нему привезли изъ Москвы его сына-первенца, остававшася тамъ на попеченіи Нѣмки. За маленькимъ Салмораномъ посылали однако карету, двухъ лакеевъ и женщину.

Въ февралѣ слѣдующаго 1783 года возвратился, наконецъ, графъ Аннибалъ Зановичъ и, къ общему недоумѣнію, остановился не у Зорича, а въ домѣ Еврея Нотки. Еще болѣе показалось страннымъ, что въ первые дни своего при-

¹⁾ Записки Энгельгардта, стр. 31.

ѣзда онъ накрѣпо запирался въ своей комнатѣ, не впускалъ туда даже прислуги, а когда нужно было выходить куда-нибудь, то оставлялъ въ комнатѣ своего брата. Но вскорѣ все это обошлось, и жизнь Шеловскаго замка пошла своимъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ веселаго обѣда, Зоричъ съ гостями своими любилъ иногда посидѣть у Салморана, и это было тѣмъ удобнѣе, что его комнаты находились почти рядомъ съ столовою Зорича. Г-жа Салморанъ садилась обыкновенно за клавиорды и своею мастерскою игрою, приводила въ восторгъ всѣхъ слушателей. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, какъ рассказываетъ Салморанъ, „Зоричъ и старшій графъ, не любя музыки, упражнялись, по ихъ обыкновенію, въ волокитствахъ за дамами, а меньшей графъ, воего лицо довольно доказываетъ, что онъ не ищетъ нравиться женщинамъ“, рассказывалъ самому Салморану свои дорожныя походы. Не смотря на всю занимательность его рассказовъ, Салморанъ принужденъ былъ слушать его только однимъ ухомъ; „другимъ—онъ прислушивался къ разговорамъ компании, а глаза устремлялъ на жену“. Графъ Аннибалъ рассказывалъ, будто бы ему удалось въ Брюсселѣ получить отъ банкира Ванскора, подъ весель на герцога Ланкастерскаго, 20.000 червонцевъ. Съ этими деньгами онъ отправился въ Остъ-Индію, откуда намѣревался было ѣхать въ Англію, чтобъ сдѣлать тамъ расчетъ по остальнымъ векселямъ, но въ ожиданіи попутнаго вѣтра, сѣлъ играть въ карты съ нѣсколькими Англичанами и проигралъ имъ всѣ свои деньги. Англичане собрались къ нему и на другой день, но на этотъ разъ графъ игралъ счастливѣе: онъ не только возвратилъ весь вчерашній проигрышъ, но еще выигралъ отъ нихъ 50.000 руб., которые сейчасъ-же получилъ деньгами, вещами и векселями. Графъ поспѣшилъ назадъ въ Брюссель, накупилъ тамъ разныхъ вещей, нанялъ для Зорича двухъ камердинеровъ Французовъ и уѣхалъ въ Берлинъ. Здѣсь ему показалось будто-бы неудобнымъ ѣхать въ Шеловъ съ большими

деньгами и дорогими вещами, потому что до первых был большой охотник Зоричъ, а до вторых его братъ. „Вотъ почему я такъ обрадовался, когда мнѣ удалось, наконецъ, обмѣнять у одного Жида всѣ свои деньги и вещи на векселя...» Последнія слова онъ проговорилъ у самого уха Салморана и съ досадою прервалъ рѣчь, замѣтивъ крайнюю разсѣянность послѣдняго, который, вазалось, слушалъ его только изъ приличія, а самъ продолжалъ тревожно посматривать то на жену, то на Зорича, то на старшаго графа. Черезъ нѣсколько минутъ все общество шумно разошлось по другимъ комнатамъ и предалось обычнымъ развлеченіямъ.

Между тѣмъ, „среди веселостей всеневныхъ“, въ Шеловѣ пронеслись глухіе толки о какихъ-то подозрительныхъ ассигнаціяхъ. Съ нѣкотораго времени торговцы стали особенно внимательно разсматривать получаемыя ими сторублевья бумажки и, наконецъ, вовсе отказываться принимать ихъ. Однажды, младшій графъ, обмѣнивая у одного Еврея деньги, далъ ему ассигнацію. Тотъ, пристально посмотрѣвъ на нее въ свѣту, попросилъ позволенія сбѣгать съ нею домой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратилъ ассигнацію назадъ, увѣряя, что не нашелъ денегъ дома. Въ другой разъ въ Зановичу приходилъ еще одинъ Еврей и также просилъ обмѣнять 500 рублей на ассигнаціи. Зановичъ отсчиталъ ему требуемую сумму бумажками разныхъ достоинствъ: 25-ти, 50-ти и 100-рублевыми. Принимая деньги, Еврей молча откладывалъ въ сторону сторублевья ассигнаціи и объявилъ, наконецъ, что не приметъ сторублевокъ, „потому что не любитъ ихъ“.

Въ это самое время, именно въ апрѣлѣ 1783 года, князь Потемкинъ, по пути въ Могилевъ, захалъ въ Шеловъ, и, чтобъ показать Зоричу, что онъ не имѣетъ къ нему никакой ненависти и забылъ старую ссору, прогостилъ въ его замкѣ цѣлыя сутки ¹⁾. Зоричъ, не зная чѣмъ развлечь причудли-

¹⁾ Записки Энгельгардта, стр. 27.

ваго князя, показалъ ему свое училище, но, по удостовѣренію Салморана, могъ вывести въ парадъ только 12 кадетъ, по той будто-бы причинѣ, что 16 кадетъ лежали въ больницѣ, а у 32-хъ—не было „штановъ“. Подъ вечеръ, одинъ Шкловскій Еврей Давидъ Мовшовичъ, явился въ помѣщеніе, занятое Потемкинымъ, и сталъ неотвязно просить позволенія переговорить съ княземъ наединѣ. Князь прошелъ съ нимъ въ особую комнату. Евр ѣ показывалъ ему сторублевую ассигнацію. Князь долго разсматривалъ ее и, не находя въ ней ничего особеннаго, досадливо проговорилъ: „Ну, чтѣ же тутъ, покажи!“ Тогда Еврей показалъ, что вмѣсто ассигнація, напечатано ассигнація. „Гдѣ ты ее взялъ?“—Если вашей свѣтлости угодно, я вамъ черезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ ¹⁾. Послѣ продолжительной бесѣды съ Евреемъ, князь сказался нездоровымъ и на другой день уѣхалъ назадъ въ свое помѣстье Дубровну ²⁾. Въ ту же ночь (на 25-е апрѣля), изъ Шклова поспѣшно выѣхали въ Оршу графъ Аннибалъ Зановичъ и Салморанъ. 26-го апрѣля Зоричъ донесъ Могилевскому намѣстническому правленію, что графъ Аннибалъ Зановичъ, *на дняхъ* пріѣхавшій изъ-за границы, отправился *въ Петербургъ* для освидѣтельствованія ассигнацій, на сумму 90,000 руб., вымѣненныхъ имъ въ Берлинѣ на Голландскіе червонные и на брильянты. А на другой день въ Могилевъ прискакалъ курьеръ отъ Потемкина съ секретнымъ письмомъ въ намѣстническое правленіе, отъ 27-го апрѣля, въ которомъ давалъ знать, что „у Зорича года три какъ живутъ два Рагузинца графы Зановичи, бродяги и промышленники, которые ищутъ фортуны искусствомъ. Одинъ изъ

¹⁾ Записки Энгельгардта, стр. 27.

²⁾ Въ 56 верстахъ отъ Шклова, на большой дорогѣ въ Смоленскъ. Оно было куплено Потемкинымъ у Салѣговъ, а въ послѣдствіи обмѣнено имъ у князя Любомирскаго на мѣстечко Смѣлу, Киевской губерніи. См. *Безъ-Корниловича*, Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Вѣлоруссіи, стр. 219.

братъевъ ѣздилъ въ чужіе края, съ обѣщаніемъ Зоричу на его брильянты сыскать взаимы денегъ, но возвратился съ пустыми руками; послѣ его пріѣзда отправленъ имъ Жйдъ извощикъ, который, какъ сказываютъ, изъ Кенигсберга привезъ шкатулку, провезя ее тайно черезъ границу. По привозѣ шкатулки зачали они обмѣнивать вездѣ ассигнаціи на червонцы, давая большой лажъ и весьма искусно, по-малу, и въ разныхъ мѣстахъ. Сіи ассигнаціи оказались ложными, изъ нихъ одну сюда и доставляю. По такому монетному промыслу все согласуеть. Зоричъ сталъ увѣрять, что онъ 450,000 долгу своего въ 4 года заплатитъ, обращая сіе будто умноженіемъ дохода до 180 тысячъ, котораго ему болѣе 60 тысячъ имѣть никакъ нельзя“.

Когда губернаторъ Энгельгардтъ явился къ Потемкину, тотъ сейчасъ же показалъ ему пукъ ассигнацій и сказалъ: „Видишь, Николай Богдановичъ, у тебя въ губерніи дѣлають фальшивыя ассигнаціи, а ты не знаешь?... Я не хочу, чтобъ ты самъ разслѣдывалъ это дѣло. Я желаю, чтобы въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ не былъ употребленъ Энгельгардтъ, мой родственникъ“¹⁾. Князь вызвалъ изъ Могилева предсѣдателя уголовной палаты Малѣева и поручилъ ему произвести строжайшее слѣдствіе, „не щадя самого Зорича, ежели будетъ въ подозрѣніи“.

Малѣевъ немедленно приступилъ къ порученному дѣлу. По указанію Потемкина, онъ отправился въ Оршу къ полковому командиру князю Долгорукову и узналъ отъ него, что раннимъ утромъ 25-го апрѣля въ Оршу пріѣхали графъ Аннибаль Зановичъ и учитель Салморанъ. Пока воляска ихъ переправлялась черезъ Днѣпръ, оба они заходили къ князю Долгорукову, который самъ слышалъ, какъ графъ Зановичъ говорилъ о своемъ дальнѣйшемъ пути: онъ намѣренъ былъ

¹⁾ Записки Энгельгардта стр. 29.

ѣхать черезъ Смоленскъ въ Москву, тамъ пробыть дня четыре или пять и затѣмъ отправиться въ Петербургъ; оттуда ему хотѣлось ѣхать въ какому нибудь Русскому корпусу, наряжаемому къ Турецкой границѣ. Въ Шкловѣ Малѣеву донесли, что въ коляскѣ Зановича вдѣланы два потаенныхъ ящика съ фальшивыми ассигнаціями и разными инструментами. Въ Могилевѣ Малѣевъ сообщилъ всѣ собранныя имъ свѣдѣнія намѣстническому правленію и указалъ при этомъ, что „донесеніе Зорича не есть сходно съ предпріятымъ намѣреніемъ графа Зановича“. Малѣеву казалось особенно страннымъ показаніе Зорича, что графъ Зановичъ пріѣхалъ изъ-за границы только *на дняхъ*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ пріѣхалъ въ Шкловъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ. Наконецъ, по мнѣнію Малѣева, Зоричу, какъ владѣтелю мѣстечка, можно было бы безпрепятственно арестовать Зановича, не дожидаясь пока тотъ самъ выѣдетъ изъ Шклова. Въ заключеніе, Малѣевъ доносилъ, что по полученному имъ свѣдѣнію, въ Шкловѣ проживаетъ другой Зановичъ, старшій братъ уѣзвшаго, который точно также занимается обмѣномъ фальшивыхъ ассигнацій на золото, давая за каждый Голландскій червонецъ по три рубля ассигнаціями.

Вслѣдствіе этого донесенія, Могилевское намѣстническое правленіе тотчасъ же разслало эстафеты въ Москву, Петербургъ и т. д., съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а Малѣеву, вмѣстѣ съ земскимъ исправникомъ, уѣзднымъ стряпчимъ и губернскими драгунами, поручено немедленно отправиться въ Шкловъ для скорѣйшаго задержанія графа Марка Зановича и ревизіи его имущества.

Малѣевъ пріѣхалъ въ Шкловъ ночью. Графъ Зановичъ, котораго онъ засталъ уже въ постели, тотчасъ же былъ отправленъ, подъ карауломъ, въ Могилевъ и тамъ доставленъ въ намѣстническое правленіе. Съ Зорича взята подписка не выѣзжать изъ дома, пока не дастъ отвѣта на допросные

пункты ¹⁾). Поиски Малѣева на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ. Въ квартирѣ Зановича ничего подозрительнаго не оказалось. Найдено было только около 2000 рублей золотомъ, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и шесть писемъ изъ Брюсселя, подписанныхъ буквой В. Всѣ письма были написаны по Итальянски и относились къ тому времени, когда младшій графъ вернулся въ Шеловъ. Особа, писавшая ихъ, говоритъ вездѣ въ мужскомъ родѣ, однако по всему видно, что это была женщина. Она часто напоминаетъ о неизмѣнной любви и „чувствительности“ къ графу Аннибалу, общавшему будто бы помогать ей деньгами, удивляется его молчанію и подозрѣваетъ, что онъ бросилъ ее; потомъ утѣшается, что получила наконецъ сердечное письмо отъ *своего* *гг. Анн.* и все-таки жалуется, что имѣетъ недостатокъ въ весеннемъ и лѣтнемъ платьѣ и общаетъ не входить въ долги до новаго пріѣзда графа. Далѣе упоминается о какихъ-то Амстердамскихъ векселяхъ на Зорича; о контрактахъ, заключенныхъ имъ со вдовою Бергинееръ о поставкѣ ему кружевъ, полотенеъ, столоваго бѣлья, батисту, и съ неизвѣстнымъ купцомъ, обязавшемся поставлять въ Шеловскій замокъ вина, сахаръ и кофе. Въ послѣднемъ письмѣ категорически извѣщается, что графъ Огинскій ищетъ занять въ Голландіи 100,000 цѣнниковъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію въ имѣющемся у насъ извлеченіи изъ дѣла о Зановичахъ, не имѣется ни запросныхъ пунктовъ, ни отвѣтовъ Зорича. Только изъ помѣщеннаго тамъ рапорта Могилевскаго намѣстническаго правленія сенату (отъ 4-го мая), мы узнаемъ, что Зорича спрашивали: когда именно пріѣхалъ Зановичъ изъ-за границы, отъ кого узналъ Зоричъ о привозѣ имъ ассигнацій и объ отвѣдѣ съ оними въ Петербургъ. Зоричъ отвѣтилъ весьма глухо и только на первый вопросъ, что Зановичъ пріѣхалъ въ Шеловъ *въ февраль*. Намѣстническое правленіе находило это донесеніе противорѣчащимъ первому рапорту Зорича, и что „таковымъ разнорѣчивымъ показаніемъ Зоричъ не только на Зановичевъ подаетъ большое подозрѣніе, но и себя означаетъ крайне неосторожнымъ, потому что, вѣдая о сихъ ассигнаціяхъ и самого Зановича, имѣя въ Шеловѣ, не арестовалъ и далъ свободно съ ассигнаціями выѣхать“. Однако новаго объясненія отъ Зорича почему-то не было требовано.

На допросѣ въ намѣстническомъ правленіи, графъ Маркъ Зановичъ отговаривался полнѣйшимъ невѣдѣніемъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ; на вопросы отвѣчалъ нѣхотя, небрежно. По замѣчанію секретаря Ремаре ¹⁾, онъ старался болѣе блистать умомъ, чѣмъ говорить истину. „Я знаю одно“; говорилъ Зановичъ „что братъ мой уѣхалъ въ Петербургъ свидѣтельствовать привезенныя имъ изъ-за границы ассигнаціи, но фальшивыя онѣ, или нѣтъ, рѣшать не берусь, потому что не признаю себя экспертомъ въ этомъ дѣлѣ. Что же касается до *дѣланія* ассигнацій, то я считаю это занятіе самымъ негоднымъ и опаснымъ средствомъ къ обогащенію. Я знаю довольно много способовъ, которые гораздо проще, искуснѣе и ни мало не опасны; почему для пріобрѣтенія денегъ никогда и не подумаю дѣлать ассигнаціи“.

Въ то время, какъ въ Могилевѣ допрашивали графа Марка Зановича, въ Москвѣ полицейская команда задержала 2-го мая у самой заставы коляску и двѣ повозки. Въ первой сидѣли графъ Аннибаль Зановичъ и учитель Салморанъ, а въ повозкахъ тѣснилась графская свита, состоявшая изъ слѣдующихъ лицъ: корнетъ Осипъ Березовскій, два камердинера Французы, Лефранкъ и Лаперъ, крѣпостные люди Зорича—Семень Березинскій, Кирила Ильинъ и Захаръ Барыковъ и, наконецъ, писарь Зоричевъ, Иванъ Просоновичъ.

Зановичъ сейчасъ же былъ отведенъ къ главнокомандующему графу З. Г. Чернышеву, который принялъ его съ полнымъ презрѣніемъ и безпрестанно называлъ плутомъ. При графѣ Зановичѣ найдено слишкомъ 700,000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ, поддѣльныя карты и собственноручное письмо его на имя императрицы ¹⁾.

¹⁾ Ремаре занималъ должность секретаря по иностраннымъ дѣламъ у генераль-губернатора Могилевскаго и Полоцкаго намѣстничества.

²⁾ Вотъ текстъ этого письма: „Въ жестокой необходимости потерять все мое имѣніе или сдѣлаться преступникомъ, не колеблюсь я избрать первое. Послѣ претерпѣнныхъ убытковъ, послѣ несчастливыхъ приключеній,

На допросѣ въ тайной экспедиціи графъ Аннибалъ Зановичъ давалъ крайне сбивчивыя показанія, безпрестанно

удалось мнѣ въ послѣдній поѣздъ въ чужіе края выиграть деньгами и вещами около 30.000 червонныхъ. Одинъ Бѣлорусскій Жидъ, именовъ Исаакъ Каймаковичъ, знавшій меня въ Спа, увѣдомясь, что я ѣду обратно въ Россію, предложилъ мнѣ въ Берлинѣ, гдѣ я опять его нашель, чтобъ я промѣнялъ деньги и вещи на ассигнаціи, о которыхъ сказывалъ онъ мнѣ, что получилъ ихъ въ Кенигсбергѣ, въ платежъ за товаръ; а какъ по дѣламъ его надлежало ему съѣздить во Францію и въ Германію, и по сему должно было обмѣнить ассигнаціи на монету. то я, вѣдая о великой прибыли отъ такого промѣна, послѣ многихъ разговоровъ отдалъ ему свои деньги, считая по 3 руб. за каждый червонецъ и продалъ по выгодной цѣнѣ всѣ вещи, которыя я хотѣлъ сбыть. Пріѣхавъ въ имперію Вашего Величества и будучи въ Шкловѣ у его превосходительства генераль-маіора Зорича, съ кимъ я имѣю связь, по причинѣ одинаковаго происхожденія нашихъ фамилій, началъ я употреблять свои ассигнаціи и промѣнивать ихъ въ случаяхъ надобностей; но братъ мой, находящійся тоже при помянутомъ генераль-маіорѣ и знающій больше Россію, нежели я показалъ мнѣ мою нерасторопность въ томъ, что я въ чужихъ краяхъ и съ неизвѣстнымъ Жидомъ вошелъ въ такое важное дѣло, и стращалъ меня безпрестанно подозрѣніями своими, что тѣ ассигнаціи могутъ быть фальшивыя. Понуждаемъ представленіями его отвращеніемъ, которое онъ имѣлъ къ сему дѣлу и собственнымъ моимъ сомнѣніемъ въ столь нѣжной матеріи, вознамѣрился я сложить у престола Вашего Императорскаго Величества сумму 77,000 рублей, состоящую изъ ассигнацій, дабы Ваше Величество благоволило повелѣть разсмотрѣть оныя и возвратитъ мнѣ ихъ, если онѣ настоящія, или уничтожить, когда фальшивыя. Въ такомъ случаѣ былъ бы я причиною величайшаго несчастья невиннаго моего брата, который бы пострадалъ за мою безразсудливость. Почему, позабывая о самомъ себѣ, осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что великодушіе безсмертной монархини не допуститъ, чтобъ онъ былъ въ тягость своимъ друзьямъ или преданъ настоящему отчаянію; я же готовъ дать подробный отчетъ во всемъ томъ, что отъ меня потребуютъ. Я ищу только, чтобъ спасти мою честь отъ упреканій и поговорокъ народныхъ, прибѣгая прямо къ престолу Вашего Величества для сего важнаго объясненія. Я бы могъ предать забвенію сіе столь злочлчательное для меня происшествіе, терзаемъ тысячею размышленій, могъ бы снести мою потерю, чтобъ не повредить моей чести и моего спокойствія, но наконецъ почелъ за лучшее предать все правосудію и милосердію Вашего Императорскаго Величества, будучи увѣренъ, что судьба моя не заставитъ меня никогда сожалѣть о такомъ поступкѣ, о которомъ проворливость Вашего Императорскаго Величества лучше заключить можетъ, нежели я могу изъяснить Сердце мое, облегченное теперь правотою души моей, ожидать будетъ только того, что премудрость и справедливость умѣряемая милосердіемъ Вашего Величества, повелять. Помилуйте!“

удивляясь, почему онъ задержанъ въ Москвѣ въ то время, какъ онъ ѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ представить императрицѣ привезенныя имъ изъ-за границы ассигнаціи, и въ доказательство указывалъ на письмо, изготовленное на имя государыни. Какъ бы ставнувшись съ братомъ, онъ запирался во всемъ и ловко уклонялся отъ прямого и опредѣленнаго отвѣта на предлагаемые вопросы, но за то безконечно долго рассказывалъ о своихъ походахъ по Европѣ. Въ заключеніе онъ отказался даже приложить свою руку къ записанному съ его словъ показанію. „Меня примѣчаютъ какъ разбойника, а не какъ человѣка благороднаго!“ запальчиво вскрикнулъ Зановичъ. „Здѣсь я больше ничего не скажу. Я все расскажу самой императрицѣ... Ржевскій и многіе другіе господа знаютъ, что я добрый человѣкъ!“

Салморанъ, на предложенные ему вопросы, отвѣтилъ, что выѣхалъ изъ Шклова для покупки лексиконовъ и другихъ вещей для училища. Дорогой графъ ничего не говорилъ ему объ ассигнаціяхъ и только разъ, какъ бы проговорившись, сказалъ, что имѣеть доложить императрицѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ и надѣется быть представленнымъ ея величеству имѣя, будто бы „случай въ Бецкомъ“. Въ Смоленскѣ къ графу явился Шкловскій житель Симоніани и, отведя его въ другую комнату, вручилъ запечатанное письмо. „По уходѣ графа, говорилъ Салморанъ, я нечаянно вышелъ въ ту комнату и, увидя на столѣ какую-то простую бумагу, взглянулъ на нее и, примѣтивъ, что это письмо изъ Шклова отъ старшаго Зановича и написано по Итальянски, наскоро пробѣжалъ его“. Въ письмѣ этомъ не было ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе Салморанъ замѣтилъ, что графъ сталъ задумчивѣе и даже забывался будто-бы до такой степени, что воссыщалъ по Итальянски: „Теперь братъ будетъ читать всѣ мои письма изъ-за границы! Ахъ, отчего я не въ Петербургѣ!“

Камердинеръ Зановича, Французъ Лефранкъ показалъ, что графъ привезъ изъ-за границы двѣ шватулки: одну изъ нихъ онъ оставилъ у брата, а другую взялъ съ собою въ Москву, и что на Толочинской таможенной заставѣ вовсе не былъ осматриваемъ тотъ камердинеръ, который везъ графскій гардеробъ.

Но самое важное показаніе снято съ другого камердинера Француза Лапера. Лаперъ говорилъ, что онъ былъ нанятъ графомъ Зановичемъ въ Брюсселѣ, въ сентябрѣ 1782 года, и находился при немъ до самого пріѣзда въ Шеловъ. Пять или шесть недѣль онъ не зналъ, какъ зовутъ его барина, потому что всѣ посѣщавшіе господа называли его просто графомъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, продолжаетъ Лаперъ, графъ Зановичъ и банкиръ Сиронваль сѣли въ почтовую карету и уѣхали на охоту, „но дичь завела ихъ до самого Парижа“, гдѣ они пробыли восемь дней. По возвращеніи домой, графъ нѣсколько дней сряду торговался съ типографщикомъ Гударомъ и купилъ наконецъ у него за три луидора ручной типографскій станокъ. Послѣ этой купли графъ измѣнилъ образъ жизни и каждый день строго соблюдалъ слѣдующій порядокъ: вставалъ въ 8 часовъ утра, одѣвался и ожидалъ Гудара; по приходѣ послѣдняго, подавался шоколадъ, а черезъ полчаса оба они отправлялись въ кабинетъ, запирались на замокъ и работали тамъ до перваго часа пополудни. За тѣмъ обѣдали. Во все это время графъ не приказывалъ никого принимать къ себѣ. Къ ужину собирались обычные посѣтители графа: банкиръ Сиронваль, адвокатъ Тутиеъ и еще какой-то купецъ. Въ 11 или 12 часовъ гости расходились по домамъ, а графъ приказывалъ принести въ кабинетъ дровъ и работалъ одинъ до самого утра. Квартира графа находилась въ одинокомъ флигелѣ надъ сараемъ, а потому ночныя работы графа беспокоили одну только хозяйку сосѣдняго питейнаго дома, которая каждый день съ досадой говорила Лаперу, что опять не могла уснуть отъ

шума въ графской комнатѣ: „Что это онъ право... Стучнетъ два раза и выжидаетъ... потомъ опять... и такъ всю ночь на пролетъ!“ Даже служители питейнаго дома нерѣдко спрашивали у Лапера: „Что за чортъ, что твой господинъ такъ стучить по ночамъ?“ За три дня до отъѣзда изъ Брюсселя, Лаперъ видѣлъ въ кабинетѣ графа, передъ каминомъ, восемь большихъ пакетовъ, съ крупною надписью на каждомъ: A. S. M. I. D. T. L. R. (A Sa Majestè Imperiale De Toute La Russie). Кромѣ того, онъ видѣлъ два валька, вѣсомъ отъ 45 до 50 фунтовъ. Въ Ахенѣ, объяснялъ Лаперъ, Зановичъ со своею челядью, пробылъ три дня, и во все это время карета графа оставалась запертою; изъ нея была вынута только шкатулка. Въ Берлинѣ графъ жилъ семь дней и выходилъ изъ квартиры только по вечерамъ; къ нему часто приходилъ въ то время какой-то Итальянскій купецъ. По пріѣздѣ въ Шьловъ, Лаперъ поступилъ камердинеромъ къ Зоричу, но скоро соскучился по родинѣ и просилъ расчета; однако графъ настоятельно уговаривалъ его остаться, увѣряя, что скоро поѣдетъ съ нимъ въ Англiю. Лаперъ слышалъ отъ Лефранка, что привезенные изъ-за границы вальки стали гораздо легче. Въ заключеніе Лаперъ положительно объявилъ, что ни въ Брюсселѣ, ни въ Берлинѣ онъ не видѣлъ у графа никакихъ брильянтовыхъ вещей; что въ шкатулкѣ графа лежали три или четыре золотыя табакерки, да столько же часовъ, купленныхъ въ Дюссельдорфѣ; однако, всѣ они вмѣстѣ стоили никакъ не больше 2000 рублей.

Послѣ допроса въ тайной экспедиціи, Салморанъ написалъ къ графу Чернышеву длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, высказываетъ надежду, что „вложивъ чашу въ вретнице Веніаминово, убоится Бога и будетъ столько совѣстенъ, что не захочетъ быть причиною несчастія неповинныхъ, которые чрезъ безразсудныя распоряженія принуждены были ѣхать въ такой злоключительной компаніи“. Послѣ такого вступленія, Салморанъ говорить: „Я почту за

верхъ моего благополучія, чтобъ жить у вашего сіятельства и посвятить малыя свои дарованія службѣ такому господину, коего высокія знанія, разумъ и великодушіе извѣстны всей имперіи. Отличныя дарованія жены моей въ пѣніи, въ музыкѣ, въ играніи на клавикордахъ и театральныхъ представленіяхъ могли бы пригодиться для компаніи ея сіятельства... Я же, съ своей стороны, употреблю всѣ свои силы, „чтобы свѣдѣнія мои въ наукахъ были не бесполезны.“ Дѣло въ томъ, что Салморанъ желалъ тогда поступить на службу къ графу Чернышеву, въ качествѣ его секретаря или адъютанта ¹⁾. Послѣднее мѣсто графъ Чернышевъ предлагалъ ему еще пять лѣтъ тому назадъ, но съ такимъ малымъ жалованьемъ, что Салморанъ не могъ въ то время принять это предложеніе, потому что, кромѣ другихъ расходовъ, онъ долженъ былъ еще содержать своего племянника, только что пріѣхавшаго изъ Франціи и служившаго въ Михельсоновомъ полку. Салмораново письмо къ Чернышеву оканчивалось такъ: „Судьба моя состоитъ въ вашихъ сильныхъ и правосудныхъ рукахъ... Но я знаю, что вы, имѣя суровость Катону, справедливы какъ Аристидъ!“.

Императрица со вниманіемъ слѣдила за ходомъ дѣла, возникшаго въ помѣстьѣ Зорича, и для полнаго уясненія его пожелала имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ живущихъ въ Шкловѣ. Князь Потемкинъ, въ письмѣ къ генераль-губернатору Пассеку, ¹⁾ отъ 18-го мая, предписывалъ: „немедленно переписать всѣхъ живущихъ въ Шкловѣ людей, съ показаніемъ породы ихъ, времени пребыванія, причинъ

¹⁾ Нужно замѣтить, что Салморанъ былъ также капитаномъ Польскихъ войскъ, какъ это значится на заголовкахъ его показаній.

²⁾ Петръ Богдановичъ Пассекъ (1736—1804 г.), одинъ изъ пособниковъ восшествія Екатерины на престолъ, былъ генераль-губернаторомъ Могилевскаго и Полоцкаго намѣстничествъ съ 1782 года до самого воцаренія Павла, который уволилъ его отъ службы, съ запрещеніемъ вѣзжать въ столицу.

такого пребыванія, упражненія и состоянія их“. 2-го іюня Пассекъ отвѣтилъ князю Потемкину письмомъ-же съ надписью *секретно*: „....Представляю при семъ къ вашему сіятельству „свѣдѣнія о всѣхъ въ Шьловѣ живущихъ, собранныя Ма- „лѣвнымъ, а равноѣрно и экстрактъ со всего дѣла, въ на- „мѣстническомъ правленіи имѣющагося, также и особенно „чинимые графу Зановичу допросы на Французскомъ языкѣ „и взятое отъ него объясненіе въ оригиналѣ и въ копіи, „какой онъ націи и какого состоянія человекъ¹⁾. Ваше сі- „ятельство изъ экстракта усмотрѣть изволите странныя пока- „занія, яко то жидъ Берковичъ утвердился, что онъ былъ „посланъ Семеномъ Гавриловичемъ Зоричемъ для привезе- „нія двухъ ящиковъ съ картами; сіе подтверждается и ра- „портомъ главнаго таможеннаго надзирателя, что г. Зоричъ „писалъ къ нему письмо о пропускѣ сихъ ящиковъ съ кар- „тами, прося, что какъ оныя для его камердинеровъ, и пош- „лина за нихъ невелика, то онъ г. Зоричъ за того жида и „отвѣчаетъ; но я, сомнѣваясь, какимъ образомъ и черезъ кого „могутъ его камердинеры выписывать прямо, старался оты- „скать фрактъ-брифъ, который, съ немалымъ трудомъ до- „ставъ, при семъ прилагаю, изъ коего усмотрѣть изволите, „что сіи карты получены, адресованныя въ Кенигсбергъ „Есъ-Паніаку и Шумаху изъ Берлинской конторы отъ Зала „Фарони и К⁰ на имя графа Зановича, а не камердинеровъ „г. Зорича. По показанію-же жида Шмуылы Гиршовича „въ намѣстническомъ правленіи явствуетъ, яко бы сей жидъ „видѣлъ въ покояхъ г. Зорича ящикъ, у коего крышку под- „нималъ находящійся при немъ карла, а тогда онъ, Гир- „шовичъ, примѣтилъ, что въ томъ ящикѣ карты положены „только сверху, подъ ними-жъ навлadenы были ассигнаціи. „Не меньше удивляетъ меня и то, что отыскана подорожная „за рукою его, г. Зорича, у находящагося въ Шьловѣ Грека

¹⁾ Поименованные здѣсь документы намъ не извѣстны.

„Симуніани, который былъ отъ старшаго Зановича посланъ
„въ слѣдъ съ письмомъ къ отъѣхавшему изъ Шклова съ
„ассигнаціями къ Москвѣ меньшому Зановичу. Сей Грекъ
„показалъ, что онъ привезъ въ отвѣтъ письмо отъ меньшого
„Зановича къ большому брату Зановичу, но возвратясь
„въ Шкловъ, свѣдалъ, что старшій Зановичъ уже взятъ подъ
„карауль, то и привезенное имъ письмо отдалъ г. Зоричу.
„Что же принадлежитъ до находящагося здѣсь старшаго
„брата Зановича, то видно сему молодцу уже не первина
„быть въ допросахъ, что усмотрѣть изволите изъ его объ-
„ясненія... Въ отысканіи жъ инструментовъ стараніе прила-
„галь я всевозможное, нанималъ людей, которые ночью въ
„колодезяхъ и въ прудѣ въ Шкловѣ искали, но не нашли;
„равномѣрно посылалъ искать по берегу рѣки Днѣпра, въ
„разсужденіи, что когда рѣка въ свои берега входитъ на-
„чала, то могло бы на берегахъ или въ пескѣ остаться что
„брошенное, но нигдѣ ничего не нашли“.

Вслѣдъ за тѣмъ князь Потемкинъ, въ письмѣ къ Пас-
секу, отъ 2-го іюня, передалъ ему приказаніе императрицы
удерживать Зорича отъ поѣздки въ Петербургъ и почаще
присылать курьеровъ съ увѣдомленіемъ о ходѣ дѣла Зано-
вичей. Но письмо это пришло въ Могилевъ, когда Зорича
уже не было въ Шкловѣ. 28-го мая онъ уѣхалъ въ Петер-
бургъ. Отъ 6-го іюня Пассекъ отвѣчалъ князю Потемкину,
что когда Зоричъ требовалъ подорожной для проѣзда въ Пе-
тербургъ, то „онъ не осмѣлился воспретить дать ему оную,
дабы не понестъ какого неудовольствія... Я помышлялъ самъ
посоветовать Зоричу не ѣздить въ Петербургъ, но увѣренъ
будучи, что онъ не послушаетъ, то сей совѣтъ оставилъ; а въ
доказательство его немедленности здѣсь сказать могу, когда
онъ, г. Зоричъ, по тремъ указамъ изъ правительствующаго се-
ната не отдалъ диплома, то могъ-ли бы онъ отъ меня принять
совѣтъ съ уваженіемъ, а напротивъ бы сталъ всѣмъ раз-
сказывать, что онъ совѣтъ отъ меня слышалъ, но не уважалъ,

ѣдетъ въ Петербургъ“. Въ особой припискѣ Пассекъ говоритъ, что не можетъ не указать на Француза Салморана: „Если хорошенько поразспросить его, то можно много отъ него свѣдать, въ чемъ Зановичи таятъ, яво то объ инструментахъ, и гдѣ они ассигнаціи печатали. Онъ, Салморанъ, безразлично съ меньшимъ Зановичемъ былъ, да и здѣсь находящаго подерѣпляеть“. Вскорѣ по отправкѣ этого письма, въ квартирѣ Зановичей отысканы подъ поломъ всѣ инструменты для дѣланія ассигнацій, по открытіи чего графъ Маркъ Зановичъ былъ немедленно отправленъ въ Петербургъ ¹⁾).

На бѣду Салморана, въ это-же время былъ задержанъ одинъ Шеловскій Еврей съ фальшивыми ассигнаціями. На допросѣ Еврей показалъ, что получилъ ассигнаціи отъ учителя Салморана. Начались новые допросы. Салморанъ поспѣшилъ представить свой письменный отвѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Подробное объясненіе на одинъ только пунктъ, въ которомъ меня почитаютъ виновнымъ*. „Я очень хорошо помню“, говоритъ Салморанъ, „что графъ, окрестя ребенка одного изъ музыкантовъ его превосходительства, избралъ этотъ день, чтобъ подарить метрдотелевой дочери, а своей кумѣ, которая, стороною сказать, весьма пригожа, 500 рублей“. Графъ желалъ сдѣлать этотъ подарокъ золотомъ и спросилъ будто бы Салморана, не можетъ ли онъ обмѣнять ему ассигнаціи на червонцы. Салморанъ, вмѣсто отвѣта, послалъ за Шкловскимъ Евреемъ-мѣнялой, а графъ сейчасъ-же отсчиталъ три сторублевыхъ ассигнаціи и положилъ ихъ на клавирорды. „Израильтянинъ“ сейчасъ же явился и отсчиталъ на клавирордахъ же 130 червонцевъ, а Салморанъ, „по добродушію своему, бросилъ обрѣзанцу тѣ три ассигнаціи, которыя графъ оставилъ на клавирордахъ“.

Это послѣднее объясненіе, кажется, было уважено, потому что вскорѣ послѣ того Салморанъ представилъ сенату рядъ

¹⁾ Записки Энгельгардта, стр. 34.

записокъ, въ которыхъ говорить болѣе о другихъ предметахъ, и къ тому же въ такомъ тонѣ, который свойственъ человѣку, окончательно оправдавшемуся отъ ложныхъ обвиненій. Въ первой запискѣ Салморанъ жалуется на „слабость душевныхъ силъ отъ пятидесятидневнаго содержанія подъ стражей въ тайности, молчаніи, безъ книгъ“. Далѣе онъ говоритъ: „Невинность моя довольно уже доказана, а потому, противъ обыкновенія всѣхъ ученыхъ людей, буду говорить о себѣ мало“. Однако Салморанъ не сдержалъ своего слова, потому что разговорился о себѣ на пяти листахъ, восхваляя безпрестанно свои прекрасныя качества и таланты. Доведя рассказъ до несчастнаго приключенія у Московской заставы, Салморанъ останавливается и горько сѣтуетъ на свою несчастную долю: „Шестеро несчастныхъ, раздѣляющихъ со мною горестное состояніе, не столько жалки, какъ я. Они почти всѣ холосты или рабы; я же имѣю званіе, принадлежу весьма честной фамиліи, имѣю отца стараго воина и наполненнаго чести, мать самую добродѣтельнѣйшую женщину, 14 сестеръ и 5 братьевъ, всѣ живые; они не богаты, но всѣ наполнены достойными рожденія своего качествами. Я связанъ къ любезной женѣ, къ одному дитяти, отнятому отъ груди, къ другому, который еще сосетъ, и къ третьему, дышащему въ утробѣ почтенной моей супруги: словомъ, я принадлежу 60 отцамъ или матерямъ, ввѣрившимъ мнѣ дѣтей. Я долженъ оправдать мою честь предъ ними, предъ имперіей, предъ моимъ отечествомъ, предъ всею вселенною!“

Въ слѣдующей запискѣ Салморанъ пробуетъ охарактеризовать графовъ Зановичей, но къ сожалѣнію, самъ сознается, что „для легкомысленной Французской головы трудно проникнуть пропасть и темную глубину Италіанскаго сердца“. Старшій Зановичъ, по описанію Салморана, имѣетъ „гибкій, ловительный разумъ“ и привлекательную наружность. Всякое предпріятіе, какое бы онъ ни задумалъ, всегда удавалось ему. Онъ упорно шелъ къ той цѣли, которую разъ

назначалъ себѣ, и при этомъ походилъ то на хамелеона, мѣняющаго цвѣта, то на гребца, обращающагося спиною къ тому мѣсту, къ которому намѣренъ пристать. Но что особенное поражаетъ въ немъ, чего Салморанъ никакъ не ожидалъ отъ человѣка, родившагося при „подошвѣ горы Монтенегро“,—это многостороннее образованіе графа. Салморанъ сознается, что графъ Маркъ даже плѣнялъ его своими обширными свѣдѣніями. Младшій Зановичъ много уступалъ брату и по уму, и по образованію, и по наружности. Съ своею необузданною запальчивостію и скрытностію онъ смотрѣлъ „настоящимъ Монтенегриномъ“. Сравнивая обоихъ братьевъ, Салморанъ называетъ старшаго лисицей и змѣей, а второго—медвѣдемъ и львомъ. Первый былъ способецъ задумывать предпріятія, а второй—исполнять ихъ. Но при всемъ томъ, Салморанъ увѣряетъ, что никогда не подозрѣвалъ, чтобъ люди „такой знатной фамиліи“, какъ Зановичи, могли рѣшиться на ужасное преступленіе, о которомъ онъ узналъ, будто бы, только на дняхъ. Потомъ идутъ на нѣсколькихъ страницахъ общія разсужденія о степени виновности Зановичей, а въ концѣ записки Салморанъ уже указываетъ правительству, какъ нужно поступить для полнѣйшаго раскрытія преступленія Зановичей: онъ совѣтуетъ разослать въ разныя мѣста Европы искуснѣйшихъ агентовъ, чтобъ они побывали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливался Зановичъ, „пробѣдывали бы объ его поступкахъ и упражненіяхъ, подслушивали бы, высматривали... Поиски должны быть ведены съ хитростію, прозорливостію и даже съ обманомъ, ибо въ такихъ обстоятельствахъ и онъ позволителенъ... Доказательствомъ можетъ служить успѣхъ въ открытіи зловредныхъ умысловъ Пушкина и Ботарда въ 1772 г. и Шампаніолотовыхъ—въ 1776 году“¹⁾).

¹⁾ Зловредные замыслы Пушкина заключались также въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Объ этомъ см. „Осми. Вѣкъ“, I, 95 и сл.

Послѣдняя записка Салморана наполнена жалобами на Зорича за неплатежъ жалованья и долговъ. Изъ приложеннаго реестра мы узнаемъ, что Зоричъ остался долженъ Салморану 14,158 рублей съ копѣйками. Нѣкоторыя статьи этого реестра заслуживаютъ быть выписанными:

„... Дано учителю Французскаго языка на сапоги, чулки и башмаки. 3 руб.

„За повраденныя крѣпостною его превосходительства дѣвкой у жены моей вещи, которыя эта дѣвка отдала любовнику своему парикмахеру его превосходительства, за чтѣ его превосходительство обѣщала моей женѣ заплатить 200 руб.

За два года, въ которые жена моя пѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей, употребляя для сего свое платье, требуетъ она не 10,000 руб., которые его превосходительство обѣщала ей однажды, когда она безпримѣрно хорошо играла, но только по 100 руб. на мѣсяцъ, чтѣ составляетъ за два года, въ которые она не получила ни копѣйки 2,400 руб.

„За представленія мною комедій и оперъ въ два года, на чтѣ я употреблялъ свое платье и сочинялъ самъ тѣ комедіи, въ разсужденіи, что я не имѣю ничего оставить дѣтямъ моимъ, кромѣ плодовъ, которые я получаю отъ моихъ дарованій, требую я 800 руб.

Долженъ мнѣ по игрѣ въ вистъ 38 руб.

и т. д.

Но чтѣ особенно любопытно, Салморанъ предлагаетъ правительству послать его за границу для разслѣдованія дѣла Зановичей: „Я употреблю такіе происки“, говоритъ Салморанъ, „что развѣ представится физическая невозможность, чтобъ я не раскрылъ сего неистоваго умысла“. Онъ обѣщаетъ посѣтить Берлинъ, Брюссель и Амстердамъ, увѣряя, что эти

города хорошо извѣстны ему, потому что онъ по-долгу живаль въ нихъ и даже печаталь тамъ свои сочиненія, которыя теперь продаются, будто бы, въ Петербургѣ, у книгопродавца Вейтбрехта и въ Москвѣ у Ридигера. Въ случаѣ успѣшнаго окончанія порученія, продолжаетъ Салморанъ, „мнѣ должны дать мѣсто, приличное моимъ знаніямъ, на примѣръ, при библиотекѣ ея величества, ибо я знаю совершенно библиографію, или въ академіи, или наконецъ въ дипломатикѣ, которой я обучался почти всю жизнь и имѣю совершенное понятіе о всемъ, касающемся до мирныхъ трактатовъ, союзовъ и государственныхъ пользъ“.

Салморанъ опоздалъ съ своими услугами. Дѣло графовъ Зановичей было уже рѣшено въ сенатѣ и представлено на утвержденіе государыни. На сенатскомъ докладѣ, отъ 7-го августа 1783 года, Екатерина написала: „Быть по сему“.

Графъ Аннибалъ Зановичъ обвинялся въ привозѣ изъ-за границы завѣдомо фальшивыхъ ассигнацій, а графъ Маркъ Зановичъ—въ сокрытіи преступленія брата. Кромѣ того, оба графа были заподозрѣны въ самомъ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Всѣ остальные подсудимые, въ томъ числѣ и Салморанъ, были оправданы и освобождены изъ-подъ караула, съ обязательствомъ „не дѣлать ни малѣйшаго разглашенія объ извѣстномъ дѣлѣ“. 25-го октября состоялся высочайшій указъ, въ которомъ, между прочимъ, предписывалось: „Зановичей заключить въ Нейшлотскую крѣпость на безъисходное пребываніе на пять лѣтъ, по истеченіи же сего времени намъ доложить“.

Въ 1788 году, Зановичи уже кончали свой срокъ, какъ открылась война съ Швеціею. Во время осады Нейшлотской крѣпости, для защиты ея, выпустили арестантовъ, такъ какъ крѣпостной гарнизонъ оказался очень малочисленнымъ. Братья Зановичи отличились при этомъ особенною ревностью, и своими разумными совѣтами оказали большую услугу въ дѣлѣ обороны крѣпости.

18 сентября 1788 года, генераль-прокуроръ князь А. А. Вяземскій „предложилъ Совѣту, учрежденному при высочайшемъ дворѣ: 1) рапортъ Нейшлотской крѣпости коменданта секундъ-маіора Кузмина, что содержащіеся въ оной иностранцы Марко и Аннибаль Зановичи здоровьемъ слабы, и что совѣтами своими служили къ оборонѣ крѣпости и 2) докладъ правительствующаго сената, испрашивающаго высочайшаго повелѣнія относительно означенныхъ Зановичей, коихъ заключенію назначенный пятилѣтній срокъ кончится 25 октября нынѣшняго года. Совѣтъ разсуждалъ, что какъ Нейшлотскій комендантъ свидѣтельствуеть, что во время осады ввѣренной ему крѣпости, по разсужденію Зановичей, для лучшей обороны отъ непріятеля сдѣланы были укрѣпленія, кои дѣйствительно къ тому служили, то и можно бы по истеченіи помянутаго срока, освобождая ихъ отъ всякаго дальнѣйшаго наказанія за прежнее ихъ преступленіе, выслать ихъ за границу ¹⁾.

Въ тотъ-же день князь Вяземскій получилъ слѣдующій высочайшій указъ:

„Князь Александръ Алексѣевичъ!

Извѣстныхъ Зановичей, по истеченіи срока заключенію имъ опредѣленнаго, повелѣваемъ препроводить къ городу Архангельскому, давъ знать правящему должностъ тамошняго генераль-губернатора генераль-поручику Тутолмину, чтобъ онъ выслалъ ихъ на случающемся кораблѣ внѣ имперіи нашей, подтвердивъ имъ подъ жесточайшимъ наказаніемъ впредь не возвращаться въ границы наши; но буде уже по настоящему позднему времени корабли купеческіе въ море не отправляются, то удержать ихъ, Зановичей, подъ присмотромъ, предписавъ оберъ-коменданту и городничему наблюдать за ихъ поведеніемъ“.

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. I. ч. 2. Сбп. 1869. стр. 734.

Нѣсколько лѣтъ спустя, статсъ-секретарь Еватерины, Храповицкій, въ дневникѣ своемъ, подъ 1793 годомъ, записалъ слѣдующія слова императрицы о Зоричѣ: „Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ дурное; былъ храбръ въ дѣлѣ съ непріателемъ, но лично трусъ. И виноватъ по дѣлу графовъ Зановичей о фальшивыхъ ассигнаціяхъ“¹⁾.

¹⁾ *Николай Барсуковъ. Дневникъ Храповицкаго. Спб 1874. стр. 435.*

С

Цена 1 рубль.

10

25

10

